

ISSN 1998-9911 (Print)  
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 18. № 1

2019



# ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО  
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Главная тема номера: / Mainstream issue:

**«Современная лексикография: традиции и инновации»**

**Modern Lexicography: Tradition and Innovation**

# SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

Volume 18. No. 1

2019



ISSN 1998-9911 (Print)  
ISSN 2409-1979 (Online)



МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ  
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ВЕСТНИК**

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2  
ЯЗЫКОЗНАНИЕ  
2019  
Том 18. № 1

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION  
OF THE RUSSIAN FEDERATION

**SCIENCE JOURNAL**

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2019  
Volume 18. No. 1



SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2019. Vol. 18. No. 1

*Academic Periodical*

First published in 1996

*4 issues a year*

**Mainstream issue:**

***Modern Lexicography: Tradition and Innovation***

Founder:

Federal State Autonomous  
Educational Institution  
of Higher Education  
“Volgograd State University”

Journal is registered by Federal Service for Supervision  
of Mass Media, Communications and Protection of  
Cultural Heritage (Russia) (Registration Certificate  
**ПН № ФС77-25016** of June 29, 2006)

The journal is included into the **Index of Peer-reviewed  
Academic Journals and Publications that must publish  
academic results of doctoral and candidate’s degree  
theses** that came in force on December 1, 2015

Journal is included into **Web of Science Core  
Collection (Emerging Sources Citation Index)**



The journal is also included into the following Russian  
and international databases: **Russian Science Citation  
Index; MLA (USA), CrossRef (USA), DOAJ  
(Sweden), EBSCO (USA), ProQuest (USA),  
CiteFactor (Canada), COPAC\* (Great Britain), Google  
Scholar (USA), Journalindex.net (USA),  
JournalSeek (USA), ULRICHSWEB™ Global  
Serials Directory (USA), OCLC WorldCat® (USA),  
SHERPA/RoMEO (Spain), MIAR (Spain), ZDB  
(Germany), “CyberLeninka” Scientific Electronic  
Library (Russia), “Socionet” Information Resources  
(Russia) et al.**

Address of Editorial Office

Prospect Universitetsky 100, Volgograd, 400062.  
Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48  
E-mail: [vestnik2@volsu.ru](mailto:vestnik2@volsu.ru)

Journal Website: <https://l.jvolsu.com>  
English version of Website: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

Editorial Staff:

Prof. Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor (Volgograd)  
Prof. Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor  
(Volgograd)  
Prof. Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)  
Prof. Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)  
Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary and Copy  
Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof. Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik); Prof. Dr. *N.S. Bolotnova*  
(Tomsk); Prof. Dr. *D. Voyvodich* (Novi Sad, Serbia);  
Prof. Dr. *S. S. Vogeler* (Brussels, Belgium); Prof. Dr.  
*V.Z. Demyankov* (Moscow); Prof. Dr. *N.N. Zapolskaya*  
(Moscow); Prof. Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);  
Prof. Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd); Prof. Dr. *V.I. Karasik*  
(Volgograd); Prof. Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);  
Prof. Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia); Prof.  
Dr. *L.P. Krysin* (Moscow); Prof. Dr. *O.A. Leontovich*  
(Volgograd); Prof. Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);  
Prof. Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Volgograd); Prof. Dr.  
*O.N. Prokhorova* (Belgorod); Prof. Dr. *V.I. Terkulov*  
(Donetsk, Ukraine); Prof. Dr. *E. Hoffmann* (Vienna,  
Austria); Prof. Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd); Prof.  
Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland), Dr. *R. Schmitt*  
(Mannheim, Germany)

Editors, Proofreaders: *N.M. Vishnyakova,*  
*M.V. Rassakhatskaya*

Editor of English texts: *Yu.V. Chemetova*

Making up and technical editing: *O.N. Yadykina*

Passed for printing 18.03.2019.

Date of publication 29.04.2019. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 19,7. Published pages 21,2.

Number of copies 500 (1<sup>st</sup> duplicate 1–67).

Order 61. «C» 6.

Open price

Published in the Publishing House  
of Volgograd State University.  
Bogdanova St. 32, Volgograd, 400062.

E-mail: [izvolgu@volsu.ru](mailto:izvolgu@volsu.ru)

© Volgograd State University, 2018

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2019. Т. 18. № 1

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Главная тема номера:

«Современная лексикография: традиции и инновации»

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-25016 от 29 июня 2006 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базу Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)



Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**; **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **EBSCO** (США), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **СОРАС\*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

Адрес редакции

400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.  
Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48  
E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <https://l.jvolsu.com>  
Англояз. сайт журнала: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шентухина* – главный редактор (г. Волгоград)  
д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)  
д-р филол. наук, проф. *С.В. ИONOVA* (г. Москва)  
д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)  
канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный и технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);  
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);  
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводиц* (г. Нови Сад, Сербия); д-р филол. наук, проф. *С. Вогелер* (г. Брюссель, Бельгия); д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва); д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва); д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург); д-р филол. наук, доц. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград); д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград); д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия); д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия); д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва); д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград); д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург); д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохвятилова* (г. Волгоград); д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород); д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, Украина); д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия); д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград); д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шипелевич* (г. Варшава, Польша); д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия)

Редакторы, корректоры: *Н.М. Вишнякова*,  
*М.В. Рассахатская*

Редактор английских текстов *Ю.В. Чеметова*  
Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 18.03.2019 г.

Дата выхода в свет 29.04.2019 г. Формат 60×84/8.  
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 19,7.  
Уч.-изд. л. 21,2. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–67).  
Заказ 61. «С» 6.  
Свободная цена

Отпечатано в издательстве  
Волгоградского государственного университета.  
400062 Волгоград, ул. Богданова, 32.  
E-mail: izvolgu@volsu.ru

## СОДЕРЖАНИЕ

### ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

#### «СОВРЕМЕННАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ»

- Уфимцева Н.В., Балясникова О.В.  
Языковая картина мира  
и ассоциативная лексикография ..... 6
- Виноградов С.Н. Смысловые категории  
в словарях идеографического типа ..... 23
- Петрова З.Ю., Фатеева Н.А. Словарное описание  
олицетворения как проблема  
поэтической лексикографии ..... 33
- Варламов А.А., Иняшкин С.Г., Горбачева А.В.,  
Семиреченко А.Н., Осадчий М.А., Русецкая М.Н.  
Лексика и сценарии тактильного восприятия  
в аспекте создания  
исследовательского тезауруса ..... 47
- Грачев М.А. Лексикографические проблемы  
составления словарей аргот ..... 62
- Мамонтов А.С., Цэдэндоржийн Э., Богуславская В.В.  
Лингвострановедческий учебный словарь  
для монгольских граждан:  
специфика представления материала ..... 74

#### РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

- Акимова Э.Н., Мочалова Т.И. Репрезентация  
лексико-семантического поля «время»  
в «Словаре русских говоров  
на территории Республики Мордовия» ..... 86
- Лату М.Н., Гукосьянц О.Ю. Прототипичные модели  
взаимодействия терминоединиц  
в терминологической сети ..... 99
- Дегальцева А.В. Семантико-синтаксическая  
адвербиализация в современной разговорной речи ..... 113

#### МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

- Моради Х., Чен Ж. Структурный анализ  
реверсивного переключения и смешения кодов  
персидского и английского языков [На англ.] ..... 122
- Никольская Т.Е., Павлина С.Ю.  
Национально обусловленные аспекты  
восприятия поликодового текста ..... 132
- Ильинова Е.Ю., Цинкерман Т.Н. Прагматика  
коммуникативной тональности в стилистике  
англоязычного воспитывающего диалога ..... 146

#### МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- Жолудева Л.И. Дискурсивный маркер *dico*  
в итальянском языке XVI века ..... 159
- Чекулай И.В., Прохорова О.Н., Кучмистый В.А.  
Механизмы проверсии и реверсии  
в образовании сложных слов  
английского языка ..... 170

- Шунейко А.А., Чибисова О.В. Буддизм  
в поэтическом творчестве Иннокентия Анненского  
[На англ.] ..... 180

- Араева Л.А., Лу С.И. Метод  
пропозиционально-фреймового моделирования  
в обучении иностранным языкам ..... 187

#### ДИСКУССИИ

- Загребельный А.В. Методика  
диахронического анализа авторских паремий  
русского языка: возможности применения ..... 196

## CONTENTS

#### MAINSTREAM ISSUE: MODERN LEXICOGRAPHY: TRADITION AND INNOVATION

- Ufimtseva N.V., Balyasnikova O.V. Language Picture  
of the World and Associative Lexicography ..... 6
- Vinogradov S.N. Semantic Categories  
in Ideographic Dictionaries ..... 23
- Petrova Z.Yu., Fateeva N.A. Description  
of Personification in the Dictionary as a Problem  
of Poetic Lexicography ..... 33
- Varlamov A.A., Inyashkin S.G., Gorbacheva A.V.,  
Semirechenko A.N., Osadchiy M.A., Rusetskaya M.N.  
Lexicon and Scenarios of Touch Perception:  
Towards Developing a Research Thesaurus ..... 47
- Grachev M.A. The Lexicographic Problems  
of Compiling Argot Dictionaries ..... 62
- Mamontov A.S., Tsendendorzhiyn E., Boguslavskaya V.V.  
Linguistic and Country Studies Learner's Dictionary  
for Mongolian Citizens:  
Specifics of Presenting the Material ..... 74

#### EVOLUTION AND FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

- Akimova E.N., Mochalova T.I. Representation  
of the Lexical and Semantic Field "Time"  
in the "Dictionary of Russian Dialects  
on the Territory of the Republic of Mordovia" ..... 86
- Latu M.N., Gukosyants O.Yu. Prototypical Models  
of the Terms Interaction  
in the Terminological Network ..... 99
- Degaltseva A.V. Features  
of the Semantic-Syntactic Process  
of Adverbialisation in Modern Colloquial Speech ..... 113

#### INTERCULTURAL COMMUNICATION AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES

- Moradi H., Chen J. Structural Analysis  
of Persian-English Reverse  
Code-Switching and Code-Mixing ..... 122
- Nikolskaya T.E., Pavlina S.Yu. Ethno-Cultural Influences  
on Multimodal Text Perception ..... 132

*Ilyinova E.Yu., Tsinkerman T.N.* Pragmatics  
of Communicative Tonality in the Stylistics  
of English Educative Converse ..... 146

**MATERIALS AND REPORTS**

*Zholudeva L.I.* Discourse Marker *Dico*  
in the 16<sup>th</sup> Century Italian Language ..... 159

*Chekulay I.V., Prokhorova O.N., Kuchmistyy V.A.*  
The Mechanisms of Proversion and Reversion  
in Producing the Compounds of the English Language .... 170

*Shuneyko A.A., Chibisova O.V.* Buddhism  
in the Poetic Works of Innokenty Annensky ..... 180

*Araeva L.A., Li S.I.* The Method  
of the Propositional Frame Modeling  
in Teaching a Foreign Language ..... 187

**DISCUSSIONS**

*Zagrebelnyy A.V.* Methods of the Diachronic Analysis  
of Author's Proverbs of the Russian Language:  
the Possibility of Application ..... 196



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.1>

UDC 81'374:025.43

LBC 81.054-003

Submitted: 21.01.2019

Accepted: 06.03.2019

## LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD AND ASSOCIATIVE LEXICOGRAPHY

**Natalya V. Ufimtseva**

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

**Olga V. Balyasnikova**

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;  
Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russia

**Abstract.** Conceptually, the language picture of the world is defined as the representation of the real world in the system of concepts and categories of the language. Language processes (e.g., nomination) are inextricably related to the processes of identifying objects from the outside world and their understanding.

The three interdependent basic concepts, culture, activity, and language consciousness, are implied to reflect the activity which is preconditioned by the system of cultural regulators and the expression of these relations in communication by means of units and language categories.

The Moscow psycholinguistic school, grounded in the speech activity theory, regards the world picture as a system phenomenon in the consciousness of a language speaker / culture bearer, interprets meaning as an ideal form for the objective world to exist, and specifies optimal methods to register the knowledge behind the word in ordinary consciousness of a native language speaker / culture bearer are specified. Among the methods applied, the authors use the free associative experiment to collect data from numerous respondents, speakers of the national language / members of a cultural community.

The associative and verbal network, built on mass associative experiments, reflects the systematic connections between its elements, i.e. words, each of them, in its turn, has its meaning and systematicity. The comparison of the language picture of the world fragments, the model components allows to make conclusions on the discrepancy both between meanings (knowledge behind the words) of components and their systematicity. Thus, the associative and verbal network as an integral model of the language picture of the world is capable of reflecting elements in the system at micro and macro levels estimating the meaning and significance of each system element.

The advent of associative lexicography has made it possible to obtain the first ever comprehensive model of the world picture from a "naïve" native language speaker / a culture-bearer, and to observe the real interaction and interdependence between the meaning and significance of a separate word within the entire associative verbal network and the associative field.

The data of mass associative experiments reflect the real state of everyday consciousness of a speaker / bearer of a certain language / culture. This evidence is used to analyze the synchronous state of consciousness, as well as to register changes that develop diachronically, given the data were collected at definite time periods. The observed changes indicate shifts in the associative verbal network structure along with the changes in the content of the knowledge associated with the word stimulus, thus reflecting the evolution of the society.

**Key words:** picture of the world, language picture of the world, category of activity, associative and verbal network, associative thesaurus, meaning, significance.

**Citation.** Ufimtseva N.V., Balyasnikova O.V. Language Picture of the World and Associative Lexicography. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 1, pp. 6-22. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.1>

## ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И АССОЦИАТИВНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

**Наталья Владимировна Уфимцева**

Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия

**Ольга Вениаминовна Балясникова**

Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия;

Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова, г. Москва, Россия

**Аннотация.** В статье охарактеризованы возможности лексикографического представления языковой картины мира с опорой на положения концепции московской психолингвистической школы о системности картины мира в сознании носителя культуры / языка, о значении как идеальной форме существования предметного мира, о свободном ассоциативном эксперименте, проводимом с большим количеством испытуемых – носителей национального языка / культуры, как одном из оптимальных методов фиксации знаний, стоящих за словом в обыденном сознании носителя языка / культуры.

Показано, что фиксируемая в ассоциативных словарях ассоциативно-вербальная сеть, построенная по данным массовых ассоциативных экспериментов, отражает системность связей ее элементов – слов, каждое из которых в свою очередь имеет свое значение со своей системностью. Сравнение фрагментов языковой картины мира – компонентов этой модели – позволяет сделать выводы о несовпадении не просто значений (знаний, стоящих за словами) компонентов, но и их системности. Ассоциативно-вербальная сеть как целостная модель языковой картины мира способна отражать элементы в системе, на микро- и макроуровнях, что позволяет судить не только о значении, но и о значимости каждого ее элемента.

С появлением ассоциативной лексикографии стало возможным смоделировать целостную картину мира «наивного» носителя языка / культуры, наблюдать реальное взаимодействие и взаимозависимость значения и значимости отдельного слова как в пределах всей ассоциативно-вербальной сети, так и в рамках отдельного ассоциативного поля. Материалы массовых ассоциативных экспериментов отражают реальное состояние обыденного сознания носителя определенного языка / культуры и могут использоваться как для анализа его синхронного состояния, так и для фиксации происходящих в нем изменений в диахронии при наличии нескольких временных срезов, указывающих на изменения в структуре ассоциативно-вербальной сети и в содержании знаний, стоящих за словом-стимулом, в зависимости от изменений, происходящих в социуме.

**Ключевые слова:** картина мира, языковая картина мира, категория деятельности, ассоциативно-вербальная сеть, ассоциативный словарь-тезаурус, значение, значимость.

**Цитирование.** Уфимцева Н. В., Балясникова О. В. Языковая картина мира и ассоциативная лексикография // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 1. – С. 6–22. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.1>

### Введение

Понятие картины мира является междисциплинарным. Оно было осмыслено в рамках точных наук (физическая картина мира у Г. Герца и М. Планка), философии (концепции И.Г. Гердера и Л. Витгенштейна) и лингвистики (идеи В. фон Гумбольдта, Л. Вайсгерберга) применительно к задачам, которые и вызвали необходимость появления этого понятия. Возникнув на рубеже XIX–XX вв., оно толковалось как отражение объективного мира в категориях и формах, доступных человеческому сознанию.

Г. Герц говорил о физической картине мира как о совокупности внутренних образов, или символов, внешних предметов, из которых логическим путем можно получать сведения относительно поведения этих предметов. Собственно, речь шла о научной картине мира, формирование которой обусловлено необходимостью изучения закономерностей реального мира и предвидения будущего опыта; для чего и создаются указанные образы или символы [Герц, 1959]. Образами Г. Герц называл наши представления о вещах (между теми и другими возможны несовпадения) [Герц, 1959, с. 14] и предлагал гипотезу, «которую не было

принято вводить в элементы механики»: «Мы убеждаемся, что многообразие действительного мира должно быть большим, чем многообразие мира, непосредственно доступного нашим чувствам. Если мы хотим получить законченную, замкнутую в себе, закономерную картину мира, то мы должны допускать за вещами, которые мы видим, еще другие, невидимые вещи, и искать за пределами наших чувств еще скрытые факторы...» [Герц, 1959, с. 41]. В целом научная (физическая) картина мира, в отличие от практической, представляла собой модель мира реального, объективную и свободную «от индивидуальности творческого ума» [Планк, 1975, с. 632].

Способность отражать действительность предполагает отделение человеком себя от окружающего мира и соотнесение себя с тем, что является по отношению к человеку внешним, объективным [Рубинштейн, 1998]. Реальный мир может быть представлен в виде модели, упрощающей его, как и всякая модель; в этом смысле собственно «мир» – результат переработки сознанием информации о среде и о самом человеке [Топоров, 1992]. Рассуждая о понятии картины мира, М. Хайдеггер писал: «Картина мира, сущностно понятая, означает, таким образом, не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина... Сущее в целом берется теперь так, что оно только тогда становится сущим, когда поставлено представляющим и устанавливающим его человеком. Где дело доходит до картины мира, там выносятся кардинальное решение относительно сущего в целом. Бытие сущего ищут и находят в представлении сущего» [Хайдеггер, 1986, с. 103]. Сознание человека оперирует, по сути, моделью действительности, расчленяющей ее на фрагменты определенным образом в каждом языке, и полученная картина мира при сходстве явлений реальности различна в тех системах, в которых она представлена.

Одной из таких форм «представления» реального является система естественного языка.

Будучи важнейшим средством коммуникации, язык способен оказывать влияние на речевое и неречевое поведение людей и на их отношения в различных сферах межличностных и межгрупповых контактов (см., например:

мер: [Azab, Clark, 2017; Lau, Lee, 2018; Rosa, 2016], а также определять их отношение к нему самому. «В ходе осознания общего родного языка, – писал Л. Вайсгербер, – вырастает чувство сплоченности, возрастает желание держаться вместе и действовать тоже как единое целое. И наоборот, сущность языка проясняет, почему языковые конфликты повсеместно принимают столь ожесточенную форму там, где попытки отчуждения народа от его родного языка наталкиваются на здоровое народное сознание... Именно там, где народ видит свои важнейшие жизненные ценности, он прилагает все усилия к сохранению и культивированию родного языка... Наши наблюдения за языковыми содержаниями, за внутренней формой языка как раз таки показывают нам, почему язык является самой прочной и самой основной опорой народного самоутверждения, которое мы вообще признали характеристикой и связующей силой народа» [Вайсгербер, 2009, с. 132–133].

### Языковая картина мира

Языковая картина мира в самом общем ее понимании отражает представление реального мира в системе понятий и категорий языка. По Л. Вайсгерберу, язык соотносительно со своей внутренней формой передает своим носителям мировидение, отличное от мировидения, передаваемого другими языками. Признавая это как самую выдающуюся возможность, которой располагает язык, можно получить определение его как формы общественного познания [Вайсгербер, 2009, с. 119].

Освоение мира предполагает его одновременное осмысление, а процесс отражения действительности сознанием происходит одновременно с процессами речепроизводства [Колшанский, 1990]. Таким образом, «картина мира, отображенная в сознании человека, есть вторичное существование объективного мира, закрепленное и реализованное в своеобразной материальной форме. Этой материальной формой является язык» [Колшанский, 1990, с. 15]. Языковые процессы (такие, например, как номинация) неразрывно связаны с процессами выделения объектов из окружающего мира и их осмысления.

Отсюда интерес к данным полевым исследований и обсуждение тождественности картины мира, существующей в сознании носителя языка, ее языковому выражению и соответствию последнего фрагменту действительности [Караулов, 1976]. В этом отношении важны и межъязыковые сравнения, в которых выявляются несовпадения концептуального плана (см., например: [Денисенко, 2006]). Обоснование действия языковых механизмов применительно к человеческому сознанию нашло свое отражение в когнитивной теории метафоры и в других формах «культурных концептуализаций» [Sharifian, 2017].

Взаимосвязь категорий *язык*, *сознание* и *культура* становится все более очевидной и в том или ином виде эксплицируется во многих исследованиях, посвященных особенностям отражения реального мира человеческим сознанием. Ф. Боас полагал, что в основе языка лежат неосознаваемые категории, воздействующие на формы мышления и заставляющие видеть мир определенным образом, поэтому «...абсолютные системы явлений – как комплексные, так и феноменов культуры – невозможны. Они всегда будут отражением нашей собственной культуры» [Боас, 1997, с. 535]. Факты языка, составляющие часть повседневного опыта человека, поэтому не осознаются и не сравниваются с другими, поскольку целый ряд объективно существующих, но не имеющих применения в повседневной деятельности явлений игнорируется человеком. Языковая система, хранящаяся в сознании носителей языка, упорядочивает поток впечатлений от внешнего мира; расчленение мира, его отражение в понятиях и распределение значений – результат «соглашения», закрепленного в системе моделей определенного языка [Уорф, 1960]. Известная теория лингвистической относительности получает современное осмысление в рамках лингвокультурологии: обсуждается связь языка с культурным опытом его носителей, влияние моделей языка на мышление [Keith, 2010; Лусу, 2015]. Кроме того, высказываются суждения о семиотическом повороте в науках об обществе и культуре, в котором особая роль принадлежит лингвистике [Семиотический поворот в социально-гуманитарном познании..., 2018]. Заметим, что в качестве предпосылок семиоти-

ки культуры указаны: 1) различие между символическим и несимволическим в бытии человека, 2) различие (семиотический барьер) между культурой, к которой принадлежит исследователь, и культурой, которую он изучает, 3) интерес к значению явлений в контексте семиотики культуры [Демин, 2018].

Базисные представления о языке как мировидении и картине мира трактуются в рамках гипотезы-теории В. фон Гумбольдта о языке как деятельности [Постовалова, 2017, с. 67]. «“Картина мира”, как и ее процессуальный аналог “мировидение”, – пишет В.И. Постовалова, – относятся к числу базисных понятий учения о человеке как *homo symbolcus*’е. По этому учению, сущностной характеристикой человека является наличие у него особых символических структур – языка, мифологии, религии, искусства, науки, запечатлевающих систему его миропредставлений и выступающих в роли регуляторов его жизнедеятельности. С помощью таких опосредствующих символических структур человек формирует себе образ (картину, эскиз, модель мира) как основу своей жизнедеятельности и культуры» [Постовалова, 2017, с. 68]. Изучению картины мира как антропологического феномена предшествовало философское исследование мироощущения человека, а также разработка представлений о научной картине (научных картинах) мира [Постовалова, 2017, с. 79].

Становится очевидным, что отражение картины мира в языке / языковая картина мира (именно языковой аспект картины мира интересует лингвистику) может интерпретироваться по-разному. На первый план в этой интерпретации выходит содержательный аспект языковых явлений – таким образом, реконструкция языковой картины мира становится одной из задач лингвистической семантики: «Поскольку языковая модель мира закреплена и выражена в первую очередь в языке, в его лексике и значимых грамматических категориях, то метод описания данного объекта – это семантический анализ лексических и грамматических значений того или иного конкретного языка» [Корнилов, 2003, с. 12]. Эти категории могли далее изучаться на конкретном языковом материале. Отечественная семантика занималась, в частности, исследованием русской языковой картины мира, концеп-

тосферы (работы Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Ю.С. Степанова, Анны А. Зализняк, Е.В. Урысон, А.Д. Шмелева и др.).

В этом отношении переосмыслению подвергаются и понятие семантики, и ее задачи. Так, в работе «Язык как идеология и язык как техника» В.И. Абаев говорит о том, что существует «семантика изолированных, технических значений – техническая семантика – и семантика генезиса и взаимосвязи значений – идеологическая семантика... Одно и то же понятие «богатство» выражено в трех различных языках: русском, осетинском и немецком, – тремя различными способами. В русском оно связано с «богом», в осетинском – с «днем», «светом» (*bonđ æn* от *bon* ‘день’), в немецком – с «царской властью» (*reich*). Техническая семантика этих трех слов – одна и та же. Семантика идеологическая – разная. Каждое [слово] говорит об особом мировоззрении и об особых условиях общественного существования в эпоху формирования этих слов» [Абаев, 2006, с. 28]. Далее на примере семантики слова *солнце* автор выделяет так называемое «ядро» (представление о солнце как о светиле) – устойчивое, суммирующее эмпирический опыт многих людей, объективное, технически-эмпирическое, – и «оболочку», то есть субъективные, так называемые идеологические, настроения и ассоциации (представления о солнце как о божестве), которые обусловлены сознанием и опытом людей конкретной эпохи и среды. Ядро, согласно В.И. Абаеву, имеет источник в предметной деятельности и является материалом научного познания, оболочка берет начало в общественной идеологии и является материалом для мифологических, религиозных, метафизических, поэтических построений [Абаев, 2006, с. 30].

Попытки осмысления языковой картины мира продолжались и продолжают на уровне терминологии и понятийного аппарата и на уровне изучения отдельных ее фрагментов, как правило концептов, а также на уровне конкретных форм межкультурного взаимодействия [Богачев, 1998; Горобец, 2008; Крапота, 2017; Лебедева, 2008; Магомедова, 2008; Региональная картина мира..., 2017; Сухарева, 2012; Хижняк, 2016; Чуликов, 2010; Чупрына, 2011; Baydak, Scharioth, Ilyashenko 2015;

Bekova, 2013; Chakyroglu, Suiyerkul, 2014; Khorechko et al., 2015; Strotkina, Gillespie, 2014 и др.]. Исследователи обращаются к анализу национально-культурной специфики речевого и неречевого поведения, которая формируется в совместной деятельности носителей языка / культуры, что представляется некоторой презумпцией (см., например: [Taylor, 2013]).

В настоящее время можно выделить два основных направления в исследовании языковой картины мира. Одно из них связано с изучением феномена как такового, точнее – с изучением фрагмента языковой картины мира по данным языка, прежде всего по его лексике (особое место здесь занимает область фразеологии: [Золотых, 2007; Лескина, 2009; Юздова, 2009]). Речь идет о разных способах языковой концептуализации мира, и картина мира понимается как его модель [Воротников, 2006, с. 90; Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2005; Урысон, 2003, с. 9], таким образом, предполагается ее облигаторность, что не является новым в рассуждении о связях языка и культуры (ср., например: [Верещагин, Костомаров, 1973]). Другое направление связано с исследованием фактов собственно языка, при этом языковая картина мира принимается по умолчанию как интерпретационное поле [Альмяшова, Монастырская, 2016].

Одной из современных тенденций изучения языковой картины мира в связи с национальной культурой становится обращение исследователей к культурным ценностям и к формам их отражения в национальном языке. Ценности понимаются как высшие ориентиры поведения, отраженные в языковом сознании и коммуникативном поведении [Ценностная картина мира..., 2016]. Эта тенденция определена детерминирована проблемами, обусловленными происходящими в мире процессами, в том числе языковыми (см., в частности: [Балясникова, 2015]). Фрагмент языковой картины мира представлен в разнообразных концептах на разнообразном же языковом материале: в «китайской фразеологической картине мира», «в лингвокультурах», «в русском языковом сознании» и т. п. Научный антропоцентризм инициирует также изучение речевой деятельности отдельной личности; отсюда конкретные интерпретации понятия картины мира, например как «ментально-язы-

ковой детерминанты» [Шпильная, 2017], включенной в речемыслительную деятельность личности, в частности, в ее текстовую деятельность.

### **Категория деятельности и языковая картина мира**

Первым лингвистом, положившим в основу своей концепции языка принцип деятельности, был В. фон Гумбольдт [Постовалова, 2017]. Рассмотрение языка в его диалектике – как процесса, как готовой данности, как части психической деятельности человека и как общественного явления – обуславливает представление о речевой деятельности, понимание языка как связующего звена между социумом и человеком. «Язык живет и творит в национальности, и тайна его сущности в полноте являет себя преимущественно в том, что он выходит из внешне беспорядочной массы индивидуальностей, среди которых ни одной нет нужды выделяться именно порознь... Язык можно поэтому мыслить только в связи с народом, и каким бы простым и известным ни казался этот принцип, впоследствии скоро обнаружится, сколь богат он выводами и сколь часто он выпускался из виду» [Гумбольдт, 2018, с. 300]. Поскольку категория деятельности характеризует мир человека, закономерно ее использование именно в гуманитарном знании [Постовалова, 2014].

Категория речевой деятельности, осуществляемой человеком наряду с другими своими деятельностями в мире, устанавливает и объясняет отмеченную нами выше взаимосвязь понятий языка, сознания и культуры. С собственно языковыми факторами оказываются связанными другие: культурная традиция, социальные ситуации и функции общения, особенности протекания и опосредования психических процессов и различных видов деятельности – положения об этом были сформулированы в рамках психологии и социолингвистики. Поскольку сознание человека всегда этнически обусловлено (А.А. Леонтьев), очевидно, что изменение или навязывание того или иного знака не просто механическое включение его в языковую систему, но изменение картины мира, и форсирование этого процесса имеет серьезные последствия не только для языка,

имеющего собственные тенденции развития, но и для людей, чья картина мира изменяется вопреки этим естественным процессам [Погорелая, 2006]. Существующая в современном мире тенденция к культурной и языковой унификации, обусловленная процессами глобализации, неизбежна и порождает противоположное ей стремление народов к сохранению культурной и языковой идентичности и национального языка как одной из основных ценностей культуры и выразителей картины мира [Никитенко, 2010]. Языковое многообразие не только вызывает сложности во взаимопонимании между носителями различных языков и затрудняет социализацию мигрантов, но и может приводить к внутреннему дискомфорту коммуникантов в бытовом общении, к непониманию ценностей, норм, привычек представителей другой культуры. Социальные, культурные и языковые факторы подтверждают свою взаимосвязь [Faizah, 2016].

В отечественной психолингвистике понятие картины мира традиционно рассматривается с позиций деятельностного подхода, связанного с именем А.Н. Леонтьева и психологической школой Л.С. Выготского, и соотносится с понятием «образ мира» в отечественной (советской) психологии. Лингвистический подход предполагает трактовку последнего как результата комплексного воздействия опосредующих символических структур [Роль человеческого фактора в языке..., 1988], психолингвистический подход – как отображения в психике человека предметного мира, опосредованного предметными значениями и поддающегося сознательной рефлексии. Приобретаемые человеком знания отражают процесс восприятия действительности человеком в процессе деятельности, предполагающей взаимодействие с ее объектами. Структура деятельности признается универсальной, в то время как способы совершения действий зависят от естественных природных условий жизни, предметов, создаваемых самими людьми в процессе деятельности, и норм социального поведения. В процессе совершения разнообразных деятельностей (а способ их совершения обусловлен системой установок и правил национальной культуры) формируются знания об окружающем мире. Таким образом, каждая культура способствует усвоению

индивидом определенной системы знаний и способов ее организации. В системе культурно выработанных значений, соответствующих разным социальным феноменам, выделяются понятийные компоненты национальной культуры данного исторического этапа развития, социальные установки, ценности и социальные роли, то есть образ жизни народа в конкретное историческое время, наконец определенные стереотипы действий [Леонтьев, 1981].

Изучение межкультурных различий, находящих отражение в языке и сознании, становится одним из наиболее актуальных направлений, разрабатываемых в настоящее время в отечественной психолингвистике. Взаимосвязь культуры, национального самосознания и языка проявляется в базовых смыслах (понятиях) каждой культуры. Психолингвистическая интерпретация данных, представленных в языке, позволяет рассматривать последние как репрезентанты особых знаний, стоящих за фактами (знаками) естественного языка. Таким образом, посредством взаимозависимых базовых понятий – «культура», «деятельность» и «языковое сознание» – характеризуется отражение этой деятельности в ее обусловленности системой культурных регуляторов и выражение этих отношений в коммуникации единицами и категориями языка.

В рамках концепции московской психолингвистической школы, базирующейся на положениях теории речевой деятельности, были приняты следующие положения для изучения языковой картины мира:

1. Каждая культура задает свою системность картины мира, что обуславливает несходство картин мира в сознании носителей различных языков.

2. Язык как деятельностная структура представляет собой результат отображения в знаковой форме социокультурной реальности, элементы которой имеют определенную значимость именно в системе конкретной культуры. Следовательно, изучение значения как знания определяет конкретное направление исследования картины мира или ее фрагмента. Именно значения как идеальная форма существования предметного мира лежат в основе механизма передачи знаний и управляют внутренней и внешней деятельностью

людей, и именно значения представляют собой идеальную форму существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой (А.Н. Леонтьев).

3. Оптимальным методом для обнаружения и изучения этих значений / знаний являются психолингвистический эксперимент, при интерпретации данных которого в качестве «невидимого» контекста языковой единицы предполагается весь речевой и неречевой опыт носителя языка.

### Отражение картины мира в лексикографии

В процессе анализа фактов лишь одного языка исследователям картины мира приходится много внимания уделять теоретическим проблемам ее отражения в языке. В случае, если в исследовании задействовано два языка или более, возможно сравнение фрагментов языковой картины мира. Несмотря на трудоемкость последнего, общенаучный метод сравнения делает явным несходство языковых картин мира у носителей разных языков.

В 70-е гг., по мнению Ю.Н. Караулова, существовало два подхода к слову, отразившихся в лексикографической практике того времени: это трактовка слова как самостоятельной сущности, с одной стороны, и как сущности, значение / содержание которой «растворено» в контексте – с другой [Караулов, 1976]. К этому времени складываются предпосылки для создания идеологического / идеографического словарей – семантически упорядоченных словарей-тезаурусов. «Можно думать, – пишет Ю.Н. Караулов, – что словарь языка, существующий в сознании пользователя языков, представляет собой тоже определенную манифестацию лексики, хотя способ его существования отличается от первого. Такой словарь не является уже, очевидно, списком слов, закрытым набором знаков, а упорядочен иным образом» [Караулов, 1976, с. 69–70].

Позже при составлении словарей исследователи будут стремиться отразить языковую картину мира, с одной стороны, и опереться на известные и выработанные в лексикографической практике принципы – с другой, что

найдет отражение, например, в НОСС, где каждая словарная статья представляет собой описание фрагмента языковой картины мира [Урысон, 2003]. В Предисловии к словарю среди принципов, на которых он основан, указаны идеографичность и ориентация на отражение языковой, или «наивной», картины мира; поясняется, что делаются попытки увидеть за синонимическими рядами «определенный фрагмент некоего общего взгляда на мир, присущего данному языку», и предполагается, что «это особое мировидение может отличаться как от научной картины мира, так и, возможно, от способов видеть мир, присущих другим языкам» [Апресян, 2004, с. IX]. Этот подход отражает более высокий уровень лингвистической семантики 90-х гг., чем объясняется повышенный интерес к языковой картине мира и системным явлениям в лексике [Апресян, 2004].

К настоящему времени в описании языковой картины мира представлены отмеченные нами выше взаимосвязи языка, сознания и мира культурных предметов (реалий). «Описание мира духовной культуры предполагает рассмотрение в тесной взаимосвязи трех ее важнейших составляющих. Это, во-первых, реалий (вещей, жизненных ситуаций, мифологем), значимых для данной культуры и концептуализируемых в ее пространстве. Во-вторых, концептов (понятий и образов) как их смысловых отображений, образующих концептосферы миропредставлений данной культуры. И, наконец, в-третьих, ключевых слов языка культуры, воплощающих эти концепты» [Постовалова, 2017, с. 79–80]. Картина мира может быть изучена как модель в виде языковой репрезентации ключевых понятий культуры. Последние могут быть названы константами, или концептами, и обозначаются словами национального языка (см., например: [Карасик, 2002; Степанов, 1997]). Результаты изучения концептов представлены в обширной научной литературе, на рассмотрении которой мы не будем здесь останавливаться.

Исследуемые в рамках методологического подхода Московской психолингвистической школы ассоциативные значения слов национального языка трактуются как образы языкового сознания, отражающие знания о мире носителя языка / культуры.

Еще в 70-е гг. прошлого века А.А. Леонтьев, анализируя различные подходы к описанию значения, приходит к пониманию психолингвистикой значения слова как «субъективного содержания знакового образа» и отмечает, что оно у разных индивидов всегда совпадает «по отнесенности к данному конкретному предмету», но может отличаться как «по отнесенности к социальной действительности (по идеальному содержанию)», так и «по субъективному содержанию» [Леонтьев, 1976, с. 47]. Язык, по А.А. Леонтьеву, отображает социокультурную реальность; система смысловых единиц, конституирующая образ мира носителей языка / культуры, является ориентировочной основой для деятельности человека. Образ мира построен из предметных значений, система которых должна быть предметом изучения для антропоцентрической лингвистики [Леонтьев, 1996] (подробно об этом см.: [Уфимцева, 2016]).

Под языковым сознанием понимается сознание индивида, имеющее дело со значениями как социальными образованиями. Для наблюдения и исследования оно становится доступным через опосредование знаком языка в виде отдельного слова, словосочетания, ассоциативного поля, текста. Таким образом могут быть изучены сами знания, полученные в процессе социализации в рамках определенной культуры, выраженные с помощью языка – то есть языковая картина мира носителей национального языка / культуры [Уфимцева, 2016; Debrenne, Ufimtseva, 2011].

Ассоциативные данные, полученные в результате проведения эксперимента с большим количеством испытуемых – носителей национальных языков / культур, обобщаются с применением методов количественного (статистического) и качественного анализа. Первый позволяет выявить частотность выделяемого компонента ассоциативного значения и сравнить частотность сходных компонентов в содержании стимульных слов. Второй позволяет описать и смоделировать содержание ассоциативного поля по определенным критериям. Полученный материал подвергается также сравнительно-сопоставительному анализу, который помогает выявить ранг исследуемого фрагмента языкового сознания носителей той или иной культуры, то есть его *зна-*

чимость (по Ф. де Соссюру, см. об этом: [Уфимцева, 2013]), а не только описать значение этого фрагмента.

Результаты такого «системного» подхода к значению слова представлены в виде уже известных научному сообществу словарей (РАС, изданного в нулевые годы) и новых ассоциативных словарей (ЕВРАС, СИБАС, изданных в 2010-е годы), а также построенных на этих данных ассоциативно-вербальных сетей.

### Принципы ассоциативной лексикографии

Можно считать, что начало ассоциативной лексикографии положили вербальные ассоциативные нормы, установленные в опубликованной в 1910 г. работе Кент и Розановым [Kent, Rosanoff, 1910]. Вслед за ней в США, а потом и в других странах стали появляться исследования, в которых использовался один и тот же список из ста стимульных слов (подробное описание всех существующих ассоциативных словарей и баз данных см. в [Еленевская, Овчинникова, 2016]). В отечественной психолингвистике первым опытом в этой области стал «Словарь ассоциативных норм русского языка» под ред. А.А. Леонтьева (САНРЯ).

Для описания языковой картины мира (обыденного языкового сознания как целого) наибольший интерес представляют так называемые ассоциативные тезаурусы. Существуют два ассоциативных тезауруса: Английский ассоциативный тезаурус (ЕАТ) и Русский ассоциативный словарь (РАС).

Ассоциативно-вербальная сеть, построенная по материалам ассоциативного тезауруса, дает четкое представление об устройстве языкового сознания / обыденного образа мира и может рассматриваться в качестве модели языковой картины мира (языкового сознания). Эта модель отражает весь предыдущий речевой и неречевой опыт носителя языка / культуры и имеет системно-целостный характер, поскольку организована с точки зрения значимости входящих в нее элементов. Для анализа этого аспекта модели применяется понятие *ядра* и *периферии* языкового сознания.

Указанная модель может быть создана на материале любого языка при наличии достаточно большого количества данных, полученных в ассоциативных экспериментах. Ее важнейшая особенность состоит в том, что она не конструируется искусственно, а «выводится» из материала, в котором содержится имплицитно. Таким образом, модель отражает структуру, объективно присущую языковой картине мира носителя языка / культуры, поскольку, как мы указывали выше, мир презентирован отдельному человеку через систему предметных значений, «наложенных» на восприятие этого мира, причем каждой культуре свойственна своя система организации элементов опыта. Эти элементы не всегда являются уникальными для той или иной культуры; уникален способ их организации – структура.

Организуя для целой модели и для каждого ее фрагмента является принцип значимости, провозглашенный Ф. де Соссюром. Каждый элемент ассоциативно-вербальной сети имеет и *значение* (знания, которые входят в ассоциативное поле слова-стимула) и *значимость* (ранг в ассоциативно-вербальной сети) одновременно. Таким образом, исследования языковой картины мира носителей языка / культуры, осуществляемые в рамках деятельностного подхода к языку, имеют в отечественной психолингвистике ряд особенностей, которые нашли отражение в ассоциативной лексикографии.

Во-первых, психолингвистика занимается изучением не отдельных, изолированных друг от друга концептов, слов, выражений или категорий языка, а системы таковых, используя при этом возможности ассоциативно-вербальной сети. Последняя представляет собой модель обыденного образа мира (языкового сознания) носителей языка / культуры, позволяющую увидеть не только *значение* каждого ее элемента, но исследовать сам элемент в его *системности* и *значимости*. Ассоциативно-вербальная сеть (АВС) представляет именно целостную модель языковой картины мира и, как необходимо для любой модели, имеет свой объем и особую структуру; АВС отражает системность связей элементов, их взаимообусловленность (то есть системность знаний о мире) так, как позволяет данная модель.

Во-вторых, каждый элемент модели – слово – имеет свое (ассоциативное) значение, соотносимое с психологическим понятием «образ сознания». Ассоциативное значение каждого слова – это также своего рода микромодель, включающая ядро (частотные связи слов, общие для носителей данного языка / культуры) и периферию (нечастотные или единичные, уникальные связи слов). Ядро, отражающее общие для носителей языка / культуры знания, имеет устойчивый во времени характер; периферия изменяется под воздействием происходящих в конкретный исторический период социальных и политических процессов. Отметим (см., например: [Балясникова и др., 2018; Региональное языковое сознание..., 2017]), что при межъязыковом / межкультурном сопоставлении содержания знаний можно говорить о сходстве / различии как отдельных знаний, стоящих за псевдоэквивалентными словами (системе знаний, отраженной в структуре ассоциативного поля), так и о сходстве / различии культур как целого – образа мира, «взятого» в его системности.

### Выводы

В научных рассуждениях о природе картины мира и способах ее представления неизбежно затрагивался вопрос о роли сознания в этом процессе и признание того факта, что картина, которая получается в результате восприятия объективного мира человеком, его сознанием, имеет существенные отличия от объективной реальности. Языковая картина мира – результат преломления этой реальности в языковых категориях и формах, что приводит исследователя к необходимости определить для себя, к чему именно (к сознанию или к чему-либо иному?) он получает доступ, анализируя эти формы и категории.

Рассуждая о двух взаимоисключающих подходах к языку и сознанию, существующих в философской, психологической и лингвистической литературе, А.А. Леонтьев, писал: «Согласно одному из них, единицей сознания, тем, в чем и при помощи чего существует сознание, является система вербальных, словесных значений и обслуживающих эти значения разнородных коммуникативных средств. Проще: система языковых знаков. Отсюда все нео-

гумбольдтианство, включая теорию лингвистической относительности; отсюда лингвистическая философия, общая семантика и другие неопозитивистские трактовки языка. Согласно другому подходу единицей сознания является предметное значение, а язык в этом случае понимается как система значений, могущих актуализироваться и в вербальной форме» [Леонтьев, 1993, с. 16–17]. Очевидно, что лингвистические работы по исследованию языковой картины мира, с презумпцией связи сознания и вербального значения, оказываются ближе к первому подходу, обозначенному А.А. Леонтьевым. Более того, лингвист изучает, как правило, им же отбираемые, нередко изолированные друг от друга единицы, в значениях которых и пытается обнаружить «языковую картину мира» обычного носителя языка, опираясь на свою интуицию, языковое чутье. Здесь, скорее всего, можно говорить о языковой картине мира самого исследователя и о том, что успех описания «наивной» языковой картины мира будет определяться в числе прочих факторов тем, какие источники данных будут в его распоряжении. Очевидно, что для приближения к описанию «реальности», стоящей за значениями и категориями языка, необходимо, во-первых, иметь о них определенное представление (что именно может быть изучено, в какой мере объективно то, что доступно наблюдению и изучению), а во-вторых, выбрать методы, позволяющие если не исключить, то хотя бы уменьшить степень субъективности, связанную с «индивидуальностью творческого ума» исследователя.

Методы, которые применяет отечественная психолингвистика, позволяют получить данные, отражающие коллективный опыт носителей языка. С появлением ассоциативной лексикографии оказалось возможным впервые смоделировать целостную картину мира «наивного» носителя языка / культуры, наблюдать реальное взаимодействие и взаимозависимость значения и значимости отдельного слова как в пределах всей ассоциативно-вербальной сети, так и в рамках отдельного ассоциативного поля. Материалы массовых ассоциативных экспериментов отражают реальное состояние обыденного сознания носителя определенного языка / культуры и мо-

гут использоваться как для анализа его синхронного состояния, так и для фиксации происходящих в нем изменений в диахронии при наличии нескольких временных срезов, указывающих на изменения в структуре ассоциативно-вербальной сети и в содержании знаний, стоящих за словом-стимулом, в зависимости от изменений, происходящих в социуме (см., например, САНРЯ, РАС и ЕВРАС).

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В. И., 2006. Статьи по теории и истории языкознания. М. : Наука. 150 с.
- Альмяшова Л. В., Монастырская Е. А., 2016. Современные лингвистические исследования: языковая актуализация картины мира. Кемерово : КемТИПП. 105 с.
- Апресян Ю. Д., 2004. Предисловие // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. руков. акад. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М. ; Вена : Языки славянской культуры : Венский славистический альманах. С. VIII–XI. URL: <http://www.lrc-lib.ru/guslang/noss/intro.pdf>
- Балясникова О. В., 2015. Язык как инструмент конфликта и конфликтогенные языковые процессы в современном мире: Славянский ареал. (Обзор) // Актуальные проблемы Европы. № 1. С. 194–213.
- Балясникова О. В., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А., Чулкина Н. Л., 2018. Языковое сознание: региональный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. Т. 22, № 2. С. 232–250. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-232-250.
- Боас Ф., 1997. История и наука в антропологии // Антология исследований культуры. СПб. : Университетская книга. С. 528–535.
- Богачев Р. Н., 2008. Фактор структуры языка в анализе языковой картины мира // Научная мысль Кавказа. № 3. С. 70–74.
- Вайсгербер Й. Л., 2009. Родной язык и формирование духа. Изд. 3-е. М. : ЛИБРОКОМ. 232 с.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г., 1973. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М. : Изд-во Моск. ун-та. 233 с.
- Воротников Ю. Л., 2006. «Языковая картина мира»: трактовка понятия // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 88–90.
- Герц Г., 1959. Принципы механики, изложенные в новой связи. М. : Изд-во Акад. наук СССР. 386 с.
- Горобец А. Ф., 2008. Языковая и культурная картины мира: современный подход к проблеме // Культурная жизнь Юга России. № 1 (26). С. 11–13.
- Гумбольдт В. фон, 2018. Концепция общего языкознания: цели, содержание, структура. Избранные переводы. М. : ЛЕНАРД. 504 с.
- Демин И. В., 2018. Семиотический поворот в науках о культуре // Семиотический поворот в социально-гуманитарном познании: истоки, предпосылки, культурный контекст : коллектив. моногр. / отв. ред. И. В. Демин. Самара : Самар. гуманитар. акад. С. 5–17.
- Денисенко В. Н., 2006. Метод семантического поля и языковая картина мира (Наименование изменения в русском языке) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. № 8. С. 5–16.
- Еленевская М. Н., Овчинникова И. Г., 2016. Хранение и описание вербальных ассоциаций: словари и тезаурусы // Вопросы психолингвистики. № 3 (29). С. 69–92.
- Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д., 2005. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М. : Языки славянской культуры. 540 с.
- Золотых Л. Г., 2007. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики. Астрахань : Астраханский университет. 265 с.
- Карасик В. И., 2002. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена. 477 с.
- Караулов Ю. Н., 1976. Общая и русская идеография. М. : Наука. 355 с.
- Колшанский Г. В., 1990. Объективная картина мира в познании и в языке. М. : Наука. 108 с.
- Корнилов О. А., 2003. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. Изд. 2-е. М. : ЧеРо. 349 с.
- Крапотина Т. Г., 2017. От картины мира реальной к картине мира метафорической: ассоциативно-образный потенциал фразеологизма. М. : АСОУ. 158 с.
- Лебедева Л. В., 2008. Современные лингвистические подходы к изучению языковой картины мира // Вопросы культурологии. № 5. С. 6–8.
- Леонтьев А. А., 1976. Психолингвистический аспект языкового значения // Принципы и методы семантических исследований. М. : Наука. С. 46–73.
- Леонтьев А. А., 1993. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М. : Ин-т языкознания РАН. С. 16–21.
- Леонтьев А. А., 1996. Язык не должен быть «чужим» // Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. М. : ММА

- им. И.М. Сеченова – Ин-т языкознания РАН. С. 41–47.
- Леонтьев А. Н., 1981. Проблемы развития психики. М. : МГУ. 584 с.
- Лескина С. В., 2009. Русские и английские фразеологизмы пейоративной семантики как отражение языковой картины мира. Челябинск : Атоксо, 2009. 148 с.
- Магомедова Д. М., 2008. Современная трактовка понятия «языковая картина мира» // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. № 3 (4). С. 76–79.
- Никитенко З. Н., 2010. Школьное образование в Европе: Современные тенденции языковой политики. URL: [https://docviewer.yandex.ru/?url=ya-serp%3A%2F%2Fteacher1.ucoz.com%2F\\_id%2F0%2F49\\_.pdf&c=558af58188c4](https://docviewer.yandex.ru/?url=ya-serp%3A%2F%2Fteacher1.ucoz.com%2F_id%2F0%2F49_.pdf&c=558af58188c4) (дата обращения: 23. 06. 2015).
- Планк М., 1975. Избранные труды. Термодинамика. Теория излучения и квантовая теория. Теория относительности. Статьи и речи. М. : Наука. 788 с.
- Погорелая Е. А., 2006. Русская языковая личность в контексте социокультурной динамики постсоветских государств // Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы : в 2 кн. Кн. 2. М. : Наука. С. 360–386.
- Постовалова В. И., 2014. Язык как деятельность: Опыт интерпретации концепции Вильгельма фон Гумбольдта / отв. ред. А. А. Леонтьев. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : ЛЕНАРД. 256 с.
- Постовалова В. И., 2017. Язык и миропонимание: опыт лингвофилософской интерпретации. М. : ЛЕНАРД. 312 с.
- Региональная картина мира в языковой концептуализации: динамика культурных смыслов : сб. ст., 2017 / под ред. Л. А. Мардиевой, Т. Ю. Щулиной. Казань : Изд-во Казан. ун-та. 284 с.
- Региональное языковое сознание коми, русских и татар: проблемы взаимовлияния : коллектив. моногр., 2017 / под ред. Н. В. Уфимцевой. М. ; Ярославль : Канцлер. 240 с.
- Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира, 1988 / отв. ред. Б. А. Серебренников. М. : Наука. 216 с.
- Рубинштейн С. Л., 1998. Основы общей психологии. СПб. : Питер. 705 с.
- Семиотический поворот в социально-гуманитарном познании: истоки, предпосылки, культурный контекст : коллектив. моногр., 2018 / отв. ред. И. В. Демин. Самара : Самар. гуманит. акад. 270 с.
- Степанов Ю. С., 1997. Константы: Словарь русской культуры. М. : Языки русской культуры. 824 с.
- Сухарева Ю. В., 2012. Взаимообусловленность картины мира и языковой картины мира // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». № 2. С. 110–113.
- Топоров В. Н., 1992. Модель мира // Мифы, народов мира. Энциклопедия. В 2 т. Т. 2 / гл. ред. С. А. Токарев. М. : Сов. энцикл. С. 161–164.
- Уорф Б. Л., 1960. Наука и языкознание // Новое в лингвистике. М. : Изд-во иностр. лит. Вып. 1. С. 169–182.
- Урысон Е. В., 2003. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М. : Языки славянской культуры. 223 с.
- Уфимцева Н. В., 2013. Идеи Ф. де Соссюра в психолингвистическом прочтении // Вопросы психолингвистики. № 17. С. 44–52.
- Уфимцева Н. В., 2016. Языковая картина мира: проблема моделирования // Вопросы психолингвистики. № 27. С. 238–249.
- Хайдеггер М., 1986. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. М. : Прогресс. С. 85–118.
- Хижняк С. П., 2016. Национальная культура как фактор формирования языковой и концептуальной картин мира (на примере научной картины мира юриспруденции) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия. Филология. Журналистика. Т. 16, № 2. С. 130–134.
- Ценностная картина мира: лингвокультурные аспекты, 2016. Волгоград : Парадигма ; Тяньцзинь : [б. и.]. 306 с.
- Чуликов Ю. М., 2010. Сказочная картина мира как фрагмент фольклорной языковой картины мира // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. № 4. С. 147–151.
- Чупрына О. Г., 2011. «Мир» и «родство» в англосаксонской языковой картине мира // Теория и практика общественного развития. № 7. С. 337–339.
- Шпильная Н. Н., 2017. Языковая картина мира в структуре речемыслительной деятельности. Изд. 2-е. М. : ЛЕНАРД. 152 с.
- Юздова Л. П., 2009. Адвербиальные качественные фразеологизмы как средство отражения русской языковой картины мира // Вестник Челябинского государственного университета. № 17 (155). С. 119–123.
- Azab C., Clark T., 2017. Speak my language or look like me? – Language and ethnicity in bilingual customer service recovery // Journal of business research. Vol. 72. P. 57–68.
- Baydak A. V., Scharioth C., Pyashenko I. A., 2015. Interaction of Language and Culture in the Process of International Education // Procedia – Social and Behavioral Sciences. Vol. 215:

- International Education and Cross-Cultural Communication, Problems and Solutions, (IECC 2015) : International Conference, 9–11 June 2015, Tomsk, Russia : [proceedings]. Tomsk. P. 14–18.
- Bekova Z. K., 2013. Ethnic picture of the world and its influence upon the process of adaptation in higher educational establishments // 4<sup>th</sup> World Conference on Psychology, Counseling and Guidance WCPCG–2013, 24–26 May 2013, Kultur University. Turkey : Istanbul. P. 939–943.
- Chakyroglu A. K., Suiyerkul B., 2014. Representation of the concept “Hospitality” in the Kazakh language // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 136. P. 124–128.
- Debrenne M., Ufimtseva N., 2011. L’apport des dictionnaires d’associations lexicales aux études de sémantique // *Syntaxe et sémantique*. № 12. P. 121–137.
- Faizah S., 2016. Psycholinguistic determinants of immigrant second language acquisition // *Lingua*. Vol. 179. P. 24–37.
- Keith A., 2010. Vantage Theory and linguistic relativity // *Language Sciences*. Vol. 32, iss. 2. P. 158–169.
- Kent G. H., Rosanoff A. J., 1910. A study of association in insanity // *American Journal of Insanity*. Vol. 67, № 1–2. P. 37–96, 317–390.
- Khorechko U. V., Sentsov A. E., Ruchina A. V., Bolsunovskaya L. M., Kazaryan A. A., 2015. The concept of “Tea” in the language picture of the world (Based on Chinese and Russian languages) // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. The XXVI Annual International Academic Conference, Language and Culture, 27–30 October 2015. Vol. 200. P. 215–223.
- Lau H. T., Lee R., 2018. Ethnic media advertising effectiveness, influences and implications // *Australian Marketing Journal*. Vol. 26. P. 216–220.
- Lucy J. A., 2015. Sapir-Whorf Hypothesis // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. 2<sup>nd</sup> Ed. Oxford : Elsevier. P. 903–906.
- Rosa J., 2016. Racializing language, regimenting Latinas/os: Chronotope, social tense, and American raciolinguistic futures // *Language and Communication*. Vol. 46. P. 106–117.
- Sharifian F., 2017. Cultural Linguistics and linguistic relativity // *Language Sciences*. Vol. 59. P. 83–92.
- Strotkina T., Gillespie D., 2014. An onomastic approach to the works of A. Ivanov as a reflection of the artistic picture of the world // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. The XXV Annual international academic conference, Language and culture, 20–22 October 2014. Vol. 154. P. 272–275.
- Taylor T. J., 2013. Calibrating the child for language: Meredith Williams on a Wittgensteinian approach to language socialization // *Language Sciences*. Vol. 40. P. 308–320.

**СЛОВАРИ**

- ЕВРАС* – Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России). В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции. М. : Моск. междунар. акад., 2018. 544 с. ; Т. 2. От реакции к стимулу. М. : Моск. междунар. акад., 2019. 688 с.
- НОСС* – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М. ; Вена : Языки славянской культуры : Венский славистический альманах, 2004. 1488 с. URL: <http://www.lrc-lib.ru/ruslang/noss/intro.pdf>
- РАС* – Караулов Ю. Н., Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. М. : АСТ-Астрель, 2002. Т. 1. 782 с. ; Т. 2. 991 с.
- САМРЯ* – Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А. А. Леонтьева. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1977. 192 с.
- EAT* – Kiss G. R., Armstrong G., Milroy R. The Edinburgh Associative Thesaurus. Edinburgh : University of Edinburgh, 1972. 1539 p.

**REFERENCES**

- Abaev V.I., 2006. *Statyi po teorii i istorii yazykoznanija* [Articles on the Theory and History of Linguistics]. Moscow, Nauka Publ. 150p.
- Almyashova L.V., Monastyrskaya E.A., 2016. *Sovremennye lingvisticheskie issledovaniya: yazykovaya aktualizatsiya kartiny mira* [Modern Linguistic Research: Linguistic Actualization of the World Picture]. Kemerovo, KemTIPP Publ. 105 p.
- Apresyan Yu.D., 2004. Predislovie [Preface]. *Noviy obyasnitelnyy slovar sinonimov russkogo yazyka. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe* [New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language. Second Edition, Revised and Updated]. Moscow; Vena, Yazyki slavyanskoy kultury Publ.; Venskiy slavisticheskiy almanakh Publ. pp. 8-11 URL: <http://www.lrc-lib.ru/ruslang/noss/intro.pdf>
- Balyasnikova O.V., 2015. Language as an Instrument of Conflict and Conflictogenic Linguistic Processes in the Modern World: Slavic Area. (Review). *Aktualnye problemy Evropy* [Urgent Problems of Europe], no. 1, pp. 194–213.
- Balyasnikova O.V., Ufimtseva N.V., Cherkasova G.A., Chulkina N.L., 2018. Language and Cognition: Regional Perspective. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya:*

- Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], vol. 22, no. 2, pp. 232-250. DOI: 10.223632312-9182-2018-22-2-232-250.
- Boas F., 1997. Istoriya i nauka v antropologii [History and Science in Anthropology]. *Antologiya issledovaniy kultury* [Anthology of Cultural Studies]. Saint-Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., pp. 528-535.
- Bogachev R.N., 2008. The Language Structure Factor in the Analysis of the Language Picture of the World. *Nauchnaya mysl Kavkaza* [Scientific Thought of Caucasus], no. 3, pp. 70-74.
- Vaysgerber Y.L., 2009. *Rodnoy yazyk i formirovanie dukha* [Native Language and the Formation of the Spirit]. Moscow, LIBROKOM Publ. 232 p.
- Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. 1973. *Yazyk i kultura. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language and Culture: Linguistic and Cultural Studies in Teaching Russian as a Foreign Language]. Moscow, Moskovskiy Universitet Publ. 233 p.
- Vorotnikov Yu.L., 2006. "Language Picture of the World": the Interpretation of the Concept. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], no. 2, pp. 88-90.
- Hertz H., 1959. *Printsipy mekhaniki, izlozhennyye v novoy svyazi* [Principles of Mechanics Presented in a New Form]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ. 386 p.
- Gorobets A.F., 2008. Language and Cultural Pictures of the World: a Modern Approach to the Problem. *Kulturnaya zhizn Yuga Rossii*, no. 1 (26), pp. 11-13.
- Humboldt W. von, 2018. *Kontseptsiya obshchego yazykoznaniya: tseli, sodержание, struktura. Izbrannyye perevody* [The Concept of General Linguistics: Purpose, Content, Structure. Selected Translations]. Moscow, LENARD Publ. 504 p.
- Demin I.V., 2018. Semioticheskiy povорот v nauках o kulture [Semiotic Turn in Cultural Sciences]. *Semioticheskiy povорот v sotsialno-gumanitarnom poznanii: istoki, predposylki, kulturnyy kontekst* [Semiotic Turn in Social and Humanitarian Knowledge: Origins, Background, Cultural Context]. Samara, Samarskaya gumanitarnaya akademiya Publ., pp. 5-17.
- Denisenko V.N., 2006. Semantic Field Method and World Language Picture (Nominations of Change in the Russian Language). *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], no. 8, pp. 5-16.
- Elenevskaya M.N., Ovchinnikova I.G., 2016. [The Storage and Description of the Verbal Associations]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 3 (29), pp. 69-92.
- Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D., 2005. *Klyuchevyye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Language Picture of the World]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury. 540 p.
- Zolotykh L.G., 2007. *Kognitivno-diskursivnyye osnovy frazeologicheskoy semantiki* [Cognitive and Discursive Base of Phraseological Semantics]. Astrakhan, Astrakhanskiy universitet Publ. 265 p.
- Karasik V.I., 2002. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena Publ. 477 p.
- Karaulov Yu.N., 1976. *Obshchaya i russkaya ideografiya* [General and Russian Ideography]. Moscow, Nauka Publ. 355 p.
- Kolshanskiy G.V., 1990. *Obyektivnaya kartina mira v poznanii i v yazyke* [Objective Picture of the World in Knowledge and Language]. Moscow, Nauka Publ. 108 p.
- Kornilov O.A., 2003. *Yazykovyye kartiny mira kak proizvodnyye natsionalnykh mentalitetov* [Linguistic Pictures of the World as Derivatives of National Mentalities]. Moscow, CheRo Publ. 349 p.
- Krapotina T.G., 2017. *Ot kartiny mira realnoy k kartine mira metaforicheskoy: assotsiativno-obraznyy potentsial frazeologizma* [From the Picture of the Real World to the Picture of the Metaphorical World: Associative and Figurative Potential of a Phraseological Unit]. Moscow, ASOU Publ. 158 p.
- Lebedeva L.V., 2008. Modern Linguistic Approaches to the Study of the Linguistic Picture of the World. *Voprosy kulturologii*, no. 5, pp. 6-8.
- Leontyev A.A., 1976. Psikholingvisticheskiy aspekt yazykovogo znacheniya [Psycholinguistic Aspect of the Linguistic Meaning]. *Printsipy i metody semanticheskikh issledovaniy* [Principles and Methods of Semantic Research]. Moscow, Nauka Publ., pp. 46-73.
- Leontyev A.A., 1993. Yazykovoe soznanie i obraz mira [Language Consciousness and the Image of the World]. *Yazyk i soznanie: paradoksalnaya ratsionalnost* [Language and Consciousness: Paradoxical Rationality]. Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Publ., pp. 16-21.
- Leontyev A.A., 1996. *Yazyk ne dolzhen byt "chuzhim"* [Language should not be a "Stranger"]. *Etnopsikholingvisticheskie aspekty prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Ethnopsycholinguistic Aspects of Teaching Foreign Languages]. Moscow, MMA im.

- I.M. Sechenova – Institut yazykoznaniiya RAN Publ, pp. 41-47.
- Leontyev A.N., 1981. *Problemy razvitiya psikhiki* [Problems of the Psyche Development]. Moscow, MGU Publ. 584 p.
- Leskina S.V., 2009. *Russkie i angliyskie frazeologizmy peyorativnoy semantiki kak otrazhenie yazykovoy kartiny mira* [Russian and English Phraseologisms of Pejorative Semantics as a Reflection of the Linguistic Picture of the World]. Chelyabinsk, Atokso Publ. 148 p.
- Magomedova D.M., 2008. Modern Interpretation of the Concept of “Linguistic Picture of the World”. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki* [Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Human Sciences], no. 3 (4), pp.76-79.
- Nikitenko Z.N., 2010. *Shkolnoe obrazovanie v Evrope: Sovremennye tendentsii yazykovoy politiki* [School Education in Europe: Modern Trends in Language Policy] ([https://docviewer.yandex.ru/?url=ya-serp%3A%2F%2Fteacher1.ucoz.com%2F\\_id%2F0%2F49\\_.pdf&c=558af58188c4](https://docviewer.yandex.ru/?url=ya-serp%3A%2F%2Fteacher1.ucoz.com%2F_id%2F0%2F49_.pdf&c=558af58188c4) (Accessed 23 June 2015)).
- Plank M., 1975. *Izbrannye trudy. Termodinamika. Teoriya izlucheniya i kvantovaya teoriya. Teoriya otноситelnosti. Statyi i rechi* [Elected Works. Thermodynamics. Radiation Theory and Quantum Theory. Theory of Relativity. Articles and Speeches]. Moscow, Nauka Publ. 788 p.
- Pogorelaya E.A., 2006. *Russkaya yazykovaya lichnost v kontekste sotsiokulturnoy dinamiki postsovetskikh gosudarstv* [Russian Language Personality in the Context of Social and Cultural Dynamics of the post-Soviet States]. *Globalizatsiya-etnizatsiya: etnokulturnye i etno-yazykovye protsessy: v. 2 kn. Kn. 2* [Globalization-Ethnization: Ethnocultural and Ethno-Linguistic Processes: in 2 Books. Book 2]. Moscow, Nauka Publ., pp. 360-386.
- Postovalova V.I., 2014. *Yazyk kak deyatelnost: Opyt interpretatsii kontseptsii Vilgelma fon Gumboldta* [Language as an Activity: The Experience of Interpreting the Concept of Wilhelm von Humboldt]. Moscow, LENARD Publ. 256 p.
- Postovalova V.I., 2017. *Yazyk i miroponimanie: opyt lingvofilosofskoy interpretatsii* [Language and Worldview. Experience of Linguophilosophical Interpretation]. Moscow, LENARD Publ. 312 p.
- Mardieva L.A., Shchuklina T.Yu., eds., 2017. *Regionalnaya kartina mira v yazykovoy kontseptualizatsii: dinamika kulturnykh smyslov: sbornik statey* [Regional World Picture in Language Conceptualization: the Dynamics of Cultural Meanings: a Collection of Articles]. Kazan, Izd-vo Kazan. un-ta. 284 p.
- Ufimtseva N.V. ed, 2017. *Regionalnoe yazykovoe soznanie komi, russkikh i tatar: problemy vzaimovliyaniya* [Regional Linguistic Consciousness of Komi, Russians and Tatars: Problems of Mutual Influence]. Moscow; Yaroslavl, Kantsler Publ. 240 p.
- Serebrennikov B.A. ed., 1988. *Rol chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira* [The Role of Human Factor in Language. Language and Worldview]. Moscow, Nauka Publ. 216 p.
- Rubinshteyn S.L., 1998. *Osnovy obshchey psikhologii* [Basics of General Psychology]. Saint-Petersburg, Piter Publ. 705 p.
- Demin I.V. ed., 2018. *Semioticheskiy povорот v sotsialno-gumanitarnom poznanii: istoki, predposylki, kulturnyy kontekst: kollektivnaya monografiya* [Semiotic Turn in Social and Humanitarian Cognition: Origins, Background, Cultural Context. Collective Monograph]. Samara, Samarskaya gumanitarnaya akademiya Publ. 270 p.
- Stepanov Yu.S., 1997. *Konstanty: Slovar russkoy kultury* [Constants: Dictionary of Russian culture]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ. 824 p.
- Sukhareva Yu.V., 2012. [Interdependence of the Picture of the World and Language Picture of the World]. *Vestnik Juzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the South Ural State University. Series “Linguistics”], no. 2, pp. 110-113.
- Toporov V.N., 1992. Model mira [Model of the World.]. *Mify, narodov mira. Entsiklopediya* [Myths of Nations of the World]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya. Vol. 2, pp. 161-164.
- Uorf B.L., 1960. Nauka i yazykoznanie [Science and Linguistics]. *Novoe v lingvistike* [New in Linguistics]. Moscow, Inostrannaya literatura Publ. Iss. 1, pp. 169-182.
- Uryson E.V., 2003. *Problemy issledovaniya yazykovoy kartiny mira: Analogiya v semantike* [Problems of Studying the Language Picture of the World: Analogy in Semantics]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury. 223 p.
- Ufimtseva N.V., 2013. Ferdinand de Saussures Ideas from the Psycholinguistic Perspective. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 17, pp. 44-52.
- Ufimtseva N.V., 2016. Language Picture of the World: the Problem of Modeling. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 27, pp. 238-249.
- Heidegger M., 1986. Vremya kartiny mira [The Age of the World Picture]. *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade* [A New Technocratic Wave in the West]. Moscow, Progress Publ., pp. 85-118.

- Khizhnyak S.P., 2016. National Culture as a Factor of Forming Linguistic and Conceptual Pictures of the World (on the Example of Scientific World Picture in Jurisprudence). *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism], vol. 16, no. 2, pp. 130-134.
- Tsennoznaya kartina mira: lingvokulturnye aspekty*, 2016 [Value Picture of the World: Linguistic and Cultural Aspects], Volgograd, Paradigma; Tianjin, [b. i.]. 306 p.
- Chulikov Yu.M., 2010. Fairy-tale Picture of the World as a Fragment of Folklore Linguistic Picture of the World. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin], no. 4, pp. 147-151.
- Chupryna O.G., 2011. "Peace" and "Kinship" in Anglo-Saxon Language Model of World. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], no. 7, pp. 337-339.
- Shpilnaya N.N., 2017. *Yazykovaya kartina mira v strukture rechemyslitelnoy deyatel'nosti* [Language Picture of the World in the Structure of Speech-Thinking Activity]. Moscow, LENARD Publ. 152 p.
- Yuzdova L.P., 2009. Adverbial Qualitative Phraseological Units as means of Reflecting the Russian Language Picture of the World. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], no. 17 (155), pp. 119-123.
- Azab C., Clark T. 2017. Speak my Language or Look Like me? - Language and Ethnicity in Bilingual Customer Service Recovery. *Journal of Business Research*, vol. 72, pp. 57-68.
- Baydak A.V., Scharioth C., Ilyashenko I.A., 2015. Interaction of Language and Culture in the Process of International Education. *Procedia – Social and Behavioral Sciences. Vol. 215: International Education and Cross-Cultural Communication, Problems and Solutions, (IECC 2015): International Conference, 9-11 June 2015, Tomsk, Russia: [proceedings]*. Tomsk, pp. 14-18.
- Bekova Z.K., 2013. Ethnic Picture of the World and Its Influence upon the Process of Adaptation in Higher Educational Establishments. *4<sup>th</sup> World Conference on Psychology, Counseling and Guidance WCPCG-2013, 24-26 May 2013, Kultur University. Turkey, Istanbul*, pp. 939-943.
- Chakyroglu A.K., Suiyerkul B., 2014. Representation of the Concept "Hospitality" in the Kazakh Language. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, vol. 136, pp. 124-128.
- Debrenne M., Ufimtseva N., 2011. L'apport des Dictionnaires D'associations Lexicales aux Études de Sémantique. *Syntaxe et Sémantique*, no. 12, pp. 121-137.
- Faizah S., 2016. Psycholinguistic Determinants of Immigrant Second Language Acquisition. *Lingua*, vol. 179, pp. 24-37.
- Keith A., 2010. Vantage Theory and Linguistic Relativity. *Language Sciences*, vol. 32, iss. 2, pp. 158-169.
- Kent G.H., Rosanoff, A.J., 1910. A Study of Association in Insanity. *American Journal of Insanity*, vol. 67, no. 1-2, pp. 37-96, 317-390.
- Khorechko U.V., Khorechko U.V., Sentsov A.E., Ruchina A.V., Bolsunovskaya L.M., Kazaryan A.A., 2015. The Concept of "Tea" in the Language Picture of the World (Based on the Chinese and Russian Languages). *Procedia – Social and Behavioral Sciences. The XXVI Annual International Academic Conference, Language and Culture, 27-30 October 2015. Vol. 200*, pp. 215-223.
- Lau H.T., Lee R., 2018. Ethnic Media Advertising Effectiveness, Influences and Implications. *Australian Marketing Journal. Vol. 26*, pp. 216-220.
- Lucy J.A., 2015. Sapir-Whorf Hypothesis. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. 2<sup>nd</sup> Ed.* Oxford, Elsevier, pp. 903-906.
- Rosa J., 2016. Racializing Language, Regimenting Latinas/os: Chronotope, Social Tense, and American Raciolinguistic Futures. *Language and Communication*, vol. 46, pp. 106-117.
- Sharifian F., 2017. Cultural Linguistics and Linguistic Relativity. *Language Sciences*, vol. 59, pp. 83-92.
- Strotkina T., Gillespie D., 2014. An Onomastic Approach to the Works of A. Ivanov as a Reflection of the Artistic Picture of the World. *Procedia – Social and Behavioral Sciences. The XXV Annual International Academic Conference, Language and Culture, 20-22 October 2014. Vol. 154*, pp. 272-275.
- Taylor T.J., 2013. Calibrating the Child for Language: Meredith Williams on a Wittgensteinian Approach to Language Socialization. *Language Sciences*, vol. 40, pp. 308-320.

## DICTIONARIES

Ufimtseva N.V., Cherkasova G.A. *Russian Regional Associative Dictionary (European Part of*

- Russia*). In 2 parts. Part 1. From Stimulus to Reaction. Moscow, Moskovskaya mezhdunarodnaya akademiya Publ., 2018. 544 p.; Part 2. From Reaction to Stimulus. Moskovskaya mezhdunarodnaya akademiya Publ., 2019. 688 p.
- Apresyan Yu.D., ed. *New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms. Second Edition, Revised and Updated*. Moscow; Vienna, Yazyki slavyanskoy kultury; Venskiy slavisticheskiy almanakh, 2004. 1488 p. URL: <http://www.lrc-lib.ru/ruslang/noss/intro.pdf>
- Karaulov Yu.N., Cherkasova G.A., Ufimtseva N.V., Sorokin Yu.A., Tarasov E.F. *Russian Associative Dictionary*. In 2 vols. Moscow, AST-Astrel Publ., 2002. 991 p.
- Leontyeva A.A., ed. *Dictionary of Associative Norms of the Russian Language*. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1977. 192 p.
- Kiss, G.R., Armstrong, G., Milroy, R., 1972. *The Edinburgh Associative Thesaurus*. University of Edinburgh. URL: <https://w3id.org/associations/eat.nt.gz>

### Information about the Authors

**Natalya V. Ufimtseva**, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of Ethnopsycholinguistics Sector, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Bolshoy Kislovskiy Pereulok, 1, 125009 Moscow, Russia, [nufimtseva@yandex.ru](mailto:nufimtseva@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-7476-8421>

**Olga V. Balyasnikova**, Candidate of Sciences (Philology), Senior Researcher of Ethnopsycholinguistics Sector, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Bolshoy Kislovskiy Pereulok, 1, 125009 Moscow, Russia; Associate Professor, Sechenov First Moscow State Medical University, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Trubetskaya St., 8-2, 119991 Moscow, Russia, [o.balyasnikova@iling-ran.ru](mailto:o.balyasnikova@iling-ran.ru), <https://orcid.org/0000-0002-5501-5264>

### Информация об авторах

**Наталья Владимировна Уфимцева**, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики, Институт языкознания РАН, Большой Кисловский переулок, 1, 125009 г. Москва, Россия, [nufimtseva@yandex.ru](mailto:nufimtseva@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-7476-8421>

**Ольга Вениаминовна Балясникова**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики, Институт языкознания РАН, Большой Кисловский переулок, 1, 125009 г. Москва, Россия; доцент, Института лингвистики и межкультурной коммуникации, Первый МГМУ им. И.М. Сеченова, ул. Трубецкая 8-2, 119991 г. Москва, Россия, [o.balyasnikova@iling-ran.ru](mailto:o.balyasnikova@iling-ran.ru), <https://orcid.org/0000-0002-5501-5264>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.2>

UDC 81'374:81'42  
LBC 81.054-421

Submitted: 21.12.2018  
Accepted: 18.02.2019

## SEMANTIC CATEGORIES IN IDEOGRAPHIC DICTIONARIES

Sergey N. Vinogradov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

**Abstract.** The paper considers semantic categories presented in the ideographic discourse. Research material includes the information retrieval thesauruses reflecting scientific information activities and functional and ideographic dictionaries representing the discourse of training in writing school compositions and the epistolary discourse (letters of Russian writers). The author regards semantic categories as sign units (sign formations) whose content plane is general concepts, and denotation is various language (sign) means forming this general concepts. The article shows that semantic categories, as the result of categorization, reflect properties of the discourse - the functional and communicative field in which it appears, characteristics of the speech subject, character of the relation of the author of the text to its topic and to the addressee, interaction with the language code. The paper discusses the technique of semantic category choice, the formation of their list, their participation in creating the classification schemes of concepts, the opportunities of using ideographic dictionaries to solve linguistic and pedagogical tasks. The article provides the conclusions on the existence and nature of system communications of ideographic semantic categories with such cognitive aspects of the language as a problem situation in word using and understanding, classification of lexical units and concepts, psychology of thinking in language forms, specifics of extralinguistic factors in scientific and language activity in different private discourses.

**Key words:** semantic category, sign unit, ideographic dictionary, classification scheme, lexical choice, discourse, lexicography.

**Citation.** Vinogradov S.N. Semantic Categories in Ideographic Dictionaries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 1, pp. 23-32. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.2>

УДК 81'374:81'42  
ББК 81.054-421

Дата поступления статьи: 21.12.2018  
Дата принятия статьи: 18.02.2019

## СМЫСЛОВЫЕ КАТЕГОРИИ В СЛОВАРЯХ ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО ТИПА

Сергей Николаевич Виноградов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

**Аннотация.** Смысловые категории (СК), эксплицированные в идеографическом дискурсе, рассматриваются на материале информационно-поисковых тезаурусов, отражающих научно-информационную деятельность, и функционально-идеографических словарей, в которых представлены дискурс обучения написанию школьных сочинений и эпистолярный дискурс (письма русских писателей). В статье предложено определение СК как знаковой единицы (знакового образования), содержанием которого являются общие понятия, а денотатами – разнообразные языковые (знаковые) средства, формирующие общее понятие. Показано, что, будучи результатом категоризации, СК отражает свойства дискурса – функционально-коммуникативную сферу, в которой она возникает, характеристики речевого субъекта, характер отношения автора текста к его теме и адресату, взаимодействие с языковым кодом. Рассмотрены методики выбора СК и формирования их списка, участие данных категорий в создании классификационных схем понятий, возможности использования идеографических словарей при решении лингвистических и педагогических задач. Сделаны выводы о характере системных связей идеографических СК с такими когнитивными аспектами языка, как проблемная ситуация в словоупотреблении и понимании, классификация лексических единиц и понятий, психология

мышления в языковых формах, специфика экстралингвистических факторов в научно-языковой деятельности в разных частных дискурсах.

**Ключевые слова:** смысловая категория, знаковая единица, идеографический словарь, классификационная схема, лексический выбор, дискурс, лексикография.

**Цитирование.** Виноградов С. Н. Смысловые категории в словарях идеографического типа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 1. – С. 23–32. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.2>

## Введение

Актуальность изучения смысловых категорий в лексикографии связана, с одной стороны, с интересом лингвистов к когнитивным процессам категоризации в языке, а с другой – с необходимостью создания словарей идеографического типа, в структуре которых отражены процессы и результаты категоризации. Цель статьи – на основе семиотического понимания категории выявить смысловые категории (далее – СК), которые находят выражение в текстах лексикографического характера, имеющих идеографическую составляющую, – в информационно-поисковых тезаурусах и функционально-идеографических описаниях лексики разных дискурсов.

## Исходные понятия и определения

В русском языке слово *категория* многозначно. Согласно данным толковых словарей оно, во-первых, функционирует как термин в значении «общее понятие, отражающее наиболее существенные связи и отношения реальной действительности и познания», а во-вторых, выражает неспециализированное значение «группа лиц, предметов, явлений, объединенных общностью каких-нибудь признаков» (см., например: Ожегов, Шведова, с. 275). В приведенных толкованиях представлено разное понимание категории – как идеальной сущности и как группы предметов, «вещей». Эти же значения зафиксированы в философских словарях. Категории определяются как философские (Современный философский словарь, с. 312; Философский энциклопедический словарь, с. 204), фундаментальные понятия (Новая философская энциклопедия, с. 229), формы осознания в понятиях способов отношения человека к миру (Философский словарь, с. 237). Вместе с тем отмечается, что в разговорном языке категория – то же самое, что

вид, сорт, класс, ранг, «определенная категория служащих» (Философский энциклопедический словарь, с. 204). В психологическом словаре подчеркивается неоднозначность этого термина: «Одни авторы используют его, как будто он относится к реальным классам... Другие используют этот термин, как будто он относится к мысленным представлениям об этом классе в сознании человека... Некоторые предпочитают обращаться с этим термином прагматично и позволяют образцам поведения или употребления диктовать границы классов...» (Большой толковый психологический словарь, с. 344).

Таким образом, категория понимается и как мыслительная сущность (понятие), и как реальная совокупность объектов («вещей»).

Приведенные толкования этого термина соотносятся с составными частями знаковой ситуации – предметом и мысленным представлением (общим понятием). По-видимому, создание категорий – разновидность знаковой деятельности, в которой сами категории включены в знаковую ситуацию. Это должно учитываться при трактовке термина «категория». Например, в лингвистике существует определение морфологической категории как единства противопоставленных морфологических значений и средств их выражения. Такая трактовка соответствует дефиниции знака, приведенной Ф. де Соссюром: знак – «соединение понятия и акустического образа» [Соссюр, 1977, с. 100].

В лингвистике, как и в философии, категорию нередко характеризуют как феномен только плана содержания (например, как множества взаимоисключающих обязательных значений [Плунгян, 2011, с. 10]), но при этом имеют в виду и то, чем это содержание выражено, и название категории. Данное понятие конкретизируется посредством языковедческих терминов «грамматическая категория», «смысловая категория», «семантическая ка-

тегория», «понятийная категория». Процессы категоризации и их результаты не могут быть осмыслены без денотата, в котором представлена категория, и названия этой категории, закрепляющего ее существование в мысли. Например, СК «количество» в языке охватывает разноуровневые языковые средства – лексические единицы (*один, пять, несколько, много, многие* и т. д.), словообразовательные (например, суффиксы, обозначающие множественность или единичность: *листва, горошина* и т. д.) и морфологические средства (формы числа существительного) и др., а семантика этой категории – понятие ‘количество’. Обобщающее слово *количество* – вербализация данной категории, экспонент обобщенной знаковой единицы.

Под СК будем понимать результат когнитивного процесса категоризации – знаковую единицу (знаковое образование), планом содержания которой (которого) является общее понятие, а денотатом – разнообразные языковые (или шире – знаковые) средства, формирующие это общее понятие [Виноградов, 2016, с. 7].

### Методы

В исследовании был использован общенаучный описательный метод. Объектом описания явились категориальные значения, возникающие в языке и частных дискурсах. Из лингвистических методов исследования использовался когнитивный метод, поскольку категоризация, сущность которой анализируется в статье, является одним из основных когнитивных процессов.

### Идеографический словарь как сфера формирования смысловых категорий

Поскольку процесс категоризации универсален в той же степени, что и когнитивный аспект языка, СК обнаруживаются в различных сферах языкового функционирования и дискурсах. Например, СК являются названия функционально-семантических полей, отражающие разноуровневые языковые средства [Бондарко, 1990], терминологические единицы, образующие язык науки и охватывающие множество частных описаний фактов (ср. клас-

сифицирующую функцию терминов в [Головин, Кобрин, 1987, с. 13; Куликова, Салмина, 2002, с. 96; Скороходько, 1970, с. 160]), названия классов в библиотечных классификациях, дескрипторы информационно-поисковых языков как названия классов условной эквивалентности [Черный, 1975, с. 63].

В когнитивной лингвистике, вслед за Э. Рош и Дж. Лакоффом, утверждается динамический характер категорий. Так, Дж. Лакофф противопоставил традиционный логический взгляд и категоризацию под влиянием психофизиологических особенностей человека [Лакофф, 1988], в результате которой категории оказываются нечеткими классами с размытыми границами. Идея нечетких классов в языковедении не нова. Она берет начало в лингвистических теориях поля (см., например: [Щур, 1974]) и конкретизируется в работах, где функционально-семантические поля и другие языковые классы представлены как структуры, имеющие центр и периферию [Адмони, 1964; Бондарко, 1984; Гухман, 1971; Плунгян, 2003].

Динамизм формирования категорий, нечеткость представленных в них классов отражают динамизм когнитивной деятельности. Процесс категоризации осуществляется в условиях проблемной ситуации. В качестве таковых будем рассматривать ситуацию, имеющую более чем одну возможную альтернативу решения. Проблемными являются, например, ситуация выбора слова, когда приходится иметь дело с набором возможных вариантов названия, или понимания, когда носитель языка сталкивается с неоднозначностью толкования слова или определения понятия. По-видимому, проблемная ситуация всегда возникает при функционировании языковых единиц. Используя то или иное слово, носитель языка решает проблему выбора наилучшей формулировки [Виноградов, 2007, с. 266] (ср. выбор синонима при построении речи). В таком случае слово оказывается одной из альтернатив решения проблемы. Интерпретируя его или другую языковую единицу, носитель языка также решает проблему, поскольку интерпретация, как правило, не единична. В этом случае слово соотносится с множеством возможных интерпретаций и является вербальным выражением наличия проблемы выбора интерпретации.

Очевидно, что проблемная ситуация имеет место и в лексикографической работе. Словари можно сравнить с ответом к некоторой лингвистической задаче [Караулов, 1981, с. 42], и лексикограф тоже имеет дело с выбором. При составлении идеографических словарей проблемами являются выбор тематических областей, их наименований и лексики, наполняющей эти предметные области. Готовый идеографический словарь позволяет пользователю решать проблему выбора слов для выражения того или иного смысла (смыслового содержания, понятия).

### Смысловые категории в информационно-поисковом тезаурусе

При составлении информационно-поисковых тезаурусов необходима разработка классификационной схемы отраженных в нем понятий. Эта схема – один из источников лексических единиц для словаря и одновременно средство категоризации лексики. Названия ее классов являются СК в определенном выше смысле. Примерами таких названий могут служить следующие: МАТЕРИАЛЫ (лексика, обозначающая различные вещества, сырье, готовую продукцию, химические элементы и соединения), ОБОРУДОВАНИЕ (инструменты, приборы, машины, их части и детали и т. д.), ПРОЦЕССЫ (интеллектуальные, физико-химические, технологические и др.), КАЧЕСТВА (свойства, параметры, характеристики), ПРОЧЕЕ (теоретические понятия, географические названия, учреждения, персонал и т. д.) [Виноградов и др., 1981].

Такой или приблизительный набор СК может применяться в тезаурусах различных промышленных областей. Следует заметить, что выбор категорий и принадлежность к ним лексики предполагает прагматические решения, нарушающие строгость логических классификаций. Например, в тезаурусах по производству строительных материалов (разделы «Стекло и стеклоизделия» (ИПТ, 1980), «Цементная промышленность» (ИПТ, 1981), «Керамическая промышленность» (ТИП)) в категорию МАТЕРИАЛЫ попадают не только названия собственно материалов, но и изделия, изготовленные из них: *стеклоизделие, блок стеновой, изделие керамическое* и т. д.

Информационно-поисковый тезаурус представляет собой некоторую систему классификации, а его создание определяется правилами и методиками классифицирования. К области методики индексирования относятся иерархический и фасетный принципы составления классификационной схемы тезауруса.

В основе иерархической классификации лежит логическая операция деления понятия. В специальной литературе перечисляются формально-логические правила данной операции: деление понятий (классов) должно производиться только по одному основанию и быть соразмерным и непрерывным, а получаемые в результате подклассы – исключать друг друга [Черный, 1975, с. 37]. Однако эти строгие требования к классификации оказываются нежизнеспособными при построении тезауруса, так как противоречат психологической реальности, в которую «погружен» процесс создания словарей данного типа. Категоризация и классификация как деятельность носителей языка и составителей словарей носят «размытый», нечеткий характер. Поэтому на принцип иерархического строения, хотя сам он в указанной деятельности необходим, накладываются ограничения: при выделении лексических единиц, выражающих частные понятия, неизбежны различные основания этого выделения; подклассы лексики могут пересекаться (это проявляется в том, что одна и та же лексическая единица может попасть в разные категории и, соответственно, иметь разные вышестоящие лексические единицы); при выделении лексических единиц могут быть лакуны в содержании, которые не имеют названий (обозначений).

В основе фасетной классификации лежит фасетный анализ, идея которого принадлежит индийскому библиотековеду Ш.Р. Ранганатану [Черный, 1975, с. 52]. Этот анализ начинается с составления перечня основных категорий объектов, применяемых в описываемой предметной области, – фасетов. Затем из корпуса текстов выписываются все важные лексические единицы и группируются по фасетам, то есть объединяются в соответствующие классы. Множество лексических единиц, обозначающих материалы, объединяются в фасет «Материалы», свойства, параметры, характеристики – в фасет «Качество» и т. д.

Фасетная классификация лексики предполагает использование иерархического принципа, так как лексические единицы внутри фасета принадлежат к разным уровням иерархии и позволяют устанавливать в словаре иерархические отношения внутри лексического состава. Перечисленные выше СК МАТЕРИАЛЫ, ОБОРУДОВАНИЕ и т. д. являются по существу названиями фасетов.

Фасеты – не результат деления единого понятия, а форма отражения различных аспектов рассмотрения предметной области. Это делает их гибким средством описания, например, в области библиографии, когда описываемый документ не принадлежит к некоторой заранее заданной рубрике, а характеризуется лексикой из разных фасетов. По-видимому, фасетный принцип отражает психологическую реальность классификации, а именно – ее творческий характер, когда классифицируемый предмет не относят к готовому классу, а синтезируют классификационные признаки этого предмета, которые в дальнейшем позволяют объединять сходные классифицируемые предметы в один класс.

Чтобы задать список фасетов, необходимо выделить аспекты рассмотрения предметной области, которые зависят от дискурса использования лексических единиц. Дискурс, в котором используется информационно-поисковый тезаурус, – информационная деятельность. При составлении такого типа тезаурусов влияние дискурса определяется в первую очередь тематическим охватом, который отражается в отборе лексического состава словаря. В информационно-поисковых тезаурусах разных отраслей этот охват различен. Тем не менее есть общие когнитивные закономерности языка, которые отражены в процессах составления тезауруса, – необходимость категоризации лексики и прагматический характер этой категоризации. В.Е. Чернявская выделяет в коммуникативной ситуации ряд экстралингвистических факторов: 1) функционально-коммуникативную сферу, в которой создается и воспринимается текст: обиходно-бытовая, официально-деловая, научная, религиозная, литературно-художественная и прочие сферы человеческой деятельности и общения; 2) индивидуально-социальные характеристики речевого субъекта, порождаю-

щего текст, а именно – возрастная, профессиональная, социальная, гендерная и другие характеристики; 3) характер отношения субъекта речи к ее адресату: непринужденный, официальный, коллегиальный и др.; 4) характер отношения автора текста к его теме / содержанию: нейтральный, эмоционально-оценочный, субъективно отмеченный, подчеркнута объективный, профессионально-специальный и др.; 5) взаимодействие с языковым кодом: стилистически осознанное, намеренно разговорное или метафорическое употребление языка и др. [Чернявская, 2006, с. 12–13]. Думается, что по крайней мере часть этих факторов играет важную роль в прагматике составления и использования информационно-поисковых тезаурусов – в принятии тех или иных «рабочих решений» при их составлении.

### СК в функционально-идеографическом словаре

В словарях идеографического типа могут найти отражение частные дискурсы, столь же разнообразные, как и человеческая деятельность в целом. В качестве примера реализации такой возможности рассмотрим функционально-идеографический словарь, составленный в процессе учебной деятельности, содержание которой – обучение школьников написанию сочинений на литературную тему. Под функционально-идеографическим понимается «словарь, содержащий различные языковые средства выражения одного и того же смысла и особенности употребления этих языковых средств в речи» [Виноградов, 1997, с. 7–8]. В школьном сочинении выделяется специфический для этого вида текстов набор элементов содержания: характеристика, событие, сопоставление, источник информации, цель, причина, точка зрения, уверенность, предположение, акцент, вывод [Козлинская, 2009, с. 256] (по принятой нами терминологии, это – перечисление СК). В процессе составления функционально-идеографического словаря осуществляется отнесение лексики к определенной СК (или, наоборот, выражение определенной СК с помощью определенных лексических и других языковых единиц).

В качестве источников языковых единиц, относящихся к различным СК, О.А. Козлинс-

кая использует текстовые фрагменты «образцовых» сочинений, представленных в сборниках для подготовки абитуриентов к вступительным экзаменам. Здесь обнаруживается параллель с методикой подготовки информационно-поискового тезауруса на базе лексических единиц, отобранных из специальной литературы. Например, О.А. Козлинская, описывая функционально-семантическое поле «Сопоставление», выделяет в текстовых фрагментах обороты со словами служебных частей речи «более... чем...», «менее... чем...», «так (же)... как (и)...», «в отличие от...», вводные слова, выражающие противопоставление одной мысли другой, противительные союзы в простом и сложносочиненном предложении, бессоюзные сложные предложения и т. д. [Козлинская, 2011, с. 364]. Другие функционально-семантические поля также представлены языковыми единицами и содержащими их текстовыми фрагментами.

В качестве методического средства для выбора СК возможно использование текста, который описывает предметную область, охватываемую функционально-идеографическим словарем. Например, описание дискурса обучения школьному сочинению может содержать названия самих блоков, их места и роли в процессе обучения, характеристику наполнения.

Примером использования СК в функционально-идеографическом словаре служит словарь по письмам русских писателей (общая идея такого словаря выражена в [Виноградов, 1997] и реализована нами в черновом варианте). Материалом для составления такого словаря послужили более 2 000 текстовых фрагментов из опубликованных писем А.А. Ахматовой, К.Д. Бальмонта, А.А. Блока, М.А. Булгакова, М. Горького, Н.С. Гумилева, О.Э. Мандельштама, К.Г. Паустовского, А.П. Платонова, И.С. Соколова-Микитова, М.И. Цветаевой, А.П. Чехова.

Словарь построен по функционально-идеографическому принципу. Тематические области, которые учитываются при упорядочении материала, – беспокойство, благодарность, возражение, жалоба и сожаление, извинение, напоминание, обещание, одобрение, «письмо Ваше получил» (ситуация, описываемая не отдельной лексической единицей, а целым высказыванием), пожелание, порицание, предло-

жение и совет, предположение, приветствие, признание (действие по глаголу *признаться*), просьба, радость, согласие, сочувствие, удивление, утешение. Лексические единицы *беспокойство*, *благодарность*, *возражение* и т. д. являются названиями СК. Под эти категории подводятся смысловые единицы, которые могут быть эксплицированы словами, словосочетаниями, предложениями, текстовыми фрагментами. Указанные тематические области (и содержание соответствующих СК) описываются посредством определений из толковых словарей и на основе содержательных комментариев. Например:

**БЕСПОКОЙСТВО.** Значение этого слова, отраженное в словарях, – тревожное состояние, волнение. Принимается во внимание только беспокойство, которое испытывает отправитель письма. Диапазон этого состояния, представленный в письмах, – от небольшого дискомфорта, легкой неловкости, стеснения, связанного с незначительными причинами (угнетенным состоянием, неудачно сказанным словом, чрезмерно длинным письмом, боязнью злоупотребить вниманием адресата) до сильнейшей тревоги и даже страха. Чаще всего авторы писем беспокоятся о здоровье знакомых, друзей и близких, об условиях их жизни (жилье, денежные средства и др.). Одна из главных причин беспокойства – отсутствие писем от адресата или третьих лиц.

Смысловые единицы упорядочены по тематическим областям. В каждой из них выделяются 5 смысловых блоков: 1) СК, 2) лексические единицы (слова в начальной форме, в отдельных случаях фразеологизмы и свободные словосочетания), передающие содержание данной тематической области и расположенные в алфавитном порядке, 3) список словосочетаний, предложений, речевых оборотов, этикетных формул, передающих данную тематику в виде связного сообщения, 4) текстовые фрагменты, содержащие лексику из 1-го и 2-го блоков, 5) текстовые фрагменты, передающие тематическое содержание не языковыми единицами из 1-го и 2-го блоков, а другими средствами (например, подтекстом).

Приведем фрагмент словарного описания одной из тематических областей. Цифры обозначают номера смысловых блоков, отточия – вакантные места, которые в высказываниях могут быть заменены различными (произвольными) элементами. Скобки в блоке 2 выделя-

ют необязательные (факультативные) элементы. Запятые в блоке 3 обычно отделяют вариативные части словесных формул. Угловые скобки в блоке 4 выделяют части текстов, пропущенные в примерах для краткости, круглые скобки – автора письма и адрес текстового фрагмента в книге-источнике.

#### 1. ЖАЛОБА И СОЖАЛЕНИЕ.

2. АХ, БЕДА, БЕЗОБРАЗИЕ, БОЛЬНО, ГОРЕ, ГОРЬКО, ГРУСТНО, ДОСАДА, ДОСАДНО, ДРЯНЬ, ЖАЛЕТЬ, ЖАЛКИЙ, ЖАЛКО, ЖАЛЬ, К НЕСЧАСТЬЮ, К СОЖАЛЕНИЮ, МУЧИТЕЛЬНО, НАКАЗАНИЕ, НЕЛЕГКО, НЕНАВИДЕТЬ, НЕПРИЯТНО, НЕПРИЯТНЫЙ, НЕСЧАСТЬЕ, ОБИДНО, ОГОРЧЕНИЕ, ОГОРЧИТЬ, ОДИНОКИЙ, ОДИНОКО, ПАДАТЬ ДУХОМ, ПЕЧАЛИТЬ, ПЕЧАЛЬ, ПЕЧАЛЬНО, ПЕЧАЛЬНЫЙ, ПЛОХО, ПЛОХОЙ, РАЗОЧАРОВАНИЕ, СКВЕРНЫЙ, СКУЧНО, СОЖАЛЕНИЕ, СОЖАЛЕТЬ, СОСКУЧИТЬСЯ. ТОСКА, ТОСКЛИВО, ТРУДНО, ТЯЖЕЛО, ТЯЖЕСТЬ, УВЫ, УЖАС, УЖАСНО, УЖАСНЫЙ, УСТАТЬ, (НЕ)ХВАТАТЬ, ХОТЕТЬСЯ, ЭХ.

3. Ах, почему я не сделал этого!

Ах, как бы я хотел, чтобы...!

(Ах, как) (мне) больно, горько, грустно, досадно, жалко, жаль, обидно, печально, плохо, скверно, ... (, что) (!) (Так) больно, грустно, ... (, что ...)!  
Беда!

(У меня) беда, несчастье.  
Безобразия!

(Это) (очень) больно, горько, грустно, досадно, неприятно, обидно, печально, тяжело.

(Вот, какая, вот какая) досада!

(...) к (моей) величайшей досаде, ...

(Я) жалею, что...

(... ,) к (великому, глубокому, моему глубокому) сожалению, ...

Что за наказание!

Я себя ненавижу.

(... ,) к несчастью, ...

Меня (очень) огорчает, огорчило, печалит, опечалило, что ... Это меня огорчает, огорчило. Я (очень) огорчен (тем), что... Меня огорчает, огорчило...

Я в отчаянии.

С печалью я думаю о...

Какое разочарование!

Скучно и грустно.

(... ,) к (великому, глубокому, моему глубокому) сожалению, ...

(Я) (очень, чрезвычайно) сожалею, что...

Увы! Увы мне!

Как мне не хватает...!

Эх! Эх, ...

4. У меня начинает являться сильное подозрение, что 2 000 р. ухнут в море русской революции. Ах, как пригодились бы мне эти две тысячи! Но не буду себя излишне расстраивать и вспоминать о них! (Булг., с. 389). <...>. Так больно, что я не мог эти дни писать тебе... (Пауст., с. 19). <...>. Очень жалею, что я не могу и не мог к праздникам сделать для них что-нибудь приятное (Чех., с. 158–159). <...>. Сегодня, пробега экзemplя, обнаружил еще один сюрприз, неприятнейшим образом поразивший меня (Булг., с. 541). <...>. Ваше письмо бесконечно обрадовало меня, и я буду очень счастлива возвратиться к прежним отношениям, тем более что более одинокой, чем я, даже и быть нельзя (Ахм., с. 13). <...>. В Москве, к сожалению, нам не удалось обстоятельно побеседовать, посидеть часок у стола (С.-М., с. 338). <...>.

Следует заметить, что вариативность высказываний, отраженных в блоках 3 и 4, гораздо выше, чем в данном примере, но невозможно и нет необходимости приводить все варианты с разнообразными личными местоимениями, глагольными формами, порядком слов и т. д.

Функционально-идеографический словарь по письмам русских писателей отражает движение мысли носителя языка (как выражается тот или иной смысл в текстах писем, какие смыслы выражаются в тех или иных текстовых фрагментах). Один и тот же текстовый фрагмент может содержать несколько СК. По логике использования СК отражают аспекты содержания текстовых фрагментов и с точки зрения классификации являются фасетами. Вероятно, на основе этих фасетов можно будет выделить виды содержания (или жанры, речевые стили) текстовых фрагментов. Подобный функционально-идеографический словарь можно использовать в качестве письмовника, а также в процессе изучения филологических дисциплин – стилистики, культуры речи, риторики, теории и истории литературы.

### Выводы

Таким образом, СК в словарях идеографического типа отражают когнитивные аспекты языка – проблемную ситуацию в словоупотреблении и понимании, классификацию лексических единиц и понятий, психологическую сторону процессов и результатов мыш-

ления в языковых формах. СК связаны не только с языковыми единицами и их логическими свойствами, но и с экстралингвистическими факторами, которые имеют свою специфику в разных дискурсах. Методика формирования набора СК в различных дискурсах обусловлена прагматическими задачами и характером деятельности, в которой используется язык.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адмони В. Г., 1964. Основы теории грамматики. М. : Л. : Наука. 105 с.
- Бондарко А. В., 1984. Функциональная грамматика. Л. : Наука. 134 с.
- Бондарко А. В., 1990. Функционально-семантическое поле // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл. С. 566–567.
- Виноградов С. Н., 1997. Функционально-идеографический принцип описания семантики текста (на материале писем русских писателей) // Освоение семантического пространства русского языка иностранцами : тез. докл. междунар. конф. Нижний Новгород : Нижегород. гос. лингвист. ун-т. С. 7–8.
- Виноградов С. Н., 2007. Аксиологический аспект словоупотреблений и текстовых повторов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 7. С. 265–269.
- Виноградов С. Н., 2016. Смысловые категории и смысл текста // Успехи современной науки и образования. Т. 3, № 10. С. 7–12.
- Виноградов С. Н., Глумов В. И., Ломакина О. А., Максимов В. Р., Русова Н. Ю., 1981. Особенности лингвистического обеспечения отраслевой автоматизированной системы научно-технической информации промышленности строительных материалов // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. № 2. С. 11–15.
- Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю., 1987. Лингвистические основы учения о терминах. М. : Высш. шк. 104 с.
- Гухман М. М., 1971. Единицы анализа словоизменной системы и понятие поля // Фонетика. Фонология. Грамматика : сб. ст. М. : Наука. С. 163–170.
- Караулов Ю. Н., 1981. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М. : Наука. 367 с.
- Козлинская О. А., 2009. Изучение смысловой структуры школьного сочинения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 6 (2). С. 255–259.
- Козлинская О. А., 2011. Описание функционально-семантического поля «Сопоставление» в тексте школьного сочинения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 1. С. 363–366.
- Куликова И. С., Салмина Д. В., 2002. Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии). СПб. : Сага. 352 с.
- Лакофф Дж., 1988. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. М. : Прогресс. Вып. XXIII. С. 12–51.
- Плунгян В. А., 2003. Общая морфология. Введение в проблематику. М. : УРСС. 342 с.
- Плунгян В. А., 2011. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т. 672 с.
- Скороходько Э. Ф., 1970. Семантические сети и некоторые количественные характеристики терминологической лексики // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М. : Наука. С. 160–170.
- Соссюр Ф. де, 1977. Труды по языкознанию. М. : Прогресс. 696 с.
- Черный А. И., 1975. Введение в теорию информационного поиска. М. : Наука. 238 с.
- Чернявская В. Е., 2006. Интерпретация научного текста. М. : КомКнига. 128 с.
- Щур Г. С., 1974. Теории поля в лингвистике. М. : Наука. 256 с.

### ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Большой толковый психологический словарь* – Большой толковый психологический словарь. В 2 т. Т. 1. А – О : пер. с англ. М. : Вече : АСТ, 2000. 592 с.
- ИПТ, 1980* – Информационно-поисковый тезаурус по промышленности строительных материалов. Раздел «Стекло и стеклоизделия». Первая редакция. М. : ВНИИЭСМ, 1980. 185 с.
- ИПТ, 1981* – Информационно-поисковый тезаурус промышленности строительных материалов ОАСНТИ-СМ. Раздел «Цементная промышленность». Первая редакция. М. : ВНИИЭСМ, 1981. 215 с.
- Новая философская энциклопедия* – Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 2 / Ин-т философии РАН. М. : Мысль, 2001. 634 с.
- Ожегов, Шведова* – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Большой толковый словарь русского языка. В 5 т. Т. 2. М. : Азъ, 1992. 506 с.

- Современный философский словарь* – Современный философский словарь / под общ. ред. д-ра филол. наук, проф. В. Е. Кемерова. 3-е изд., испр. и доп. М. : Академический проект, 2004. 864 с.
- ТИИ* – Тезаурус информационно-поисковый по промышленности строительных материалов АСНТИ-СМ. Раздел «Керамическая промышленность». Первая редакция. М. : ВНИИЭСМ, 1983. 266 с.
- Философский словарь* – Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Республика, 2001. 719 с.
- Философский энциклопедический словарь* – Философский энциклопедический словарь. М. : ИНФРА-М, 1999. 576 с.

### REFERENCES

- Admoni V.G., 1964. *Bases of the Theory of Grammar*. Moscow; Leningrad, Nauka Publ. 105 p.
- Bondarko A.V., 1984. *Functional Grammar*. Leningrad, Nauka Publ. 134 p.
- Bondarko A.V., 1990. Functional-Semantic Field. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., pp. 566-567.
- Vinogradov S.N., 1997. Functional and Ideographic Principle of the Text Semantics Description (on the Basis of Letters of Russian Writers). *Osvoenie semanticheskogo prostranstva russkogo yazyka inostrantsami: tezisy dokladov mezhdunarodnoy konferentsii* [Learning Semantic Space of the Russian Language by Foreigners: Abstracts of Reports of the International Conference]. Nizhny Novgorod, Nizhegorodskiy gosudarstvenniy lingvisticheskiy universitet Publ., pp. 7-8.
- Vinogradov S.N., 2007. The Axiological Aspect of Word Usage and Text Repetitions. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], no. 7, pp. 265-269.
- Vinogradov S.N., 2016. Sense Categories and Sense of the Text. *Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Success of Modern Science and Education], vol. 3, no. 10, pp. 7-12.
- Vinogradov S.N., Glumov V.I., Lomakina O.A., Maksimov V.R., Rusova N.Yu., 1981. Features of the Lingware of the Branch Automated System of Scientific and Technical Information of the Industry of Construction Materials. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 2. Informatsionnye protsessy i sistemy* [Scientific and Technical Information. Series 2: Information Processes and Systems], no. 2, pp. 11-15.
- Golovin B.N., Kobrin R.Yu., 1987. *Linguistic Foundations of the Doctrine of Terms*. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 104 p.
- Gukhman M.M., 1971. Units of the Inflectional System Analysis and the Concept of Language Field. *Fonetika. Fonologiya. Grammatika: sbornik statey* [Phonetics. Philology. Grammar: Collection of Articles]. Moscow, Nauka Publ., pp. 163-170.
- Karaulov Yu.N., 1981. *Linguistic Designing and the Thesaurus of a Literary Language*. Moscow, Nauka Publ. 367 p.
- Kozlinskaya O.A., 2009. A Study on the Semantic Structure of a School Essay. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], no. 6 (2), pp. 255-259.
- Kozlinskaya O.A., 2011. Description of the “Comparison” Functional and Semantic Field in the Text of a School Essay. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], no. 1, pp. 363-366.
- Kulikova I.S., Salmina D.V., 2002. *Introduction to Metalinguistics (System, Lexicographic and Communicative and Pragmatical Aspects of Linguistic Terminology)*. Saint-Petersburg, Saga Publ. 352 p.
- Lakoff Dzh., 1988. Thinking in the Mirror of Classifiers. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vypusk XXIII. Kognitivnye aspekty yazyka* [New Trends in Foreign Linguistics. Issue XXIII. Cognitive Aspects of Language]. Moscow, Progress Publ., pp. 12-51.
- Plungyan V.A., 2003. *General Morphology. Introduction to Problematics*. Moscow, URSS Publ. 342 p.
- Plungyan V.A., 2011. *Introduction to Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammatical Systems of the Languages of the World*. Moscow, Rossiyskiy gosudarstvenniy gumanitarniy universitet Publ. 672 p.
- Skorokhodko E.F., 1970. Semantic Networks and some Quantitative Characteristics of Terminological Vocabulary. *Lingvisticheskie problemy nauchno-tekhnicheskoy terminologii* [Linguistic Problems of Scientific and Technical Terminology]. Moscow, Nauka Publ., pp. 160-170.
- Sossyur F. de, 1977. *Works on Linguistics*. Moscow, Progress Publ. 696 p.
- Chernyy A.I., 1975. *Introduction to the Theory of Information Search*. Moscow, Nauka Publ. 238 p.
- Chernyavskaya V.E., 2006. *Interpretation of Scientific Text*. Moscow, KomKniga Publ. 128 p.
- Shchur G.S., 1974. *Theories of a Field in Linguistics*. Moscow, Nauka Publ. 256 p.

**SOURCES AND DICTIONARIES**

*Large Explanatory Psychological Dictionary.*  
In 2 vols. Vol.1. A-O. Moscow, Veche; AST Publ.,  
2000. 592 p.

*Information Retrieval Thesaurus on Building  
Material Industry. Glass and Glass Products  
Section.* First Edition. Moscow, VNIJeSM Publ.,  
1980. 185 p.

*Information Retrieval Thesaurus on Building Material  
Industry of the Branch Automated System of  
Scientific and Technical Information, Building  
Materials. Cement industry Section.* First Edition.  
Moscow, VNIJeSM Publ., 1981. 215 p.

*New Philosophical Encyclopedia.* In 4 vols. Vol. 2.  
E-M. Moscow, Mysl Publ., 2001. 634 p.

Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Large Dictionary of  
the Russian Language.* In 5 vols. Vol. 2. Moscow,  
Az Publ., 1992. 506 p.

*Kemerov V.E., ed. Modern Philosophical Dictionary.*  
Moscow, Akademicheskiy proekt Publ., 2004.  
864 p.

*Information Retrieval Thesaurus on the Construction  
Material Industry of the Branch Automated  
System of Scientific and Technical Information,  
Building Materials. Ceramic industry Section.*  
First edition. Moscow, VNIJeSM Publ., 1983.  
266 p.

Frolov I.T., ed. *Philosophical Dictionary.* Moscow,  
Respublika Publ., 2001. 719 p.

*Philosophical Encyclopedic Dictionary.* Moscow,  
INFRA-M Publ., 1999. 576 p.

**Information about the Author**

**Sergey N. Vinogradov**, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Modern Russian Language and General Linguistics, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Bolshaya Pокrovskaya St., 37, 603000 Nizhny Novgorod, Russia, vinogradov54@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5321-4932>

**Информация об авторе**

**Сергей Николаевич Виноградов**, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и общего языкознания, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, ул. Большая Покровская, 37, 603000 г. Нижний Новгород, Россия, vinogradov54@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5321-4932>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.3>

UDC 81'374:82-1  
LBC 81.054

Submitted: 22.01.2019  
Accepted: 01.03.2019

## DESCRIPTION OF PERSONIFICATION IN THE DICTIONARY AS A PROBLEM OF POETIC LEXICOGRAPHY<sup>1</sup>

**Zoya Yu. Petrova**

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

**Natalia A. Fateeva**

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

**Abstract.** The article offers a methodology for the lexicographic description of personification in the 6<sup>th</sup> volume of the “Materials for the Dictionary of Metaphors and Similes of the 19-21<sup>st</sup> Centuries Russian Literature. Human”. Personification is considered as constructions of metaphors and similes with the meaning of personalization, that is, comparative tropes with the vehicles belonging to the “Human” semantic category. The methodology is based on ideographic and chronological principles which allow us to summarize the information on the composition of comparative trope system and its development in the course of time. While grouping the material, the authors take into account the semantic relations of units in the language lexical system: “genus–species”, “action–actor”, “action–instrument”, synonymy, antonymy, conversion, derivation, etc. The main source of the dictionary is poetry and prose of the Russian writers of the 19-21<sup>st</sup> centuries (about 500 authors).

The paper presents the dictionary description methodology on the example of the dictionary entry titled “Death”, which serves as a pilot design for testing the ideographic classification of the entire volume. The prop words of tropes personifying death are divided into the following classes: “Units naming persons”, “Movement”, “Speech”, “Actions of death with a person”, “Physical states and processes in the body”, “Parts of the body”, “Emotions and emotional actions”, “Attributes of death”. The classification is developed on the basis of analyzing 2 500 figurative contexts personifying death taking into account already existing ideographic classifications. The article shows that evolution of semantic classes of vehicles is observed in the direction of increasing diversity of names of actions, functions, properties, characteristics, states, instruments of death.

**Key words:** personification, comparative trope, tenor, vehicle, dictionary entry, ideographic principle, chronological principle, lexicography.

**Citation.** Petrova Z. Yu., Fateeva N. A. Description of Personification in the Dictionary as a Problem of Poetic Lexicography. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 1, pp. 33-46. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.3>

УДК 81'374:82-1  
ББК 81.054

Дата поступления статьи: 22.01.2019  
Дата принятия статьи: 01.03.2019

## СЛОВАРНОЕ ОПИСАНИЕ ОЛИЦЕТВОРЕНИЯ КАК ПРОБЛЕМА ПОЭТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ<sup>1</sup>

**Зоя Юрьевна Петрова**

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, г. Москва, Россия

**Наталья Александровна Фатеева**

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, г. Москва, Россия

**Аннотация.** В статье предложена методика словарного описания олицетворения в шестом выпуске «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XXI вв. Человек». Под олицетворением пони-

маются конструкции метафор и сравнений со значением персонификации: компаративных тропов, образы сравнений которых относятся к семантической категории «Человек». Методика опирается на идеографический и хронологический принципы, что позволяет обобщить данные о составе системы компаративных тропов и о ее развитии во времени. При группировке материала учитываются семантические отношения единиц лексической системы языка: «род – вид», «действие – деятель», «действие – инструмент» синонимия, антонимия, конверсия, отношения словообразовательной производности. Основным источником словаря – поэзия и проза русских писателей XIX–XXI вв. (около 500 авторов). Методика словарного описания представлена на примере словарной статьи СМЕРТЬ, которая служит пилотной для построения идеографической классификации всего выпуска. Опорные слова тропов, персонифицирующих смерть, подразделяются на классы: «Обозначения людей», «Действия смерти с человеком», «Атрибуты смерти», «Движение», «Положение в пространстве», «Восприятие», «Звуки и речь», «Физические состояния и процессы в организме», «Части тела», «Эмоции и эмоциональные действия», «Отношения, взаимодействие человека со смертью», «Свойства характера и оценка». Классификация разработана на основе анализа 2 500 тропеических контекстов, персонифицирующих смерть, с учетом уже существующих идеографических классификаций. Показано, что классы образов сравнения развиваются в направлении большего разнообразия обозначений действий, функций, свойств, характеристик, состояний, инструментов.

**Ключевые слова:** олицетворение, компаративный троп, предмет сравнения, образы сравнения, словарная статья, идеографический принцип, хронологический принцип, лексикография.

**Цитирование.** Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. Словарное описание олицетворения как проблема поэтической лексикографии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 1. – С. 33–46. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.3>

### Общие замечания.

#### Методика словарного описания компаративных тропов

Мысль о связи компаративных тропов с языковой картиной мира, с системой семантических полей давно высказывалась исследователями и нашла воплощение в характеристике определенных классов (в разной терминологии – полей, моделей, парадигм) тропов [Баранов, 2014; Кожевникова, 1995 и др.], а также поэтических образов (Павлович), однако полного описания системы метафор и сравнений художественной литературы до сих пор не существует, а словарное представление олицетворения продолжает оставаться актуальной проблемой поэтической лексикографии<sup>2</sup>. На решение задачи целостного описания тропов в эволюционном аспекте направлен продолжающийся лексикографический проект «Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.». Системное представление компаративных тропов осуществляется на основе нескольких принципов. Во-первых, каждая метафора или сравнение характеризуется как элемент образной параллели, класса компаративных тропов, который в свою очередь входит в более крупный класс тропов. Если определить каждый компаративный троп как пару  $\langle x, y \rangle$ , где  $x$  – предмет сравнения (то, что сравнивает-

ся), а  $y$  – образ сравнения, то и  $x$ , и  $y$  являются элементами семантических полей, которые образуют систему, описываемую в терминах идеографической классификации лексики. Таким образом, при группировке словарных единиц применяется идеографический принцип, или принцип семантического поля. Во-вторых, систематизация осуществляется с учетом диахронического принципа, что позволяет представить в словаре систему компаративных тропов в ее развитии. В-третьих, языковой материал распределяется по синтаксическим типам конструкций, в которых встречаются опорные слова тропов, и по основаниям сравнения, что помогает глубже понять динамику грамматической структуры компаративных тропов в ее истории и смысловую мотивировку образных соответствий.

Авторы «Материалов для словаря...» стремятся к тому, чтобы тропы были представлены полным набором их семантических типов, и к тому, чтобы каждая образная параллель в словаре была проиллюстрирована контекстами из произведений, соотносимых с разными периодами развития русской художественной литературы. Основным источником словаря – поэтические и прозаические произведения русских писателей XIX–XXI вв. (около 500 авторов). В качестве дополнительного материала привлекаются примеры из древнерусской литературы, произведений XVIII в.,

а также фольклорные параллели, библейские контексты. При составлении последних выпусков словаря активно используется Национальный корпус русского языка (НКРЯ), в том числе его Поэтический подкорпус. К настоящему времени изданы пять выпусков «Материалов к словарю...»: выпуск 1 «Птицы», выпуск 2 «Звери, насекомые, рыбы, змеи», выпуск 3 «Растения», выпуск 4 «Камни, металлы», выпуск 5 «Ткани, изделия из тканей» (Кожевникова, Петрова). В статье представлен проект очередного (шестого) выпуска «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XXI вв.», который будет посвящен описанию олицетворения.

Как показывает сопоставление семантических классификаций образов сравнения, с одной стороны, первых пяти выпусков, а с другой – рассматриваемого в данной статье шестого выпуска, семантическая категория «Человек» устроена гораздо сложнее, чем перечисленные выше категории, соответствующие названиям выпусков 1–5. В этих выпусках подавляющее большинство опорных слов тропов составляют имена существительные. Их родо-видовые, синонимические и другие связи описываются достаточно однозначно. Кроме того, представлено небольшое количество глаголов и прилагательных, связи которых с ядерными элементами полей тоже легко устанавливаются. В категории «Человек» имена существительные (обозначения людей), глаголы (обозначения действий) и прилагательные (обозначения человеческих характеристик) составляют многочисленные и разветвленные классы лексических единиц, которые находятся друг с другом в сложных и не всегда однозначно устанавливаемых отношениях. Словарное описание метафорических и сравнительных конструкций со значением олицетворения, предполагающее решение задач систематизации и единообразного представления этих конструкций, классификации их по указанным выше принципам (семантическому, хронологическому и формальному), в силу многомерности описываемого множества элементов значительно усложняется по сравнению с предыдущими выпусками. Кроме того, описание олицетворения ставит перед лексикографами проблему представления таких связей между элементами разных классов

образов сравнения, которые участвуют в создании новых тропеических единиц на основе традиционных, то есть в эволюции тропов в языке художественной литературы.

## Олицетворение.

### Определение границ понятия

Олицетворение, или персонификация, – приписывание в контексте художественного произведения неживым предметам, животным, растениям и отвлеченным понятиям человеческих свойств – анализируется многими исследователями языка русской поэзии в разных аспектах: Е.А. Некрасова рассматривает олицетворение в ряду смежных тропов и его функции в некоторых поэтических идиостилиях [Некрасова, 1994], работы Я.И. Гина посвящены проблеме соотношения категорий рода и пола при олицетворении [Гин, 1992], С.К. Константинова обращается к семантическим классам персонифицируемых реалий и классам сочетающихся с ними предикатов со значением человеческих действий, состояний и свойств в языке художественной литературы первой половины XX в. [Константинова, 1997], М.Н. Эпштейна интересуют, среди разнообразных образов природы у русских поэтов, различия в образах олицетворенной природы у Есенина и Пастернака [Эпштейн, 1990, с. 248–250], И.И. Ковтунова изучает, наряду с другими метафорами и сравнениями Пастернака, «метафоры живого мира», одухотворяющие мир природы и мир окружающих человека вещей [Ковтунова, 1995, с. 171–186].

В науке нет единства мнений в понимании термина «олицетворение». Некоторые исследователи определяют его как приписывание неживым реалиям признаков не только человека, но и животного [Болквядзе, 1995, с. 5; Григорьев, 1979, с. 229]. Мы толкуем этот термин более узко и не включаем в описание контексты, отражающие зооморфизм. Однако те обозначения, которые являются общими для человека и животных, если в контексте нет других указаний на сравнение с животным, в словаре будут приведены (например, слова семантических классов «Сон», «Дыхание», сомагизмы *нога, живот, нос* и пр.). Подобным образом разграничиваются и единицы, входящие в категории «Человек» и «Сверхесте-

ственные и мифологические существа» (*бог, богиня, ангел, чудовище* и пр.): мы не рассматриваем контексты, в которых содержатся обозначения сверхъестественных и мифологических существ, наименования частей их «тела» и действий, специфичных для этих существ, отличающих их от человека (например, *крылья, летать*), но включаем в словарь обозначения общих признаков.

Далее, в отличие от Е.А. Некрасовой, которая определяет олицетворение, отделяя его от смежных тропов, в частности, метафоры [Некрасова, 1994], мы не разграничиваем эти феномены, понимая под олицетворением метафоры и сравнения со значением персонификации, то есть компаративные тропы, образы сравнений которых относятся к семантической категории «Человек».

**Представление олицетворения  
в «Материалах к словарю метафор  
и сравнений русской литературы  
XIX–XXI вв.»**

Основные семантические классы предметов сравнения в шестом выпуске «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XXI вв.» – «Окружающий мир» («Земля», «Вода», «Свет», «Огонь», «Растения», «Животные», «Предметы, созданные человеком» и др.), «Время» («Времена года», «Части суток» и др.) и некоторые концептуальные классы категории «Человек» (см. ниже).

Как мы уже отмечали, в отличие от предыдущих выпусков, классификация образов сравнения, входящих в категорию «Человек», гораздо более разветвленная и опорные слова тропов гораздо более многочисленны, что объясняется антропоцентризмом метафорической картины мира художественной литературы. Как и в предыдущих выпусках, названием каждой словарной статьи является обозначение реалии – предмета сравнения (например, ЗЕМЛЯ, МОРЕ, СОЛНЦЕ, ЗИМА, ДУША, ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ и т. д.), ее подразделами – обозначения образов сравнения семантической категории «Человек». Эта категория подразделяется на следующие основные классы: «Физические состояния, свойства, процессы в организме» («Сон», «Дыхание»,

«Питание», «Болезни» и т. п.), «Голос, звуки», «Восприятие», «Части тела», «Родство», «Отношения личной сферы», «Жизнь, смерть, возраст, судьба, различные жизненные обстоятельства», «Движения», «Физические действия», «Интеллект», «Эмоции, эмоциональные действия, свойства характера», «Социальная сфера», «Наука», «Искусство», «Религия», «Язык, речь», а также класс «Обозначения людей» (по профессии, по национальности, социальной роли и пр.), который может пересекаться со всеми перечисленными выше семантическими классами. Разные образы сравнения имеют разный диапазон предметов сравнения, к которым они могут относиться. Например, в классе «Обозначения людей» наибольшей широтой охвата предметов сравнения обладают термины родства [Петрова, 2017], а также обозначения *царь (царица), друг, часовой, гость, старик* и некоторые другие. В этом же классе есть и редкие образы сравнения, например, *шулер, мотоциклист (-ка)*, но и они не единичны. Образ сравнения *мотоциклист (-ка)* характеризует смерч и смерть:

(1) Смерчик еле зримый, предрассветно мглист, / Пронесется мимо, как **мотоциклист** (Мартинов 1956);

(2) смерть лошадка смерть **мотоциклистка** / смерть Орфея / в крагах и в очках летающая низко / над землею (Кривулин 1997).

Слово *шулер* образно обозначает море, стихии, жизнь, смерть:

(3) – А что? – Мы в Северном море. А оно может надуть, как **шулер** (Новиков-Прибой 1924);

(4) И, следя / Пути богатств, волнам врученных; хищно споря, / Как с шайкой **шулеров**, с стихиями (В. Державин 1934);

(5) И в карты, кажись, Стал я проигрываться / С пеленок. Жизнь – / Это **шулер**. / Подлая жизнь Любит играть / На крапленных (Уткин 1926–1933);

(6) Но, Боже, страсти знают лишь живые, / А смерть, как **шулер**, все возьмет к утру! (Амари 1939).

Каждый семантический класс тропов представлен в словаре как множество элементов, структуру которого задают соответствующие семантические поля прямых употреблений слов. При этом учитываются семантические связи слов поля: «род – вид», «дей-

ствие – деятель», «действие – инструмент», синонимия, антонимия, конверсия, отношения словообразовательной деривации и некоторые другие.

### Классификация материала на примере словарной статьи СМЕРТЬ

Рассмотрим классификацию языкового материала в 6-м выпуске словаря на примере описания одной словарной статьи этого выпуска. Классификация разработана авторами исходя из тропических контекстов, поэтических и прозаических, персонифицирующих смерть (около 2 500 контекстов), с учетом уже существующих идеографических классификаций лексики, представленных как в монографических исследованиях [Караулов, 1976], так и в лексикографических изданиях (Морковкин; Шведова).

Опорные слова тропов, персонифицирующих смерть, подразделяются на следующие классы: «Обозначения людей», «Действия смерти с человеком», «Атрибуты смерти», «Движение», «Положение в пространстве», «Восприятие», «Звуки и речь», «Физические состояния и процессы в организме», «Части тела», «Эмоции и эмоциональные действия», «Отношения, взаимодействие человека со смертью», «Свойства характера и оценка».

Эта классификация условна, так как, во-первых, элементы разных классов в ряде случаев связаны друг с другом сильной семантической связью. Так, наименования смерти *убийца*, *вор*, *ловец*, *косец*, относящиеся к классу «Обозначения людей», связаны соответственно с предикатами *убивать*, *похищать*, *ловить*, *косить*, относящимися к классу «Действия смерти с человеком». Во-вторых, в текстах семантические классы пересекаются. Например, взаимодействуют классы «Обозначения людей», «Действия смерти с человеком», «Атрибуты смерти», что восходит к мифологическим представлениям древних славян о смерти как старухе с косой (серпом) [Толстая, 2012]; «смерть то жадно пожирает людской род своими многоядными зубами, то похищает души, как вор, схватывая их острыми когтями, то, подобно охотнику, ловит их в расставленную сеть, то, наконец, как беспощадный воин, поражает людей стрелами или другим убийственным оружи-

ем» [Афанасьев, 1994, с. 43–44]. Эти представления отразились в русской литературе XVIII–XIX вв. в персонифицирующих номинациях *старуха*, *злодейка*, *лиходейка*, *вор*, *тать*, *ловец*, *витязь*; в предикатах со значением «убийство, уничтожение»: *губить*, *пресечь*, *отсечь*, *сокрушить*, *сразить*, *поразить*, *нанести удар*, а также в предикатах со значением «похищение, воровство»: *похищать*, *захватить*, *отнимать* и со значением «охота»: *ловить*, *загнать в сеть*; в обозначениях атрибутов смерти: *коса*, *серп*, *кинжал*. Например:

(7) Амур, Гимен со Смертью строгой / Когда-то шли одной дорогой / Из света по своим домам, / И вздумалось молодцам / Втащить **старуху** в разговоры (Дмитриев 1805);

(8) Приходит смерть к нему [смертному], как **тать**, / И жизнь внезапно **похищает** (Державин 1779);

(9) Да, это было все: горел твой ясный взор, / Звенел твой юный смех, задорный и беспечный, / И смерть все **отняла**, подкравшись к нам, как **вор**, / Все уничтожила с враждой бесчеловечной (Надсон 1883);

(10) Как ярый **витязь**, смерть нашла, / Меня, как хищник, **низложила**, / Свой зев разинула могила / И все житейское **взяла** (А.К. Толстой 1858);

(11) Одни другим корысть, гонящи и гонимы, / Как лисы хитростны, как львы неукротимы, / Доколе всех их Смерть, могущий сей **ловец**, / В железную **сеть** свою **загонит** наконец (Ширинский-Шихматов 1812);

(12) Чувствительну красу, приятность с добротой / **Посекла** смерть **косою**, / Прервавши нежную нить ее цветущих дней (Капнист 1797);

(13) Один лишь слабый человек, / **Косою** смерти **пораженный**, / Увявши, не восстанет ввек (В. Крассовский 1802);

(14) Ударил час, и смерть, **косою** / Взмахнув, **пресекла** жизни нить (Радищев 1804);

(15) Быть может, ночь сия началом / Спокойной, вечной ночи мне, / И острым люта смерть **кинжалом** / Меня **сразит** в сладчайшем сне (Мерзляков 1797);

(16) Не ревнуй отнюдь лукавым, / Беззаконным не завидь, / Скоро смерть **серпом** кровавым Их приидет **поразить** (Державин 1804).

Материал показывает, что элементы указанных классов встречаются попарно в одном контексте с указанными выше значениями, но мы разделяем их для удобства и единообразия словарного представления разных реалий – предметов сравнения – на 3 класса: «Обозна-

чения лиц», «Действия смерти с человеком», «Атрибуты смерти», в каждом случае отмечая их семантическую общность с помощью перекрестных отсылок.

Наиболее ранние образные наименования смерти посредством обозначений людей, перечисленные выше, детерминируют формирование следующих подклассов этого семантического класса: *старуха* – «Обозначения людей по полу и возрасту», *злодейка, лиходейка, тать, вор, ловец, витязь* – «Обозначения, связанные с видами человеческой деятельности», с дальнейшим подразделением на подклассы «Преступная деятельность» («Убийство», «Воровство»), «Охота», «Война». К ранним наименованиям смерти, входящим в этот объемный семантический класс, можно отнести и наименования людей по роду занятий: слова *всадник, седок*, которые связаны с библейским представлением о смерти – всаднике Апокалипсиса, слово *страж*, связанное с караульной функцией, и слова *косец, жнец и жница*, по своему основному значению связанные с мирным сельскохозяйственным трудом, но в образных описаниях смерти примыкающие к классу «Убийство, уничтожение». Предметным именам, связанным с видами деятельности, соответствуют глагольные метафоры, объединенные значением «Действия смерти с человеком», которые подразделяются на подклассы «Убийство, уничтожение» (предикаты с общим значением *губить, уложить в могилу*; предикаты, связанные с разными способами убийства: *сразить, сечь, косить, ударить*), «Воровство» (предикаты *похищать, хватать, взять*), «Охота» (предикаты *захватить добычу, загнать в сеть*), а также предикаты, связанные с караульной функцией смерти: *стоять стражем, сторожить*, и слова *битва, биться, борьба*, напоминающие о воинственности смерти и включенные нами в класс «Отношения, взаимодействие человека со смертью»; кроме них, в этот класс входят слова со значением «Игра»: *играть с кем-либо / во что-либо, проиграть, ходить козырем* и др., слова со значением «Обман, шутка»: *лгать, врать, шутить, обманывать*; однако элементы двух последних подклассов, судя по нашим данным, фиксируются в литературе с начала XX века. Действия смерти с человеком, как

правило, характеризуются как негативные, однако можно выделить несколько рядов обозначений действий с нейтральной оценкой, например, «Закрывать человеку глаза и рот»: *смыкать очи, сомкнуть вежды, закрыть очи, завесить очи, запереть уста, закрыть уста*; «Уводить, уносить человека»: *влечь, уносить, унести, умчать, уводить*, а также действий с позитивной оценкой: *объятия, обнимать, ласка, поцелуй, целовать, касаться к устам, обвенчать, помочь, поднять завесу с тайн* и др.

Среди метафорических предикатов, помимо класса «Действия смерти с человеком», с конца XVIII в. выделяется класс «Движение» с подклассами «Движение по направлению к субъекту, появление вблизи субъекта, в помещении, где находится субъект»: *приближаться, приходить, подходить, посетить, войти, вступать* и т. д. (этот подкласс предикатов связан с наименованиями *гость, гостья, пришлец*); «Движение за субъектом, преследование»; «Движение безотносительно к субъекту»: *идти, ходить, рыскать, бежать*; «Скакать на коне» (этот подкласс связан с наименованиями *всадник, седок*). Кроме того, выделяются классы «Положение в пространстве»: *стоять, сидеть, склониться*; «Стучать(ся)»: *стучать, стучаться, стук, стучаться в дверь / у дверей, стучаться к кому-либо, стучаться в грудь / сердце*; «Зрительное восприятие»: *смотреть, глядеть, поглядеть, глянуть, взирать*; «Речь, пение»: *говорить, сказать, шепнуть, разговор, ответствовать, звать, воскликнуть, петь*; «Физические состояния и процессы в организме» («Питание, пищеварение»: *глотать, поглощать, пожрать*; «Дыхание»: *дохнуть, дышать, дыхание, вздох*; «Сон»: *проснуться*); «Эмоции и эмоциональные действия»: *яриться, улыбаться, улыбка*.

В класс «Обозначения людей» входят также наиболее ранние обозначения лиц, связанных отношениями родства и дружбы / вражды: *невеста, мать, сестра, друг, подруга, ворог, враг* и наименования *гость, гостья, пришлец*, например:

(17) Когда бы жизнью он скучал / И смерть к себе как **друга** звал, / Тогда бы долго прожил с нами (Карамзин 1795);

(18) <...> отдаю за тебя свою дочь <...> – Нет, Евстафий, мне, видно, одна **невеста** – смерть <...> (Марлинский 1823);

(19) Скоро минуло отрадное время; / Смерть все пресекала, наш незванный **гость** (Катенин 1814).

(20) Там даже смерть, **пришлец** жестокий, / Склоняясь на одр неодинокий, / Теряет хладный ужас свой (Жуковский 1820).

Кроме того, выделяется класс «Свойства характера», большая часть входящих в него единиц выражает отрицательные характеристики: *лютая, грозная, неумолимая, угрюмая, суровая, хищная, алчная, жадная, ненасытная*, но в этот же класс включаются и обозначения проявлений положительных качеств – жалости, милосердия: *сжалиться, щадить, простить*.

Обширную группу олицетворений, фиксируемых в нашем материале с конца XVIII в., составляют обозначения частей тела, наиболее частотные из которых – *рука* и его синонимы *длань, десница*. *Рука* непосредственно связана с характерными для смерти действиями. *Рука* выполняет роль инструмента в конструкциях со словом *смерть* в качества агенса:

(21) И смерть хватала их холодною **рукой** (Пушкин 1815).

В ряде конструкций соматизм *рука* выполняет роль агенса; в них наблюдается метонимия на основе отношения «часть – целое» (рука – смерть): *Она не договорила, **рука** лютотой **смерти** оковала язык ее и смежила ангельские глаза навеки* (П. Шаликов 1819), ср. *Сомкнула **смерть** его земные вежды!* (Тютчев 1828–1829). Образные высказывания с этим соматизмом, выполняющим роль агенса, содержат чаще всего те же метафорические предикаты, с которыми сочетается слово *смерть*.

В поэтическом языке конца XVIII – первой половины XIX в. слово *рука* (*руки*) *смерти* встречается в сочетаниях с предикатами *хватать, прекратить нить жизни, разорвать цепь дней, губить, протягивать (простирает) руки, коснуться, тяготеть, уводить*.

Зафиксированы также «формульные» эпитеты, характерные для метафоры *рука*

*смерти*: *железная, холодная, ледяная*. Встречаются определения, выражающие не только отрицательную, но и положительную оценку (*непреклонная, ужасная, губительная, нещадная, угрюмая и упокоительная, благотворная, ласковая*).

В этот же период в поэтических текстах встречаются соматизмы *зев, челюсти, зубы*, связанные с типичными для смерти предикатами *глотать, поглощать, пожрать*:

(22) В толиком бедстве изнуренный, / Отверстый видя смерти **зев**, / Какой отрадой восхищенный, / Зрит некий свет он меж дерев! (Капнист 1796–1806);

(23) Се смерть, сто разинув, / Сто **челюстей** черных, / Прострет свою лютость / В твою грудь и сердце! (Радищев 1800–1802);

(24) Едва увидел я сей свет, / Уже **зубами** смерть скрежещет (Державин 1779).

В составе тропов употребляется соматизм *глаза* (в основном в устойчивых словосочетаниях *глядеть, заглянуть, поглядеть, смотреть в глаза смерти*):

(25) Сказываю тебе вперед: страшно заглянуть в **глаза** смерти (Ф. Булгарин 1830);

(26) Но какво, однако, сутки глядеть в **глаза** смерти! (Гончаров 1855).

Единичен контекст с обозначением *ухо* *смерти*:

(27) Голос не тронет безмолвного праха, и в хладно-немое / **Ухо** смерти не вкрадется сладкий ласкательства лепет (Жуковский 1839).

В литературных произведениях конца XVIII – первой половины XIX в. фиксируются обозначения атрибутов смерти, связанные с древними аллегорическими представлениями (см. выше), самое частотное из которых – *коса*:

(28) Изрек... и смерть тут улыбнулась, / Облокотившись на **косу**; / **Коса** на вью вдруг пригнулась – / Погиб надменный в том часу (Г. Каменев 1796);

(29) Не мни, чтоб смерть своей **косой** / Тебя в полете миновала; / Нет в мире тверди никакой, / Против ее чтоб устояла, / Как придет (Радищев 1780–1801).

*Коса* встречается в повторяющихся сочетаниях с глаголами *сечь, посесть, косить, скосить, истребить, поразить*:

(30) Чувствительну красу, приятность с добротой / **Посекла** смерть **косою**, / Прервавши нежну нить ее цветущих дней (Капнист 1797);

(31) Где его сила, / Где власть, краса? / Все **подкосила** / Смерти **коса** (И. Варакин 1812);

(32) Что, смерти **истреблен косою**, / Я вновь во прахе возрождусь (А. Клушин 1793),

а также с глаголами *занести, возносить косу; махать, взмахнуть, замахнуться косою*. Реже встречаются название другого сельскохозяйственного орудия – *сери* и название оружия – *кинжал*.

Все рассмотренные выше семантические классы персонифицирующих тропов развиваются во времени в направлении все большего разнообразия входящих в них элементов, это развитие происходит в результате актуализации семантических отношений в классах тропов. Важная задача рассматриваемого лексикографического проекта – продемонстрировать эволюцию семантических классов компаративных тропов в языке художественной литературы на протяжении всего исследуемого периода. Для этого материал в словаре организован по временному принципу, который позволяет проследить развитие каждого класса тропов.

Наличие в классе «Обозначения людей» образного наименования *старуха* обусловлено появлением различных женских образов смерти. Так, на основании отношений синонимии возникают обозначения *карга, пожилая особа женского пола* и др.:

(33) Что же дальше? Что там видно? – / Тьфу ты черт! – глядеть обидно: / С ликом жуткого врага / Смерть там видится, **карга** (Кропивницкий 1952);

(34) Смерть представляется в одушевленном виде, то есть живою, / паче же – **особой женского пола**. / **Старой девой** или вдовой военного; так вполне **пожилою**, / разгадывательницей кроссвордов в журнале «Семья и школа». / Непременной общественницей, активисткой в ЖЭКе. / Может быть, даже работницей городского собеса / иль профсоюза, шарящей по картотеке / подслеповато, с кариесом во рту (О. Николаева 1995).

Пополнение класса происходит за счет развития отношений «вид – род» в XX в. (к смерти применяются и обозначения без уточнения возраста: *женщина, дама, дамочка*):

(35) Ты – Смерть, **женщина** с умным взглядом, / Ты нежишь свое дитя? (Лозина-Лозинский 1916);

(36) Пока на грудь, и холодно и душно, / Не ляжет смерть, как **женщина** в пальто / И не раздавит розовым авто / Шофер-архангел гада равнодушно (Поплавский 1923–1930);

(37) Отыгрался червонный закат / и, на черную ночь посмотрев, / видит: высунулась из-за карт / смерть-лукавица, **дама** трэф (С. Петров 1943);

(38) Это понимаешь только вот накануне конца, когда подкрадывается тихонько какая-то болезнь и нашептывает по ночам, как сводня: «Ах, Захар, с какой я тебя **дамочкой** хочу познакомиться!» Это она – про смерть... (М. Горький 1928–1935),

а также отношений противопоставленности, контраста (метафоры, обозначающие противоположный *старухе* возрастной полюс: *девочка, девушка, девица*):

(39) Сияньем и сном растревожен вдвойне, / Я сонные глазки открыл, / И **девочка**-смерть наклонилась ко мне, / Как розовый ангел без крыл (Цветаева 1906–1912);

(40) Смерть – это **девушка** в одежде светлой, бальной, / Но у нее простой и добрый вид (Лозина-Лозинский 1912);

(41) Если ж смерть к нам постучится, / Вспомним, что она – **девица!** (Агнивцев 1915–1921).

Появляются и единичные образные характеристики смерти с семантическим признаком ‘мужской пол’ (возможно, в таких контекстах проявляет себя влияние германской традиции, персонифицирующей смерть в мужском образе): *старик* (vs. *старуха*), *мужчина* (vs. *женщина*):

(42) Ты умрешь бесславно иль со славой, / Но придет и властно глянет в очи / Смерть, **старик** угрюмый и костлявый, / Нудный и медлительный рабочий (Гумилев 1908);

(43) Смерть, погибель, кончина... / Но меня не обманешь родом, / я знаю: смерть – **мужчина**, / щеголь рыжебородый, / надушенный, статный, еле / заметно кривящий губы... / И так он меня полюбит, / что больше не встану с постели (В. Павлова 1997).

На основе отношений словообразовательной производности появляется новое иронически-фамильярное обозначение смерти с уменьшительным суффиксом (*старушка* < *старуха*):

(44) Пусть Кант-постовой засвистит в свисток, / а в Веймаре пусть Фейербах ревет: / «Прекрасных

видений живой поток / щелчок выключателя не прервет!» / Возможно, так. А возможно, нет. / Во всяком случае (ветер стих), / как только **Старушка** погасит свет, / я знаю точно: не станет их (Бродский 1964).

Ряд обозначений лиц, объединенных семантическим инвариантом «Преступная деятельность», включавший слова *злодейка, тать, вор*, пополняется новыми видовыми обозначениями:

(45) **разбойница** и грешница – / смирительница Смерть (С. Петров 1940);

(46) Ты – **гангстер**, сволочь, смерть, попутчик хилый (Луговской 1943–1956);

(47) Если у дерева тень зацветет, то засохнет / дерево тут же, а тень уподобится язве, / почву бесплодием отравит и даже не охнет – / сделает смерть откровенной **убийцей** (Жданов 1978–1991);

(48) Дай подольше посидеть у края бережка, / Злая Смертушка презлая, **Душегубушка!** (Чиннов 1984).

К этим наименованиям примыкают названия профессий, связанных с убийством:

(49) Отчаянье окрест и лютый плач: / И «Смерть» звался неведомый **палач** (Вяч. Иванов 1909);

(50) И к юду, в фартуке кровавом, / Не раз подходит смерть-**мясник**, / Но спит душа под салным сплавом – / Геенских лакомок балык (Клюев 1916–1918).

Класс названий профессий, состоявший в начале XIX в. из слов *страж, косец, жнец, жница, ловец, витязь*, пополняется большим количеством новых элементов как близких по семантике указанным обозначениям: *страж – сторож, часовой; ловец – охотник; витязь – стрелок, солдат*, так и далеких от них: *строитель, кузнец, рабочий, ветошница, машинист, мотоциклистка, кладоискатель, ключарь, садовница, землемерша, подрядчица*. Расширение ряда опорных тропов за счет названий некоторых профессий связано с развитием классов предикатов. Так, появление обозначений лиц по профессии, относящихся к области медицины (*лекарша, аптекарша, сестра милосердия*):

(51) За перегородкой аптекарша, / Сухошава: сплошная кость – / Смерть – безживотая **лекарша**, / Палец – ржавый гвоздь (Д. Бурлюк 1916);

(52) И смерть, как **сестра милосердная**, / в косянке красной и сером халате, / как привыкла бывать у себя в палате, / на помощь тихохонько подошла (С. Петров 1965),

объясняется развитием класса метафорических названий действий с позитивной оценкой. Среди них появляются предикаты со значением исцеления:

(53) Во все века страдания земли / Одна лишь смерть надежно **исцеляла** (Якубович 1881);

(54) Зачем люди клеветуют на смерть, представляют ее ужасною, жестокою? Жизнь страшна, жизнь свирепа, а смерть ласковый ангель. Она **исцеляет...** (Амфитеатров 1891–1896);

(55) Но плакать над судьбой я больше не должна, / И ненависть твою **излечит** смерть одна (Блок 1905),

с которыми указанные выше обозначения лиц связаны отношением «действие – деятель».

Аналогичным образом можно объяснить и появление обозначения *балерина*:

(56) Может быть, это будет картинно: / В розовато-жемчужном трико, / Улыбаясь, качаясь змеино, / Смерть, пленительная **балерина**, / Подбежит на пуантах легко (Чиннов 1974).

Оно непосредственно связано с предикатами *танцевать, плясать* и их производными *танец, пляска*, фиксируемыми в XX в. в более широком классе тропов со значением «движение» и связанными с древним аллегорическим сюжетом пляски смерти:

(57) Страшно в рождественскую ночь, когда смерть, обнявшись с бурей, **танцует** и гикает, взвиваясь снежным вихревым костром... (Тэффи 1910);

(58) Дышат ландыши весной, / Смерть танцует под сосной, / Плещут весла в гавани, Смерть **танцует** в саване (Б. Садовской 1915).

Этот ряд метафор пополняет и глагольная метафора *пойти вприсядку*:

(59) Я помню, город погребенный, / твою последнюю весну, / когда на площади Дворцовой, / махая тряпкою пунцовой, / **вприсядку** лихо смерть **пошла!** (Набоков 1921).

В XX в. появляются новые классы обозначений лиц, образно характеризующих смерть: «Игра на деньги, денежные отношения» (*крупье, шулер, спекулянт, торгаш, заимодавец*):

(60) Светлый гость, игрок задорный, / Разорется до нитки; / Ставка чести погибает, / Проигрыш **крупье** проворный – / Смерть – лопаткою сгребает (В. Иванов 1917);

(61) Стой, **спекулянт**-смерть, / хриплый твой вой лжив, / нашего дня не смей / трогать: он весь жив! (Асеев 1924),

«Властные функции» (*царица, владычица, государыня, хозяин, начальник, командир*):

(62) Пусть, поцелуй на мне оснуя, / Склонится смерть, **царица** жен (Хлебников 1911–1912);

(63) То Смерть-**владычица** была, / Она явилась на мгновенье, / Дала мне жизни откровенье / И прочь – до времени – ушла (Бальмонт 1894);

(64) А как музыка зазвучала / И очнулась вокруг зима, / Стало ясно, что у причала / **Государыня**-смерть сама (Ахматова 1965–1966);

(65) Смерть – наш **хозяин**; кровь – утучнение полей; стон – песня (Зайцев 1921);

(66) Великим **начальником**, не знающим ослушания, была смерть: она поравняла всех перед собой, она научила всех своему языку (Кузьмина-Караева 1924).

Со словом *хозяин* отношением конверсии связано обозначение *раба*:

(67) Себя стыдом ни разу не казнил, / И смертью он себя не изменил, / Смерть стала, как и жизнь, **рабой** покорной (Липкин 1979).

Класс терминов родства – обозначений смерти – пополняется словами *матушка, мама* и словом *отец* с подчеркнутым несовпадением по роду образа сравнения и предмета сравнения:

(68) И, как **отец**, / Над изголовьем смерть склонилась (Белоцветов 1930).

Развиваются и классы, включающие обозначения действий смерти. Так, класс «Движение» пополняется различными элементами, связанными с конкретизацией способов перемещения: *подползти, ползть* (ср. с традиционными обозначениями действий смерти *приблизиться, подойти*):

(69) Глаза глядят во мглу полярной ночи, / Но, как вода в земле, в нем кровь замерзла, / И на коленях смерть к нему **подползла** (Е. Полонская 1919);

(70) И когда нелепо, с краю / Смерть **ползет на кровать**, / Я смирюсь, но лишь не знаю: / Чем ее воспринимать?... (Г.А. Глинка 1972),

предикатами со значением противоположной направленности: *уйти, обойти, отступить* (ср. традиционное *прийти, приблизиться*):

(71) То Смерть-владычица была, / Она явилась на мгновенье, / Дала мне жизни откровенье / И прочь – до времени – **ушла** (Бальмонт 1894);

(72) и человека с таким посошком, если встретится где на дороге, смерть до время **обходит!** (Клычков 1927);

(73) Клянусь тебе, мы страшно будем биться, / Клянусь тебе – мы скоро победим, / и даже смерть **отступит**, устрашится / и рухнет наземь остовом своим (Берггольд 1941).

Для характеристики смерти наряду с предикатами *ходить, рыскать* начинают употребляться слова *бродить, шляться, блуждать, гулять, шататься*.

Все более разнообразны предикаты речи. В XX в. их ряд пополняют глаголы *бормотать, поведать, повествовать, причитать, огрызнуться, кричать*. Кроме того, смерти приписывается способность не только говорить, но играть на музыкальных инструментах (*звенеть колокольцами, наигрывать, играть на трубе, на свирели, на гуслях, на саксофоне*), например:

(74) Смерть **играет** в саду **на трубе**, Звон сиреней несется с аллея (Поплавский 1923–1930).

Развивается класс «Эмоциональные действия». Помимо элементов *яриться, улыбаться, улыбка*, для создания образа смерти используются такие единицы, как *смеяться, смех, хохотать, веселиться, плакать, рыдать*, например:

(75) Смерть, **смеясь**, к стеклу прильнула. / Эй, держи себя в руках! (Саша Черный 1923).

(76) Видно, смерть сама **рыдала**, / Близко к сердцу принимала / Человеческий удел (Чиннов 1958).

В классе «Действия смерти с человеком» расширяется подкласс обозначений негативных действий, который включал только названия губительных действий. Во второй половине XIX в. появляются, с одной стороны, новые обозначения *душить, встать на горло, вскочить, лечь на грудь*, характеризующие убийство:

(77) Смерть тотчас **на грудь** к нему **вскочила**, / Принялась **душить** его под горло (А. Майков 1860);

(78) Смерть **встала на горло** холодной ногой, / Ударила в спину железной клюкой (А. Прокофьев 1933).

С другой – появляются предикаты, обозначающие нанесение ущерба, не связанного с уничтожением:

(79) Смерть **сделала** тебе **бо-бо**, / О, мальчик мой Рембо! (Зенкевич 1926);

(80) Слишком мало уж было крови в его жилах, устала смерть **корезить** гибкое тело спортсмена, и выполз Сергей из-под нар через двое суток, волоча правую отнявшуюся ногу (К. Воробьев 1943);

(81) Им пришлось быть на фронте, и смерть **надавала пощечин**. / **Оскорбила** их смерть и пустила по свету, как камень (Слудский 1939–1956).

Подкласс «Охота» также пополняется новыми элементами, например:

(82) Все жившее замрет в восторженном экстазе / И Смерть **закинет сеть** на свой последний лов (Брюсов 1903);

(83) Жутко жить и весело. / Смерть **капканы свесила** (Городецкий 1912).

В классе «Отношения, взаимодействие человека со смертью» появляется новый подкласс со значением «Игра»: *играть в кости, в игру, в теннис, в дурачки, игра, проигрыш, смешать карты, ходить козырем* (см. обозначения людей: *шулер, крупье*):

(84) Смерть **играет** со мной в роковую **игру**, / Давит горло рукой беспощадной, / И я знаю, что я через месяц умру: / Стану грязью червивой и смрадной (Тиянков 1915);

(85) Не увидеть больше / Ни жены, ни дома... / **Ходит** смерть **козырем** с плеча! (П. Васильев 1932–1933).

Класс «Свойства характера и оценка» расширяется за счет разнообразных положительных эпитетов: *прекрасная, благая, сладкая, добрая, щедрая*, например:

(86) Смерть земная – всем сестра старшая, / Ты ко всем **добра**, и все смиренно / Чрез тебя проходят, будь благословенна! (Волошин 1919).

Развивается и класс «Физические состояния и процессы в организме». Подкласс «Питание», содержащий архаичные *поглотить*,

*пожрать*, пополняется общеупотребительными словами *съесть, переест, лакомиться*:

(87) Смерть-хищница пронырлива, хитра / И любит **лакомиться** молодыми, / Война – любимая ее пора, / Ее весна в сверканье, громе, дыме (Зенкевич 1953).

В этом же классе появляются обозначения ранее не встречавшихся в персонифицирующих контекстах физических состояний (*оцепенеть, устать, пьянеть, пьяная*) например:

(88) А рядом духовная смерть свирепеет / И сослепу косит, **пьяна** и сильна (Саша Черный 1908);

(89) **Пьянеет** смерть и мечется впотьмах / И, **пьяная**, вслепую мечет жребий... (М. Вера 1969).

В XX в. возникает новый класс образных обозначений «Магия» (*ворожить, заворожить, колдовать, расколдовывать*):

(90) Смерть в такую ночь **колдует**, / Тени множа и кружа (С. Клычков 1930–1931);

(91) Страшна душевная болезнь, а не смерть, недаром же у покойников всегда такие хорошие, умиротворенные лица. Даже у безумцев, вспомнил он с удивлением. Добрая сестра – смерть **расколдовывает** их души, прежде чем унести с собой (Нагибин 1972–1979).

Разнообразными элементами пополняется класс «Атрибуты смерти», первоначально включавший названия сельскохозяйственных орудий (*коса, серп*) и название холодного оружия (*кинжал*). Обозначения *коса* и *серп* встречаются в тропеических контекстах на протяжении всего рассматриваемого периода, в XX в. этот ряд пополняется словом *кирка*:

(92) И с **киркою** Смерть-кладоискатель Из сраженных души исторгает (Клюев 1915).

Наибольшее количество новых обозначений появляется в подклассе «Холодное оружие» (*секира, сабля, штык, нож*), потом к ним присоединяются обозначение *острога* («Орудия охоты»), а также названия других режущих предметов (*бритва, лезвие*):

(93) Придет ли смерть, загадочная сводня, / И **лезвием** по горлу защекочет, / Я все приму сегодня, / Чего смерть ни захочет (Хлебников 1921).

В классе «Оружие» формируется подкласс «Огнестрельное оружие»:

(94) Смерть несет через локоть **двустволку**, немые сосны, и звезды молчат (Асеев 1921).

Заметим, что такой атрибут смерти, как клюка, который первоначально упоминался при описании ситуаций, связанных с убийством (*смерть стучит клюкой в окно*), в поэтическом языке XX в. осмысливается как орудие убийства:

(95) Смерть встала на горло холодной ногой, / Ударила в спину железной **клюкой** (А. Прокофьев 1933).

Таким образом, системное описание компаративных тропов, осуществленное на основе предложенных принципов, позволило представить логику развития семантических классов образов сравнения в статье СМЕРТЬ шестого выпуска «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XXI вв.».

#### Результаты исследования. Выводы

Словарная фиксация олицетворения, позволяющая продемонстрировать реальное развитие в литературе персонифицирующих образных параллелей, представляет собой проблему поэтической лексикографии, так как классы образов сравнения становятся все более разветвленными, между ними возникают разнообразные отношения, на их пересечении рождаются новые тропеические конструкции, которые эволюционируют во времени.

На примере проекта одной словарной статьи (СМЕРТЬ) «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XXI вв. Выпуск 6. Человек» показаны пути решения этой лексикографической проблемы: охарактеризованы принципы описания олицетворения, основанные на идеографической классификации языкового материала.

Такое представление материала позволило обнаружить, что компаративные тропы в языке художественной литературы образуют систему, при этом классы компаративных тропов находятся в постоянной динамике, фиксация которой и осуществлена в словаре. Он

демонстрирует основные направления эволюционных процессов в этих классах. Так, в результате классификации обозначений смерти на основе принятых принципов выявлено, что развитие классов образов сравнения происходит в направлении все большего разнообразия обозначений действий, функций, свойств, характеристик, состояний, орудий смерти, чему способствует актуализация семантических отношений между элементами лексической системы языка: «род – вид», «действие – деятель», «действие – инструмент», синонимия, антонимия, конверсия, отношения словообразовательной производности.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00009 «Интерактивный словарь компаративных тропов русской художественной литературы XIX–XXI вв.».

<sup>2</sup> Под поэтической лексикографией понимается словарное представление художественного языкового материала как поэзии, так и прозы, в связи с расширенным толкованием поэтического языка как включающего в себя весь спектр художественно преобразованной речи вне зависимости от формы ее воплощения (см.: [Григорьев, 1979, с. 72–80]).

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасьев А., 1994. Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. Т. 1. М.: Индрик. 800 с.
- Баранов А. Н., 2014. Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры. 632 с.
- Болквядзе Б. И., 1995. Олицетворение как феномен речевого художественного мышления: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж. 26 с.
- Гин Я. И., 1992. Поэтика грамматического рода. Петрозаводск: КГПИ. 170 с.
- Григорьев В. П., 1979. Поэтика слова. М.: Наука. 344 с.
- Караулов Ю. Н., 1976. Общая и русская идеография. М.: Наука. 356 с.
- Ковтунова И. И., 1995. О поэтических образах Бориса Пастернака // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Опыт описания идиостилей. М.: Наследие. С. 132–207.
- Кожевникова Н. А., 1995. Эволюция тропов // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация. М.: Наука. С. 6–79.
- Константинова С. К., 1997. Семантика олицетворения. Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та. 112 с.

- Некрасова Е. А., 1994. Олицетворение // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Тropy в индивидуальном стиле и поэтическом языке. М. : Наука. С. 13–104.
- Петрова З. Ю., 2017. Соматизмы как источник метафор в русском языке и русской поэзии // Языковая личность. Аспекты изучения. М. : МАКС Пресс. С. 221–238.
- Толстая С. М., 2012. Смерть // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 5. М. : Международные отношения. С. 58–71.
- Эпштейн М. Н., 1990. Природа, мир, тайник вселенной... Система пейзажных образов в русской поэзии. М. : Высш. шк. 303 с.

### ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Кожевникова, Петрова – Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 1. М. : Языки русской культуры, 2000. 480 с. ; Вып. 2. М. : Языки славянских культур, 2010. 512 с. ; Вып. 3. М. : Языки славянской культуры, 2015. 448 с. ; Вып. 4, 5. М. : ЯСК, 2017. 680 с.
- Морковкин – Лексическая основа русского языка. Комплексный учебный словарь / под ред. В. В. Морковкина. М. : Русский язык, 1984. 1168 с.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
- Павлович – Павлович Н. В. Словарь поэтических образов : в 2 т. М. : Эдиториал УРСС, 1999. Т. 1. 795 с. ; Т. 2. 872 с.
- Шведова – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений : в 4 т. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1. М. : Азбуковник, 1998. 807 с. ; Т. 2. М. : Азбуковник, 2000. 762 с. ; Т. 3. М. : Азбуковник, 2003. 720 с. ; Т. 4. М. : ИРЯ Ин-т рус. яз., 2007. 952 с.

### REFERENCES

- Afanasyev A., 1994. *Poetic Beliefs of the Slavs about Nature*. In 3 vols. Vol. 1. Moscow, Indrik Publ. 800 p.
- Baranov A.N., 2014. *Descriptor Theory of Metaphor*. Moscow, Yazyki Slavyanskoy Kultury Publ. 632 p.
- Bolkvadze B.I., 1995 *Personification as a Phenomenon of Literary Language Thinking. Cand. Philol. Sci. Abs. Diss.* Voronezh. 26 p.

- Gin Ya.I., 1992. *Poetics of the Grammatical Gender*. Petrozavodsk, Karelian State Pedagogical Institute Publ. 170 p.
- Grigorev V.P., 1979. *Poetics of the Word*. Moscow, Nauka Publ. 344 p.
- Karaulov Yu.N., 1976. *General and Russian Ideography*. Moscow, Nauka Publ. 356 p.
- Kovtunova I.I., 1995. On Poetic Images of Boris Pasternak. *Ocherki istorii yazyka russkoy poezii XX veka. Opyty opisaniya idiostilei* [Essays on the History of 20<sup>th</sup> Century Russian Poetic Language. Trials of Idiostyles' Description]. Moscow, Nasledie Publ., pp. 132-207.
- Kozhevnikova N.A., 1995. Evolution of Tropes. *Ocherki istorii yazyka russkoy poezii XX veka. Obraznye sredstva poeticheskogo yazyka i ikh transformatsiya* [Essays on the History of 20<sup>th</sup> Century Russian Poetic Language. Figurative Means of the Poetic Language and Their Transformations]. Moscow, Nauka Publ., pp. 6-79.
- Konstantinova S.K., 1997. *Semantics of Personification*. Kursk, Kursk State Pedagogical University Publ. 112 p.
- Nekrasova E.A., 1994. Personification. *Ocherki istorii yazyka russkoy poezii XX veka. Tropy v individualnom stile i poeticheskom yazyke* [Essays on the History of 20<sup>th</sup> Century Russian Poetic Language. Tropes in the Individual Style and Poetic Language]. Moscow, Nauka Publ., pp. 13-104.
- Petrova Z.Yu., 2017. Somatisms as a Source of Metaphors in the Russian Language and Russian Poetry. *Yazykovaya lichnost. Aspekty izucheniya* [Linguistic Identity. Aspects of Research]. Moscow, MAKS Press, pp. 221-238.
- Tolstaya S.M., 2012. Death. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary]. In 5 vols. Vol. 5. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., pp. 58-71.
- Epshtein M.N., 1990. *Nature, world, Universe hiding place: system of landscape images in the Russian poetry*. Moscow, Vysshaya Shkola Publ. 303 p.

### SOURCES AND DICTIONARIES

- Kozhevnikova N.A., Petrova Z.Yu. Materials for the Dictionary of Metaphors and Similes of the 19–20<sup>th</sup> Centuries Russian Literature. Vol. 1. Moscow, Yazyki Russkoy Kultury Publ., 2000. 480 p.; Vol. 2. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kultur Publ., 2010. 512 p.; Vol. 3. Moscow, Yazyki Slavyanskoy Kultury Publ., 2015. 448 p.; Vol. 4, vol. 5. Moscow, YASK Publ., 2017. 680 p.

Morkovkin V.V., ed. *Lexical basis of the Russian language: a comprehensive learner's dictionary*. Moscow, Russkiy Yazyk Publ., 1984. 1168 p.  
*Russian National Corpus*. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.  
Pavlovich N.V. Dictionary of Poetic Images. In 2 vols. Moscow, Editorial URSS Publ., 1999. Vol. 1. 795 p.; vol. 2. 872 p.  
Shvedova N.Yu., ed. *Russkiy semanticheskiy slovar. Tolkoviy slovar, sistematizirovannyy po*

*klassam slov i znacheniy* [Russian Semantic Dictionary. Explanatory Dictionary Systematized by Word and Meaning Classes]. Vol. 1. Moscow, Azbukovnik, 1998. 807 p.; Vol. 2. Moscow, Azbukovnik, 2000. 762 p.; Vol. 3. Moscow, Azbukovnik, 2003. 720 p., Vol. 4. Moscow, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, 2007. 952 p.

### **Information about the Authors**

**Zoya Yu. Petrova**, Candidate of Sciences (Philology), Leading Researcher, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Volkhonka St., 18/2, 119019 Moscow, Russia, [zoyap@mail.ru](mailto:zoyap@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-5390-8029>

**Natalia A. Fateeva**, Doctor of Sciences (Philology), Chief Researcher, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Volkhonka St., 18/2, 119019 Moscow, Russia, [nafata@rambler.ru](mailto:nafata@rambler.ru), <https://orcid.org/0000-0003-0916-1161>

### **Информация об авторах**

**Зоя Юрьевна Петрова**, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, ул. Волхонка, 18/2, 119019 г. Москва, Россия, [zoyap@mail.ru](mailto:zoyap@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-5390-8029>

**Наталья Александровна Фатеева**, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, ул. Волхонка, 18/2, 119019 г. Москва, Россия, [nafata@rambler.ru](mailto:nafata@rambler.ru), <https://orcid.org/0000-0003-0916-1161>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.4>

UDC 81'374:025.43  
LBC 81.054-51

Submitted: 14.01.2019  
Accepted: 11.03.2019

## LEXICON AND SCENARIOS OF TOUCH PERCEPTION: TOWARDS DEVELOPING A RESEARCH THESAURUS<sup>1</sup>

**Anton A. Varlamov**

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

**Stanislav G. Inyashkin**

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

**Aleksandra V. Gorbacheva**

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

**Aleksey N. Semirechenko**

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

**Mikhail A. Osadchiy**

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

**Margarita N. Rusetskaya**

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

**Abstract.** The paper shows the important advance in sensory neuroscience achieved with a recent discovery of C-tactile system integrating mechanosensitive C fibers that innervate the hairy skin and representing the neurobiological substrate for the affective and rewarding properties of touch. It has drawn scientists' attention to social touch research and has increased the demand for developing psychometric instruments of touch perception assessment calling for developing an elaborated and cross-culturally validated touch lexicon. The paper focuses on creating a Russian touch lexicon and assessing the relevance of different sensory and emotional characteristics (a list of 270 adjectives and participles) to active ('I touch', 80 participants) and passive ('I am being touched', 75 participants) scenarios of touch perception by native speakers of the Russian language. A comparison to previously reported data for the sample of American English speakers has revealed a general similarity of Russian and English touch lexicons. Active touch perception scenario was characterized by the dominance of haptic characteristics (features relevant to sensory properties of objects), while in passive touch perception scenario a prominent increase was observed for the perceived relevance of touch recipient's sensory experience characteristics including words related to pain, tickle, chafing, and itch. The results suggest that the choice of particular words used in task descriptions and in semantic differential scales should be made relevant to the particular touch perception scenarios, rather than relying on a limited generic touch lexicon.

**Key words:** lexicographical description, lexicon, touch perception lexicon, emotional perception, sensory perception, haptics, semantic differential scales, assessment of subjective feelings.

**Citation.** Varlamov A.A., Inyashkin S.G., Gorbacheva A.V., Semirechenko A.N., Osadchiy M.A., Rusetskaya M.N. Lexicon and Scenarios of Touch Perception: Towards Developing a Research Thesaurus. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 1, pp. 47-61. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.4>

## ЛЕКСИКА И СЦЕНАРИИ ТАКТИЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В АСПЕКТЕ СОЗДАНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ТЕЗАУРУСА<sup>1</sup>

**Антон Алексеевич Варламов**

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

**Станислав Геннадьевич Иняшкин**

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

**Александра Вячеславовна Горбачева**

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

**Алексей Николаевич Семиреченко**

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

**Михаил Андреевич Осадчий**

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

**Маргарита Николаевна Русецкая**

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

**Аннотация.** Статья посвящена актуальной для психологии и психолингвистики задаче разработки лингвистических инструментов и дифференциальных шкал для оценки опыта и ощущений носителей разных языков. Ее решение осложняется тем, что сфера описания телесных ощущений и эмоций до сих пор не получила полноценного лексикографического представления в силу комплексности, вариативности и междисциплинарности объекта исследования. Приводятся результаты экспериментальной оценки носителями русского языка лексических единиц (270 слов и словосочетаний), используемых для характеристики тактильных ощущений как соответствующих или не соответствующих различным сценариям тактильного восприятия. Показано, что лексические единицы, оцениваемые носителями русского языка как наиболее релевантные для описания тактильного восприятия, принадлежат к ограниченному числу семантических категорий. Установлено, что сценарий тактильного восприятия оказывает существенное влияние на выбор лексики для характеристики возникающих ощущений: в сценарии активного тактильного восприятия («я прикасаюсь») наблюдается доминирование лексических единиц с «гаптическим» значением, описывающих тактильные характеристики объектов окружающей среды; в сценарии пассивного восприятия («ко мне прикасаются») на первый план выходят характеристики, непосредственно связанные с сенсорными ощущениями респондентов.

**Ключевые слова:** лексикографическое описание, лексикон, лексикон тактильного восприятия, эмоциональное восприятие, сенсорное восприятие, гаптика, дифференциальные шкалы, субъективные ощущения.

**Цитирование.** Варламов А. А., Иняшкин С. Г., Горбачева А. В., Семиреченко А. Н., Осадчий М. А., Русецкая М. Н. Лексика и сценарии тактильного восприятия в аспекте создания исследовательского тезауруса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 1. – С. 47–61. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.4>

### Введение

В настоящее время существует четко осознаваемый запрос к лингвистике на разработку и адаптацию психолингвистических инструментов, позволяющих описывать раз-

личные сенсорные и эмоциональные ощущения респондентов – носителей разных языков. Этот запрос наблюдается как со стороны фундаментальных наук и научно-исследовательских направлений (нейробиология, психофизиология, психофизика, когнитивная пси-

хология, психология развития, социология), так и со стороны прикладных дисциплин (нейромаркетинг, юзабилити, промышленный дизайн, эргономика, клиническая психология, коррекционная педагогика) [Баранова, 1994]. В настоящее время существует ряд методологических подходов, направленных на объективизацию субъективных ощущений и разработанных в рамках психолингвистики, когнитивной психологии и нейропсихологии: группа методов, связанных с дифференциальным психосемантическим шкалированием (метод семантического дифференциала [Баранова, 1994], шкалы SAM (Self-Assessment Manikin) [Bradley, Lang, 1994] и др.), семантическое картирование, методы структурированного и полуструктурированного интервью, метод свободного вербального отчета и свободных ассоциаций, метод метафор Зальтмана (ZMET) [Christensen, Olson, 2002], метод имплицитных ассоциаций (IAT) и др. Эти подходы характеризуются различным уровнем гибкости, надежности, трудоемкости и информативности. Выбор методологического подхода при проведении психосемантического исследования зависит от его задач и возможностей исследовательской группы, однако в последние десятилетия наиболее распространены дифференциальные шкалы, что связано с простотой квантификации данных и относительно низкими затратами времени при сборе данных и обработке полученных результатов. Дифференциальные шкалы, как правило, создаются или адаптируются для решения задач каждого исследования, и неудачный выбор оценочных прилагательных при создании системы шкал может значительно снизить валидность и информативность результатов [Al-Hindawe, 1996, p. 1–5]. В связи с этим для наиболее эффективного использования большинства психосемантических методов зачастую следует опираться на тезаурусы, лексиконы и иные лингвистические инструменты, описывающие определенные лексические группы с точки зрения их грамматики, семантики, особенностей актуального словоупотребления и сопутствующих им коннотаций. Наиболее эффективно разработка таких лингвистических инструментов может осуществляться в рамках междис-

циплинарных проектов совместными усилиями психологов и лингвистов: психологи осуществляют подготовку «технического задания» и выделяют семантические и функциональные признаки, наиболее релевантные для соответствующей области исследований в рамках сферы субъективных ощущений, а лингвисты осуществляют подбор и классификацию лексических единиц с учетом их семантики, грамматической специфики и особенностей актуального словоупотребления.

Данная статья посвящена изучению лексики, связанной с тактильным восприятием, и представляет результаты первого этапа работы, направленной на лексикографическое описание языковых единиц, используемых носителями языка для характеристики физических и эмоциональных ощущений. Статья предназначена лингвистам и психологам, заинтересованным в междисциплинарных исследованиях субъективных ощущений, а также всем специалистам, изучающим тактильное восприятие, социальные тактильные контакты и контактные жесты.

В статье используется методологическая парадигма, представляющая собой сочетание лингвистических и экспериментально-психологических подходов, которая дает возможность экспериментальным способом определить состав лексических единиц, являющихся в сознании носителей языка наиболее релевантными для характеристики той или иной области субъективных ощущений, и осуществить лексикографическое описание этих языковых единиц.

#### **Описание ощущений, связанных с эмоциональными аспектами тактильного восприятия**

Одно из наиболее ярких открытий последних десятилетий в нейробиологии тактильного восприятия – обнаружение у человека С-тактильной системы (C-tactile system), специализированной сенсорной системы, объединяющей высокочувствительные кожные механорецепторы, иннервированные «медленными» немиелинизированными нервными волокнами, которая обеспечивает положительные эмоциональные ощущения в ответ на нежные

медленные прикосновения [Варламов, Портнова, Макглоун, 2019; McGlone, Wessberg, Olausson, 2014]. Эта система играет важную роль в психоэмоциональном и социальном развитии ребенка, способствует формированию устойчивой привязанности ребенка к матери и сохраняет свое влияние на психоэмоциональное состояние человека на протяжении всей жизни. В связи с открытием нейробиологического субстрата, опосредующего воздействие тактильного восприятия и социальных тактильных контактов на развитие человека, в настоящее время наблюдается значительный рост интереса к изучению тактильного восприятия и разработке инструментов для оценки эмоциональных и сенсорных аспектов тактильных ощущений: разрабатываются и совершенствуются методики психофизических исследований, в первую очередь методика роботизированной тактильной стимуляции [McGlone, Wessberg, Olausson, 2014], создаются системы видеороликов и опросники, позволяющие оценить отношение к социальным тактильным контактам [Trotter et al., 2018; Walker et al., 2017] (в этих работах представлен и актуальный обзор методик для изучения тактильного восприятия).

Однако для того, чтобы иметь возможность максимально точно оценить ощущения человека при восприятии разных тактильных стимулов в разных социальных контекстах, необходимо создать хорошо описанный лексикон, представляющий собой подборку характеристик (слов и словосочетаний), используемых носителями разных языков в разных сценариях тактильного взаимодействия. В настоящее время наиболее изученной является классическая «быстрая» система механорецепции (Ab-система) [McGlone, Wessberg, Olausson, 2014], точно и оперативно предоставляющая нам информацию о тактильно воспринимаемых характеристиках объектов окружающей среды и о том, какой участок нашего тела соприкасается с объектом внешнего мира. Эти ощущения составляют предмет гаптики – научная область, исследующая физический и физиологический процесс тактильного восприятия и характеристики стимулов [Human haptic perception..., 2008, p. 15–39]. Работа этой сенсорной сис-

темы в большей степени связана с когнитивными аспектами перцепции; наибольшую эмоциональную значимость имеют ощущения, предоставляемые человеку С-тактильной системой, болевой системой и сенсорными системами, передающими ощущения зуда и щекотки. Соответственно, лингвистические инструменты следует разрабатывать с учетом данных особенностей биологической составляющей тактильного восприятия человека.

### Описание ощущений, связанных с восприятием щекотки

Еще в конце XIX в. Г.С. Холлом и А. Аллином были описаны два вида щекотки – книсмесис и гаргалезис, вызываемые разными стимулами и отличающиеся принципиально разными ощущениями [Hall, Allin, 1897]. Словом *щекотка* обозначается гаргалезис, который вызывается прикосновениями умеренной интенсивности к особым зонам кожи (стопы, подмышки и т. д.), сопровождается смехом и зачастую смешанными эмоциональными ощущениями. Другой вид щекотки, книсмесис, вызывается очень легкими прикосновениями к чувствительным участкам кожи и сопровождается высокой активацией, а также неприятными ощущениями и желанием почесать место прикосновения. Предположительно, этот вид щекотки связан с необходимостью защищаться от насекомых и иных паразитов [Harris, 1999]. До сих пор изучению этого аспекта тактильного восприятия уделялось весьма незначительное внимание. Однако по данным ряда исследований сенсорная гиперчувствительность и высокая тактильная дефенсивность у детей с расстройствами аутистического спектра наблюдается зачастую именно в отношении очень легких прикосновений [Cascio et al., 2008]. Это позволяет предположить, что именно гиперактивация сенсорных систем, обуславливающих ощущение книсмесиса, при аутизме приводит к повышенному уровню тактильной дефенсивности, который часто негативно сказывается на телесном взаимодействии детей с расстройствами аутистического спектра с родителями и близкими

и дополнительно затрудняет формирование эмоциональных связей [Hilton et al., 2010]. Тем не менее в настоящее время фактически отсутствуют лексиконы и другие валидизированные инструменты, позволяющие оценить различные аспекты щекотки, и авторы данной работы уже успели столкнуться с этим в рамках разработки системы оценочных шкал для экспериментальных схем с использованием роботизированной тактильной стимуляции.

### **Лексикон тактильного восприятия**

В последние десятилетия в рамках исследований восприятия было сформировано достаточно много частных тематических тезаурусов и лексиконов, посвященных сенсорным и эмоциональным ощущениям человека (например: [Ackerman, Puglisi, 2012; Barcenas et al., 1999; Ember, 1978; Hayakawa et al., 2010]). Это соответствует более общей тенденции последних лет к увеличению востребованности специальных словарей, словарей нового типа и словарей, описывающих невербальные аспекты коммуникации, таких как «Словарь языка русских жестов» [Григорьева, Григорьев, Крейдлин, 2001]. Зачастую частные тематические лексиконы создаются специалистами из соответствующих предметных областей и отличаются хорошей проработанностью с точки зрения предметной сферы, но недостаточным вниманием к лексикографической стороне вопроса.

Первая известная нам попытка создать тактильный лексикон была осуществлена группой С. Геста [Guest et al., 2011], который на основании оценки носителями английского языка 262 прилагательных разработал шкалы тактильного восприятия (Touch Perception Task, TPT), включающие 26 характеристик сенсорных ощущений и 14 характеристик эмоциональных переживаний, возникающих в процессе тактильного восприятия, и осуществил их последующую валидизацию. Респондентам было дано задание оценить прилагательные как релевантные или нерелевантные для ситуации, в которой человек прикасается к чему-либо или испытывает прикосновения кого-либо или чего-либо. Статистический анализ показал, что наиболее релевантными для

такой общей ситуации тактильного контакта являются «гаптические» прилагательные, характеризующие не столько непосредственные сенсорные ощущения, сколько объективные физические характеристики объектов окружающей среды (температура, влажность, мягкость, текстура поверхности). При этом прилагательные, характеризующие кожные ощущения, непосредственно не связанные с характеристиками объектов (боль, щекотка, зуд и т. д.), были оценены как менее релевантные для общей ситуации тактильного восприятия. Можно предположить, что это вызвано тем, что в сознании человека тактильное восприятие – восприятие с помощью прикосновений (touch perception) – в первую очередь связано именно с работой «гаптической» Аβ-системы, оперативно обеспечивающей нам наибольший объем информации об окружающем мире. Таким образом, конечный краткий вариант предложенных С. Гестом сенсорных шкал является в наибольшей степени приспособленным для исследований в области гаптики, но не для изучения эмоциональной стороны тактильного восприятия.

### **Цель, задачи и экспериментальная гипотеза исследования**

Планируя настоящее исследование, авторы поставили своей целью разработать лингвистически валидизированный инструмент – набор шкал для изучения тактильного восприятия, модифицировав экспериментальный подход С. Геста и предложив респондентам оценить релевантность прилагательных, причастий и словосочетаний не для общей ситуации тактильного восприятия, а для двух различных сценариев: ситуации, в которой человек сам прикасается к кому-либо или к чему-либо (активный сценарий), и в ситуации, когда человек ощущает прикосновение к себе кого-либо или чего-либо (пассивный сценарий). В рамках данного исследования были поставлены следующие задачи:

1) оценить, в какой степени будет различаться оценка релевантности различных семантических групп прилагательных в двух указанных выше сценариях тактильного восприятия;

2) проанализировать соответствие лексического значения наиболее релевантных характеристик функциональным особенностям различных кожных сенсорных систем (отдельное внимание планируется уделить лексике, связанной с С-тактильной системой, и лексике, связанной с ощущениями щекотки), то есть ответить на вопрос, в какой степени биологические аспекты тактильного восприятия соответствуют языковому сознанию носителей русского языка;

3) оценить, в какой степени тактильный лексикон носителей русского языка соответствует тактильному лексикону носителей английского языка;

4) сформировать список прилагательных, используемых для оценок сенсорных ощущений и эмоциональных переживаний, которые, по мнению носителей русского языка, являются наиболее релевантными для различных сценариев тактильного восприятия.

В качестве основной экспериментальной гипотезы исследования авторы выдвинули предположение о том, что при описании ощущений, возникающих у респондентов в ситуации активного восприятия, будут доминировать слова, выражающие «гаптические» характеристики тактильных ощущений, связанные с физическими особенностями объектов (*пушистый, скользкий, гладкий* и т. д.), тогда как при описании пассивного восприятия более значимую роль будут играть прилагательные, причастия и словосочетания, характеризующие непосредственные ощущения воспринимающего субъекта (*причиняющий боль, щекотный, натирающий* и др.). Авторы также предположили, что в ситуации пассивного восприятия, зачастую связанной с социальными тактильными контактами, большую роль будут играть слова, характеризующие отношение людей друг к другу, а не только эмоциональное состояние респондента (*любящий, заботливый* и др.).

#### Методы исследования

**Характеристики выборки.** В исследовании приняли участие 155 респондентов: все они носители русского языка, студенты бакалавриата и магистратуры, обучающиеся по

лингвистическим направлениям, 145 из них – женщины, 10 – мужчины, средний возраст 20,07 лет, SD (стандартное отклонение, показатель дисперсии оцениваемой переменной = 2,95 года). Испытуемые случайным образом были распределены по двум подгруппам с заданиями, соответствующими активному (80 респондентов) и пассивному (75 респондентов) сценариям восприятия. Респонденты знали, что принимают участие в исследовании лексики тактильного восприятия, но не обладали информацией о задачах исследования и наличии подгрупп.

**Экспериментальная схема исследования.** В соответствии с подходом, разработанным С. Гестом с соавторами, респондентам был предложен список из 270 характеристик, которые могут иметь различное отношение к ситуации тактильного восприятия: 268 прилагательных и причастий, 2 причастных оборота (*причиняющий боль и вызывающий мурашки*). Данный список основан на исходном списке С. Геста и представляет собой его русскоязычный эквивалент. Для того чтобы ввести респондентов в ситуацию, связанную со сценариями восприятия, им были предложены различные варианты вводных инструкций, соответствующие двум сценариям. Вводная инструкция для активного сценария: «Когда вы прикасаетесь к кому-нибудь или к чему-нибудь, у вас могут возникать самые разные ощущения. Характер этих ощущений будет различным в зависимости от силы и скорости прикосновения, свойств объекта, к которому вы прикасаетесь, и многих других факторов». Вводная инструкция для пассивного сценария: «Когда кто-то или что-то прикасается к вашей коже, у вас могут возникать самые разные ощущения. Характер этих ощущений будет различным в зависимости от силы и скорости прикосновения, свойств поверхности, которая прикасается к вашей коже, и многих других факторов». Респондентам предлагалось «оценить для каждого слова, в какой степени оно связано с сенсорным аспектом прикосновений (непосредственные физические ощущения, связанные с самыми разными прикосновениями к вашей коже), а в какой – с эмоциональным аспектом прикосновений (чувства

и эмоции, связанные с этими прикосновениями)». Прилагательные, причастия и словосочетания давались в среднем роде как характеристики прикосновения или ощущения. Список слов участникам каждой подгруппы предъявлялся в случайной последовательности.

На оценку всего списка слов у респондентов в среднем уходило около 20–25 минут.

**Статистический анализ результатов.** Для проверки экспериментальной гипотезы были использованы два подхода:

1) количественная и качественная оценка списков из 50 прилагательных и причастий, оцененных как наиболее релевантные для сенсорного и эмоционального аспектов в двух сценариях тактильного восприятия;

2) дисперсионный анализ с повторными измерениями по схеме Семантическая группа (2) × Сценарий восприятия (2), в котором оценивался средний балл релевантности для «гаптических» и «негаптических» прилагательных и причастий (за исключением температуры), вошедших в число первых 15 наиболее релевантных для сенсорного аспекта по каждому сценарию.

### Результаты исследования

Списки из 50 прилагательных и причастий, оцененных как наиболее релевантные для различных сценариев тактильного восприятия, приводятся в таблице 1 (сенсорный аспект) и таблице 2 (эмоциональный аспект).

В таблице 1 приводятся списки 50 лексических единиц, характеризующихся наиболее высокой релевантностью для пассивного и активного сценариев восприятия, с указанием среднего балла релевантности и стандартного отклонения.

В таблице 2 приводятся списки 50 лексических единиц, характеризующихся наиболее высокой релевантностью для пассивного и активного сценариев восприятия, с указанием среднего балла релевантности и стандартного отклонения.

Семантический анализ сенсорных характеристик, наиболее релевантных для активного сценария, показал, что в данном списке доминируют гаптические характеристики. Для пассивного сценария восприятия среди

десяти наиболее релевантных тактильных характеристик наблюдаются 6 «негаптических» слов и словосочетаний, выражающих различные тактильные ощущения (*причиняющее боль, вызывающее мурашки, щекотное, щекочущее, натирающее, колющее*). Семантический анализ пятидесяти наиболее релевантных характеристик для каждого из сценариев показал, что гаптические прилагательные и причастия связаны с такими свойствами объектов, как сухость / влажность, мягкость / твердость, гладкость / неровность, острота и различные фактуры поверхности. Негаптические прилагательные связаны с кожными ощущениями боли, зуда, раздражения (трения) и щекотки.

Прилагательные и причастия, связанные с температурными характеристиками объектов, по-видимому, актуальны для обоих сценариев. Семантический анализ эмоциональных характеристик, наиболее актуальных для различных сценариев, показал, что в ситуации пассивного восприятия – преимущественно социальные тактильные контакты – наиболее релевантные характеристики прикосновений и ощущений связаны с любовью, заботой и нежностью, то есть не с непосредственными эмоциональными ощущениями, а с межличностными чувствами и отношениями.

В дисперсионном анализе при вычислении среднего балла для семантических групп использовались следующие характеристики: *скользкое, мягкое, липкое, пушистое, мокрое, шершавое, колючее; причиняющее боль, вызывающее мурашки, колющее, щекотное, щекочущее, натирающее, царапающее*. Результаты дисперсионного анализа выявили наличие высокодостоверного взаимодействия  $F(1, 153) = 13,772, p < 0,001$  (см. рисунок).

Статистические данные показывают, что для активного сценария восприятия выше релевантность гаптических характеристик, а для пассивного – релевантность негаптических характеристик. Этот эффект достигается за счет того, что в активном сценарии восприятия значительно возрастает релевантность гаптических характеристик, тогда как релевантность негаптических характеристик является сопоставимой для обоих сценариев восприятия.

Таблица 1

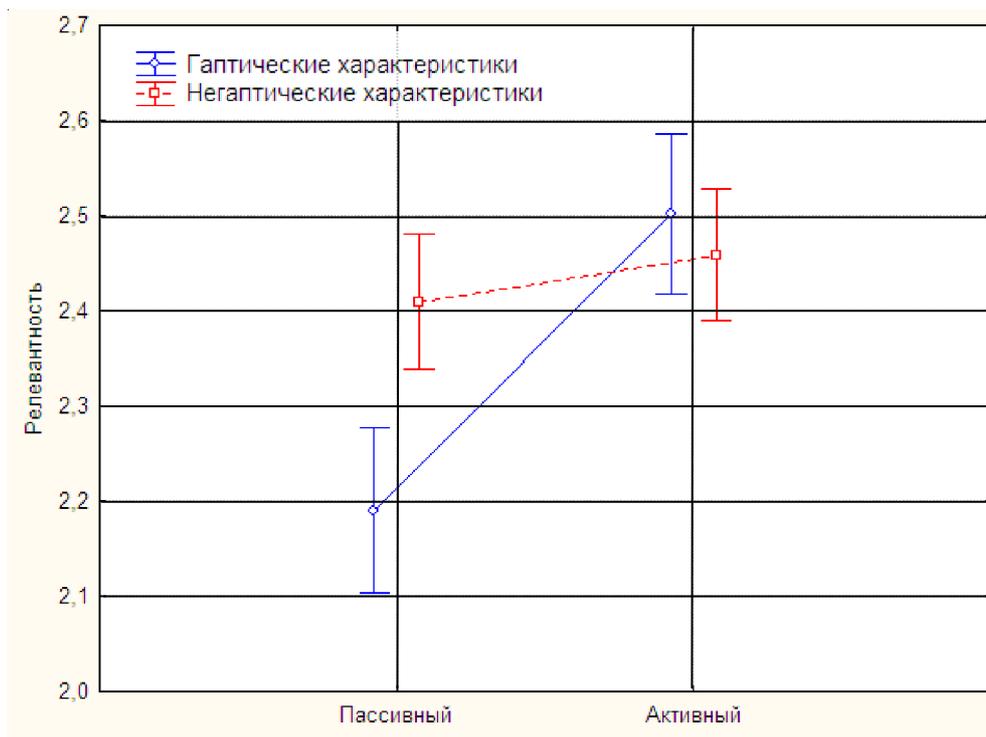
Лексические единицы, характеризующие сенсорный аспект прикосновений

№ п/п	Пассивное восприятие			Активное восприятие		
	Языковая единица	Ср.	SD	Языковая единица	Ср.	SD
1	Причиняющее боль	2,61	0,73	Скользкое	2,66	0,67
2	Вызывающее мурашки	2,49	0,78	Холодное	2,64	0,70
3	Ледяное	2,48	0,94	Колющее	2,60	0,81
4	Горячее	2,44	0,81	Горячее	2,58	0,94
5	Щекотное	2,43	0,93	Мягкое	2,55	0,87
6	Теплое	2,41	0,90	Липкое	2,55	0,83
7	Щекочущее	2,40	0,94	Причиняющее боль	2,55	0,93
8	Холодное	2,39	0,90	Пушистое	2,54	0,84
9	Колющее	2,36	0,92	Мокрое	2,52	0,83
10	Натирающее	2,33	0,95	Ледяное	2,52	0,84
11	Обжигающее	2,33	0,91	Шершавое	2,51	0,81
12	Мягкое	2,29	0,90	Теплое	2,50	0,87
13	Скользкое	2,27	0,93	Обжигающее	2,50	0,95
14	Бархатистое	2,25	0,95	Колющее	2,50	0,84
15	Шероховатое	2,24	1,05	Царапающее	2,49	0,90
16	Царапающее	2,24	0,90	Шелковистое	2,49	0,87
17	Колющее	2,24	1,01	Щекочущее	2,46	0,91
18	Мокрое	2,21	1,03	Вибрирующее	2,46	0,94
19	Липкое	2,20	0,97	Меховое	2,44	0,88
20	Влажное	2,20	1,05	Щетинистое	2,44	0,91
21	Нежное	2,19	0,95	Гладкое	2,44	0,84
22	Шелковистое	2,19	1,00	Клейкое	2,43	0,91
23	Пушистое	2,17	1,14	Раскаленное	2,42	1,00
24	Жаркое	2,16	1,01	Твердое	2,41	0,90
25	Трущее	2,15	0,97	Шероховатое	2,41	0,87
26	Шершавое	2,13	1,04	Плюшевое	2,41	0,91
27	Острое	2,12	1,16	Натирающее	2,40	0,95
28	Жесткое	2,12	1,05	Щекотное	2,40	0,89
29	Раскаленное	2,11	1,18	Шипастое	2,39	0,93
30	Гладкое	2,09	1,07	Мохнатое	2,38	1,02
31	Клейкое	2,08	1,15	Жесткое	2,36	0,86
32	Потное	2,08	1,06	Жирное	2,35	0,96
33	Противное	2,08	0,97	Скользкое	2,34	1,01
34	Пульсирующее	2,08	1,10	Влажное	2,34	0,97
35	Скользкое	2,08	1,08	Острое	2,34	1,07
36	Прохладное	2,07	1,00	Бархатистое	2,33	1,05
37	Зудящее	2,07	1,08	Жгучее	2,31	1,03
38	Щетинистое	2,07	1,11	Вызывающее мурашки	2,31	0,92
39	Грубое	2,05	0,97	Маслянистое	2,29	1,06
40	Меховое	2,05	1,10	Металлическое	2,28	1,01
41	Возбуждающее	2,04	1,07	Нежное	2,28	0,99
42	Ощутимое	2,03	1,03	Приятное	2,28	1,02
43	Маслянистое	2,01	1,10	Чешуйчатое	2,26	1,06
44	Ворсистое	2,01	1,10	Волосатое	2,26	1,09
45	Приятное	2,01	0,94	Пульсирующее	2,26	0,94
46	Вибрирующее	2,00	1,17	Бугристое	2,26	0,98
47	Атласное	1,99	1,18	Нагретое	2,25	1,07
48	Ласковое	1,99	0,99	Сырое	2,24	1,07
49	Неприятное	1,99	0,99	Слизистое	2,24	1,06
50	Шерстистое	1,99	1,10	Рифленое	2,24	1,07

Таблица 2

## Лексические единицы, характеризующие эмоциональный аспект прикосновений

№ п/п	Пассивное восприятие			Активное восприятие		
	Языковая единица	Ср.	SD	Языковая единица	Ср.	SD
1	Любящее	2,67	0,74	Приятное	2,61	0,80
2	Заботливое	2,63	0,71	Вызывающее мурашки	2,60	0,72
3	Нежное	2,59	0,66	Неприятное	2,56	0,84
4	Приятное	2,59	0,76	Причиняющее боль	2,54	0,93
5	Страстное	2,56	0,78	Нежное	2,52	0,84
6	Вызывающее мурашки	2,55	0,79	Раздражающее	2,52	0,91
7	Причиняющее боль	2,48	0,81	Возбуждающее	2,51	0,89
8	Чувственное	2,48	0,84	Страстное	2,51	0,94
9	Ласковое	2,48	0,78	Ласковое	2,48	0,87
10	Возбуждающее	2,47	0,92	Любящее	2,46	0,98
11	Любовное	2,47	0,89	Мерзкое	2,45	0,95
12	Неприятное	2,44	0,83	Комфортное	2,42	1,00
13	Противное	2,44	0,87	Чувственное	2,41	1,04
14	Сексуальное	2,43	0,92	Успокаивающее	2,41	0,96
15	Раздражающее	2,40	0,84	Ужасное	2,40	1,00
16	Будоражающее	2,39	0,88	Желанное	2,40	0,99
17	Желанное	2,39	0,88	Любовное	2,39	1,02
18	Волнующее	2,37	0,91	Отвратительное	2,39	0,99
19	Эротическое	2,36	0,92	Эротическое	2,39	1,02
20	Мерзкое	2,35	0,98	Противное	2,39	0,96
21	Пыльное	2,33	0,98	Заботливое	2,35	1,08
22	Соблазнительное	2,31	1,04	Гадкое	2,34	0,99
23	Успокаивающее	2,31	0,93	Сексуальное	2,34	1,03
24	Расслабляющее	2,25	0,86	Волнующее	2,34	1,04
25	Дерзкое	2,24	0,98	Соблазнительное	2,31	1,09
26	Мучительное	2,24	1,02	Страшное	2,30	1,08
27	Грубое	2,21	1,00	Манящее	2,29	1,09
28	Отталкивающее	2,21	1,03	Умиротворяющее	2,29	1,02
29	Умиротворяющее	2,21	1,02	Расслабляющее	2,27	1,09
30	Отвратительное	2,20	1,00	Грубое	2,26	0,95
31	Ужасное	2,20	1,13	Доброе	2,26	1,14
32	Дискомфортное	2,20	0,97	Непристойное	2,26	1,10
33	Провокационное	2,19	1,01	Захватывающее	2,25	1,07
34	Непристойное	2,17	1,08	Восхитительное	2,25	1,17
35	Раздражительное	2,16	1,03	Отталкивающее	2,24	1,05
36	Неуверенное	2,15	1,02	Пронизывающее	2,23	0,94
37	Нахальное	2,12	1,11	Раздражительное	2,20	1,13
38	Страшное	2,11	1,11	Дискомфортное	2,20	1,12
39	Настойчивое	2,11	1,07	Будоражающее	2,20	1,10
40	Сладострастное	2,11	1,09	Особое	2,18	1,05
41	Тревожное	2,09	1,08	Сладострастное	2,17	1,16
42	Манящее	2,09	1,04	Чудесное	2,16	1,17
43	Гадкое	2,07	1,15	Пыльное	2,16	1,12
44	Неловкое	2,07	0,96	Суровое	2,16	1,06
45	Уверенное	2,05	0,98	Живое	2,16	1,10
46	Чувствительное	2,05	1,13	Мучительное	2,16	1,14
47	Решительное	2,04	1,02	Жгучее	2,16	1,02
48	Болезненное	2,03	1,10	Нахальное	2,15	1,11
49	Чудесное	2,01	1,16	Болезненное	2,14	1,00
50	Холодное	2,01	1,07	Тревожное	2,14	1,12



Средние значения и стандартные ошибки релевантности основных гаптических и негаптических характеристик в активном и пассивном сценариях тактильного восприятия

### Обсуждение результатов

В целом можно констатировать, что результаты исследования подтверждают выдвинутую нами экспериментальную гипотезу о большей релевантности гаптических характеристик для активного сценария тактильного восприятия и большей релевантности характеристик, связанных с субъективными сенсорными ощущениями, для пассивного сценария тактильного восприятия. Более того, семантический анализ сенсорных характеристик, релевантных для ситуации пассивного тактильного восприятия, показал, что каждому типу «второстепенных» кожных ощущений – температура, боль, щекотка, зуд, раздражение – соответствуют одно или несколько прилагательных, причастий или словосочетаний. Можно предположить, что релевантность различных характеристик будет изменяться и при реализации еще более частных сценариев тактильного восприятия: например, при нежных медленных прикосновениях, обеспечивающих ощущение любви, заботы и эмоциональной близости; при сексуальных прелюдиях и лас-

ках, связанных с более высоким уровнем возбуждения и более интенсивными физическими ощущениями; при прикосновениях, вызывающих щекотку, которая может быть как приятной, так и неприятной и т. д. В таких случаях можно порекомендовать при определении формулировок экспериментальных заданий и при составлении шкал семантического дифференциала более широко использовать лексику из соответствующих семантических групп (см. также: [Al-Hindawe, 1996]).

**Отражение С-тактильной системы и щекотки в языковых средствах.** Поскольку ощущения, связанные с нежными прикосновениями и стимуляцией С-тактильной системы, обычно описываются как положительные эмоции, а не как специфические сенсорные ощущения, можно было ожидать, что соответствующая лексика будет наиболее полно представлена в списке наиболее релевантных эмоциональных характеристик в пассивном сценарии восприятия. Действительно, первые четыре наиболее релевантные характеристики (*любящее, заботливое, нежное, приятное*) связаны именно с тем, как воспри-

нимаются нежные, заботливые прикосновения других людей. Это подчеркивает ключевую роль С-тактильной системы в формировании эмоциональных ощущений, возникающих при социальных тактильных контактах.

Характеристики, связанные со щекоткой, также заняли высокие места в рейтинге для пассивного сценария восприятия (*щекотное* и *щекочущее*, пятое и седьмое место соответственно), уступив только лексике, связанной с болью и температурными ощущениями. Высокая синонимичность данных словоформ и очень близкие их показатели с точки зрения релевантности делают возможным использование при составлении дифференциальных шкал одного из этих вариантов (например, *щекотное*).

**Лексико-грамматические параметры используемых характеристик.** Большинство использованных характеристик выражено качественными и относительными прилагательными, а также действительными причастиями настоящего времени, образованными от переходных глаголов. Последние имеют синтаксическую валентность пациенса – субъекта или объекта, подвергающегося воздействию. Такие глагольные формы оцениваются респондентами как более релевантные для пассивного сценария восприятия, что соответствует смещению фокуса внимания на качество ощущений воспринимающего субъекта.

При составлении списка характеристик помимо прилагательных авторами были использованы также и два причастных оборота: *вызывающий мурашки* и *причиняющий боль*. Эти словосочетания были включены в список характеристик-кандидатов в связи с отсутствием прилагательных или причастий, которые являлись бы их точными аналогами и обладали подобной однозначностью в описании сенсорных ощущений. Результаты исследования показали, что словосочетание *причиняющий боль* оценивается как значительно более релевантное по сравнению с однословным аналогом *болезненный* в обоих сценариях восприятия. Это указывает на то, что при составлении шкал семантического дифференциала, возможно, имеет смысл чаще использовать описательные словосочетания, поступаясь формальным единообразием ради точности определений.

**Кросс-культурный анализ лексики тактильного восприятия.** Как эмоциональные, так и сенсорные аспекты восприятия прикосновений зависят не только от физиологических особенностей организма человека, его психологических особенностей, но и от воспитания, жизненного опыта, культурной специфики и понятийной решетки родного языка. В связи с этим важным представляется проводить кросс-культурные и сравнительно-лингвистические параллели.

Сопоставительный анализ тактильного лексикона английского языка, описанного С. Гестом с соавторами, и тактильного лексикона русского языка, одним из первых этапов создания которого является настоящее исследование, показало значительное сходство и лексического состава, и семантической структуры лексиконов. Это соответствует ранее полученным данным о схожести у носителей русского и английского языков структуры факторов, характеризующих предпочтения и индивидуальный опыт в отношении социальных тактильных контактов [Trotter et al., 2018]. Перспективными представляются дальнейшие кросс-культурные исследования и сравнение лексиконов, полученных в результате проведенных нами экспериментов, с лексиконами носителей культур, значительно более контактных (например, итальянцев, арабов, семитов, представителей кавказских народов и этнических групп) или значительно менее контактных (например, японцев, монголов, якутов, бурятов и др.) по классификации С. Холла и А. Аллина [Hall, Allin, 1897].

## Заключение

Полученные результаты убедительно доказывают, что в ситуации межличностного тактильного взаимодействия наиболее релевантны с точки зрения эмоционального аспекта характеристики прикосновений и ощущений, связанные с любовью, заботой и нежностью – с теми отношениями и эмоциями, которые являются ключевыми для установления и укрепления эмоциональных связей между людьми. Положительные эмоции, обеспечиваемые С-тактильной системой в ответ на нежные медленные прикосновения, сопровож-

дают человека с момента рождения и на протяжении всей жизни. Нежные прикосновения снижают интенсивность восприятия боли и повышают болевой порог [McGlone, Wessberg, Olausson, 2014], а также способны значительно минимизировать негативные последствия сепарационного стресса [Spitz, 1945] – именно нежные прикосновения матери закладывают основу психоэмоциональной устойчивости ребенка, общего ощущения безопасности, комфорта, востребованности и необходимы для безусловного принятия себя и своего тела [Duhn, 2010]. Многочисленные психологические, нейробиологические и клинические исследования подтверждают, что прикосновения способствуют формированию высокой стресс-резистентности, защищают от потенциальных негативных эффектов материнской депрессии, способствуют более эффективной реабилитации недоношенных детей и успешной терапии психоэмоциональных расстройств (подробный обзор см. в [Варламов, Портнова, Макглоун, 2019; Knapp, Hall, Horgan, 2013]).

Полученные в данной работе результаты, с одной стороны, убеждают в значимости данного направления исследований, а с другой – показывают, какие именно семантические группы оценочной лексики и какие конкретные характеристики сенсорных ощущений и эмоциональных переживаний считаются носителями языка наиболее релевантными в контексте тактильного восприятия. Понимание особенностей отношения носителей языка к словам, используемым для оценки ощущений в опросниках и шкалах, не только «в общем», но и в рамках частных поведенческих и перцептивных сценариев позволит разработать более чувствительные и информативные психолингвистические и психометрические инструменты. Результаты исследования также показывают, что расширенный семантический и лексико-грамматический анализ языковых единиц, формирующих тематический лексикон, способен предоставить значимую дополнительную информацию, которая позволит более полно охарактеризовать соответствующие языковые средства и будет способствовать более высокой точности и информативности психосемантических шкал, использующих такой тематический лексикон.

## ПРИМЕЧАНИЕ

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке Государственного задания, проект 25.9502.2017/БЧ «Кросс-культурное исследование тактильной коммуникации: лингвистические, социальные и психоэмоциональные аспекты». Авторы выражают благодарность Ф. Макглоуну и М.А. Ивановой за помощь в планировании и подготовке экспериментальной схемы и материалов исследования, а также А.Н. Пучковой и С.В. Ионовой за ценные замечания и дополнения при подготовке статьи.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранова Т. С., 1994. Психосемантические методы в социологии // Социология: методология, методы, математическое моделирование. № 3–4. С. 55–64.
- Варламов А. А., Портнова Г. В., Макглоун Ф. Ф., 2019. С-тактильная система и нейробиологические механизмы «эмоционального» тактильного восприятия: история открытия и современное состояние исследований. URL: <https://sensoricinru.wordpress.com/2018/09/23/%D1%81-%D1%82%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F-%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B0-%D0%B8-%D0%BD%D0%B5%D0%B9%D1%80%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87/>.
- Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е., 2001. Словарь языка русских жестов. М. ; Вена : Языки русской культуры : Венский славистический альманах. 256 с. (Язык. Семиотика. Культура).
- Ackerman A., Puglisi B., 2012. The Emotion Thesaurus: A Writer’s Guide to Character Expression. Scotts Valley, CreateSpace. 175 p.
- Al-Hindawe J., 1996. Considerations when constructing a semantic differential scale // La Trobe papers in linguistics. Vol. 9, № 7. P. 1–9.
- Barcenas P., Elortondo F. J., Salmerón J., Albisu M., 1999. Development of a preliminary sensory lexicon and standard references of ewes milk cheeses aided by multivariate statistical procedures // Journal of Sensory Studies. Vol. 14, № 2. P. 161–179.
- Bradley M. M., Lang P. J., 1994. Measuring emotion: the self-assessment manikin and the semantic differential // Journal of behavior therapy and experimental psychiatry. Vol. 25, № 1. P. 49–59. DOI: 10.1155/2015/136172.

- Cascio C., McGlone F., Folger S., Tannan V., Baranek G., Pelphrey K. A., Essick G., 2008. Tactile perception in adults with autism: a multidimensional psychophysical study // *Journal of autism and developmental disorders*. Vol. 38, № 1. P. 127–137. DOI: 10.1016/j.jad.2016.12.005.
- Christensen G. L., Olson J. C., 2002. Mapping consumers' mental models with ZMET // *Psychology & Marketing*. Vol. 19, № 6. P. 477–501. DOI: abs/10.1002/mar.10021.
- Duhn L., 2010. The importance of touch in the development of attachment // *Advances in Neonatal Care*. Vol. 10, № 6. P. 294–300. DOI: 10.1097/ANC.0b013e3181fd2263.
- Ember M., 1978. Size of color lexicon: Interaction of cultural and biological factors // *American Anthropologist*. Vol. 80, № 2. P. 364–367.
- Guest S., Dessirier J. M., Mehrabyan A., McGlone F., Essick G., Gescheider G., Fontana A., Xiong R., Ackerley R., Blot K., 2011. The development and validation of sensory and emotional scales of touch perception // *Attention, Perception, & Psychophysics*. Vol. 73, № 2. P. 531–550. DOI: 10.3758/s13414-010-0037-y.
- Hall G. S., Allin A., 1897. The psychology of tickling, laughing and the comic // *The American Journal of Psychology*. Vol. 9. P. 1–42.
- Harris C. R., 1999. The mystery of ticklish laughter // *American Scientist*. Vol. 87, № 4. P. 344.
- Hayakawa F., Kazami Y., Wakayama H., Oboshi R., Tanaka H., Maeda G. O. U., Hoshino C., Iwawaki H., Miyabayashi T., 2010. Sensory lexicon of brewed coffee for Japanese consumers, untrained coffee professionals and trained coffee tasters // *Journal of Sensory Studies*. Vol. 25, № 6. P. 917–939.
- Hilton C. L., Harper J. D., Kueker R. H., Lang A. R., Abbacchi A. M., Todorov A., LaVesser P. D., 2010. Sensory responsiveness as a predictor of social severity in children with high functioning autism spectrum disorders // *Journal of autism and developmental disorders*. Vol. 40, № 8. P. 937–945. DOI: 10.1007/s10803-010-0944-8.
- Human haptic perception: Basics and applications, 2008. M. Grunwald (ed.). Basel ; Boston ; Berlin : Birkhäuser Verlag. 676 p.
- Knapp M. L., Hall J. A., Horgan T. G., 2013. Nonverbal communication in human interaction. Boston : Wadsworth ; Cengage Learning. 528 p.
- McGlone F., Wessberg J., Olausson H., 2014. Discriminative and affective touch: sensing and feeling // *Neuron*. Vol. 82, № 4. P. 737–755. DOI: 10.1016/j.neuron.2014.05.001.
- Spitz R. A., 1945. Hospitalism: An inquiry into the genesis of psychiatric conditions in early childhood // *The psychoanalytic study of the child*. Vol. 1, № 1. P. 53–74. DOI: 10.1080/00797308.1945.11823126.
- Trotter P., Belovol E., McGlone F., Varlamov A., 2018. Validation and psychometric properties of the Russian version of the Touch Experiences and Attitudes Questionnaire (TEAQ-37 Rus) // *PLOS ONE*. Vol. 13, № 12: e0206905. DOI: 10.1371/journal.pone.0206905.
- Walker S. C., Trotter P. D., Woods A., McGlone F., 2017. Vicarious ratings of social touch reflect the anatomical distribution & velocity tuning of C-tactile afferents: A hedonic homunculus? // *Behavioural brain research*. Vol. 320. P. 91–96. DOI: 10.1016/j.bbr.2016.11.046.

## REFERENCES

- Baranova T.S., 1994. Psychosemantic Methods in Sociology. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie* [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling], no. 3-4, pp. 55-64.
- Varlamov A.A., Portnova G.V., McGlone F.F., 2019. *C-tactile System and Neurobiological Mechanisms of "Emotional" Tactile Perception: History of Discovery and Current State of Research*. URL: <https://sensoricinru.wordpress.com/2018/09/23/%D1%81-%D1%82%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F-%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B0-%D0%B8-%D0%BD%D0%B5%D0%B9%D1%80%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87/>.
- Grigoryeva S.A., Grigoryev S.V., Kreydlin G.E., 2001. *A Dictionary of Russian Gestures*. Moscow; Vein, Yazyki russkoy kultury; Venskiy slavisticheskij almanakh. 256 p.
- Ackerman A., Puglisi B., 2012. *The Emotion Thesaurus: A Writer's Guide to Character Expression*. Scotts Valley, CreateSpace. 175 p.
- Al-Hindawe, J., 1996. Considerations when Constructing a Semantic Differential Scale. *La Trobe Papers in Linguistics*, vol. 9, no. 7, pp. 1-9.
- Barcnas P., Elortondo F.J., Salmerón J., Albisu M., 1999. Development of a Preliminary Sensory Lexicon and Standard References of Ewes Milk Cheeses Aided by Multivariate Statistical Procedures. *Journal of Sensory Studies*, vol. 14, no. 2, pp. 161-179.
- Bradley M.M., Lang P.J., 1994. Measuring Emotion: the Self-Assessment Manikin and the Semantic Differential. *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*, vol. 25, no. 1, pp. 49-59. DOI: 10.1155/2015/136172.

- Cascio C., McGlone F., Folger S., Tannan V., Baranek G., Pelphrey K.A., Essick G., 2008. Tactile Perception in Adults with Autism: a Multidimensional Psychophysical Study. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, vol. 38, no. 1, pp. 127-137. DOI: 10.1016/j.jad.2016.12.005.
- Christensen G.L., Olson J.C., 2002. Mapping Consumers' Mental Models with ZMET. *Psychology & Marketing*, vol. 19, no. 6, pp. 477-501. DOI: abs/10.1002/mar.10021.
- Duhn L., 2010. The Importance of Touch in the Development of Attachment. *Advances in Neonatal Care*, vol. 10, no. 6, pp. 294-300. DOI: 10.1097/ANC.0b013e3181fd2263.
- Ember M., 1978. Size of Color Lexicon: Interaction of Cultural and Biological Factors. *American Anthropologist*, vol. 80, no. 2, pp. 364-367.
- Guest S., Dessirier J.M., Mehrabyan A., McGlone F., Essick G., Gescheider G., Fontana A., Xiong R., Ackerley R., Blot K., 2011. The Development and Validation of Sensory and Emotional Scales of Touch Perception. *Attention, Perception, & Psychophysics*, vol. 73, no. 2, pp. 531-550. DOI: 10.3758/s13414-010-0037-y.
- Hall G.S., Allin A., 1897. The Psychology of Tickling, Laughing and the Comic. *The American Journal of Psychology*, vol. 9, pp.1-42.
- Harris C.R., 1999. The Mystery of Ticklish Laughter. *American Scientist*, vol. 87, no. 4, pp. 344.
- Hayakawa F., Kazami Y., Wakayama H., Oboshi R., Tanaka H., Maeda G.O.U., Hoshino C., Iwawaki H., Miyabayashi, T., 2010. Sensory Lexicon of Brewed Coffee for Japanese Consumers, Untrained Coffee Professionals and Trained Coffee Tasters. *Journal of Sensory Studies*, vol. 25, no. 6, pp. 917-939.
- Hilton C.L., Harper J.D., Kueker R.H., Lang A.R., Abbacchi A.M., Todorov A., LaVesser P.D., 2010. Sensory Responsiveness as a Predictor of Social Severity in Children with High Functioning Autism Spectrum Disorders. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, vol. 40, no. 8, pp. 937-945. DOI: 10.1007/s10803-010-0944-8.
- Grunwald M. (ed.), 2008. Human Haptic Perception: Basics and Applications. Basel; Boston; Berlin, Birkhäuser Verlag. 676 p.
- Knapp M.L., Hall J.A., Horgan T.G., 2013. Nonverbal Communication in Human Interaction. Boston, Wadsworth; Cengage Learning. 528 p.
- McGlone F., Wessberg J., Olausson H., 2014. Discriminative and Affective Touch: Sensing and Feeling. *Neuron*, vol. 82, no. 4, pp. 737-755. DOI: 10.1016/j.neuron.2014.05.001.
- Spitz R.A., 1945. Hospitalism: An Inquiry into the Genesis of Psychiatric Conditions in Early Childhood. *The Psychoanalytic Study of the Child*, vol. 1, no. 1, pp. 53-74. DOI: 10.1080/00797308.1945.11823126.
- Trotter P., Belovol E., McGlone F., Varlamov A., 2018. Validation and Psychometric Properties of the Russian Version of the Touch Experiences and Attitudes Questionnaire (TEAQ-37 Rus). *PLOS ONE*, vol. 13, no. 12: e0206905. DOI: 10.1371/journal.pone.0206905.
- Walker S.C., Trotter P.D., Woods A., McGlone F., 2017. Vicarious Ratings of Social Touch Reflect the Anatomical Distribution & Velocity Tuning of C-tactile Afferents: A Hedonic Homunculus? *Behavioural Brain Research*, vol. 320, pp. 91-96. DOI: 10.1016/j.bbr.2016.11.046.

### Information about the Authors

**Anton A. Varlamov**, Candidate of Sciences (Biology), Head of the Scientific Center for Neural Communication Studies, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St., 6, 117485 Moscow, Russia, aavarlamov@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0001-5387-7058>

**Stanislav G. Inyashkin**, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Deputy Dean, Faculty of Philology for Academic Affairs, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St., 6, 117485 Moscow, Russia, sginyashkin@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0003-2293-1415>

**Aleksandra V. Gorbacheva**, Chief Expert, Department of Scientific Activity, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St., 6, 117485 Moscow, Russia, avgorbacheva@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0002-8906-3870>

**Aleksey N. Semirechenko**, Research Laboratory Assistant, Scientific Center for Neural Communication Studies, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St., 6, 117485 Moscow, Russia, ansemirechenko@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0002-3739-2592>

**Mikhail A. Osadchiy**, Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Vice-rector for Science, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St., 6, 117485 Moscow, Russia, maosadchiy@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0001-7964-9029>

**Margarita N. Rusetskaya**, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Rector, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St., 6, 117485 Moscow, Russia, [inbox@pushkin.institute](mailto:inbox@pushkin.institute), <https://orcid.org/0000-0002-1387-8782>

### Информация об авторах

**Антон Алексеевич Варламов**, кандидат биологических наук, начальник Научного центра нейрокоммуникативных исследований, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, [aavarlamov@pushkin.institute](mailto:aavarlamov@pushkin.institute), <https://orcid.org/0000-0001-5387-7058>

**Станислав Геннадьевич Иняшкин**, кандидат филологических наук, доцент, заместитель декана филологического факультета по учебной работе, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, [sginyashkin@pushkin.institute](mailto:sginyashkin@pushkin.institute), <https://orcid.org/0000-0003-2293-1415>

**Александра Вячеславовна Горбачева**, главный эксперт департамента научной деятельности, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, [avgorbacheva@pushkin.institute](mailto:avgorbacheva@pushkin.institute), <https://orcid.org/0000-0002-8906-3870>

**Алексей Николаевич Семиреченко**, лаборант-исследователь Научного центра нейрокоммуникативных исследований, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, [ansemirechenko@pushkin.institute](mailto:ansemirechenko@pushkin.institute), <https://orcid.org/0000-0002-3739-2592>

**Михаил Андреевич Осадчий**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, проректор по науке, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, [maosadchiy@pushkin.institute](mailto:maosadchiy@pushkin.institute), <https://orcid.org/0000-0001-7964-9029>

**Маргарита Николаевна Русецкая**, доктор педагогических наук, профессор, ректор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, [inbox@pushkin.institute](mailto:inbox@pushkin.institute), <https://orcid.org/0000-0002-1387-8782>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.5>

UDC 811.161.1'276.45  
LBC 81.411.2-025.7

Submitted: 22.01.2019  
Accepted: 04.03.2019

## THE LEXICOGRAPHIC PROBLEMS OF COMPILING ARGOT DICTIONARIES

Mikhail. A. Grachev

Nizhniy Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolubov, Nizhniy Novgorod, Russia

**Abstract.** The article argues for the need to compile a new fundamental argotic dictionary on a scientific basis. Using the comparative and historical method, the paper provides the criticism of the previous lexicons reflecting the language of the criminal world. With respect to the mistakes and inaccuracies made by compilers of the available dictionaries, the author develops the principles of lexicographic representation of the Russian argot, determines the sources of the language material included in the dictionary (folklore, old Russian literature, speech of modern representatives of the criminal subculture), proposes criteria and methods of the qualifying a lexical unit as argot. The article describes the new dictionary structure that reflects complex characteristics of its constituent units (a headword with stress, reference articles, meaning interpretation, context of use, phraseological units, grammatical characteristics, etymology). It also identifies tendencies of the modern Russian argot evolution caused by the influence of changes in the Russian society in general and in the criminal world in particular, as well as the reasons for penetrating argot in the spoken language and media texts. Besides, the paper shows the possibilities of using the new qualitative linguistic dictionary to study the linguistic picture of the world of argot speakers, to form an objective evaluation of this phenomenon and to improve the speech culture of Russian society.

**Key words:** dictionary, argot, evolution, lexicography, jargon, the Russian language.

**Citation.** Grachev M.A. The Lexicographic Problems of Compiling Argot Dictionaries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 1, pp. 62-73. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.5>

УДК 811.161.1'276.45  
ББК 81.411.2-025.7

Дата поступления статьи: 22.01.2019  
Дата принятия статьи: 04.03.2019

## ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОСТАВЛЕНИЯ СЛОВАРЕЙ АРГО

Михаил Александрович Грачев

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,  
г. Нижний Новгород, Россия

**Аннотация.** В статье аргументируется необходимость составления нового фундаментального арготического словаря на научной основе. С использованием сравнительно-исторического метода дана критика предшествующих лексиконов языка криминального мира. С учетом ошибок и неточностей, допущенных составителями имеющихся словарей, разработаны принципы лексикографического представления русского арго, определены источники языкового материала, включаемого в словарь (фольклор, древнерусская литература, речь современных носителей криминальной субкультуры), предложены критерии и методика квалификации той или иной лексической единицы как арго. Описана структура нового словаря, отражающая комплексную характеристику входящих в него единиц (заглавное слово с ударением, ссылочные статьи, толкование, контекст употребления, фразеологизмы, грамматическая характеристика, этимология). Выявлены тенденции эволюции современного русского арго, обусловленные влиянием на него изменений в российском социуме в целом и в криминальном мире в частности, а также причины проникновения арго в разговорный язык и тексты СМИ. Показаны возможности использования нового качественного лингвистического словаря для изучения языковой картины мира носителей арго, формирования объективной оценки этого феномена, повышения речевой культуры российского общества.

**Ключевые слова:** словарь, арго, эволюция, лексикография, жаргон, русский язык.

**Цитирование.** Грачев М. А. Лексикографические проблемы составления словарей арг // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 1. – С. 62–73. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.5>

### Актуальность создания нового словаря арг

Необходимость подготовки нового словаря арг обусловлена многими причинами. Охарактеризуем главные из них.

Во-первых, арг – часть русского языка, и она должна быть не только изучена, но и зафиксирована в словарях. В настоящее время появился новый стиль устной речи, характеризующийся объединением нормированных слов с социолектизмами, большую долю среди которых составляют арготизмы. В то же время лексика криминального мира (*беспредел, заказать, тусовка, разборка* и проч.) активно переходит в литературный язык – высшую форму существования любого языка, в том числе русского. Лингвистам необходимо дать научную оценку этому явлению прежде всего потому, что арготизмы – агрессивная лексика, которая негативно влияет на сознание носителей языка, и установить причины ее перехода в художественную литературу, публицистику, просторечие, молодежные жаргоны и т. п.

Во-вторых, детальное изучение арг дает новые сведения для истории русского языка, в частности истории его лексической системы, поскольку в социальных диалектах, в том числе в арг, сохранилось много древнерусских элементов, в связи с тем, что носители арг – это одна из устойчивых социальных групп, законы и порядки которой консервативны, ее субкультура, включая язык, передавалась из поколения в поколение.

В-третьих, многие современные произведения, описывающие мир уголовников, являются своего рода памятником отечественной жаргонологии. Их эстетическое несовершенство и коммуникативная слабость обусловлены тем, что язык таких произведений непонятен не только русскоязычному, но и иностранному читателю. Кроме того, в настоящее время много арготизмов используется в СМИ, тексты статей порой также непрозрачны для читателей. Отчасти преодолеть непо-

нимание возможно при обращении к специализированному словарю арг.

В-четвертых, такой словарь может быть полезен в работе криминалистов при установлении различных связей русских деклассированных элементов с зарубежными, при выявлении наиболее устойчивых законов и порядков уголовной среды. Эти знания могут быть использованы в профилактической работе для предупреждения преступлений.

В-пятых, у филологов до сих пор нет словаря-справочника русских социолектных слов, предназначенного для переводчика, и следовательно, возникает проблема адекватного перевода разнообразных текстов (прежде всего художественных). Например, часто возникают трудности при передаче на другой язык фразеологизма *вор в законе*, ибо то, что он обозначает, является исключительно российским феноменом.

При переводе нужно знать особенности эпохи, социального колорита, проводить хронологическую параллель между обстановкой, в которой функционируют русские и нерусские арготизмы, учитывать их эмоционально-экспрессивную окраску. Именно подбор эквивалентов, соответствующих друг другу по степени экспрессивности, представляется наиболее трудной задачей для переводчиков.

Ярким примером наличия трудностей в подборе русских арготизмов является перевод «Баллад на воровском жаргоне» Франсуа Вийона, выполненный разными переводчиками. Приведем фрагмент из баллады «Хорош, ребята, город Парижуха»: *Зарáчат и в мешóк отправят к псам / Коль не попустит Бог с пенькóй спознаться. / Канáйте на сознáнку к живодеру, / Как только засундúчут вас в кандéй. / Зря не темнíte – и без разговору / Задóк-другой скостя'т вам ей-же-ей. / На кúче с петель не сорвешь дверей, / Туда с собой не притарáнишь слам, / Чтобы, подмáзав лáпу дубакáм, / С их помощью невкúпиш оборвáться...* (Вийон, с. 154). Думается, что в целом качественный перевод все же не передает дух парижского «дна» середины XV в., так как эквивалента-

ми для слов французского арго явились русские арготизмы XIX–XX вв., что обусловлено, по-видимому, отсутствием не только двуязычного, но и русскоязычного словаря арго, отражающего разные этапы развития этого языкового субстрата. При переводе баллад Ф. Вийона не использовались и возможности сносок или словника употребленных арготизмов, а следовательно, читателю придется обращаться к имеющимся русским и французским словарям арго, чтобы определить точное значение слова. Переведем: *зарúчить* – «арестовать», *мешóк* – «тюрьма», *пес* – «сотрудник правоохранительных органов», *пенькá* – «виселица», *канáть на сознáнку* – «сознаваться в совершенном преступлении», *живодер* – «следователь; палач», *засундúчить* – «поместить; арестовать», *ка(о)ндéй* – «карцер», *задóк* – «старые преступления», *скостúть* – «простить», *кúча* – «тюрьма», *притарáнить* – «принести», *слам* – «воровская доля добычи; взятка», *подмáзать лáпу* – «дать взятку», *дубáк* – «охранник», *невкúпиш* – «осторожно; удачно», *оборвáться* – «убежать».

В связи с отсутствием лингвистической справочной литературы при передаче иноязычных арготизмов на русский язык переводчик вынужден придумывать новые слова. Так, в переводе романа В. Гюго «Отверженные», выполненном под редакцией А. Виноградова, находим слова *плет* – «бегство», *потъмúшник* – «ночной вор» (Гюго, с. 216). Этих слов в русском арго нет, но есть *плетовáть* – «бежать из мест лишения свободы», *темный* – «краденый, фальшивый».

Неточный перевод хотя бы нескольких слов влечет за собой и «просчеты» в идейно-художественном и эстетическом планах.

Важной задачей переводчика является и сохранение эмоционально-экспрессивной окраски переводимых единиц. При составлении двуязычных словарей, и в частности, словарей арго, наряду с семантической адекватностью должно учитываться и функциональное, а точнее, регистровое соответствие единиц. Это необходимо не только в плане верности перевода, но и в целях воспроизведения всего объема социальной экспрессивной и концептуальной информации, заложенной в лексиконе сопоставляемых языков. Например, во француз-

ской лексикографической практике долгое время наблюдалась нечеткость при определении функционального статуса лексических единиц арго. Отсутствие единых критериев и излишняя дробность классификаций привели к появлению в словарях большого количества лексикографических помет (подробно об этом см.: [Грачев, Сапожникова, 2004, с. 37]).

Мы охарактеризовали часть широкого спектра причин, обуславливающих необходимость создания нового словаря русского арго, и обозначили некоторые задачи, которые можно решать с помощью такого словаря.

### Словари русского арго: критический анализ

Изданные и рукописные русские арготические словари имеют ряд недостатков:

а) наличие орфографических и пунктуационных ошибок; (см., например, словник М. Никонорова «Сборник жаргонных слов и выражений, употребляемых в устной и письменной форме преступным элементом» (Никоноров) и работу И. Вориводы «Сборник жаргонных слов и выражений, употребляемых в устной и письменной речи преступным элементом» (Воривода);

б) включение в состав арго лексем из других лексических систем; например, в словаре В. Хукка «Жаргон и аббревиатура преступного мира» (название словаря явно не отражает сути, поскольку при формировании словника составитель отдал предпочтение аббревиатурам) имеются просторечные слова *гавкать* – «кричать; ругаться; вести неприятный разговор», *грива* – «волосы, прическа», литературные слова *блефовать* – «рисковать; запутывать партнеров при игре в карты», *пас* – «пропущенный ход в карточной игре» (Хукка);

в) наличие неточностей в формулировках значений; например, в «Словаре воровского и арестантского языка» приставка В.М. Попова выражение *семь верст до небес и все лесом* толкуется как «поговорка, означающая человека, который слова правды не скажет» (Попов, с. 43), однако в нашей картотеке она зафиксирована в значении «лгун»; в словнике П. Фабричного «Язык каторги» фразеологизм *взять по делу* интерпретируется как «неосто-

рожным поведением на допросах оговорить другого и привести с собой в тюрьму» (Фабричный, с. 177), а проведенные нами исследования убеждают в том, что он имеет значение «нечаянно выдать на допросах сообщника, который в результате этого невольного предательства может оказаться в местах лишения свободы»;

г) включение в словари аргю окказионализмов; так, в «Словаре тюремно-лагерно-блатного жаргона» вошло слово *зарев* – «освещение запретной зоны ИТУ» (Балдаев, Белко, Исупов, с. 48), хотя в аргю такого слова нет;

д) включение в словари таких единиц, происхождение которых неясно: то ли эти слова придуманы составителями, то ли взяты из других лексических систем, по-видимому, с целью увеличения объема словаря; например, слово *жаргон* – «драгоценный камень желто-красного цвета» (Миляненок, с. 64) встречается у В.И. Даля в «Толковом словаре живого великорусского языка» почти с тем же значением (Даль, т. I, с. 74), а в современном аргю оно отсутствует;

е) толкование аргютизм посредством общеупотребительных синонимов, см., например: (Быков, с. 67); однако это недопустимо, поскольку, как правило, для блатного слова нет эквивалента среди общеупотребительных лексем (Грачев, 1997, с. 65);

ж) наличие ошибок в установлении этимологии аргютизм; например, в «Толковом словаре уголовных жаргонов» происхождение лексемы *пахан* – «отец» связано, по мнению составителей, с устаревшим общенародным словом *папахен* – «папочка» (Дубягин, Бронников, с. 48), тогда как *пахан* происходит от офенского слова *похан* – «хозяин»;

з) отсутствие во многих словарях ссылок на источники или на время фиксации, что способствует восприятию читателями дореволюционных аргютизм как современных; в ряде случаев дореволюционные аргютизмы «подгоняются» под современные, видимо, для увеличения объема словаря в коммерческих целях; так, в «Словаре воровского языка», изданном в Тюмени (автор(ы) и редактор не указаны) обнаруживаем выражение *окрестить джека* – «уничтожить номер или надпись на похищенном, поставив вы-

мышленное» (Словарь воровского языка, с. 24), но, как показывают наши наблюдения, в современном аргю такой фразеологизм отсутствует, а в дореволюционном аргю *окрестить джека* означало «выскоблить номер, вензель, надпись на краденых часах и выставить вымышленное»;

и) отсутствие в большинстве словарей ударений, грамматической характеристики, контекста, нарушение алфавитного порядка расположения заглавных слов;

к) отсутствие ссылок на источник при заимствовании информации, в том числе и из других словарей; например, В. Попов ввел в свой «Словарь воровского и арестантского языка» аргютизмы и их толкования, используя роман Вс. Крестовского «Петербургские трущобы» (Крестовский) и словарь В. Трахтенберга «Блатная музыка. Жаргон тюрьмы» (Трахтенберг) без отсылок к тексту первоисточника.

Таким образом, все имеющиеся словари русского аргю не свободны от существенных недостатков. Между тем на эти словари ссылаются как на образцовые, тиражируя допущенные в них ошибки и неточности (что, безусловно, вредит науке о языке), даже крупные ученые-лингвисты, составители фундаментальных словарей, соискатели, работающие над кандидатскими и докторскими диссертациями.

С учетом высказанных критических замечаний, нашего лексикографического опыта (Грачев, 1991; 1992; 1996; 1997; 2003; Грачев, Гуров; Грачев, Мокиенко) и разработанных теоретических подходов (см. Грачев, 1997) считаем необходимым издание нового словаря русского аргю.

### Принципы составления нового словаря русского аргю

Словник в словаре должен охватывать аргютическую лексику, начиная со слов, зафиксированных в фольклоре, и заканчивая современными аргютизмами.

При составлении данного словаря автор(ы) обязательно столкне(ут)ся с четырьмя основными трудностями:

– отсутствие в науке четких критериев отнесения слова к аргю;

– отсутствие у арготизмов, фиксируемых в ряде ранних источников, ударения, грамматической характеристики и контекста;

– ненадежность источников арготизмов;

– отсутствие в ранних письменных источниках (например, в летописях, былинах, разбойничьих песнях) указаний на слово как на арготизм.

Следовательно, необходимо выработать методику квалификации слова как арго. Предлагается учитывать следующее:

1) наличие в семантике слова указания на явно арготическую сферу употребления (например, арготизм *птичка* имеет значение «инструмент, предназначенный для взлома сейфов»);

2) частотность словоупотребления;

3) признание слова носителями арго как «своей» лексемы (этот критерий применим только к современным лексемам); фиксация слова в словарях арго;

4) указание в толковых словарях русского языка на использование этого слова в среде деклассированных элементов;

5) признание его арготизмом в лингвистических научных работах, посвященных лексике деклассированных элементов;

6) неизвестность слова другим социальным группам населения;

7) использование слова как арготизма в художественных текстах с указанием на это автором произведения;

8) особенности словообразования и использование специфических аффиксов в структуре арготизмов;

9) печать ненормативности;

10) наличие ярко выраженной эмоционально-экспрессивной окраски.

Ряд слов образует диффузную зону (так называемый бижаргон и интержаргон). В этот смешанный пласт лексики попадают общеупотребительные бытовые слова и некоторые профессиональные лексемы из социальных диалектов. В отдельных случаях трудно определить направление заимствования таких слов. Например, лексемы *висяк*, *глухарь* – «не раскрытое преступление», *смарафетить* – «искусственно создать улики преступления» являются общими для речи представителей правоохранительных органов и деклассированных элементов; *валя* – «валюта», *лимон* –

«миллион рублей», *нал* – «наличные деньги; расчет наличными деньгами» относятся к интержаргонным для деклассированных элементов и предпринимателей.

При составлении словаря следует учесть хронологическую отнесенность лексем: в одном временном отрезке слова являлись арготизмами, в другом – функционировали в иной лексической системе. Например, слово *лота* – «поддельный документ» в XIX – нач. XX в. было арготизмом, а в середине XX в. – просторечным словом; лексема *двурушник*, обозначающая в речи нищих в XIX в. попрошайку, протягивающего две руки за подаванием, в XX в. перешла в разговорно-литературный язык и стала называть человека, который под личиной преданности кому-чему-н. действует в пользу враждебной стороны.

Кроме того, нужно принимать во внимание изменчивость наказаний за те или иные преступления, отражающуюся в арго. Например, в 30–80-е гг. XX в. перепродажа предметов по более высокой цене расценивалась как уголовно наказуемое деяние – спекулянтство (ст. 121 УК РСФСР), поэтому язык спекулянтов того периода необходимо относить к арго.

До сих пор не описана методика сбора «живого» материала криминальных элементов [Грачев, Кожевников, 1996, с. 18]. Нам представляется нецелесообразным сбор материала «в открытую»: при помощи видных для информанта диктофона, магнитофона, мобильного телефона, записных книжек и блокнотов. В этом случае собеседник замыкается. Дело не только в том, что данные технические средства ассоциируются у него с допросом – нередко информант не хочет раскрывать своих тайн, так как любого «непреступника» профессиональный уголовник считает социальным врагом или, по меньшей мере, человеком низшего ранга; см. арготические пренебрежительные названия собирателя блатных слов: *полукровка*, *феня в ботах*, *цветной*.

Современный арготический материал можно получать в результате непосредственного наблюдения за «живой» речью криминальных элементов, выборки арготизмов из тюремного фольклора: блатных песен, поговорок, пословиц, афоризмов. При сборе лексического материала в процессе непосред-

ственного общения с представителями криминального мира можно использовать «принцип запоминания» и последующее воссоздание и фиксацию разговоров, бесед, скрытые мобильный телефон или диктофон, а также приобрести (купить) у лиц, побывавших в местах лишения свободы, записные книжки, альбомы, в которых зафиксированы элементы субкультуры преступного мира, и извлечь из них арготизмы [Грачев, 2009, с. 128].

Для сравнения и крайне осторожно, принимая во внимание все сказанное выше, следует использовать и современные словари арг.

Арготизмы более раннего периода необходимо собирать из разных источников: летописей, рукописей некоторых исследователей арг [Лихачев, 1935], научных статей и монографий, документальной и художественной литературы, словарей арг и толковых словарей русского языка. При этом важно учитывать, что в ранних словарях и исследованиях, посвященных арг, встречались неточности при отнесении слова к арг. Эти факты нужно подвергать тщательной проверке. Опыт такой работы показывает, что, к сожалению, большинство собирателей арг в XIX – нач. XX в. фиксировали слова без ударения, грамматической характеристики и контекста, поэтому у значительной части дореволюционных арготизмов данные атрибуты могут отсутствовать [Кучинский, 1998].

### Структура нового словаря русского арг

**Состав словарной статьи.** В связи со сложностью словарного состава, статьи в словаре располагаются в алфавитном порядке – по заглавному слову. Однако в зависимости от фонетической, графической и морфологической близости в статью могут входить другие слова.

При заглавном слове, в качестве которого выступает существительное, даются варианты, например: *бан – бон, клиф – клифт – клифта, фрайер – фраер*.

В ряде случаев, когда имеются основания полагать, что это разные по происхождению лексемы, слова даются отдельными статьями, например:

НАЛЯБЗИТЬ -зю, -зишь; сов. Наворовать.

НАЛЯМЗИТЬ -зю, -зишь; сов. То же, что НАЛЯБЗИТЬ.

В словарной статье, где заглавным словом является глагол, указываются формы совершенного и несовершенного вида, образованные посредством суффиксов, а также причастия и деепричастия (арготизмы, извлеченные из письменных источников), например:

ДУТЬ -ю, -ешь; несов. Доносить на кого-л.  
ДУНУТЬ -ну, -нешь; сов.

ССУЧИТЬСЯ -чусь, -чишься; сов. Стать СУКОЙ. ССУЧИВШИЙСЯ -аясь, -еся.

ПОВЯЗАТЬ -жу, -жешь; сов. Арестовать. ПОВЯЗАННЫЙ -ая, -ое. ПОВЯЗАВ.

Кроме того, в словарной статье могут находиться варианты глаголов и глагольных форм, а также фразеологизмов:

ОТКИНУТЬ ХВОСТ – умереть. Лабутя уже давно *хвост откинул*. ОТКИНУТЬ ХВОСТА. Бабке скажи, чтобы быстрее *хвоста бросала*.

В одной словарной статье должны находиться фразеологизмы с глаголом совершенного и несовершенного вида в качестве главного слова, например:

ТИСКАТЬ РОМАН – рассказывать интересные истории. ТИСНУТЬ РОМАН.

**Ссылочные слова.** В общем алфавитном порядке в словарь необходимо ввести ссылочные слова:

– если они тождественны по значению и находятся в непосредственной близости друг от друга (в арг большое количество абсолютных синонимов), например:

ЗАСЫПАТЬСЯ -люсь, -лешься; сов. Попасться при совершении преступления.

ЗАШИТЬСЯ -юсь, -ешься; сов. То же, что ЗАСЫПАТЬСЯ.

ЗАШУХЕРОВАТЬСЯ -юсь, -ешься; сов. То же, что ЗАСЫПАТЬСЯ;

– при формах глагола совершенного и несовершенного вида, если они образованы посредством префиксов, например:

ВЯЗАТЬ -жу, -жешь; несов. Прекращать.

ЗАВЯЗАТЬ -жу, -жешь; сов. См. ВЯЗАТЬ.

ДОШИРЯТЬСЯ -юсь, -ешься; сов. См. ШИРЯТЬСЯ.

ШИРЯТЬСЯ -юсь, -ешься; несов. Вводить в организм наркотики шприцем;

– если в качестве заглавного слова приводится не главное слово фразеологизма, а грамматически ему подчиненное (ссылка дается на главное слово, входящее во фразеологический оборот), например:

ГНУТЬ НА ПОДЛЯНКУ – агитировать на подлое дело.

ПОДЛЯНКУ. ГНУТЬ НА ПОДЛЯНКУ – см. ГНУТЬ

ДАВАТЬ ДЕЛО – заводить дело на преступника. ДЕЛО. ДАВАТЬ ДЕЛО – см. ДАВАТЬ;

– если рядом с устойчивым словосочетанием стоит одинаковый по лексическому значению фразеологизм (ссылка дается на предыдущий фразеологизм), например:

ЗАПУСКАТЬ АРАПА – обманывать.

ЗАРЯЖАТЬ ТУФТУ – то же, что ЗАПУСКАТЬ АРАПА.

**Толкование значения слова.** Лексические значения в многозначных словах разделяются арабскими цифрами, например:

КСИВА -ы, ж. 1. Документ. 2. Письмо. 3. Записка.  
ЛЕГАВЫЙ -ого, м. 1. Сотрудник правоохранительных органов. 2. Предатель.

ПАХАН -а, м. 1. Отец. 2. Старик.

Случаи сомнительного толкования (как правило, это касается лексем ранней фиксации), должны сопровождаться вопросительным знаком, например:

НАКОЛОТЬ ХАЗОВКУ – высмотреть квартиру (как объект кражи?).

Омонимы даются как заглавные слова в разных статьях, например:

АКАДЕМИЯ<sup>1</sup> -ии, ж. Сбор шулеров для решения организационных вопросов и обмена опытом.

АКАДЕМИЯ<sup>2</sup> -ии, ж. Тюрьма.

ВЗЯТЬ<sup>1</sup> -му, -мешь; сов. Арестовать.

ВЗЯТЬ<sup>2</sup> -му, -мешь; сов. Ограбить.

ПАРАША<sup>1</sup> -и, ж. Емкость для нечистот и испражнений в местах лишения свободы.

ПАРАША<sup>2</sup> -и, ж. Ложный слух; сплетня.

**Контекст.** После толкования слова приводятся примеры, которые иллюстрируют его функционирование. Они должны быть взяты из «живой» речи (для современных арготизмов) или из письменных источников – летописей, былин, художественных и научных произведений (для арготизмов ранней фиксации) – с указанием на источник. Контекст может состоять из одного или нескольких предложений (в зависимости от употребительности арготизма). Поскольку в словаре дается лишь иллюстрация употребления арготизма, контексты приводятся из одного или нескольких произведений, а не все случаи использования блатной лексики в художественных произведениях. Многочисленность примеров указывает на активность данной лексики. Иногда для доказательства того, что арготизм не является окказионализмом, можно привести несколько примеров из одного и того же произведения. При одном слове может быть контекст как из художественной литературы, так и из «живой» речи. «Живой» контекст должен быть адаптирован, например, из него исключаются нецензурные слова, но сохраняется смысл. Контекст должен приводиться к каждому варианту и форме слова, а также фразеологизму. См. примеры:

КОРЕШ -а, м. Товарищ, друг. Чтобы я блатного *кореша* и *уголовке* сдал – да ни в жисть (А. и Г. Вайнеры. Эра Милосердия).

ШМОН -а, м. Обыск. *Шмон* мы проведем бесшумно да аккуратно, потому ничего нам не надо, кроме Тamarки. (В. Высоцкий. Поэзия и проза). Носилки поставили прямо на землю. Ждем *шмона*. (А. Марченко. Мои показания).

Для ранних арготизмов характерен дефицит контекста, так как собиратели и составители словарей (словников) в большинстве случаев не считали нужным включать его в словарную статью. Поэтому в новом словаре для некоторых ранних арготизмов в качестве контекста можно использовать одни и те же предложения (но для разных слов) из художественной, публицистической и научной литературы:

С ВЕТРУ – пришедший неведомо откуда и занимающийся воровством в одиночку (Поп., Пот.);

– Рожа-то его что-то мне незнакома, – пробурчал Летучий, подойдя к Вересову и взглядыва-

ясь в лицо. – Ребятки! – обернулся он к толпе, – не признает ли кто молодца? *Хороводный* он отколь-нибудь, аль *с ветру*?

– Не надо быть, чтобы *хороводный*! Кабы *хороводный*, мы бы знали, кто-нибудь да узнал бы бесприменно, – отозвались из толпы несколько *записных жоржей*.

– Так, стало быть, *с ветру*? – снова обернулся Летучий.

– *С ветру!*.. *На особняка*, значит, ходит, – подтвердили *жоржи*. (Вс. Крестовский. Петербургские трущобы).

**ХОДИТЬ НА ОСОБНЯК** – совершать преступления в одиночку (Поп., Пот.).

– Рожа-то его что-то мне незнакома, – пробурчал Летучий, подойдя к Вересову и вглядываясь в лицо. – Ребятки! – обернулся он к толпе, – не признает ли кто молодца? *Хороводный* он отколь-нибудь, аль *с ветру*?

– Не надо быть, чтобы *хороводный*! Кабы *хороводный*, мы бы знали, кто-нибудь да узнал бы бесприменно, – отозвались из толпы несколько *записных жоржей*.

– Так, стало быть, *с ветру*? – снова обернулся Летучий.

– *С ветру!*.. *На особняка*, значит, ходит, – подтвердили *жоржи*. (Вс. Крестовский. Петербургские трущобы).

**Фразеологизмы.** Эти лексические единицы с толкованием приводятся после знака ♦, например:

♦ **ВЫБИТЬ БУБНУ** – избить.

♦ **ЧУВЫРЛО БРАТСКОЕ** – отвратительная физиономия.

♦ **БЫТЬ НА СТРЕМЕ** – стоять на страже во время совершения преступления и, в случае тревоги, подавать сигналы своим товарищам.

**Ударение** в словаре обозначается специальным знаком (´) сверху над гласной. Поскольку арготизмы – это слова, образованные в основном от просторечной, диалектной и литературной лексики, то чаще всего ударение в них не отличается от ударения в словах этих подсистем русского языка. Довольно редко встречается изменение позиции ударения, например, РОМАН. В то же время в ранних арготизмах ударение не проставлено, потому что в настоящее время неизвестно, как произносилось то или иное слово.

Во фразеологических оборотах знак ударения, за редким исключением, ставится на знаменательных словах, например:

ВЕРТЭТЬ ВОЛА – обманывать.

Если имеются сомнения в произношении того или иного арготизма, то рядом можно указать возможный фонетический вариант этого слова с вопросительным знаком, например:

ШИ́ ТВИС (ШИТВИ́С?) – шайка преступников.

ОТОРВА (ОТОРВА́) -ы, ж. 1. Проститутка.

2. Любовница вора. 3. Профессиональная преступница, которая отбирает у заключенных вещи и продукты питания.

В некоторых арготизмах, прежде всего дореволюционных, ударение отсутствует.

**Грамматическая характеристика слов.** Существенных грамматических особенностей в аргос не наблюдается. Арготизмам раннего периода можно дать современные грамматические характеристики, хотя их следует считать возможными, вариативными.

К каждому заглавному слову (словам) нужно дать помету, которая бы указывала на его (их) принадлежность к той или иной части речи. Так, при наречии, междометии, слове категории состояния должны приводиться следующие пометы: нареч., межд., сл. катег. сост. Принадлежность слова к существительному маркируется окончанием род. п. ед. ч. и указанием на род; к глаголу – окончанием 1-го и 2-го л. ед. ч. наст. вр. и указанием на вид; прилагательного – окончанием мужского, женского и среднего рода ед. ч. им. п.

**Имя существительное.** Существительные в словаре даются в форме им. п. ед. ч., затем указывается окончание род. п. ед. ч. и род (пометы: м. – мужской, ж. – женский, ср. – средний), например:

НЕДОБЫЧНИК -а, м.

ИГРУШКА -и, ж.

ФАРМАЗОНСТВО -а, ср.

При несклоняемых существительных дается помета «нескл.», например:

МЕТРО нескл., ср.

ЧМО нескл., ср.

В тех случаях, когда существительное имеет только множественное число, используется помета «мн. ч.», например:

МАРКОТАШКИ -Ø, мн.ч.  
СТИРЫ -Ø, мн.ч.

Иногда имеются расхождения между арготизмом и тем литературным словом, от которого он образован.

Двойные пометы рода – «м. и ж.» указывают на возможное употребление существительного и в мужском, и в женском роде, например:

МОРФУША -и, м. и ж.

Помета «собрив.» означает, что существительное является собирательным, например:

БЛАТНЯ -и, ж., собир.  
ШПАНА -ы, ж., собир.

Следует заметить, что некоторые существительные литературного языка в арготизме переходят в другой разряд. Например, *мусор* как общеупотребительное слово относится к вещественным существительным, а в арготизме – к конкретным, поскольку имеет значение «сотрудник милиции», см. пример из блатной песни «Задумал, братцы, пошухерить»: *Перемахнул я с полста дворов / И сбил со следа всех мусоров...*

**Имя прилагательное** приводится в им. п. мужского рода в полной форме, далее указываются окончания женского и среднего рода, например:

ВЕРТУХАЕВСКИЙ -ая, -ое.  
ФРАЕРСКОЙ -ая, -ое.

**Глагол** в словаре дается в форме инфинитива. После него приводятся окончания 1-го и 2-го л. ед. ч. наст. вр., сокращения «сов.» (совершенный вид) и «несов.» (несовершенный вид), например:

ЗАСВЕЧИВАТЬ -ваю, -ваешь; несов.  
ПРОМОКНУТЬ -ну, -нешь; сов.

У безличных глаголов указывается окончание 3-го л. ед. ч. наст. вр. и дается помета «безл.» (безличный), например:

СВЕТИТЬ -ит; безл.; несов.  
ФАРТИТЬ -ит; безл.; несов.

Если есть сомнения в способности слова иметь определенную грамматическую форму, то после предполагаемой грамматической формы ставится вопросительный знак, например:

ЭТИТЬ -чу?, -тю?, -тишь; несов.

Чтобы читателю было понятно, как произносится глагол в форме 1-го и 2-го л. наст. вр. окончание приводится с предшествующими звуками основы.

**Этимология.** Арготические слова имеют сложную этимологию. Многие из них образованы на русской почве, другие заимствованы из иностранных языков. Краткие этимологические сведения приводятся в круглых скобках после контекста.

### Причины и направления развития арготизма

При составлении словаря арготизма (а он должен пополняться через каждые пять-семь лет) важно прогнозировать процессы, происходящие в криминальном мире. Известно, что язык отражает происходящее в обществе. Арготизм – уродливый «ребенок» русского языка – отражает те явления, которые происходят, прежде всего, в маргинальных сферах российского социума.

В настоящее время наблюдается трансформация криминального мира. Увеличилось количество вымогателей – резко расширился и состав их арготизма: *коммерсила*, *барыга* – «коммерсант, предприниматель», *лоховская кормушка* – «фирма, которая платит дань вымогателям», *кабанчик* – «предприниматель, тесно связанный с профессиональными преступниками», *бомбить* – «заниматься рэкетом коммерсантов». Возродилась старая профессия воров-*медвежатников*, а с ними и блатные слова: *шаер* – «ломик, предназначенный для взлома», *видра* – «отмычка», *имель* – «сверло, предназначенное для вскрытия сейфов».

У современных преступников более тесными стали связи с заграницей, а значит, можно ожидать пополнения лексикона арготизма большим количеством западноевропейских, американских, а также слов из Азии, в частности из китайского языка.

Появились новые виды преступлений: из самых опасных можно назвать хакерство, незаконную трансплантацию человеческих органов, терроризм, радикальное религиозное сектантство, работорговлю. Следовательно, в ближайшее время сформируются новые специализированные арг. Либерализм законов и развитие капиталистических отношений способствуют росту численности криминальных элементов. В частности, в последнее время увеличивается количество лиц без определенного места жительства, которые тоже используют в речи арготизмы.

На динамику арг в России оказывает влияние формирование новой профессиональной преступности: делятся сферы влияния между уголовными группировками, определяется место в криминальном мире воров в законе и бандитов и т. п.

Организованные преступные группировки (ОПГ) имеют доступ к достижениям технического прогресса: все, что представляет материальную ценность, должно иметь название и в арг. Например, в арг воров-карманников пятнадцать лет назад появилось специальное слово – *дебильник* – «мобильный сотовый телефон». Использование современной техники (например, приборов ночного видения) и оружия, связь с хакерами, про-геймерами – все это нашло или должно найти отражение в арг криминального мира. Язык уголовников пока не успевает за всеми веяниями в обществе (или исследователи арг не успевают следить за всеми новшествами, которые появляются в нем?).

В последнее время наблюдается изменение связей элиты преступного мира с правоохранительными органами, государственной и муниципальной администрацией, которое приводит к резкому пополнению бижаргона сотрудников правоохранительных органов и преступников. Связь традиционных уголовников и военных обнаруживается во влиянии военного жаргона на арг и наоборот.

Отмеченные нами изменения в языке криминального мира позволяют предложить деление арг на традиционное, связанное с традиционными преступлениями, например, воровством, которое совершают вору-карманники, домушники и проч.), и нетрадиционное, связанное с жаргонами правоохранителей

и современных технических работников, прежде всего специалистов по IT-технологиям.

### Заключение

Трансформации в жизни российского общества, проявившиеся в усилении криминального мира, его влияние на власть, литературу, эстраду, язык создают в социуме (в значительной его части) благоприятную психологическую почву для восприятия блатных слов. Существенную роль в том, что арготизмы не воспринимаются населением России как нечто экзотичное или запретное, засоряющее русский язык, играют СМИ и Интернет (например, на первом канале центрального государственного телевидения идет передача «Три аккорда», в которой исполняются песни, содержащие в большом количестве арготические лексемы). Кроме того, арготизмы, обладая экспрессивностью и яркой отрицательной окраской, активно переходят в общенародный язык. Лингвисты не могут повлиять на этот процесс: журналисты к ним не прислушиваются, во многих газетах, на радио и телевидении редакторская правка отсутствует; закон, регулирующий публичное речевое поведение, не разрабатывается и не обсуждается.

Чтобы замедлить процесс влияния арготизмов и – шире – всей тюремной субкультуры на законопослушное общество, нужно как можно быстрее принять радикальные меры. Думается, что появление нового качественного, квалифицированно составленного словаря русского арг будет одной из мер, нацеленных на изменение отношения социума к языку криминального мира.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Грачев М. А., 2009. Лингвокриминалистика. Нижний Новгород : НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. 280 с.
- Грачев М. А., Кожевников А. Ю., 1996. К вопросу о социальной диалектологии русского языка // Филологические науки. № 5. С. 18–25.
- Грачев М. А., Сапожникова О. С., 2004. Некоторые теоретические подходы к составлению двуязычного словаря социолектизм // Социальные варианты языка–III : материалы междунар. науч. конф. (22–23 апреля 2004 г.). Ниж-

- ний Новгород : Нижегород. гос. лингвист. ун-т им. Н.А. Добролюбова. С. 37–40.
- Кучинский А. В., 1998. Преступники и преступления. Законы преступного мира. Обычаи, язык, татуировки: Энциклопедия. Донецк : Сталкер. 486 с.
- Лихачев Д. С., 1935. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и мышление. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР. Т. III–IV. С. 47–100.

### ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Балдаев, Белко, Исупов* – Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / авт.-сост. Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Исупов. М. : Край Москвы, 1992. 526 с.
- Быков* – Быков В. Русская феня: Словарь современного интержаргона асоциальных элементов. Смоленск : ТРАСТ-ИМАКОМ, 1993. 222 с.
- Вийон* – Вийон Ф. Я знаю все, но только не себя. Баллады / пер. с фр., сост. и авт. коммент. Е. Витковский. М. : ЭКСМО-ПРЕСС, 1999. 448 с.
- Воривода* – Воривода И. Сборник жаргонных слов и выражений, употребляемых в устной и письменной речи преступным элементом. Алма-Ата : МВД КазССР, 1971. 106 с.
- Грачев, 1991* – Грачев М. А. Словарь дореволюционного аргю. Нижний Новгород : Жеко, 1991. 168 с.
- Грачев, 1992* – Грачев М. А. Язык из мрака – блатная музыка и феня: Словарь. Нижний Новгород : Флокс, 1992. 202 с.
- Грачев, 1996* – Грачев М. А. Жаргон и татуировки наркоманов: Краткий словарь-справочник. Нижний Новгород : Нижегород. гуманитар. центр, 1996. 75 с.
- Грачев, 1997* – Грачев М. А. Русское аргю. Нижний Новгород : Изд-во НГУ, 1997. 286 с.
- Грачев, 2003* – Грачев М. А. Словарь тысячелетнего русского аргю. М. : РИПОЛ-Классик, 2003. 1320 с.
- Грачев, Гуров* – Грачев М. А., Гуров А. И. Словарь молодежных сленгов. Горький : Обком ВЛКСМ, 1989. 78 с.
- Грачев, Мокиенко* – Грачев М. А., Мокиенко В. М. Историко-этимологический словарь воровского жаргона. СПб. : Фолио-Пресс, 2000. 256 с.
- Гюго* – Гюго В. Отверженные / пер. с фр. А. Виноградова. М. : БММ : Литература ; Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2013. 630 с.
- Даль* – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : ТЕРРА, 1994.

- Дубягин, Бронников* – Толковый словарь уголовных жаргонов / под общ. ред. Ю. П. Дубягина, А. Г. Бронникова. М. : Интер-ОМНИС : РОМОС, 1991. 288 с.
- Крестовский* – Крестовский В. В. Петербургские трущобы: Книга о сытых и голодных. М. : Пресса, 1994. 634 с.
- Мильяненко* – Мильяненко Л. А. По ту сторону закона: Энциклопедия преступного мира. СПб. : Дамы и господа, 1992. 320 с.
- Никоноров* – Никоноров М. Г. Сборник жаргонных слов и выражений, употребляемых в устной и письменной форме преступным элементом. М. : ГУИТУ, 1978. 126 с.
- Попов* – Попов В. М. Словарь воровского и арестантского языка. Киев : Печатня, 1912. 112 с.
- Словарь воровского языка* – Словарь воровского языка: Слова. Выражения. Жесты. Татуировки. Тюмень : НИЛПО, 1991. 172 с.
- Трахтенберг* – Трахтенберг В. Ф. Блатная музыка: Жаргон тюрьмы / под ред. и с предисл. И. А. Бодуэна де Куртенэ. СПб. : тип. А.Г. Розена, 1908. 116 с.
- Фабричный* – Фабричный П. Язык каторги // Каторга и ссылка. 1923. № 6. С. 177–178.
- Хукка* – Хукка В. С. Жаргон и аббревиатура татуировок преступного мира : словарь-справочник. Нижний Новгород : Нижполиграф, 1992. 233 с.

### REFERENCES

- Grachev M.A., 2009. *Lingvocriminalistics*. Nizhny Novgorod, Linguistics University of Nizhny Novgorod named after N.A. Dobrolyubov Publ. 280 p.
- Grachev M.A., Kozhevnikov A. Yu., 1996. On the Issue of Social Dialectology of the Russian Language. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], no. 5, pp. 18-25.
- Grachev M.A., Sapozhnikova O.S., 2004. Some Theoretical Approaches to Compiling the Bilingual Dictionary of Sociolects. *Sotsialnye varianty yazyka–III : Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (22–23 aprelya 2004 goda)* [Social Variants of the Language–3: Proceedings of the International Conference (22–23 April 2004)]. Nizhny Novgorod, Linguistics University of Nizhny Novgorod named after N.A. Dobrolyubov Publ., pp. 37-40.
- Kuchinskiy A.V., 1998. *Perpetrators and Crimes. The Laws of the Criminal World. Customs, Language, Tattoos: Encyclopedia*. Donetsk, Stalker Publ. 486 p.
- Likhachev D.S., 1935. The Primitivistic Features of Criminal Speech. *Yazyk i myshlenie* [Language

and thinking]. Moscow: Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ. Vols. 3-4, pp. 47-100.

#### SOURCES AND DICTIONARIES

- Baldaev D.S., Belko V.K., Isupov I.M. *Criminal Slang Dictionary: Speech and Grafic Portrait of a Soviet Prison*. Moscow, Kraya Moskvyy Publ., 1992. 526 p.
- Bykov V. *Russian Fenya: the Dictionary of Modern Interjargon of Anti-social Elements*. Smolensk, TRAST-IMAKOM Publ., 1993. 222 p.
- Villon F. *I Know Everything but myself. Ballads*. Moscow, EKSMO-PRESS Publ., 1999. 448 p.
- Vorivoda I. *Collection of Jargon Words and Expressions Used in Oral and Written Speech by the Criminal Element*. Alma-Ata, MVD KazSSR, 1971. 106 p.
- Grachev M.A., 1991. *Dictionary of Pre-revolutionary Argot*. Nizhny Novgorod, Zheko Publ., 1991. 168 p.
- Grachev M.A., 1992. *The Language of Darkness – Criminal Music and Fenya: Dictionary*. Nizhny Novgorod, Phlox Publ., 1992. 202 p.
- Grachev M.A., 1996. *Jargon and Tattoos of Addicts: a Brief Dictionary*. Nizhny Novgorod, Nizhegorodskiy gumanitarnyy tsentr Publ., 1996. 75 p.
- Grachev M.A., 1997. *Russian Argo*. Nizhny Novgorod, NGU Publ., 1997. 286 p.
- Grachev M.A., 2003. *Dictionary of the Thousand-year Russian Slang*. Moscow, RIPOL-Klassik Publ., 2003. 1320 p.
- Grachev M.A., Gurov A.I. *The Dictionary of Youth Slangs*. Gorky, Obkom VLKSM Publ., 1989. 78 p.
- Grachev M.A., Mokienko V.M. *Historical and Etymological Dictionary of Thieves' Jargon*. Saint-Petersburg, Folio-Press Publ., 2000. 256 p.
- Hugo V. *Les Miserables*. Translation from French. Moscow, BMM Publ., Literatura Publ.; Kharkiv, Knizhnyy Klub "Klub Semeynogo Dosuga" Publ., 2013. 630 p.
- Dal V.I. *The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*. In 4 vols. Moscow, TERRA Publ., 1994.
- Dubyagin Yu.P., Bronnikov A.G., eds. *Explanatory Dictionary of Criminal Jargons*. Moscow, Inter-OMNIS; ROMOS Publ., 1991. 288 p.
- Krestovskiy V.V. *St. Petersburg Slums. The Book about Full and Hungry. Novel in six Parts*. Moscow, Pressa Publ., 1994. 634 p.
- Milyanekov L.A. *On the Wrong Side of the Law. Encyclopedia of the Underworld*. Saint Petersburg, Dami i gospoda Publ., 1992. 320 p.
- Nikonorov M.G. *Collection of Jargon Words and Expressions Used Orally and in Writing by the Criminal Element*. Moscow, GUITU Publ., 1978. 126 p.
- Popov V.M. *Dictionary of Thieves 'and Prisoners' Language*. Kiev, Pechatnya Publ., 1912. 112 p.
- Dictionary of Thieves' Language: Words. Expressions. Gestures. Tattoos*. Tyumen, NILPO Publ., 1991. 172 p.
- Trachtenberg V.F. *Thug Music: the Jargon of the Prison*. Saint Petersburg, Tipografiya A.G. Rosena, 1908. 116 p.
- Fabrichnyy P. *The Language of Penal Servitude. Penal Servitude and Exile*, 1923, no. 6, pp. 177-178.
- Hukka V.S. *Jargon and Abbreviation of Tattoos of the Underworld: Dictionary-and Digest*. Nizhny Novgorod, Nizhpoligraf Publ., 1992. 233 p.

#### Information about the Author

**Mikhail A. Grachev**, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology, Foreign Literature and Cross-Cultural communication, Nizhniy Novgorod State Linguistic University after N.A. Dobrolubov, Minin St., 31A, 603005 Nizhniy Novgorod, Russia, ma-grachev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7972-4033>

#### Информация об авторе

**Михаил Александрович Грачев**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, ул. Минина, 31А, 603005 г. Нижний Новгород, Россия, ma-grachev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7972-4033>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.6>

UDC 81'374:811.512.3:811.161.1  
LBC 81.054

Submitted: 20.12.2018  
Accepted: 04.02.2019

**LINGUISTIC AND COUNTRY STUDIES LEARNER'S DICTIONARY  
FOR MONGOLIAN CITIZENS:  
SPECIFICS OF PRESENTING THE MATERIAL**

**Aleksandr S. Mamontov**

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

**Enkhtuyaa Tsedendorzhiyn**

Institute of Cognitive Linguistics, Ulaanbaatar, Mongolia

**Vera V. Boguslavskaya**

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

**Abstract.** The article is devoted to the principles of nationally oriented lexicography - a new direction in Russian studies. Using the example of nationally oriented linguistic and country studies learner's dictionary project, the paper shows that it can be created on the basis of the Russian linguistic and country studies dictionary by adding Mongolian material to its content and by comparing lexical backgrounds of the same culture-specific concepts in two linguistic cultures. The purpose of the nationally oriented linguistic and country studies learner's dictionary – the explication of the cultural component of the language unit semantics, taking into account the specifics of the national culture and the language of the addressee at the same time and taking into account the stage of learning – is reflected in the content and structure of the dictionary in general and dictionary entries in particular. Selecting nominative units and providing vocabulary objectivity are determined by the addressee's communicative needs. The author uses the methods of semantization of lexical units adopted in educational lexicography and determined by the specifics of both the material and the addressee. The paper provides the characteristics of techniques that ensure compliance with the proportions in using target and native languages. The draft dictionary presented in the article is able to serve as a "starting point" in creating a new type of dictionaries and further developing fundamentals of the theory of nationally oriented educational linguistic and cultural lexicography in relation to the needs of teaching Russian as a foreign language in the absence of the language environment.

**Key words:** nationally oriented dictionary, linguistic and country studies dictionary, the Mongolian language, the Russian language, intercultural communication, linguocultureme, linguistic culture, lexicography.

**Citation.** Mamontov A.S., Tsedendorzhiyn E., Boguslavskaya V.V. Linguistic and Country Studies Learner's Dictionary for Mongolian Citizens: Specifics of Presenting the Material. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 1, pp. 74-85. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.6>

УДК 81'374:811.512.3:811.161.1  
ББК 81.054

Дата поступления статьи: 20.12.2018  
Дата принятия статьи: 04.02.2019

**ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ УЧЕБНЫЙ СЛОВАРЬ  
ДЛЯ МОНГОЛЬСКИХ ГРАЖДАН:  
СПЕЦИФИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА**

**Александр Степанович Мамонтов**

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

## Энхтуяа Цэдэндоржийн

Институт когнитивной лингвистики, г. Улан-Батор, Монголия

## Вера Васильевна Богуславская

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

**Аннотация.** В статье обсуждаются принципы национально ориентированной лексикографии – нового направления в отечественной русистике. На примере проекта национально ориентированного лингвострановедческого учебного словаря показано, что его создание возможно на базе русского лингвострановедческого словаря посредством добавления к содержанию монголоязычного материала и на основе сопоставления лексического фона одной и той же реалии в двух лингвокультурах. Цель национально ориентированного лингвострановедческого учебного словаря заключается в экспликации культурного компонента семантики языковых единиц с учетом специфики национальной культуры и языка адресата одновременно, а также с учетом этапа его обучения. Она находит отражение в содержании и структуре создаваемого словаря и словарных статей. Отбор номинативных единиц и обеспечение объективности словника обусловлены коммуникативными потребностями адресата. Одновременно использованы принятые в учебной лексикографии и определяемые спецификой как материала, так и адресата приемы семантизации лексических единиц. Охарактеризованы приемы, обеспечивающие соблюдение пропорций в использовании изучаемого и родного языков. Представленный в статье проект словаря способен послужить «отправной точкой» в создании словарей нового типа и в дальнейшей разработке основ теории национально ориентированной учебной лингвострановедческой лексикографии применительно к нуждам преподавания РКИ в условиях отсутствия языковой среды.

**Ключевые слова:** национально ориентированный словарь, лингвострановедческий словарь, монгольский язык, русский язык, межкультурная коммуникация, лингвокультурема, лингвокультура, лексикография.

**Цитирование.** Мамонтов А. С., Цэдэндоржийн Э., Богуславская В. В. Лингвострановедческий учебный словарь для монгольских граждан: специфика представления материала // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 1. – С. 74–85. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.6>

### Введение

С конца 70-х гг. прошлого века и по сегодняшний день лингвострановедческие словари оказывали и продолжают оказывать помощь в обучении русскому языку как средству межкультурной коммуникации, ибо наряду с языком учащиеся постигают соответствующую культуру во всем ее многообразии [Мамонтов, 2000]. У истоков создания первых в истории отечественного языкознания лингвострановедческих словарей стояли представители научной школы Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина во главе с замечательным советским, российским языковедом Валерием Вениаминовичем Морковкиным (1940–2016), ученые, которые и сегодня вносят свой неоценимый вклад в развитие отечественной русистики. Основу лингвострановедческих словарей (далее – ЛС) составляли слова и словосочетания русского языка, называющие характерные для советской действительности явле-

ния общественной жизни и культуры. Например, в словаре «Народное образование в СССР» (Денисова) описаны общие представления так называемого «среднего русского» о дошкольных учреждениях, средней и высшей школах, нашедшие отражение в лексике. Полученные благодаря таким словарям знания способствовали более адекватному пониманию иностранными обучающимися русской речи и одновременно давали им возможность продуцировать высказывания в разных реальных ситуациях общения с носителями русского языка, нивелировать возникающие в процессе общения трудности, связанные в первую очередь с интерференцией на всех ее уровнях. По своему содержанию изданные отечественные и зарубежные лингвострановедческие словари см., например: (Денисова; Фелицына, Мокиенко; Чернявская 1; Collins; Cowie; IOD; NEB; ODEE; OGBAC и др.) являются универсальными, базовыми, адресованными «иностранцу вообще», которого, однако, не существует.

Сегодня на базе достижений современной теории и практики обучения языку возникает возможность создания лингвострановедческих национально ориентированных учебных словарей, в которых учитывается специфика национальной культуры адресата, что увеличивает эффективность обучения иностранным языкам (подробно об этом см.: [Морковкин, 1986]).

В настоящее время в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина реализуется научно-исследовательский проект по созданию национально ориентированного лингвострановедческого учебного словаря для монгольских граждан «Обучение русскому языку как средству межкультурной коммуникации с учетом национальной культуры адресата», исполнителями которого являются авторы настоящей статьи. Словарь создается с опорой на работы специалистов в области русской и монгольской лексикографии и лингвокультурологии (в частности: [Бахтикереева, 1995; Мамонтов, Цэдэндоржийн, Богуславская, 2018; Морковкин, 1986; Синячкин, 2010; Энхтуяа, 2015]). При этом авторы проекта считают, что его целесообразно создавать на базе уже изданного оригинального ЛС (см. ниже). Подобный подход, с нашей точки зрения, способен стать гарантом как достоверности, так и информативной достаточности содержания будущего словаря.

### **Принципы национально ориентированной лексикографии**

Национально ориентированная лексикография представляет собой новую научную дисциплину, в прикладном аспекте изучающую взаимодействие языка и культуры. Объектом исследований, проводимых в рамках этой дисциплины, являются национально ориентированные лексикографические источники, а предметом – методология их сопоставительного анализа, нацеленного на поиск оптимальной модели построения словаря, ориентированного на обучение любому языку как средству межкультурной коммуникации в соответствии с известным в лингводидактике принципом учета особенностей родной культуры адресата [Верещагин, Костомаров, 1990].

Нельзя не признать, вслед за В.В. Морковкиным [Морковкин, Курочкина, 1982], что национально ориентированная лексикография ставит во главу угла решение таких задач, как:

- 1) установление специфики адресата национально ориентированного ЛС;
- 2) выбор ЛС, на основе которого можно создать его национально ориентированный вариант;
- 3) формулирование требований, которым должен соответствовать национально ориентированный ЛС;
- 4) определение структуры и объема содержания национально ориентированного ЛС.

Адресат национально ориентированного учебного ЛС не столь широк по сравнению с адресатом словарей других типов (толковых, лингвострановедческих и т. д.). Как правило, это студенты филологического профиля – будущие учителя-русисты, переводчики, лингвисты, хотя и не филологи, в зависимости от поставленных перед ними целей и задач, также могут использовать такой словарь. Полагаем, что для студентов-филологов как начального, так продвинутого этапов обучения наиболее целесообразно подобрать в качестве основы для создания национально ориентированного учебного словаря не монотематический, а политематический лингвострановедческий словарь, поскольку словник монотематического словаря, на наш взгляд, более специализирован и уровень языковой подготовки обучающихся не позволяет им в полной мере овладеть всем его содержанием, что, однако, не мешает им пользоваться монотематическим ЛС как вспомогательным. Одновременно авторам национально ориентированного ЛС необходимо принимать во внимание тот факт, что не все политематические ЛС способны выступать в качестве основы для создания национально ориентированного словаря. Проведенный нами анализ разных ЛС (см. например: [Энхтуяа, 2015, с. 32–39]) позволил прийти к выводу, что создание лингвострановедческого учебного словаря для монгольских граждан оптимально на базе «Лингвострановедческого словаря национальных реалий России», составленного Т.Н. Чернявской и опубликованного в 1999 году (Чернявская 2). Во-первых, словник этого лексикографического издания включает около 1 000 единиц, знание которых не-

обходимо при изучении русского языка как средства межкультурной коммуникации. Во-вторых, «Лингвострановедческий словарь национальных реалий России», несмотря на свою без малого двадцатилетнюю историю, отражает новый этап в развитии отечественной лингвострановедческой лексикографии, в частности, в нем использованы новые способы семантизации фоновых знаний, отсутствующие в других словарях подобного типа.

Национально ориентированный вариант ЛС, кроме признаков, свойственных всем словарям этого типа, реализует набор отличительных признаков. Так, словарь, ориентированный на носителей монгольского языка, в некоторых своих разделах является двуязычным; семантизация лексики в нем проводится в русле сопоставительного лингвострановедения с учетом специфики монгольской национальной культуры, а также с активным использованием возможности наглядного представления материала. В качестве еще одного общедидактического принципа выступает принцип посильности: поскольку текст словарной статьи должен быть доступным для восприятия студентами разных уровней владения русским языком, то наиболее эффективной следует, по нашему мнению, считать семантизацию лексики с применением родного языка адресатов, а также обращение к аутентичным материалам с параллельными текстами на монгольском языке, что позволит использовать словарь студентам как начального, так и продвинутого уровней обучения.

Лингвометодическая категория адресата обуславливает требование учитывать в процессе преподавания иностранного языка особенности родного языка учащихся. Как показывает практика, родной язык способен обеспечивать желаемый перенос определенных навыков и умений в речь на изучаемом языке, следовательно, перенос необходимо по возможности стимулировать. Однако родной язык выступает и источником интерференции, затрудняющей овладение речевыми навыками и умениями на неродном языке, а следовательно, интерференцию необходимо прогнозировать и предотвращать. В то же время лингвокультурологические знания о России, равно как и коммуникативные навыки, приобретенные обучающимися на родине, должны

стать объектом переноса и сохранения в целях их последующего совершенствования. Необходимо особо подчеркнуть, что искаженные сведения, а также неверное (интуитивное) отождествление фактов изучаемой и родной для студента лингвокультур, должны быть элиминированы, поскольку являются нежелательным источником лингвострановедческой интерференции [Верещагин, Костомаров, 1990, с. 94].

По нашему мнению, перекодирование оригинальной словарной статьи, а также подготовка комментариев и ссылок составляют лишь незначительную часть работы автора национально ориентированного ЛС. Центральным же элементом двуязычного текста статьи в таком ЛС следует считать сравнение ассоциаций, имеющихся у носителей русского и монгольского языков по отношению к сходной реалии. Поскольку именно это в большей степени способно обеспечить повышение эффективности семантизации. Такая работа создает возможности в полной мере представить те семные, в том числе и коннотативные различия, которые не могут быть эксплицированы в рамках не национально ориентированного учебного ЛС. Например, как известно, для русского человека береза является символом Родины, однако и стройную девушку в русской лингвокультуре нередко сравнивают с белой березой. В данной ситуации для монгола возникает затруднение в восприятии, поскольку в Монголии девушку принято сравнивать с ланью, а березы, которые растут на территории этой страны, по-видимому, в силу специфических природно-климатических условий имеют несколько иной, менее привлекательный вид: по высоте они значительно ниже российских, по форме их нельзя назвать стройными, по цвету они ближе к серому, чем к белому. Следовательно, для семантизации слова береза необходимо наглядно представить российскую реалию.

У носителя же русской лингвокультуры затруднение в восприятии вызовет, например, существующее в монгольской лингвокультуре сравнение женщины с весенним небом, означающее, что она «человек настроения» (подробно сравнение номинативных ассоциаций в русской и монгольской лингвокультурах представлено в [Энхтуяа, 2015, с. 150–151]).

Данные примеры позволяют увидеть, как через сопоставление фоновых знаний эксплицируются различия между культурами [Guirdham, 1999]. Эти различия, к сожалению, не находят отражения в традиционных словарях, хотя в ситуациях реального общения незнание их зачастую служит причиной неадекватного восприятия информации. Таким образом, именно эксплицированное сравнение лексического фона должно являться одним из основных способов семантизации в национально ориентированном учебном ЛС. При этом сопоставление лексического фона необходимо проводить в строгом соответствии с теоретически и практически обоснованными параметрами, учитываемыми: 1) наиболее известные произведения фольклора, литературы и изобразительного искусства, коррелирующие с заголовочной единицей, связанные с ней; 2) систему символов; 3) единицы языка и речи, имеющие связь с объектом: устойчивые сочетания, сравнения, тропы; 4) неординарные примеры словообразования на основе корня, присутствующего в слове-заголовке; 5) обозначения артефактов с использованием слова-заголовка.

Сопоставление лексических фонов при определении словника национально ориентированного учебного словаря является способом отбора лексических единиц – лингвокультурем [Воробьев, 1997], оценки их значимости для инофона. Существуют два известных лексикографам приема, открывающих возможность модифицировать контент семантизирующих текстов в целях достижения большего соответствия экспектациям конкретного адресата: прием так называемой «компарации» и прием «обзорно-страноведческого опережения».

Первый был разработан болгарским исследователем К. Андрейчиной [Андрейчина, 1977]. Данный прием реализуется посредством, во-первых, рассмотрения двух понятийно-эквивалентных номинативных единиц с точки зрения их семного состава, во-вторых, последующей фиксации эксплицированных совпадений / несовпадений, в-третьих, оформления полученного результата в виде дополнения к содержанию базовой русскоязычной словарной статьи. Такая процедура способствует преобразованию исходного материала в национально ориентированный учебный текст. Однако прием компарации обладает значимо-

стью лишь в случае взаимодействия контактных культур [Jandt, 2000]. В случаях взаимодействия культур дистантных продуктивнее использовать второй прием. Он заключается в переходе от общего к частному, где под последним имеются в виду конкретные реалии.

Любое изъяснение лингвокультурем, как показано Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым [Верещагин, Костомаров, 1990, с. 85], должно сопровождаться средствами зрительной семантизации, имеющей ряд преимуществ перед вербальной, в частности, в плане, субъективно переживаемой достоверности и яркости впечатлений. Кроме того, невозможно игнорировать случаи полного отсутствия денотата в лингвокультуре инофона, где зрительная семантизация должна выступать в качестве приоритетной. Основными требованиями к зрительной семантизации в лингводидактике принято считать: 1) отражение всех существенных сторон обозначенного словом предмета или явления, 2) ориентацию на текст изъяснения, 3) доступность. Реализация первого требования способствует тому, что иллюстрация в словаре становится исчерпывающей. При ее выборе автор ограничен в возможности намека на ту или иную деталь в целях подсказки и в расчете на сообразительность инофона. Второе требование определяет жесткую привязку иллюстрации к изъяснению, что гарантирует взаимодополнение информации, заложенной и в иллюстрации, и в тексте изъяснения. То, что читателю непонятно в рисунке, становится понятным из изъяснения; то, что непонятно в изъяснении, становится очевидным при обращении к рисунку. Согласно третьему требованию, иллюстрация в ЛС должна быть доступной для восприятия. Это означает, что она не может быть выполнена в неадекватной для восприятия манере, отражающей мировидение того или иного художника, фотографа и т. д. и провоцирующей ее индивидуальное восприятие обучающимся. Кроме того, иллюстрация не должна иметь «подтекстового» значения, в частности, юмористического. Необходимо учитывать, что выбор между рисунком или фотографией обусловлен характером описываемого в тексте объекта. Если речь идет о деталях зрительного образа, то предпочтительнее фотографии, поскольку они способны производить более

достоверное впечатление. В ЛС в первую очередь целесообразно использовать так называемые «научно-познавательные» иллюстрации, а к «художественно-образным» прибегать в особых случаях.

### **Структура национально ориентированного лингвострановедческого словаря**

Структура создаваемого словаря включает: предисловие; оглавление; инструкцию для пользователя; перечень заголовочных единиц в алфавитном порядке с нумерацией страниц, где данные единицы были упомянуты впервые; базовую часть словаря, то есть словарные статьи, расположенные в вышеупомянутом порядке; перечень всех номинативных единиц в соответствии с темой и указанием нумерации страниц, где они зафиксированы; приложения.

**Словник.** Будучи ограниченными рамками настоящей статьи, мы намеренно опускаем описание особенностей словника «Лингвострановедческого словаря национальных реалий России», взятого нами в качестве основы национально ориентированного словаря, и переходим непосредственно к описанию словника, составленного нами для национально ориентированного лингвострановедческого словаря для монгольских граждан. Итак, перечень выбранных заголовочных единиц представлен в двух видах: 1) алфавитный с указанием номеров страниц, на которых они размещены; 2) тематический, содержащий не только заголовочные номинативные единицы, но и слова, являющиеся ключевыми для каждой словарной статьи (таким образом, по нашему мнению, открывается возможность расширения номенклатуры реалий, информацию о которых можно получить с помощью словаря). Внутри тематических групп слова располагаются по алфавиту с указанием номеров страниц, на которых они встречаются в словаре. Названия тематических групп переведены на монгольский язык, а заголовочные и другие номинативные единицы в перечне переводу не подлежат.

Тематические поля выделяются в соответствии с логикой составителей уже существующих идеографических и тематичес-

ких словарей и исходя из конкретного материала. Прежде всего, выделены семантические поля, связанные с человеком и природными явлениями – теми сферами, где возможно прогнозирование культурологических лагун.

**Приложения к национально ориентированному ЛС.** В национально ориентированном ЛС авторы планируют продолжить традиции национальной монгольской лексикографии, предполагая в качестве приложений к словарю использовать исключительно страноведческий материал, в котором могут содержаться дополнительные сведения о стране изучаемого языка. По замыслу авторов, в формате приложений будут также представлены: 1) краткое изложение лингвострановедческой теории слова [Верещагин, Костомаров, 1980] и толкование понятия «лингвострановедение» [Верещагин, Костомаров, 1990]; 2) краткий курс истории Российского государства; 3) географическая карта Российской Федерации; 4) изображения всех видов городского транспорта, остановок всех наземных средств городского транспорта, станций метрополитена и наземного метро; 5) адреса главных московских и петербургских музеев и театров; 6) православный именинник. Приложения 1 и 2 будут даны на монгольском языке, остальные – на русском, но с переводом на монгольский язык.

**Предисловие и инструкция по использованию национально ориентированного лингвострановедческого словаря.** Согласно традициям монгольской лексикографии, в предисловии словарь кратко характеризуется с профессиональной точки зрения его ответственным редактором. Помимо этого в предисловии излагается краткая информация об авторах, их роли в создании словаря. Инструкция для пользователей содержит информацию о структуре словарной статьи, ее образец, описание приемов семантизации языкового материала с указанием цели их применения. Кроме того, в инструкции приведены перечень сокращенных слов и словосочетаний, перечень условных знаков, значение шрифтов разных размеров и других лексикографических знаков. Необходимо отметить, что и предисловие, и инструкция также даются на монгольском языке.

**Содержание и структура  
словарной статьи  
национально ориентированного  
лингвострановедческого словаря**

Содержание словарных статей создаваемого нами национально ориентированного ЛС формируют статьи базового ЛС на русском языке и их переводы на монгольский язык. Полагаем, однако, что в перевод оригинальной статьи целесообразно добавить значимую для монгольского адресата информацию, способную обеспечить экспликацию лексического фона национальных реалий страны изучаемого языка. По нашему мнению, определение объема дополнительных сведений неразрывно связано с процессом сопоставления лексических фонов реалий двух лингвокультур.

Наполнение каждой статьи должно демонстрировать различия в восприятии того или иного факта культуры двух стран по ряду параметров: 1) роль и место в национальной лингвокультуре [Cushner, Brislin, 1995]; 2) функции в национальной лингвокультуре, включая возможность выступать в функции семантического предиката в предложении и быть одновременно предметом сопоставления (сравнения); 3) экспликация характеристик внешнего плана (размер, цвет, форма); 4) потенциальная сочетаемость; 5) представленность во фразеологических единицах, единицах афористического уровня, а также в прецедентных текстах [Hirsch, Kett, Trefil, 1988].

Структура статьи национально ориентированного лингвострановедческого учебного словаря включает следующие разделы: Заголовочная единица и ее грамматическая характеристика; Толкование заголовочной единицы и его перевод; Краткая энциклопедическая справка, ее перевод, частичное сопоставление некоторых признаков с признаками монгольских реалий; Изъяснение лексического фона заголовочной единицы, его перевод и сопоставление с лексическим фоном соответствующей реалии в монгольской культуре, выявление сходств и различий; Информация о наиболее устойчивых языковых единицах, связанных с реалией, обозначенной заголовочной единицей; Информация о наиболее известных фактах отражения реалии, обозначенной заголовочной единицей, в литературе, музыке,

изобразительном искусстве; ее перевод; Рисунки, семантизирующие заголовочную единицу; Отсылочный материал.

**Заголовочная единица и ее грамматическая характеристика.** Заголовочной единицей словарных статей избирается вариант названия реалии, наиболее употребительный в речи. После заголовочной единицы приводятся другие варианты названия реалии в соответствии с уменьшением употребительности. Например, заголовочная единица – «*Большой театр*», полное и официальное название, а также другие номинации – «*Государственный академический Большой театр России*», варианты: сокр. «*ГАБТ*», разг. «*Большой*». В качестве заголовочной единицы могут быть даны варианты наименования реалий, например: «*Театр на Таганке*», полное название «*Московский театр драмы и комедии на Таганке*» и разговорный вариант «*Таганка*».

Поскольку словник отражает преимущественно названия реалий, лингвистическое описание заголовка не является сложной. Подобно всем известным ЛС, в составляемом нами словаре заголовочная единица в дидактических целях вводится вместе с ударением, указанием формы падежа (родительного) и категории рода. В отдельных случаях предусмотрены и другие грамматические характеристики.

Заголовочная единица не нуждается в переводе на родной язык обучаемых, так как номинативные единицы словаря представляют собой лингвокультуремы по отношению к монгольской культуре.

**Толкование заголовочной единицы и его перевод.** Для имен нарицательных дается толкование лексического понятия, например: *азбука – совокупность букв, принятых в данной письменности, располагаемых в установленном порядке.* Для имен собственных и реалий, обозначаемых датами, приводится энциклопедическое толкование, например: *Амур – река на Дальнем Востоке, одна из крупнейших рек мира; 1147 г. – 1147 год – год первого упоминания Москвы в летописи.* Толкование обычно точное и нейтральное, оно не требует специального перевода, его содержание во многих случаях эквивалентно в обоих языках.

**Краткая энциклопедическая справка, ее перевод, частичное сопоставление некоторых признаков с признаками монгольских реалий.** Этот раздел словарной статьи содержит информацию о месте и значении реалии в истории и культуре России. Хотя механизм восприятия студентами словарных сведений можно представить как «незнание – знакомство – овладение», одного перевода энциклопедической справки недостаточно, необходимо отметить различия в ассоциациях по поводу одной и той же реалии у носителей разных языков и культур. Так, у монгольских студентов слово *котелок* вызывает ассоциации с посудой объемом не менее пяти литров, имеющей круглое дно и предназначенной для каждодневной варки пищи на огне в юрте, у носителей русского языка – ассоциации с посудой небольшого размера, предназначенной для приготовления пищи в туристическом походе. В энциклопедической справке к слову *котелок* в составляемом национально ориентированном словаре эти различия отмечаются.

**Изъяснение лексического фона заголовочной единицы, его перевод и сопоставление с лексическим фоном соответствующей реалии в монгольской культуре, выявление сходств и различий.** В этом разделе словарной статьи дается информация о том, какие ассоциации возникают у носителей русского языка по поводу реалии, обозначенной заголовочной единицей, определяется статус данной реалии в обыденном сознании носителя языка. Приводятся сведения о популярности (если она имеет место) оценки реалии у носителей языка и культуры, принадлежащих к разным социальным слоям, об изменениях культурного фона реалии (изменения в понимании роли того или иного явления и отношения к нему в разных слоях российского общества в разные исторические периоды), например: отношение в современном российском обществе к *Октябрьской революции 1917 г.*, *Гражданской войне* и другим историческим событиям XX века.

Даются также сведения о сочетаемости, определяемой лексическим фоном заголовочной единицы, поскольку именно в устойчивых словосочетаниях часто можно выявить скрытый лексический фон.

Вводится информация о способности данной номинативной единицы выступать в качестве предмета сравнения и выполнять функцию семантического предиката в предложении, что также связано с лексическим фоном. Например: *Ты Иван Сусанин! Сегодня я тепло оделся, как капуста.*

Необходимо отметить, что данный раздел является наиболее важной частью словарной статьи. Именно через сопоставления ассоциаций в сознании носителей разных языков и культуры обнаруживается лексический фон, который каждый ЛС старается раскрыть разнообразными способами и приемами.

**Информация о наиболее устойчивых языковых единицах, связанных с реалией, обозначенной заголовочной единицей.** В качестве примера такой информации приведем фрагмент словарной статьи, посвященной Санкт-Петербургу. В ней отмечается, что в сознании русских слово *Санкт-Петербург* ассоциируется с *пушкинскими строками из поэмы «Медный всадник», романами Ф.М. Достоевского, стихами А.А. Блока и А.А. Ахматовой, с музыкой Д.Д. Шостаковича и В.П. Соловьева-Седого, а также образными названиями города: северная Венеция, северная Пальмира, град Петра.* Главная трудность представления материала в этом разделе заключается в необходимости перевода фразеологизмов и афоризмов, поиска для них эквивалентного толкования и выражения в монгольской культуре и языке.

**Информация о наиболее известных фактах отражения реалии, обозначенной заголовочной единицей, в литературе, музыке, изобразительном искусстве; ее перевод.** Материалы этого раздела в основном имеют страноведческий характер, особых требований к их переводу на монгольский язык не предъявляется. Например, статья *«Волга»* предполагает обязательное упоминание о связанных с Волгой русских народных песнях, стихах Н.А. Некрасова, картинах И.Е. Репина и И.И. Левитана.

**Рисунки, семантизирующие заголовочную единицу.** В качестве средств зрительной семантизации заголовочных слов предлагаются работы русских художников, поскольку носителям монгольского языка, не знакомым с русской культурой, сложно воспроиз-

водить признаки предметов, событий и явлений, отраженных в сознании носителя русского языка.

**Отсылочный материал.** В словарь вводятся отсылочные статьи. Они, как правило, на монгольский язык не переводятся.

Графическое оформление словарной статьи предполагает выделение жирным шрифтом заголовочных (с указанием ударения) и других ключевых слов словарных статей, выделение курсивом цитат, фразеологизмов, афоризмов и крылатых слов. Как утверждают специалисты, кегль шрифта текста на монгольском языке должен превосходить на пункт размер кегля шрифта текста на русском. В целях демонстрации различий в фоновых знаниях у представителей сопоставляемых культур в тексте на родном языке применяется выделение подчеркиванием.

Речевое оформление словарной статьи должно соответствовать, во-первых, уровню владения адресатом иностранным языком, что требует прежде всего тщательного отбора терминов, во-вторых, целям использования словаря: не только как справочного издания, но и в определенных обстоятельствах как учебного текста.

Ниже приводится образец словарной статьи из рубрики «Растительный мир»:

(рисунок ели)

**ёлъ**, -и, ж. (разг. **ёлка**, -и, ж.)

Хвойное вечнозеленое дерево с кроной в форме конуса и длинными шишками.

*Орой нь шовх шулуун бөгөөд гонзгойвтор боргоцойтой менх ногоон шилмүүст мод.*

**Ель** – одно из самых распространенных деревьев, растет практически по всей территории России. Растет **ель** очень долго, поэтому молодые **еловые посадки** тщательно охраняются **лесоводческими хозяйствами**. Ели часто растут в **смешанном лесу**, но существуют и **еловые леса**. **Еловый лес** – темный, в нем легко можно заблудиться.

*Жодоо нь (гацуур) нь ерген тархсан моддын нэг бегеед Орос орны бүхий л нутгаар ургана. Жодоо мод нь маш удаан ургах учир ойн аж ахуйнууд залуу суулгацыг нь чандлан хамгаалж байдаг. Жодоо нь ихэвчлэн холимог ойд ургах боловч дан жодоо модны ой бас байна. Ийм ой харанхуй байдаг тул хүн теерех нь амархан.*

(картинка) Нередко для **декоративных посадок** в городах используют **голубые ели** с необычным цветом кроны.

*Ер бусын оройтой цэнхэр гацуурыг хот газрыг чимэх ногоон суулгац болгон ашиглах нь багагүй.*

(картинка) **Еловая** древесина используется в строительстве, в производстве бумаги.

*Жодойг барилга болон цаас үйлдвэрлэхэд ашиглана.*

**Ёлка** хороша в любое время года, но особенно она украшает зимний пейзаж, когда на её пышных зеленых ветках – лапах лежит белый серебристый снег. «Зимой и летом – одним цветом», – так говорится о **ёлке** в русской загадке.

*Жодоо мод нь аль ч улиралд сайхан харагдаг ба ялангуяа саглагар ногоон мөчрүүд нь мөнгөн цагаан цасанд дарагдан байх нь өвлийн дүр зургийг чимнэ. Өвөл зунгүй нэг өнгөөрөө гэж жодоо модны тухай орос оньсого хэлдэг.*

(рисунок) **Ель** в России – новогоднее дерево, которое заранее покупают и ставят в доме, украшая специальными **ёлочными игрушками**. Под **новогоднюю ёлку** кладут подарки детям. Пушистую **новогоднюю ёлку** любят и взрослые и дети.

*Жодоо нь Орос орны шинэ жилийн мод бөгөөд түүнийг урьдчилан худалдан авч гэртээ оруулан тусгай гацуур модны тоглоомуудаар чимнэ. Чимсэн гацуур модныхоо дор хүүхдүүдэд зориулан бэлэг орхидог. Шинэ жилийн саглагар ногоон гацуурт том жижиггүй дуртай.*

(ноты) «В лесу родилась **ёлочка**».

(монгольский перевод песни)

## Заключение

Создание национально ориентированного лингвострановедческого учебного словаря для монгольского адресата возможно на базе русского ЛС посредством добавления монголоязычного материала в тесной связи с материалом о монгольской культуре и на основе сопоставления лексического фона одной и той же реалии в двух лингвокультурах.

Как и все ЛС, национально ориентированный ЛС нацелен на экспликацию культурного компонента семантики языковых единиц с учетом специфики национальной культуры и языка адресата одновременно, а также этапа его обучения, что находит отражение в содержании и структуре создаваемого словаря.

Отбор номинативных единиц и обеспечение объективности словника обусловлены коммуникативными потребностями адресата. Поскольку словарные статьи призваны обеспечивать представление о своеобразии контактирующих, а по сути – дистантных по от-

ношению друг к другу культур, в них приведены ассоциации, связанные с одной и той же реалией в разных лингвокультурах. Одновременно использованы принятые в учебной лексикографии и обусловленные спецификой как материала, так и адресата приемы семантизации лексических единиц. В пределах словаря материалы расположены в традиционной последовательности, к которой адресат привык со школьной скамьи.

При создании национально ориентированного ЛС релевантным является соблюдение пропорций в использовании изучаемого и родного языков. Родной для обучающихся язык и, соответственно, культура занимают в словаре существенное место, однако смещению акцентов препятствуют реализация в нем принципа адресата и цель создания словаря – обучение русскому языку, хотя словарь может также быть полезен и при обучении монгольскому языку. Перевод материалов на родной язык адресата предпочтителен в отдельных случаях, которые определяются лингвокультурным и дидактическим опытом составителей словаря, поскольку на сегодняшний день в монгольской русистике не существует научных исследований, позволяющих объективировать этот процесс. Думается, что практика использования национально ориентированного ЛС позволит в известной мере восполнить существующий пробел: представленный в статье проект словаря способен, по нашему мнению, послужить «отправной точкой» как в создании словарей нового типа, так и в дальнейшей разработке основ теории национально ориентированной учебной лингвострановедческой лексикографии применительно к нуждам преподавания РКИ в условиях отсутствия языковой среды, в частности в вузах Монголии.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андрейчина К., 1977. Компарация семантических долей фона как прием в написании ориентированных статей лингвострановедческого словаря // Из опыта создания лингвострановедческих пособий по русскому языку / под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова, Ю. Е. Прохорова. М. : Изд-во Моск. ун-та. С. 148–155.

- Бахтикиреева У. М., 1995. Художественные функции лексики с национально-культурным компонентом семантики в романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 16 с.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г., 1980. Лингвострановедческая теория слова. М. : Русский язык. 320 с.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г., 1990. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М. : Русский язык. 246 с.
- Воробьев В. В., 1997. Лингвокультурология (теория и методы). М. : Изд-во РУДН. 331 с.
- Мамонтов А. С., 2000. Язык и культура: сопоставительный аспект изучения. М. : ИЯ РАН. 183 с.
- Мамонтов А. С., Цэдэндоржийн Э., Богуславская В. В., 2018. Национально-ориентированный двуязычный словарь как средство обучения межкультурной коммуникации граждан Монголии // Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте : Материалы I Междунар. науч.-практич. конф. (Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 14–16 февраля 2018 г.). М. : ГИРЯП. С. 188–189.
- Морковкин В. В., 1986. О базовом лексикографическом умении // Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному. М. : Русский язык. С. 102–117.
- Морковкин В. В., Курочкина И. М., 1982. О страноведческом потенциале лексического ядра современного русского языка // Словари и лингвострановедение. М. : Русский язык. С. 62–72.
- Синячкин В. П., 2010. Общечеловеческие ценности как инструмент анализа языкового сознания членов общества // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. № 2. С. 62–67.
- Энхтуяа Ц., 2015. Язык и культура: основы национально-ориентированной лексикографии (с позиции носителя монгольского языка). М. : Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. 200 с.
- Cushner K., Brislin R. W., 1995. Intercultural Interactions. London : Sage. 365 p.
- Guirdham M., 1999. Communicating Across Cultures. London : Macmillan press. 383 p.
- Hirsch E. D., Kett J. F., Trefil J., 1988. The Dictionary of Cultural Literacy. What Every American Needs to Know. New York : Random House, Inc. 254 p.
- Jandt F., 2000. Intercultural Communication: An Introduction. Newbury Park : Sage. 255 p.

#### ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

Денисова – Денисова М. А. Народное образование в СССР. Лингвострановедческий словарь / под

- ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова. М. : Русский язык, 1981. 271 с.
- Фелицына, Мокиенко – Фелицына В. П., Мокиенко В. М. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь / под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова. М. : Русский язык, 1990. 222 с.
- Чернявская 1 – Чернявская Т. Н. Художественная культура СССР: Лингвострановедческий словарь. М. : Русский язык, 1984. 353 с.
- Чернявская 2 – Лингвострановедческий словарь национальных реалий России / сост. Т. Н. Чернявская [и др.]. М., 1999. 59 с.
- Collins – Collins. The Times English Dictionary & Thesaurus. Glasgow : Harper Collins, 2000. 1397 p.
- Cowie – Cowie A. P. English Dictionaries for Foreign Learners: History. Oxford : Clarendon Press, 1999. 232 p.
- IOD – Illustrated Oxford Dictionary. Oxford : Oxford University Press, 2000. 1008 p.
- NEB – The New Encyclopedia Britannica. In 29 vols. Chicago ; Auckland ; London ; Madrid ; Manila ; Paris ; Rome ; Seoul ; Sydney ; Tokyo ; Toronto, 1993–1994.
- ODEE – The Oxford Dictionary of English etymology / C.T. Onions, G. W. S. Friedrichsen, R. W. Burchfield (eds.). Oxford : Clarendon Press, 1996. 1040 p.
- OGBAC – Oxford Guide to British and American Culture / J. Crowther. Oxford : Oxford University Press, 1999. 600 p.
- [Linguistic and Regional Studies Theory of Words]. Moscow, Russkiy yazyk Publ. 320 p.
- Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G., 1990. *Yazyk i kultura. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo*. [Linguistic and Cultural Studies in Teaching Russian as a Foreign Language]. Moscow, Russkiy yazyk Publ. 246 p.
- Vorobyov, V.V., 1997. *Lingvokulturologiya (teoriya i metody)*. [Linguoculturology: Theory and Methods]. Moscow, Izd-vo RUDN. 331 p.
- Mamontov A.S., 2000. *Yazyk i kultura: sopostavitelnyy aspekt izucheniya* [Mamontov A. S., 2000. Language and Culture: a Comparative Aspect of Learning]. Moscow, Iya RAN Publ. 183 p.
- Mamontov A.S., Tsendorzhiyn E., Boguslavskaya V.V., 2018. *Natsionalno-orientirovanny dvuyazychnyy slovar kak sredstvo obucheniya mezhkulturnoy kommunikatsii grazhdan Mongolii* [The Nationally Oriented Bilingual Dictionary as a Means of Teaching Mongolian Citizens Cross-cultural Communication]. *Persekaya granitsy: mezhkulturnaya kommunikatsiya v globalnom kontekste: Materialy I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Gos. IRYa im. A.S. Pushkina, 14–16 fevralya 2018 g.)* [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Crossing Borders. The Pushkin State Museum Of Fine Arts, Moscow, Russia, 14- 16 Feb 2018]. Moscow, GIRYAP Publ., pp.188-189.
- Morkovkin V.V., 1986. *O bazovom leksikograficheskom umenii* [About Basic Lexicographical Skills]. *Uchebniki i slovari v sisteme sredstv obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu*. Moscow, Russkiy Yazyk Publ., pp.102-117.
- Morkovkin V.V., Kurochkina, I.M., 1982. *O stranovedcheskom potentsiale leksicheskogo yadra sovremennogo russkogo yazyka* [About Linguistic and Country Studies Potential of the Modern Russian Language Lexical Core]. *Slovari i lingvostranovedenie*. Moscow, Russkiy Yazyk Publ., pp. 62-72.
- Sinyachkin V.P., 2010. *Obshchechelovecheskie tsennosti kak instrument analiza yazykovogo soznaniya chlenov obshchestva* [Universal Values as a Tool for the Analysis of the Linguistic Consciousness of Society Members]. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies. Semiotics. Semantics], no. 2, pp. 62-67.
- Enkhtuyaa Ts., 2015. *Yazyk i kultura: osnovy natsionalno-orientirovannoy leksikografii (s pozitsii nositelya mongolskogo yazyka): monografiya* [Language and Culture: the Basics

## REFERENCES

- Andreychina K., 1977. *Komparatsiya semanticheskikh doley fona kak priyom v napisanii orientirovannykh statey lingvostranovedcheskogo slovary* [Comparison of Semantic Parts of the Context as a Method in Writing Linguistic and Cultural Dictionary's Entries]. *Iz opyta sozdaniya lingvostranovedcheskikh posobiy po russkomu yazyku*. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, pp.148-155.
- Bakhtikireeva U.M., 1995. *Khudozhestvennyye funktsii leksiki s natsionalno-kulturnym komponentom semantiki v romane Ch. Aytmatova "I dolshe veka dlitsya den": avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Artistic Functions of the Vocabulary with the National and Cultural Semantic Component in the Novel of Ch. Aytmatov "The Day Lasts more than a Hundred Years". Cand. philol.sci.abs.diss.]. Moscow. 16 p.
- Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G., 1980. *Lingvostranovedcheskaya teoriya slova*

- of Nationally-Oriented Lexicography (from a Mongolian Native Speaker: Monograph). Moscow, Pushkin State Russian Language Institute Publ. 200 p.
- Cushner K., Brislin R.W., 1995. *Intercultural Interactions*. London, Sage. 365 p.
- Guirdham M., 1999. *Communicating Across Cultures*. London, Macmillan Press. 383 p.
- Hirsch E.D., Kett J.F., Trefil J., 1988. *The Dictionary of Cultural Literacy. What Every American Needs to Know*. New York, Random House, Inc. 254 p.
- Jandt F., 2000. *Intercultural Communication: An Introduction*. Newbury Park, Sage. 255 p.
- Chernyavskaya T.N. *Khudozhestvennaya kultura SSSR: Lingvostranovedcheskiy slovar*. [The Artistic Culture of the USSR: Linguistics and Country Studies Dictionary]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1984. 353 p.
- Chernyavskaya T.N. *Lingvostranovedcheskiy slovar natsionalnykh realiy Rossii* [Linguistics and Country Studies Dictionary of Russia's Culture-Specific Concepts]. *Gosudarstvennyy institut russkogo yazyka im. A.S. Pushkina* [Pushkin State Russian Language Institute]. Moscow, 1999. 59 p.
- Collins. *The Times English Dictionary & Thesaurus*. Glasgow, Harper Collins, 2000. 1397 p.
- Cowie A.P. *English Dictionaries for Foreign Learners: History*. Oxford, Clarendon Press, 1999. 232 p.
- Illustrated Oxford Dictionary*. Oxford, Oxford University Press, 2000. 1008 p.
- The New Encyclopedia Britannica*. In 29 vols. Chicago, Auckland, London, Madrid, Manila, Paris, Rome, Seol, Sydney, Tokyo, Toronto, 1993-1994.
- Onions C.T., Friedrichsen G.W.S., Burchfield R.W. eds. *The Oxford Dictionary of English etymology*. Oxford, Clarendon Press, 1996. 1040 p.
- Crowther J., 1999. *Oxford Guide to British and American Culture*. Oxford, Oxford University Press. 600 p.

### SOURCES AND DICTIONARIES

- Denisova M.A. *Narodnoe obrazovanie v SSSR. Lingvostranovedcheskiy slovar* [National Education in the USSR. The Linguistic and Country Studies Dictionary]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1981. 271 p.
- Felitsyna V.P., Mokienko V.M. *Russkie frazeologizmy: Lingvostranovedcheskiy slovar* [Russian Phrazeology. Linguistics and Country Studies Dictionary]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1990. 222 p.

### Information about the Authors

**Alexander S. Mamontov**, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Literature and Intercultural Communication, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St., 6, 117485 Moscow, Russia, as-mamontov2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6703-637X>

**Enkhtuyaa Tsedendorzhiyn**, Doctor of Sciences (Philology), Director of Institute of Cognitive Linguistics, Seula St., 17, Ulaanbaatar, Mongolia, tuyana116@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3965-8016>

**Vera V. Boguslavskaya**, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor, Department of Russian Literature and Intercultural Communication, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St., 6, 117485 Moscow, Russia, boguslavskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4118-382X>

### Информация об авторах

**Александр Степанович Мамонтов**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, as-mamontov2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6703-637X>

**Энхтуяа Цэдэндоржийн**, доктор филологических наук, директор Института когнитивной лингвистики, ул. Сэула, 17, Улан-Батор, Монголия, tuyana116@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3965-8016>

**Вера Васильевна Богуславская**, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, boguslavskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4118-382X>



www.volsu.ru

# РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

---

---

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.7>

UDC 81'374:81'282

LBC 81.054

Submitted: 21.12.2018

Accepted: 21.02.2019

## REPRESENTATION OF THE LEXICAL AND SEMANTIC FIELD “TIME” IN THE “DICTIONARY OF RUSSIAN DIALECTS ON THE TERRITORY OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA”

**Elvira N. Akimova**

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

**Tatiana I. Mochalova**

National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

**Abstract.** The article deals with the specifics of the national language world picture of the Republic of Mordovia. On the basis of the lexicographic data analysis the authors note a set of language units that represent the lexical and semantic field “Time” and define its structural and semantic peculiarities. The paper shows that lexemes with time semantics are a segment of the regional dictionary. In accordance with the results of the field complex analysis, this dialectal unity of words is characterized by various meanings of time. The authors prove that the nouns nominate different intervals of time (nominations connected with religious views of rural inhabitants as well as ritual traditions are frequent). The adjectives characterize a thing or an event qualifying them depending on their relation to any time scheme. The verbs point to the actions connected with eating meals at the definite time intervals. The adverbs represent two main meanings – definite or indefinite time. The nominations of time intervals that are referred to the past demonstrate a high level of variability. The authors conclude that the lexical and semantic field “Time” demonstrates a complex lexical and semantic unity with the units that are linked into a system by basic paradigmatic relations (polysemy, synonymy, antonymy, homonymy).

**Key words:** language system, lexicography, dialect, category of time, lexical and semantic field, semantics, paradigmatic relations, the Russian language.

**Citation.** Akimova E.N., Mochalova T.I. Representation of the Lexical and Semantic Field “Time” in the “Dictionary of Russian Dialects on the Territory of the Republic of Mordovia”. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 1, pp. 86-98. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.7>

УДК 81'374:81'282

ББК 81.054

Дата поступления статьи: 21.12.2018

Дата принятия статьи: 21.02.2019

## РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ВРЕМЯ» В «СЛОВАРЕ РУССКИХ ГОВОРОВ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ»

**Эльвира Николаевна Акимова**

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

**Татьяна Ивановна Мочалова**

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Россия

**Аннотация.** Статья посвящена выявлению особенностей национальной языковой картины мира, находящих отражение в русских говорах, распространенных на территории Мордовии. С опорой на лексикографические данные были охарактеризованы в структурно-семантическом аспекте языковые единицы, репрезентирующие лексико-семантическое поле «время». Показано, что лексемы с временной семантикой составляют существенную часть регионального словаря и выражают разнообразные значения. В результате комплексного анализа диалектных слов с семантикой времени установлено, что существительные называют различные временные отрезки (частотны наименования, связанные с религиозными представлениями сельских жителей, обрядовыми традициями); прилагательные характеризуют предмет или явление в зависимости от его отнесенности к какому-либо временному плану; глаголы обозначают действия, связанные с приемом пищи в определенные промежутки времени; наречия, широко представленные в исследуемом словаре, выражают два основных значения – определенное или неопределенное время. Отмечено, что наиболее разнообразны номинации временных отрезков прошедшего времени, отнесенности событий к плану прошлого. Установлено, что лексико-семантическое поле «время» представляет собой сложный лексико-семантический комплекс, в котором реализуются различные системные отношения формирующих его единиц (полисемия, синонимия, антонимия, омонимия).

**Ключевые слова:** система языка, лексикография, диалект, категория времени, лексико-семантическое поле, семантика, парадигматические отношения, русский язык.

**Цитирование.** Акимова Э. Н., Мочалова Т. И. Репрезентация лексико-семантического поля «время» в «Словаре русских говоров на территории Республики Мордовия» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 1. – С. 86–98. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.7>

**Введение**

Пространство и время – фундаментальные, космические (М. Элиаде) категории мировосприятия человека. Представления о времени формируются благодаря сопоставлению различных процессов движения. Как отмечает М.Д. Ахундов, «представление о времени и понятие времени имеет смысл лишь постольку, поскольку мир находится в состоянии движения и развития; если бы материя была вне движения, понятие времени не имело бы смысла» [Ахундов, 1982, с. 25]. Для того, чтобы произвести отсчет времени, всегда находится какой-то квазипериодический, то есть повторяющийся в некоторых основных чертах, процесс, который выбирается как эталон, и с ним сопоставляются непериодические более сложные процессы.

Человек воспринимает время как последовательность однотипных событий, «жизненных кругов» («циклическое» время) и как однонаправленное поступательное движение («линейное» время). Архаическим цивилизациям свойственно представление о «циклическом» времени как о вращении по кругу, восходящее к цикличности природных явлений, при

таком понимании нет различий между прошлым и будущим. Представление о «линейном» времени возникает позже. В его основе тоже лежит круг, но он разрывается, появляются представления о начале и конце, а значит – эволюции, развитии. Прошедшее и будущее разводятся. Представления о «циклическом» и «линейном» времени сосуществуют, синтезируются. При этом доминанта того или другого становится своеобразным мировоззренческим «маркером»: «циклическое» время связывается с космологическим сознанием, а «линейное» – с историческим. Первое сознание настроено на типизацию, а второе – на индивидуализацию. Е.С. Яковлева подчеркивает, что повторяемость событий, общность человеческих судеб ассоциируется с «циклическим» временем, а неповторяемость, уникальность – с «линейным» [Яковлева, 1994, с. 97–101].

Категория времени рассматривается во многих научных областях, при этом в каждой из них существуют свои формы и способы познания времени. Так, в медицине есть понятие биологических часов, которые дают возможность судить о времени по периодически возникающей и затухающей активности кле-

ток и отдельных органов [Чернин, 1981, с. 110]. В философии время понимается как предельно общая абстракция, охватывающая структурную организованность и изменчивость бытия, как «форма протекания всех механических, органических и психических процессов, условие возможности движения, изменения, развития» [Новая философская энциклопедия, 2010, с. 450]. В социально-исторических науках оно является мерой изменчивости общественных процессов. Социальное время носит квазициклический характер, поскольку возникает как наложение друг на друга различных временных структур: «в рамках исторического времени, в котором происходят события, характеризующие историю народа, нации, развитие и смену общественно-экономических формаций, можно выделить время индивидуального бытия человека, которое определяется протеканием различных социально и индивидуально значимых для него событий» [Баженков, Морозов, Слуцкий, 1966, с. 156].

Время является сложной, значимой для человека категорией, и поэтому привлекает особое внимание лингвистов: различные способы выражения данной категории изучаются на материале древнерусского языка [Киселева, 1982; Лисицына, 1979; и др.], современного русского языка [Арутюнова, 1997; Вендина, 1999; Всеволодова, 1975; Голайденко, 2015; Демченко, 1971; Петрушина, 1974; Цуканова, 1981; Юсупова, Семенова, Резяпова, 2017; Яковлева, 1991; и др.], русских говоров [Первухина, 2002; Попов, 1978; и др.]. В работах, выполненных в русле теории функциональной грамматики [Бондарко, 2002; Проблемы функциональной грамматики..., 2005; Путивцева, 2006; и др.], исследователи выделяют функционально-семантическое поле темпоральности, представляющее собой «совокупность грамматических (морфологических, синтаксических), лексических, а также комбинированных (лексико-грамматических, грамматико-контекстуальных и т. п.) средств того или иного языка, используемых для выражения различных вариантов данной семантической категории» [Теория функциональной грамматики..., 1990, с. 5].

Объектом нашего исследования являются лексемы с темпоральным значением, зафиксированные в «Словаре русских говоров

на территории Республики Мордовия» (далее – СРГРМ). Они составляют неоднородное в содержательном и структурно-грамматическом отношении лексико-семантическое поле, поскольку, «существуя в пространстве и времени, человек стремится обозначить словом те временные отрезки, временные точки, которые он так или иначе осознает и соотносит со своей жизнью» [Касьянова, Гришанова, 2013, с. 292]. Заметим, что на материале русских говоров Мордовии изучались различные семантические объединения диалектной лексики и фразеологии [Акимова, 2011; Акимова, Мочалова, 2016; Мочалова, 2008; Мочалова, 2010 и др.], однако лексико-семантическое поле «время» объектом специального исследования не становилось.

### Методология научного исследования

Структурно-семантический подход к анализу материала делает возможным исследование системных отношений на основе одного лексико-семантического поля. В нашей работе применялись следующие методы: описательный для представления материала, извлеченного в результате сплошной выборки из СРГРМ; сравнительно-сопоставительный, компонентный анализ лексических единиц при установлении их системных иерархических связей и выявлении парадигматических отношений между ними; метод контекстного анализа при определении плана содержания темпоральных слов. Кроме того, в работе были произведены элементарные количественные подсчеты и использован метод лингвокультурологической интерпретации, основанный на анализе языкового материала с привлечением сведений по истории, культуре, социальной организации рассматриваемого сообщества.

Исследуемые единицы классифицированы в соответствии с их частеречной принадлежностью и охарактеризованы в зависимости от наличия в их смысловой структуре интегральных и дифференциальных компонентов.

### Имена существительные со значением 'время'

Лексико-семантическое поле репрезентируют разные по своей семантике существи-

тельные, обозначающие те или иные промежуточные времени. Так, в исследуемых говорах зафиксированы единичные наименования дней недели, месяцев, времен года: *вёшня* – ‘весна’, *ростун* – ‘название месяца июнь’, *овторник* – ‘второй день недели, вторник’, *третёвник* – ‘третий день недели’. Имена существительные могут обозначать определенные временные отрезки в пределах суток: *денищина* – ‘часть суток с утра до вечера, день’, *утренник*, *утрешиник* – ‘утро’, *полденки*, *полдня*, *полудник*, *середня* – ‘середина дня, полдень’, *спень* – ‘полночь’, например:

(1) Фсю **денищину** пръработали, токъ пришли (Трофимовщина, Ромодановский район).

(2) В саму **спень** я пашел на гумнь сень прaverить (Саловка, Лямбирский район).

В составе темпоральных существительных выделяются наименования временных отрезков по какому-либо характерному признаку: *бавылошка* – ‘давно минувшее время’, *межень* – ‘середина лета’, *налетье* – ‘будущий год’.

(3) В **бывалошк**у люди плохъ жыли (Полое, Ардатовский район).

(4) Давай да **нелетья** аставим (Рязановка, Старошайговский район).

Лексема *бытность* называет время чьей-либо жизни:

(5) Фся **бытность** у няво прашла биспутнь (Красногорное, Чамзинский район).

Сельские жители, как правило, соблюдают православные традиции, почитают святых, поэтому не случайно в СРГРМ фиксируются разнообразные номинации религиозных праздников, связанных с определенным временем (календарной датой, днем недели, месяца, частью суток, каким-либо другим периодом): *введение* – ‘религиозный праздник введение в храм Богородицы (21 ноября – здесь и далее даты приводятся по новому стилю)’, *взвесежье*, *взнесежье* – ‘церковный праздник вознесенье (через 40 дней после Пасхи)’, *кочетки* – ‘весенний праздник (22 мая), когда обливаются водой’, *кузьминка*, *кузьминки*, *кузьмишник*, *кузьмушка* – ‘религиозный праздник (1 ноября по старому стилю) – день Кузьмы

и Демьяна’, *маслена* – ‘праздник проводов зимы, масленица (за 7 недель до Пасхи)’, *микола* – ‘религиозный праздник в честь святого Николая (21 июля)’, *кщенья* – ‘церковный праздник крещения (в ночь с 18 на 19 января)’, *усенька*, *усеньки* – ‘вечер накануне Нового года (14 января)’, *успенье* – ‘праздник Успения Пресвятой Богородицы (28 августа)’.

В народном сознании маркируется также день, предшествующий религиозному празднику, обряду, или его последний день: *овсень* – ‘канун Нового года, когда молодежь с песнями-колядками ходила по домам, получая подарки и угощения’, *отданье* – ‘последний день религиозного праздника’, *отпирки* – ‘последний день свадьбы’:

(6) В паследний день свадьбы на **отпирки** идем (Вырыпаево, Ельниковский район).

В СРГРМ зафиксированы также наименования временных отрезков, связанных с поминовением умерших, поскольку в русской национальной традиции многие даты символичны и требуют совершения специальных обрядов, ритуальных действий: *година* – ‘поминки в годовщину смерти кого-либо’, *родители* – ‘день поминовения умерших’, например:

(7) Зафтри **родители**, пирагоф напечь надъ (Кучкаево, Большеигнатовский район).

Как показывает иллюстративный материал, с религиозными праздниками сельские жители связывали определенные обрядовые действия:

(8) Вот **кузьмишник** тадь был, песни пели (Такушево, Тенггушевский район).

(9) На **кщенья** марос сильный был, а мы – ф прорупь (Куликово, Тенггушевский район).

(10) Кажен гот на **маслину** дети хадили (Черемис, Ковылкинский район).

(11) На **усеньки** бляны пякут, робятам отдают на улицъ (Черемис, Ковылкинский район).

С датой религиозного праздника могут соотноситься другие события или временные отрезки:

(12) Перед **успеньим** пост будит (Суподевка, Ардатовский район).

(13) Внукъ с армии к **ввидинью** жду (Кулишейка, Рузаевский район).

Как видим, темпоральные диалектные имена существительные весьма разнообразны, охватывают широкий круг реалий и явлений крестьянской жизни, понятий, связанных с восприятием времени.

### Имена прилагательные со значением 'время'

В русских говорах Мордовии представлены имена прилагательные, характеризующие предмет по отношению к времени года или какой-то части суток: *вёшиний* – 'весенний', *денный* – 'дневной', *утрешный* – 'утренний':

(14) **Вешняя** шэрсть ни садиць (Нижняя Верченка, Старошайговский район).

(15) **Денный** ветир теплый, ни прастыниш (Слободские Дубровки, Краснослободский район).

Частотны адъективные слова, обозначающие проявление того или иного признака в прошлом, отнесенность передаваемого события к плану прошлого. В СРГРМ зафиксированы лексемы, характеризующие людей по тому, какими они были раньше, в прежние времена: *бывалошный* в 1 знач. – 'прежний, тот, который был раньше':

(16) **Бывальшный** нарот был темный, лиригиозный (Атемар, Лямбирский район).

Следует отметить, что чаще всего такие слова соотносятся с каким-то определенным отрезком прошлого (днем, годом и т. п.): *летошний* в 3 знач., *фусешный* – 'вчерашний', *третёвнишний* – 'позавчерашний', *втепорешный*, *втупорошний*, *летошний* во 2 знач., *лонишний*, *подзалетошний* – 'прошлогодний', *третьегоднишний* – 'произошедший в позапрошлом году':

(17) Эта былъ в **пъдзалетошну** осинь (Судосево, Большеберезниковский район).

Кроме того, следует выделить темпоральные прилагательные, которые характеризуют людей, предметы, явления как существующие с

давних пор и до настоящего времени: *бывалошный* в 3 знач. – 'существующий с давних времен, старинный', *когдашний* – 'существующий уже много времени', *колишний* в 1 знач. – 'существующий с давних пор':

(18) Люблю **бывалошнь** песни (Слободские Дубровки, Краснослободский район).

(19) Эти названия-тъ знат хто знат **колишни**-тъ (Красногорное, Чамзинский район).

Диалектные слова могут указывать на то, что какое-либо событие, состояние более или менее отдалено по времени осуществления, например *давешный* – 'бывший, происходивший недавно', *усеешный* – 'недавний'. Кроме того, признак может быть не связан с каким-то определенным моментом, более или менее отдаленным: *летошний* в 1 знач. – 'прошлый, предшествующий', *ранешный* – 'прежний, живший раньше', *тадышний* – 'прошлый, тогдашний':

(20) Время **тагдашне** былъ хужь (Тенишево, Краснослободский район).

(21) **Ранишны** люди жыли ни как щас (Сиалевский Майдан, Инсарский район).

Небольшое число диалектных прилагательных, представленных в СРГРМ, связано с обозначением кого- или чего-либо, относящегося к современности, к плану настоящего времени. В связи с этим можно говорить о нескольких темпоральных значениях плана настоящего: *нонешный* во 2 знач., *сегодний*, *сейчасный* в 1 знач., *сейчасошный*, *таперешный* – 'современный, теперешный':

(22) **Сейчасных** слоф мы ни знаим, а старинны-ти забыли (Тарханово, Ичалковский район);

*летошний* в 4 знач. – 'нынешний, настоящий':

(23) **Летошний** гот у миня авец нету (Павловка, Старошайговский район);

*нонешный* в 1 знач., *ноний*, *обыденночный* – 'сегодняшний':

(24) **Абыденночнь** пагодъ стаит харошъ (Кулишейка, Рузаевский район).

В СРГРМ зафиксировано лишь единичное прилагательное *летошний* в 5 знач. – 'будущий':

(25) На **летошный** гот к сыну паеду (Ямщина, Инсарский район).

Итак, диалектные темпоральные прилагательные обозначают относительно небольшой спектр признаков по тем или иным проявлениям во времени.

### Глаголы со значением ‘время’

Глагольная темпоральная лексика малочисленна. В ходе исследования было выявлено 5 глаголов, которые обозначают действие, связанное с приемом пищи в определенное время суток или в пределах четко обозначенного временного промежутка: *полудневать* – ‘обедать’, *вечерить*, *вечерять*, *сумерничать*, *сумрачать* – ‘ужинать’:

(26) Пашли **палуднивать** (Лаврентьево, Темниковский район).

(27) Збирай на стол, **вичирять** парь (Русские Полянки, Краснослободский район).

Перечисленные глаголы образованы от общенародных существительных, обозначающих определенный временной отрезок или явление природы, с которыми у сельских жителей ассоциативно соотносится прием пищи: *полдень*, *вечер*, *сумерки*, *сумрак*. При этом темпоральность составляет дополнительный смысловой оттенок при обозначении действия. В СРГРМ не фиксируются глаголы, имеющие чисто временное значение. По-видимому, это связано с тем, что у глагольных форм время выражается морфологическими средствами (личными окончаниями, формообразующим суффиксом *-л*), а в контексте уточняется зависимыми словами в функции обстоятельства времени.

### Наречия со значением ‘время’

В отличие от глаголов диалектные наречия с темпоральным значением достаточно разнообразны, поскольку являются одним из основных лексических средств характеристики действия во времени. В СРГРМ представлены наречия, обозначающие различные промежутки времени в течение суток, недели, месяца или года. Распространены наименования временных отрезков, связанных с сут-

ками, одним днем: *быденкой* – ‘в течение одного дня’, *вполдни* – ‘в середине дня’, *впоследбеда* – ‘во второй половине дня’, *денно* – ‘днем’, *изутра* – ‘с утра, утром’, *ночей*, *ночьесь*, *нощно* – ‘ночью’, *поздо* во 2 знач., *позденько* – ‘поздно вечером’, *порано* – ‘рано’, *поутресь* – ‘поутру, утром’, *середня* – ‘в полдень’, *спозарань*, *сранницы*, *срану*, *сызрани* – ‘с раннего утра’, *ужотка* в 3 знач. – ‘в вечернее время’. В СРГРМ зафиксированы единичные образования, связанные с более длительным временным периодом – неделей, временем года, календарным годом: *взабудни*, *забудни* – ‘в будни’, *летось* в 1 знач. – ‘летом’, *сегодня* – ‘в этом году’.

Ориентиром в жизни общества всегда было повторение уже накопленного опыта, воспроизведение действий прошлого, которые выступали в форме священных традиций. Отсюда особая ценность прошлого у сельских жителей, поскольку в дописьменный период бытования языка именно устная форма, наряду с предметами искусства, материальной культуры этноса, служила основным средством накопления и трансляции последующим поколениям опыта, традиций, верований народа. Человек с древнейших времен всегда ориентировался на прошлое, которое представлялось ему эталонным.

Зафиксированная в СРГРМ адвербиальная лексика, связанная с характеристикой событий в плане прошлого, передает 2 основных значения: ‘определенное время’ и ‘неопределенное время’.

Наречия определенного времени указывают на конкретную «точку во времени», когда происходило то или иное событие: вчера, позавчера и т. п. В памяти диалектоносителей отчетливо сохраняются события, происходившие в течение 2–3 дней, предшествующих моменту речи. Широко представлены в СРГРМ наименования вчерашнего дня: *вечерось*, *вчерась*, *давеча*, *даешка* во 2 знач., *каднись*, *кесь*, *намедни* в 1 знач., *надьсь* во 2 знач., *намеднись* во 2 знач., *усеешка* во 2 знач., *‘усейка* во 2 знач., *усет*, *усеешка*, *фусея*. Примыкают к ним слова *‘усейка* в 5 знач., *усей* во 2 знач. – ‘накануне’, то есть в предыдущий день. Для номинации позавчерашнего дня существуют такие диалектные наречия, как *надьсь* в 3 знач., *позавчер*, *послевчера*,

*стритевни, третёвнись, третёдня, третёмни, третёвни, тупра* во 2 знач. Четкое указание на количество предшествующих дней по отношению к моменту речи содержат адвербиальные лексемы *втритевдни, втритёвнись, втритёвню, втритёвнях, втритёмнись* – ‘третьего дня, два дня назад’, *третёвдни, третёвни, третёводни, тридни* – ‘три дня назад’. Более отдаленный временной промежуток прошлого обозначают такие немногочисленные наречия, как *летось* во 2 знач. – ‘прошлым летом’, *летось* в 3 знач., *летоса, лонись, прошлогод* – ‘в прошлом году’, *позалетось* – ‘в позапрошлом году’. Например:

(28) **Летсь** круглый гот дожды шли (Синяково, Краснослободский район).

(29) Я **пръшлагот** бис сень пирибивальсь (Говорово, Старошайговский район).

Наречия неопределенного времени не указывают на конкретный момент в плане прошлого. Они представляют семантическую оппозицию по темпоральному признаку ‘недавно – давно’: *вотэдышки, восей, восейка, восейкось, вонет, вотэось, вонтендышка, даве* в 1 знач., *дая, давешка, даешка* в 1 знач., *дайче, надась, ужо* в 4 знач., *унетось, усеек, усеешка* в 1 знач., *усей* в 1 знач., *‘усейка* в 1 знач., *усеська, усейки, ‘усенька, селига, недавнышко* – ‘недавно’ противопоставлены наречиям *даве* во 2 знач., *‘усейка* в 3 знач., *надась* в 5 знач., *намедни* в 4 знач. – ‘давно’. Ср. примеры (28) и (29):

(30) **Намеднись** дощц сильный прашол (Тепловка, Кочуровский район).

(31) **Усейкь** этъ былъ, щшас ни упомню (Иреть, Старошайговский район).

Наиболее распространены в исследуемых говорах наречия, характеризующие недавние события, что объясняется, по-видимому, сохранением в памяти менее отдаленных фактов, важных для говорящего в настоящее время. В семантике некоторых наречий актуализируется временной период, который «очерчивает» недалекое прошлое: *надась* в 1 знач., *намеднись* в 1 знач., *намеднях* – ‘на днях, недавно’. Отметим, что для многозначной лексемы *даве* характерна энантиосемия, поскольку у слова развиваются исключаящие друг друга значения, ср. (32) и (33):

(32) Эту пылушалку я **даве** (= недавно) купилъ, када в горът издилъ (Муравлянка, Ельниковский район).

(33) Этъ фсе **дави** (= давно) былъ, ни упомню (Кивчей, Старошайговский район).

Развитие у языковых единиц внутрисловной антонимии типично для живой народной речи.

Многочисленны в СРГРМ наречия со значением ‘раньше, прежде’: *бывалоча* в 1 знач., *бывалочки, бывалушка, бывальшко* в 1 знач., *бывашка, вперед, впередок, впереду, дальше, допрежь, досюль, доталева, дотоль* в 1 знач., *зараньше* во 2 знач., *попреже, теперештово, унето, ‘усейка* в 4 знач. Они употребляются в контекстах, характеризующих происходившие в прошлом события, удаленные от момента речи:

(34) **Фпирет** други люди были (Ключарёво, Рузаевский район).

(35) Работали **усийкь** с утра да ночи (Ефаево, Краснослободский район).

Местоименные наречия *тада, тады* в 1 знач., *тадысь, тадыть, тае, таей, тай, ‘тепор, тепор, тепорочи, тепоры, тупор, тупора, тупорочи, тупорочь, тупорошка, тупрочь, тупру* указывают на неопределенное время – ‘тогда, в то время, в ту пору’, но не называют его. Такие наречия выступают в предложении в роли детерминанта, например:

(36) Дъ вить **тадыть** люди здоровшы были (Никольское, Торбеевский район).

(37) **Тепор** много што па-другому былъ (Вырыпаево, Ромодановский район).

(38) **Фтупьрошку**-ть свадьби-ти не так справляли (Хилково, Ичалковский район).

(39) **Тупрочь** вайнь шла (Айкино, Большеберезниковский район).

Небольшая группа наречий связана с обозначением настоящего времени. Так, лексемы *тавере, таперь, таере, тапере, таперекать, таперича, татэрь* выражают значение ‘теперь, сейчас’ и характеризуют действие, совпадающее с моментом речи:

(40) **Таперь** фсе хорашъ (Шалы, Атюрьевский район).

В СРГРМ зафиксированы лексемы *ноне* во 2 знач., *нонче* во 2 знач., которые охватыва-

ют более широкий временной план настоящего, расширенное настоящее – ‘теперь, в настоящее время’:

(41) **Нони** жизнь сталь лучи (Силино, Ардатовский район).

(42) **Нончи** нарот злой пашол (Енгальчево, Дубенский район).

Диалектные наречия *надьысь* в 4 знач., *намедни* во 2 знач., *ноне* в 1 знач., *нонче* в 1 знач. употребляются со значением ‘сегодня’:

(43) **Надыс** пажар был (Сакаевский Майдан, Теньгушевский район).

(44) **Намедни** день хороший (Семивражки, Торбеевский район).

(45) Унук **нончи** пришол (Медаево, Чамзинский район).

Единичное образование *по-сейчасному* имеет компаративный компонент значения ‘как сегодня, сейчас’, ср.:

(46) Трудавой фрон **по-сичаснъму** грят (Старый Ковыляй, Темниковский район).

Лексикографический материал включает небольшое количество лексем, характеризующих временной план будущего, направленность действия на предполагаемое развитие событий. Здесь можно выделить слова, указывающие на конкретный период будущего (*завтри*, *заутро* в 1 знач., *намедни* в 3 знач. – ‘на следующий день после сегодняшнего, завтра’, *послезавтрешиного* – ‘послезавтра’) или неопределенный временной отрезок (*заутро* в 4 знач. – ‘вскоре’, *живечко* в 1 знач., *живочко* в 1 знач. – ‘в скором времени’). Ограниченное количество наречий такого типа объясняется, по-видимому, тем, что человек в своей жизнедеятельности ориентировался в первую очередь на опыт прошлого, а направленность в будущее появляется значительно позже. В архаических представлениях иным, нежели в современных, было положение человека по отношению ко времени: он был обращен лицом к прошлому, которое хорошо знал, а спиной – к будущему, неизвестному и оттого устрашающему.

В СРГРМ зафиксированы наречия, в смысловой структуре которых сопряжены 2 временных признака: указание одновремен-

но на день (вчера – сегодня – завтра) и часть суток (вечером – утром): *ввечеру*, *вечере* в 1 знач., *вечерушка* в 1 знач., *вечерышка* в 1 знач., *ужо* во 2 знач. – ‘вчера вечером’, *вечор*, *вечере* во 2 знач., *вечерушка* во 2 знач., *вечерышка* во 2 знач., *вечерь*, *ужо* в 1 знач., *ужотка* в 1 знач. – ‘сегодня вечером’, *утре*, *утресь* – ‘сегодня утром’, *даве* в 3 знач., *заутро* во 2 знач. – ‘завтра утром’:

(47) **Утресь** сафсем тяплъ былъ (Саловка, Лямбирский район).

(48) Я **вечерушкъ** в шабрах былъ (Уриш, Рузавский район).

(49) Ты **ужотка** ка мне прихадн (Дмитриев Усад, Атюрьевский район).

В СРГРМ представлены адвербиальные лексемы, которые обозначают не временной отрезок в плане прошлого, настоящего или будущего, а передают характер протекания и распределения действия во времени: его быстроту, длительность, непрерывность и т. п. Наиболее распространены наречия, обозначающие быстроту реализации действия: *заутро* в 3 знач., *живечко* во 2 знач., *живочко* во 2 знач., *живочки*, *запалом*, *зараз*, *снадбегу* во 2 знач., *спорно*, *сразу*, *шибко* во 2 знач., *ужасно*, *цепком*, *чиво*, *чугуром*, *шарокопытышки*, *шементом*, *шешетой*, *широкопытышки*, *шометом*, *шутоломно* – ‘немедленно, очень скоро, быстро’. Например:

(50) Колькъ **живечкъ** за вадой збегат (Редкодубье, Ардатовский район).

(51) Я **шъръкапыгышкъми** за хлебъм збегълъ (Малый Азясь, Ковылкинский район).

(52) Он у миня **шеминтъм** вылитит (Кергуды, Ичалковский район).

Отдельные слова, кроме значения быстроты реализации действия, актуализируют и другие смысловые компоненты, которые определяют сочетаемость лексем. Так, *доразу* со значением ‘тотчас, немедленно’ функционирует, как правило, в императивных конструкциях и подчеркивает необходимость незамедлительного выполнения какого-либо требования:

(53) Иди **доразу**, неслух! (Усыскино, Инсарский район).

Диалектные слова *ужо* в 3 знач., *ужотка* во 2 знач. употребляются со значением ‘соро, немного погодя’ и служат для характеристики более удаленного по времени действия:

(54) **Ужо** картошку матыжить надь (Нагаево, Инсарский район).

(55) **Ужоткъ** хлеб в магазин привизут (Авгурь, Старошайговский район).

Образование *скороспешно* со значением ‘соропостижно’ номинирует неожиданность наступления смерти кого-либо:

(56) А патом и сканчалась **скъраспешнь** (Енгальчево, Дубенский район).

Диалектные наречия могут употребляться для характеристики действия, которое осуществляется непрерывно, постоянно, ежеминутно, в любое время: *безминутно* – ‘постоянно, ежеминутно’, *безотрывно* – ‘непрерывно, постоянно’, *бесперечь* – ‘беспрестанно, непрерывно’, *бессходу* – ‘непрерывно’. Например:

(57) Симнаццьть лет **биссходу** работьль, бачки вазиль (Атемар, Лямбирский район).

От перечисленных слов отличается образование *понадольше*, поскольку оно указывает не на постоянное, а на длительное событие или явление, ср.:

(58) Пълажу масль в пьгрибок, штоп **пънадольшь** съхранильсь (Киржеманы, Большеигнатовский район).

Общепонимное наречие *навсегда* развивает в говорах значение ‘в любое время, постоянно’:

(59) Свадьбы **навсягда** у нас делают (Ишейки, Темниковский район).

В то же время СРГРМ фиксирует образованную в результате сращения языковую единицу *навовсе* со значением ‘навсегда’:

(60) Он мне парасенкъ **навовсе** адал (Марьяновка, Большеберезниковский район).

Наречия *зараньше* в 1 знач., *зарыня*, *затого* характеризуют действие, которое нужно осуществить заблаговременно, заранее:

(61) Кармоф надь былъ **зараншь** готовить (Кулишейка, Рузаевский район).

Итак, семантика темпоральных диалектных наречий весьма разнообразна, в контексте они указывают на различные проявления глагольного действия во времени.

### Системные отношения лексических единиц со значением ‘время’

В СРГРМ зафиксировано 276 лексем, принадлежащих к различным частям речи и выражающих значение времени. Исследуемое лексико-семантическое поле включает разные типы диалектизмов: собственно лексические (*кесь*, *усет*, *фусея* – ‘вчера’, *дая* – ‘недавно’, *спень* – ‘полночь’, *чугуром* – ‘быстро’ и др.), лексико-семантические (*сегодня* – ‘в этом году’, *родители* – ‘день поминаения умерших’, *бытность* – ‘время чьей-нибудь жизни’ и др.), лексико-фонетические (*овторник* – ‘вторник’, *тада*, *тады* в 1 знач. – ‘тогда’, *таперь*, *тапере* – ‘теперь’ и др.), лексико-словообразовательные (*летось* в 1 знач. – ‘летом’, *порано* – ‘рано’, *поутресь* – ‘поутру, утром’ и др.).

В составе изучаемой диалектной темпоральной лексики обнаружено 31 полисемантическое слово, развивающее в системе диалекта прямые и переносные значения, что составляет примерно 11 % от общего числа слов, называющих временные понятия. У 26 многозначных слов, представленных в СРГРМ, все значения связаны с выражением темпоральности: *вечере* в 1 знач. – ‘вчера вечером’, во 2 знач. – ‘сегодня вечером’; *даве* в 1 знач. – ‘недавно, в недалеком прошлом’, во 2 знач. – ‘давно’; *заутро* в 1 знач. – ‘на следующий день после сегодняшнего’, во 2 знач. – ‘завтра утром’, в 3 знач. – ‘немедленно, очень скоро’, в 4 знач. – ‘вскоре’ и др. У 5 полисемантов (*бывалоча*, *бывальшко*, *бывалошний*, *колишний*, *сейчасный*) только отдельные значения связаны с темпоральностью. Например, у прилагательного *сейчасный* первое значение временное, а второе лежит за пределами временной семантики и характеризует качество пищевого продукта: *сейчасный* в 1 знач. – ‘современный, нынешний’, во 2 знач. – ‘све-

жий, парной'. У полисемантического прилагательного *бывалошный* 3 значения связаны со временем (*бывалошный* в 1 знач. – 'прежний, тот, который был раньше', в 3 знач. – 'существующий с давних времен, старинный', в 4 знач. – 'давний, старый'), а 2 не связаны и представляют качественную характеристику предмета или человека (*бывалошный* во 2 знач. – 'старый, бывший в употреблении, изношенный', в 5 знач. – 'бывалый, опытный, много видевший').

Анализ словарного материала показывает, что для единиц лексико-семантического поля 'время' характерно разнообразие парадигматических отношений. Широко развита синонимия: в СРГРМ представлен 41 синонимический ряд, при этом наиболее многочисленными являются ряды наречий-дублетов со значениями 'недавно' (34 синонима), 'тогда, в то время' (25 синонимов), 'быстро' (18 синонимов), 'раньше, прежде' (17 синонимов). Например, синонимический ряд со значением 'недавно' представлен наречиями *вотэдышки, восей, восейка, восейкось, вонет, вонтендышка, вотэтошь, даве* в 1 знач., *дая, давешка, даешка* в 1 знач., *дайче, надась, намеднись, намеднях, недавнышко, селига, ужо* в 4 знач., *унетось, усей* в 1 знач., *<sup>1</sup>усейка* в 1 знач., *тепорче, токо, тупороч, унетось, усек, усейки, усень, <sup>1</sup>усенька, усеешка* в 1 знач., *усеська, утедышка, утета, утетышко*.

Языковые единицы, репрезентирующие лексико-семантическое поле «время», могут формировать антонимические оппозиции, которые представлены в основном наречиям со значениями 'ночью' (*ноцно*) – 'днем' (*денно*), 'полдень' (*середня*) – 'полночь' (*спень*), 'раньше, прежде' (*бывалоча*) – 'теперь, сейчас' (*тавере*) и др.

У слов с темпоральной семантикой в говорах крайне редко появляются омонимы. Так, выявлено 5 омонимичных пар, при этом лишь 2 из них имеют темпоральное значение (*<sup>1</sup>усенька* – 'недавно' и *<sup>2</sup>усенька* – 'вечер накануне Нового года по старому стилю (14 января)'; *<sup>1</sup>налетье* – 'будущий год' и *<sup>2</sup>налетье* в 1 знач. – 'летом', во 2 знач. – 'в будущем году'). В остальных случаях омонимичными являются существительные с конкретно-бытовым или вещественным значением (*<sup>1</sup>те-*

*пор* – 'тогда, в то время' и *<sup>2</sup>тепор* – 'топор'; *<sup>1</sup>усейка* в 1 знач. – 'недавно', во 2 знач. – 'вчера', в 3 знач. – 'давно', в 4 знач. – 'раньше', в 5 знач. – 'накануне' и *<sup>2</sup>усейка* – 'большое решето'; *<sup>1</sup>утренник* – 'молоко утреннего удоя' и *<sup>2</sup>утренник* – 'утро').

Кроме того, в исследуемых словарных материалах обнаружена грамматическая омонимия: лексемы *бывалоча* и *бывалошко* в одних случаях функционально-семантически сближаются с наречием со значением 'давний, старый', а в других – с общенародной аспектуальной частицей *бывало*, выступающей в роли вводного слова и указывающей на регулярную повторяемость действия в плане прошлого. Ср. (62) и (63), (64) и (65):

(62) **Бывальчя** наши бабы токь пасконны исподницы насили (Атемар, Лямбирский район).

(63) Идём, **бывальчя**, палесу, а ягът-тъ! (Дмитриев Усад, Атюрьевский район).

(64) **Бывалышкъ** мы плохъ жыли, беднь (Аксёл, Темниковский район).

(65) Убираюсь, **бывальшкъ**, я домъ, а паринь арёт (Башкирцы, Теньгушевский район).

По структуре диалектные темпоральные лексемы неоднородны: можно выделить как непрямые, так и производные слова. Продуктивным для слов рассматриваемого поля является морфемный способ словообразования, в частности суффиксация, посредством которой созданы темпоральные слова разных частей речи: существительные (*ростун* – 'название месяца июнь', *третёвник* – 'третий день недели', *отданье* – 'последний день религиозного праздника' и др.); прилагательные, которые чаще всего производятся на базе общенародных наречий со значением времени (*ранешный* – 'прежний, живший раньше', *тадышний* – 'прошлый, тогдашний', *нонешний* во 2 знач., *сегодний, сейчасный* в 1 знач., *сейчасошний, таперешный* – 'современный, теперешный' и др.); глаголы, образованные от существительных с временной семантикой (*полудневать* – 'обедать', *вечерить, вечерять, сумерничать, сумрачать* – 'ужинать'); наречия (*летось* во 2 знач. – 'прошлым летом', *утресь* – 'сегодня утром', *недавышко* – 'недавно', *шутоломно* – 'быстро' и др.).

В говорах по мере развития у слов абстрактных значений создаются производные от

того же корня, но с более сложным морфемным составом: *по/на/дольше*, *за/раньше*, *за/утро*, *на/во/все*, *по/за/летось* и т. п. Наречные основы осложнены в говорах префиксами, усиливающими значение исходного слова.

Немногочисленны примеры слов префиксально-суффиксального образования: *'налетье* – 'будущий год', *по-сейчасному* – 'как сегодня, сейчас'. В результате сращения предложно-падежной формы с местоименным прилагательным в описываемых говорах образуются отдельные наречные слова (*повседню* – 'целыми днями', *втупор*, *втепоры*, *втупора* – 'тогда, в то время').

### Заключение

Проведенное исследование дало возможность выявить языковые единицы, репрезентирующие лексико-семантическое поле «время», определить их структурно-семантические особенности.

Многообразии темпоральных значений слов разных частей речи отражает разное понимание времени в русском языковом сознании. Лексико-семантическое поле «время» представляет собой сложный лексико-семантический комплекс, в котором проявляются различные системные отношения и отражаются все многообразие семантических связей слов.

Количество лексем с временной семантикой, зафиксированных в СРГРМ, не велико по сравнению со словами с предметно-вещественным значением, однако с древних времен и до сих пор эти слова остаются употребительными в речи носителей диалекта, составляют значительную по объему часть регионального словаря. Время как важная форма существования объективной реальности пронизывает всю жизнь и деятельность человека, поэтому всестороннее исследование лексико-семантического поля «время» способствует постижению народной ментальности, выявлению специфики национальной языковой картины мира.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимова Э. Н., 2011. Диалектные фразеологизмы со значением «Платки и способы их повязывания (ношения)» в русских говорах Мордовии // Десятые Поливановские чтения : сб. ст. по материалам докл. и сообщ. конф. (Смоленск, 4–5 октября 2011 г.). Ч. II. Смоленск : Маджента. С. 61–65.
- Акимова Э. Н., Мочалова Т. И., 2016. Особенности функционирования онимов в русских говорах Мордовии // Ономастика Поволжья. Арзамас : Изд-во ННГУ. С. 77–82.
- Арутюнова Н. Д., 1997. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М. : Индрик. С. 51–61.
- Ахундов М. Д., 1982. Концепция пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. М. : Наука. 397 с.
- Баженов Л. Б., Морозов Е. Н., Слуцкий М. С., 1966. Естествознание и время. М. : Наука. 226 с.
- Бондарко А. В., 2002. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М. : Языки славянской культуры. 736 с.
- Вендина Т. И., 1999. Пространство и время как параметры дискретизации макрокосма // Славянские этюды. М. : Индрик. С. 136–140.
- Всеволодова М. В., 1975. О способах выражения временных отношений в современном русском языке. М. : Изд-во МГУ. 283 с.
- Голайденко Л. Н., 2015. Категория времени глагола как грамматическое средство выражения семантики представления в художественной прозе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 11 (53), ч. 1. С. 67–75.
- Демченко И. Г., 1971. Выражение временных отношений лексическими средствами // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Горького. Т. 63. С. 243–253.
- Касьянова Е. А., Гришанова В. Н., 2013. Наречия времени в орловских говорах // Ученые записки Орловского государственного университета. № 4 (54). С. 291–294.
- Киселева Г. В., 1982. О словообразовательных возможностях корней *-врем-* / *-верем-* и семантическом значении их производных в истории русского языка XI–XVII вв. // Вопросы семантики: исследования по исторической семантике. Казань : Изд-во КГУ. С. 124–132.
- Лисицына Т. А., 1979. Формирование системы временных обозначений в русском литературном языке XVIII века : дис. ... канд. филол. наук. Л. 249 с.
- Мочалова Т. И., 2008. Названия кушаний в русских говорах Мордовии // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж : Изд-во ВГУ. С. 295–303.
- Мочалова Т. И., 2010. Наименования домашних животных в русских говорах Республики Мор-

- довия // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) – 2010. СПб. : Наука. С. 397–403.
- Новая философская энциклопедия, 2010. Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 1/ Ин-т философии Российской акад. наук; гл. ред. В. С. Степин. 2-е изд., испр. и доп. М. : Мысль. 741 с.
- Первухина Е. В., 2002. Наречия времени и пространства в архангельских народных говорах: семантический аспект : дис. ... канд. филол. наук. М. 268 с.
- Петрушина О. В., 1974. К семантической характеристике наречий времени (по материалам словарей) // Лингвистические статьи : материалы VIII конф. преподавателей рус. яз. Вып. 2, ч. 1. М. : Изд-во Моск. обл. пед. ин-та. С. 85–89.
- Попов И. А., 1978. Наречия со значением недавно, некоторое время тому назад в русских народных говорах // Диалектная лексика. Л. : Наука. С. 146–163.
- Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры, 2005. СПб. : Наука. 480 с.
- Путивцева И. А., 2006. Функционально-семантическое поле временной характеристики события : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог. 24 с.
- Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность, 1990 / А. В. Бондарко [и др.] ; редколл.: А. В. Бондарко (отв. ред.) [и др.] ; Л. : Наука. 262 с.
- Цуканова Н. И., 1981. Наречия места и времени в русской разговорной речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов. 18 с.
- Чернин А. Д., 1981. Физика времени. М. : Изд-во МГУ. 150 с.
- Юсупова Л. Г., Семенова Н. В., Резяпова Р. И., 2017. Сопоставительная характеристика концепта «время» (на примере английских и татарских произведений) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. №2 (115). С. 128–132.
- Яковлева Е. С., 1991. *Время и пора* в оппозиции линейного и циклического времени // Логический анализ языка. Культурные концепты. М. : Наука. С. 45–51.
- Яковлева Е. С., 1994. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М. : Гнозис. 344 с.

### ИСТОЧНИКИ

- СРГРМ – Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Ч. I–II / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб. : Наука, 2013. 1560 с.

### REFERENCES

- Akimova E.N., 2011. Dialect Phraseological Units with the Meaning “Scarves and Methods of Tying them (Wearing)” in Russian Dialects of Mordovia. *Desyatye Polivanovskie chteniya; sbornik statey po materialam dokladov I soobshcheniy konferentsii (Smolensk, 4–5 oktyabrya 2011 g.). Part II*. Smolensk, Madzhenta Publ. pp. 61–65.
- Akimova E.N., Mochalova T.I., 2016. Features of the Functioning of Onyms in Russian Dialects of Mordovia. *Onomastika Povolzhya*. Arzamas, NNGU Publ. pp. 77–82.
- Arutyunova N.D., 1997. Time: Models and Metaphors. *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyk i vremya* [Logical Analysis of Language. Language and Time]. Moscow, Indrik Publ. pp. 51–61.
- Akhundov M.D., 1982. *Concepts of Space and Time: Origins, Evolution, Prospects*. Moscow, Nauka Publ. 397 p.
- Bazhenov L.B., Morozov E.N., Slutskiy M.S., 1966. *Natural Science and Time*. Moscow, Nauka Publ. 226 p.
- Bondarko A.V., 2002. *The Theory of Meaning in the System of Functional Grammar. Exemplified by Russian*. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 736 p.
- Vendina T.I., 1999. Space and Time as the Parameters of the Macrocosm Discretization. *Slavyanskije etyudy* [Slavic Etudes]. Moscow, Indrik Publ. pp. 136–140.
- Vsevolodova M.V., 1975. *The Ways of Expression of Tense Relations in Modern Russian Language*. Moscow, Izd-vo MGU. 283 p.
- Golaydenko L.N., 2015. The Category of Verbal Tense as a Grammatical Means to Express the Semantics of Representation in Fictional Texts. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], no. 11 (53). part 1., p. 67–75.
- Demchenko I.G., 1971. The Expression of Tense Relations with Lexical Means. *Uchenye zapiski MGPIIY im. Moria Teresa*. Vol. 63, pp. 243–253.
- Kasyanova E.A., Grishanova V.N., 2013. Adverbs of Time in the Dialects of Oryol Region. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Orel State University], no. 4 (54), pp. 291–294.
- Kiseleva G.V., 1982. On Word-formation Possibilities of the Roots of *-vrem-/-verem-* and Semantic Meaning of Their Derivatives in the History of the Russian Language of the 11<sup>th</sup>–17<sup>th</sup> centuries. *Voprosy semantiki: issledovaniya po istoricheskoy semantike*. Kazan, Izd-vo KGU, pp. 124–132.
- Lisitsyna T.A., 1979. *Formation of the Temporary Symbols System in the Russian Literary Language of the 18<sup>th</sup> century*. Cand. philol. sci. diss. Leningrad. 249 p.

- Mochalova T.I., 2008. Names of Food in the Russian Dialects of Mordovia. *Materialy po russko-slavyanskomu yazykoznaniiyu* [Materials on Russian-Slavic Linguistics]. Voronezh, Izd-vo VGU, pp. 295-303.
- Mochalova T.I., 2010. Names of Domestic Animals in the Russian Dialects of the Republic of Mordovia. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) – 2010* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) - 2010]. Saint-Petersburg, Nauka Publ. pp. 397-403.
- Stepin V.S., ed., 2010. *The New Encyclopedia of Philosophy. In 4 vols. Vol. 1.* Moscow, Mysl Publ. 741 p.
- Pervukhina E.V., 2002. *Adverbs of Time and Space in Arkhangelsk Folk Dialects: the Semantics.* *Cand. philol. sci. abs. diss.* Moscow. 268 p.
- Petrushina O.V., 1974. To the Semantic Characteristics of Adverbs of Time (Based on Dictionaries). *Lingvisticheskie statyi: materialy VIII konf. prepodavateley rus. yaz. Vyp. 2, ch. 1.* Moscow, Izd-vo Moskovskogo oblastnogo pedagogicheskogo instituta, pp. 85-89.
- Popov I.A., 1978. Adverbs with the Meaning “Lately”, “Some Time Ago” in Russian Dialects. *Dialektnaya leksika.* Leningrad, Nauka Publ., pp. 146-163.
- Problems of Functional Grammar: Field Structures,* 2005. Saint-Petersburg, Nauka Publ. 480 p.
- Putivtseva I.A., 2006. *Functional and Semantic Field of Time Carecteristics of an Event.* *Cand. philol. sci. abs. diss.* Taganrog. 24 p.
- Theory of Functional Grammar: Temporality. Modality,* 1990. Leningrad, Nauka Publ. 263 p.
- Tsukanova N.I., 1981. *Adverbs of Place and Time in Russian Spoken Language.* *Cand. philol. sci. diss.* Saratov. 18 p.
- Chernin A.D., 1981. *Time Physics.* Moscow, Izd-vo MGU. 150 p.
- Yusupova L.G., Semenova N.V., Resyapova R.I., 2017. Comparative Characteristics of the “Time” Concept (Based on English and Tatar Works). *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta,* no. 2 (115), pp. 128-132.
- Yakovleva E.S., 1991. *Time and Season in Opposition to Linear and Cyclic Time.* *Logicheskii analiz yazyka. Kulturnye kontsepty* [Logical Analysis of Language. Cultural Concepts]. Moscow, Nauka Publ., pp. 45-51.
- Yakovleva E.S. 1994. *Fragments of the Russian Language Picture of the World (Models of Space, Time and Perception).* Moscow, Gnozis Publ. 344 p.

#### SOURCES

*Slovar russkikh govorov na territorii Respubliki Mordoviya.* Ch. I–II [Dictionary of Russian Dialects in the Republic of Mordovia. Part 1-2], 2013. Saint Petersburg, Nauka Publ. 1560 p.

#### Information about the Authors

**Elvira N. Akimova**, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Literature and Intercultural Communication, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St., 6, 117485 Moscow, Russia, akimovaen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0883-2173>

**Tatiana I. Mochalova**, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of the Russian Language, National Research Ogarev Mordovia State University, Bolshevistskaya St., 68/1, 430005 Saransk, Russia, mochalova2014@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1369-2985>

#### Информация об авторах

**Эльвира Николаевна Акимова**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, akimovaen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0883-2173>

**Татьяна Ивановна Мочалова**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, ул. Большевикская, 68/1, 430005 г. Саранск, Россия, mochalova2014@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1369-2985>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.8>

УДК 811.161.1'373  
ББК 81.411.2-324

Submitted: 15.09.2018  
Accepted: 26.02.2019

## PROTOTYPICAL MODELS OF THE TERMS INTERACTION IN THE TERMINOLOGICAL NETWORK<sup>1</sup>

**Maksim N. Latu**

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

**Olga Yu. Gukosyants**

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

**Abstract.** The research is devoted to the current cross-disciplinary problem of the knowledge organization for information search intellectualization and knowledge extraction acceleration by means of the specialized software - the expert system. The paper shows that an effective form of knowledge organization in the expert system is the terminological network of subject domain; the network can be structured on the basis of prototypical semantic models of terms interaction which reflect the relations of the concepts designated by terms. The authors reconstruct the fragment of the terminological network of nanotechnologies with the top-term nanoliquid and present it in the article. While analyzing definitions of the terms included into the network and the fragments of scientific publications with terminological units of the analyzed subject domain, the authors define the following semantic categories: Material, Substance, Natural object, Tool, Characteristic, Process. The paper reveals the prototypical models of the terms interaction reflecting the systemic relations between the term “nanoliquid” and its adjacent terms: generic, partitive, attributive, the relations between targeted object and result, between material and process. The article shows that the term “nanoliquid” is introduced in hierarchical classification of the nanostructured materials and has various semantic relations both with terms of one category and with terms of all other semantic categories.

**Key words:** term, concept, category, system relation, prototypical model, terminological network, systematicity, the Russian language.

**Citation.** Latu M.N., Gukosyants O. Yu. Prototypical Models of the Terms Interaction in the Terminological Network. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 1, pp. 99-112. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.8>

УДК 811.161.1'373  
ББК 81.411.2-324

Дата поступления статьи: 15.09.2018  
Дата принятия статьи: 26.02.2019

## ПРОТОТИПИЧНЫЕ МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТЕРМИНОЕДИНИЦ В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СЕТИ<sup>1</sup>

**Максим Николаевич Лату**

Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия

**Ольга Юрьевна Гукосьянц**

Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия

**Аннотация.** Исследование посвящено актуальной междисциплинарной проблеме организации знаний с целью интеллектуализации информационного поиска и ускорения процесса их извлечения посредством специализированного программного обеспечения – экспертной системы. Показано, что эффективной формой организации знаний в экспертной системе является терминологическая сеть предметной области, структурирование которой может быть осуществлено на основе прототипичных семантических моделей взаимодействия терминов, отражающих отношения обозначаемых ими понятий. В статье представлен фрагмент

реконструированной авторами терминологической сети предметной области нанотехнологий с термином-вершиной *наножидкость*. В результате анализа дефиниций терминов, входящих в сеть, и контекстов употребления терминологических единиц этой предметной области в научных публикациях определена их принадлежность к одной из семантических категорий: Материал, Вещество, Естественный объект, Инструмент, Характеристика, Процесс. Выявлены прототипичные модели взаимодействия терминов, эксплицирующие системные связи термина *наножидкость* (родовидовые, партитивные, атрибутивные, результативные, локации) и их направленность. Показано, что данный термин встроен в иерархическую классификацию наноструктурированных материалов и реализует разнообразные семантические отношения как с терминами внутри одной категории, так и с терминами других семантических категорий.

**Ключевые слова:** термин, понятие, категория, системные отношения, прототипичная модель, терминологическая сеть, системность, русский язык.

**Цитирование.** Лату М. Н., Гукосьянц О. Ю. Прототипичные модели взаимодействия терминов в терминологической сети // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 1. – С. 99–112. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.8>

### Введение

Структурированное представление знаний конкретных предметных областей – это актуальная задача современной науки, решение которой возможно с применением различных подходов и методов (подробнее о некоторых методах изучения и моделирования организации научного знания см.: [Гукосьянц, Лату, 2017]). Основными целями создаваемых исследователями моделей организации научного знания являются интеллектуализация информационного поиска, ускорение процесса извлечения данных, облегчение доступности знаний в целом как для предметного эксперта (эксперта в определенной предметной области, сфере научного знания), так и для рядового пользователя.

Один из видов специализированного программного обеспечения, служащего для представления знаний, – экспертная система. Это «программа для компьютера, которая оперирует со знаниями в определенной предметной области с целью выработки рекомендаций или решения проблем» [Джексон, 2001, с. 12]. «Центральной проблемой создания любой экспертной системы является процесс передачи знаний и опыта решения задач экспертом в компьютерную систему, называемый “приобретением знаний”» [Вассерман, Червинская, 2010, с. 28]. От объема приобретенного знания и истинности закладываемых в систему данных, связей и правил зависит уровень работы системы, выполнение запросов пользователей, предоставление качественных результатов.

Основой создания экспертных систем могут служить терминологические семантические сети, которые представляют собой модели терминосистем, репрезентирующих области научного знания [Faber, León, Prieto, 2009]. Базовыми элементами такой модели являются вершины, выраженные терминами, и дуги, репрезентирующие системные семантические отношения между ними [Мальковский, Соловьев, 2012]. Как было показано в наших предыдущих работах, совокупность терминов определенной области знаний (терминосистема) может быть смоделирована в виде сети с узлами-терминами и дугами-отношениями, демонстрирующими особенности взаимодействия конкретных элементов научного знания и позволяющими установить место термина в терминосистеме относительно других терминологических единиц. При этом вершины классифицируются по категориям, отражающим естественную стратификацию терминов в соответствии с категориями понятий, а системные отношения дифференцируются по типам.

Данные категории обладают высокой степенью абстракции в соответствии со спецификой природы их референтов. Так, к категории Естественный объект относятся термины, референтами которых являются все тела естественного происхождения (наночастицы, мицеллы, РНК, ДНК); к категории Инструмент – термины, референтами которых являются все тела искусственного происхождения (инструменты, орудия, детали, продукты производства и т. д., создаваемые с определенной целью и используемые как средство ее

достижения: нанопленка, наноигла, нановолокно); к категории Вещество – термины, референтами которых являются субстанции естественного происхождения (муравьиная кислота, полимерный гель); к категории Материал – термины, референтами которых являются субстанции искусственного происхождения (графен, наножидкость, наноэмульсия); к категории Характеристика – термины, референтами которых являются свойства (прочность, упругость, проводимость), а к категории Процесс – термины, референтами которых являются действия (гидрирование, азотирование, электрохимическое осаждение). Типы системных отношений терминов отражают характер взаимодействия понятий, например, АКО – системное отношение между гиперонимом и гипонимом; РО – между меронимом и холонимом; Ат – системное отношение атрибутивности, где один референт выступает признаком другого; ObjR – системное отношение между референтами, которые составляют объект воздействия и полученный результат в рамках одного процесса; Лос – между референтами, один из которых – место расположения другого; IOp – между видовыми понятиями, представляющими собой согипонимы, внутренняя форма которых не содержит противопоставления; ISA – системное отношение совпадения или включения во множество (где один из референтов не имеет статуса прямого гиперонима по отношению к другому) и др. (более подробно о категориях и типах системных отношений в терминологической сети см.: [Лату, 2016; Лату, Левит, 2016; Левит, 2017]).

Такой подход в силу системного характера терминологической лексики делает прозрачными процессы накопления и организации знаний [Chernyshenko, Alimuradov, 2013], что особенно значимо для молодых развивающихся областей науки [Razduev, 2018].

Одной из важных задач построения терминологической сети является установление категории для каждого термина, представляющего собой отдельную вершину, и типов связей между терминами системы.

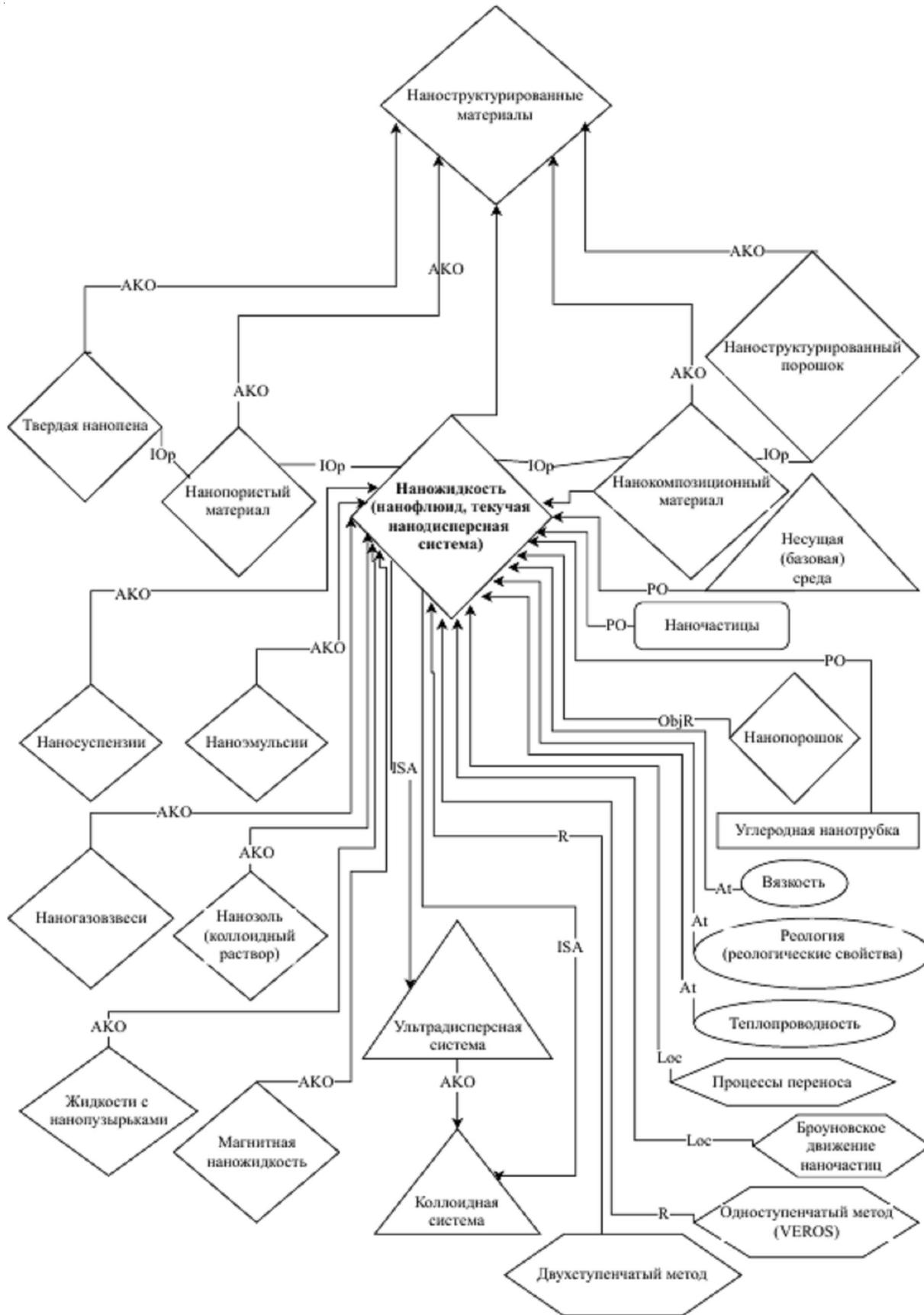
Термин встраивается в систему существующего знания посредством установления системных отношений с другими входящими в нее терминами. Связанные термины и от-

ношения между ними, репрезентируясь в научных текстах [Gillam, Tariq, Ahmad, 2006; Malaise, Zweigenbaum, Bachimont, 2004], могут быть выявлены с использованием методов дефиниционного, контекстуального и дистрибутивного анализа. Каждый отдельный термин имеет собственный набор смежных терминов [Steyvers, Tenenbaum, 2005], с которыми он связан системными отношениями определенных типов, что детерминирует специфику его системности. При этом каждый смежный термин также относится к той или иной категории. Термины одной категории часто связаны с терминами только некоторых категорий посредством определенных типов системных отношений. Данный факт позволяет говорить о существовании прототипичных схем (моделей) взаимодействия понятий, которые представляют собой более сложные элементы терминологической сети, комплекс из двух взаимосвязанных категорий [Latu, 2018]. Структура прототипичной модели включает четыре базовых элемента: категорию 1, категорию 2, тип системного отношения и его вектор, показывающий направление данной связи. Так, категория может быть связана с другими одним и тем же типом системных отношений, а две идентичные категории в разных терминологических сетях – разными типами системных отношений [Latu, 2018].

В рамках статьи рассмотрена корреляция термина *наножидкость* с другими терминологическими единицами сферы нанотехнологии и в ходе анализа системных отношений между терминовыми единицами выявлены некоторые прототипичные модели их взаимодействий. Материалом исследования послужили дефиниции из терминологических словарей, а также научные публикации из электронных и печатных источников (2009–2017), в которых встречается термин *наножидкость*. Общий объем выборки составил 215 фрагментов специализированных текстов.

### Термин *наножидкость* как вершина модели отношений в терминотерминологической системе

Системность термина *наножидкость* представлена в виде схемы фрагмента терминологической сети на рисунке.



Фрагмент терминологической сети (единицы, системно связанные с термином *наножидкость*)

Термин *наножидкость* входит в категорию *Материал*, обозначая субстанцию искусственного происхождения:

(1) Когда **наножидкости были получены** в начале 1990-х, эксперименты показали, что их теплопроводность намного выше ожидаемой (Наножидкости не выдерживают проверки).

(2) Одним из современных направлений развития технологий является **создание наножидкостей** (НЖ) на основе углеродных наночастиц, в том числе углеродных нанотрубок (УНТ) с регулируемыми параметрами тепло- и массопереноса (Иванов, Ивахнюк).

В некоторых словарных статьях и анализируемых контекстах встречается употребление равнозначного термина-синонима *нанофлюид*:

(3) Этот **нанофлюид (наножидкость)** и может использоваться для охлаждения компьютерных серверов (Нанотехнологии могут охлаждать серверные фермы).

(4) Результаты исследований свойств **нанофлюидов** (жидкостей с добавкой частиц размером от 10 до 100 нм), опубликованные в последние годы, показывают возможность существенного целенаправленного изменения их теплофизических и теплообменных характеристик по сравнению с традиционными рабочими веществами холодильных систем и систем кондиционирования воздуха (Шимчук, Геллер, с. 35).

(5) В качестве перспективного теплоносителя в последнее время обсуждаются **нанофлюиды** – устойчивые суспензии наноразмерных (~ 100 нм) частиц металлов и оксидов в базовой жидкости (Рютин, с. 13).

Термину *наножидкость* синонимично терминологическое сочетание *текучая нанодисперсная система*. Оно зафиксировано в Межгосударственном стандарте «Нанотехнологии. Часть 4. Материалы наноструктурированные. Термины и определения» (ГОСТ ISO/TS 80004-4-2016). Согласно стандарту одним из видов наноструктурированных материалов является *текучая нанодисперсная система (fluid nanodispersion)* – «гетерогенный материал, содержащий нанобъекты или нанофазы, диспергированные в непрерывной жидкой фазе» (с. 4). Данное определение и представленные в ГОСТе подвиды текущей нанодисперсной системы, а именно – наносуспензия,

наноземля, наноаэрозоль, жидкая нанопена, которые, как отмечается ниже, являются подвидами наножидкости, свидетельствуют о синонимичности терминов *наножидкость* и *текучая нанодисперсная система*.

### Прототипичные модели с родовидовыми отношениями между терминами

Одним из значимых типов связей является системное отношение АКО, посредством которого термин встраивается в иерархическую классификацию, соединяя родовые и видовые понятия, расположенные на разных ее уровнях. Данное отношение частотно. Оно входит в структуру прототипичных моделей, которые раскрывают взаимодействие понятий одной категории. АКО реализуется как отношение гипонима с прямым гиперонимом. Межгосударственный стандарт «Нанотехнологии. Часть 4. Материалы наноструктурированные. Термины и определения» устанавливает «пять видов наноструктурированных материалов: наноструктурированный порошок, нанокпозиционный материал, твердая нанопена, нанопористый материал, текучая нанодисперсная система» (с. 4). Следовательно, ближайшим родовым термином для термина *текучая нанодисперсная система (наножидкость)* является термин *наноструктурированный материал*. Таким образом, термин *наножидкость* входит в прототипичную модель **Материал—АКО→Материал**.

В некоторых источниках для обозначения родового понятия используются лексемы с очень широкой семантикой (например, *система*), а термин *наножидкость* определяется посредством указания на специфику некоторых видовых терминологических единиц. Так, «Толковый англо-русский словарь по нанотехнологии» В.В. Арсланова не дает полной дефиниции самого термина, предлагая следующую информацию:

(6) **Наножидкости:** Системы с равномерно распределенными нанокпельками одной несмешиваемой жидкости в другой. Такие системы известны как наноземля. Равномерно распределенные твердые наночастицы в жидкости называют наноземлем или коллоидным раствором (Арсланов, с. 167).

Словарная статья под названием «Нано-жидкости» на сайте RusNanoNet Российской национальной нанотехнологической сети предлагает идентичное толкование:

(7) **Наножидкости (Nanofluids):** Наноэмульсии (равномерно распределенные нанокпельки одной несмешивающейся жидкости в другой) – наиболее известные примеры **наножидкостей**. Равномерно распределенные твердые наночастицы в жидкости называют нанозолем или коллоидным раствором (RusNanoNet).

Цитируемые словарные статьи содержат дефиниции терминов *наноэмульсия*, *нанозоль*, связанных с термином *наножидкость* отношениями АКО и являющихся его гипонимами. Родовидовые отношения между этими терминами актуализируются и в научных статьях, например:

(8) Классифицировать **наножидкости**, как и дисперсные жидкости вообще, следует по нескольким признакам. Первым является агрегатное состояние, здесь можно выделить **наногазовзвесей** (газ + твердые наночастицы), **нанозоли** (газ + жидкие наночастицы), **наносуспензии** (жидкость + твердые наночастицы), **наноэмульсии** (жидкость + жидкие наночастицы) и **жидкости с нанопузырьками** (Рудяк, Белкин, с. 156).

Таким образом, смежные термины *наножидкость* и *наногазовзвесь*, *наножидкость* и *нанозоль*, *наножидкость* и *наносуспензия*, *наножидкость* и *наноэмульсия*, *наножидкость* и *жидкость с нанопузырьками* также являются репрезентантами модели **Материал—АКО→Материал**.

Еще один смежный термин в рамках данной модели, который также включен в словарную статью «Наножидкости» и в «Толковом англо-русском словаре по нанотехнологии» В.В. Арсланова, и в RusNanoNet, – *магнитная наножидкость*:

(9) Дисперсная фаза магнитных наножидкостей представляет собой однодоменные магниты, равномерно распределенные в объеме дисперсной фазы (Арсланов, с. 167).

(10) Дисперсная фаза магнитных наножидкостей представляет собой однодоменные магниты, равномерно распределенные в объеме дисперсной фазы, подобные системы могут управляться магнитным полем для обеспечения герметизации механических вводов вакуумных систем при производстве полупроводников, в вакуумных печах,

электронных микроскопах и других вакуумных установках (RusNanoNet).

При этом отношение АКО отражено и в структуре данного термина посредством использования в качестве основообразующего терминологического гиперонима *нано-жидкость*.

Анализ дефиниции термина *наножидкость* в научных статьях позволил определить, что с ним соотносятся термин *ультрадисперсная система* и его синоним *нанодисперсная коллоидная система*, но эти термины не являются прямыми гиперонимами:

(11) В соответствии с агрегатным состоянием дисперсионной среды используют различные названия нанодисперсной коллоидной системы, в т. ч. наноматериалы и наножидкости. Наножидкости представляют собой коллоидные системы (золи, устойчивые к коагуляции и седиментации), содержащие наночастицы размером около 10 нм в воде, масле, органическом растворителе с концентрацией частиц менее 1 % (Большая российская энциклопедия).

Согласно Словарю Роснано, разновидности «дисперсных систем» составляют «коллоидные системы», «в которых размер частиц дисперсной фазы не превышает 1 мкм» (Словарь Роснано). В статье «Дисперсные системы» в этом словаре обнаруживаем градацию размеров, которыми должны обладать частицы в системе, чтобы она могла называться «коллоидной»: «в коллоидных системах частицы имеют размеры от 1 нм до 1 мкм (Словарь Роснано). В статье, дающей дефиницию термину «ультрадисперсный», отмечено, что «многие коллоидные системы могут быть примерами ультрадисперсных систем» (Словарь Роснано). В других источниках термин «ультрадисперсный» уточняется:

(12) К нано-(ультрадисперсным) относятся системы, в которых размер составляющих элементов (частиц, зерен, кристаллитов) менее 100 нм (Данилова и др., с. 376).

Такое уточнение свидетельствует о том, что термин *коллоидная система* является семантически более широким в сравнении с термином *ультрадисперсная система*. Поскольку размер частиц в наножидкостях составляет в пределах от 1 до 100 нм, то они первоначально включены в множество «ультра-

радисперсная система» и далее в множество «коллоидная система», в некоторых источниках понятие «наножидкость» определяется посредством термина *коллоидная система*:

(13) Наножидкости представляют собой коллоидные системы (золи, устойчивые к коагуляции и седиментации), содержащие наночастицы размером около 10 нм в воде, масле, органическом растворителе с концентрацией частиц менее 1 % (Большая российская энциклопедия).

Поскольку наножидкость входит в множество «коллоидная система», которое не является для нее ближайшим родовым понятием, то между терминами, обозначающими эти понятия, существует отношение ISA. Взаимосвязь данных смежных терминов репрезентирует модель **Материал—ISA→Вещество** в связи с тем, что референты терминов *дисперсная система* и *коллоидная система* могут иметь естественное происхождение.

Терминологические единицы, в соответствии с Межгосударственным стандартом определяющие пять видов наноструктурных материалов: *текучая нанодисперсная система (наножидкость)*, *наноструктурированный порошок*, *наноконпозиционный материал*, *твердая нанопена*, *нанопористый материал*, находятся друг с другом в отношении имплицитной оппозиции, представляя собой согипонимы (лексические единицы, имеющие общее родовое понятие), внутренняя форма которых не содержит противопоставления. Взаимосвязь обозначенных терминов репрезентирует модель **Материал—Iор—Материал**.

### Прототипичные модели с партитивными отношениями между терминами

Из дефиниций термина *наножидкость* следует, что значимой для понимания специфики обозначенного им понятия является информация о составе. Это отражается в наличии у данного термина смежных терминологических единиц, связанных с ним системным отношением РО. Поскольку смежные терминологические единицы относятся к разным категориям, то они представлены в разных прототипичных моделях взаимодействия тер-

минов. Так, термин *наножидкость* связан с термином *несущая (базовая) среда*, который относится к категории Вещество:

(14) **Наножидкостью** обычно называют двухфазную систему, состоящую из **несущей среды** (жидкости или газа) и **наночастиц** с характерными размерами от 1 до 100 нм (Белкин, с. 3).

Данная пара терминов репрезентирует прототипичную модель **Материал←РО—Вещество**, которая отражает тот факт, что в состав искусственных материалов могут входить вещества естественного происхождения.

Несмотря на то, что наночастицы потенциально могут быть получены и искусственным путем, как твердые объекты они существуют в природе, потому термин *наночастица* относится к категории Естественный объект. Соотнесенность терминов *наножидкость* и *наночастица* репрезентирует модель **Материал←РО—Естественный объект**, иллюстрирующая возможность образования материала элементами естественного происхождения. Обозначенная связь между данными терминами подтверждается следующими контекстами:

(15) Суспензии на основе **наночастиц** твердой фазы называются **наножидкостями** (Ривчук и др.).

(16) **Основу наножидкости** составляют **базовая жидкость** и **наночастицы** какого-либо высокопроводящего материала (Терехов и др., 1, с. 2).

Наножидкости в качестве составляющих элементов могут содержать и углеродные нанотрубки:

(17) Вопрос о возможности баллистического механизма переноса тепла в наножидкостях, в том числе **в наножидкостях на основе углеродных нанотрубок**, где частицы составляют лишь малую долю, еще более сложен и в настоящее время остается открытым (Терехов и др., 1, с. 11).

(18) С другой стороны, широко исследуются и **наножидкости, построенные на основе углеродных нанотрубок** (Рудяк, Белкин, с. 156).

(19) В работе ... экспериментально исследовалась эффективная теплопроводность **наножидкостей** золото+толуол, окись алюминия+вода, окись титана+вода, окись меди+вода и **углеродные нанотрубки+вода** (Терехов и др., 1, с. 5).

Углеродная нанотрубка представляет собой нанообъект, полученный искусственным

путем, в связи с чем термин *углеродная нанотрубка* относится к категории Инструмент. Его соотносительность с термином *наножидкость* представлена моделью **Материал←РО—Инструмент**, иллюстрирующей возможность образования материала элементами искусственного происхождения.

#### Прототипичные модели с отношением результативности и атрибутивным отношением терминов

Прототипичной моделью взаимодействия терминов категории Материал является модель **Материал—ObjR→Материал**. Она отражает отношения между терминами, обозначающими искусственные вещества, одно из которых может использоваться в качестве сырья для получения другого. В описываемой терминосети такое отношение иллюстрируют термины *нанопорошок* и *наножидкость*, обозначающие исходный наноматериал (нанопорошок), манипуляции с которым приводят к получению другого вещества (наножидкости), например:

(20) Для приготовления **наножидкости нанопорошок** добавляется в определенной пропорции в несущую жидкость, затем дисперсная система механически перемешивается и подвергается ультразвуковой обработке, чтобы разрушить конгломераты наночастиц (Рудяк и др., с. 76).

Поскольку нанопорошок также продукт искусственного происхождения, он относится к категории Материал.

Анализ контекстов, посвященных свойствам наножидкости, позволил установить наличие смежных терминов категории Характеристика. Термины категорий Материал и Характеристика связаны посредством системного отношения At и являются составляющими элементами прототипичной модели **Материал←At—Характеристика**, иллюстрирующей наличие определенных свойств у конкретного материала. Ее репрезентируют такие пары терминов, как *наножидкость* и *вязкость*, *наножидкость* и *теплопроводность*:

(21) Эффективный коэффициент **вязкости разреженных суспензий** впервые был вычислен Эйнштейном, который учитывал влияние частиц на

гидродинамическое поле скорости несущей жидкости и, как следствие, на тензор напряжений и коэффициент вязкости (Рудяк, Белкин, с. 167).

(22) В **наножидкостях** зависимость **вязкости** от концентрации является более сложной (Черепанов, Попов, с. 27).

(23) Интерес к изучению **теплопроводности наножидкостей** проявился около двух десятков лет назад и был вызван необходимостью существенно повысить теплопроводность жидкостей в микроканалах, использовавшихся для охлаждения рабочих элементов плат компьютеров, различных тепловых микроэлементов, других МЭМС (микроэлектромеханических систем) (Рудяк, Белкин, с. 170).

(24) Такие отклонения экспериментальных данных от предсказанных классическим Максвелловским уравнением, по нашему мнению, могут быть связаны с физическими механизмами увеличения **теплопроводности наножидкости** (Жаров и др.).

Помимо терминов *вязкость* и *теплопроводность* системным отношением атрибутивности (свойственности характеристик) с термином *наножидкость* связан термин *реология*:

(25) Любые применения **наножидкостей** на практике требуют систематического изучения их вязкости и **реологии** (Минаков и др., с. 260).

(26) Рассматриваемые в данной работе наножидкости при объемных концентрациях наночастиц выше 0.25 % оказываются вязкопластическими, причем их **реология** описывается реологией степенных жидкостей (Минаков и др., с. 260).

(27) Степень отклонения **реологии наножидкостей** от ньютоновской растет с увеличением объемной концентрации наночастиц (Минаков и др., с. 260).

(28) Экспериментальные данные по **реологии наножидкостей**. Указано, что **наножидкости** в общем случае **могут иметь** как ньютоновскую, так и неньютоновскую **реологию**. При ньютоновской реологии базовой жидкости **наножидкость** может менять свою **реологию** с ростом концентрации наночастиц. Чаще всего **реология наножидкостей** может быть описана определяющими соотношениями для степенных жидкостей, хотя возможна реализация и более сложных законов, например, с предельным напряжением (Рудяк).

Заметим, что наряду с термином *реология* используется термин *реологические свойства*:

(29) Были обнаружены **реологические свойства** тестируемых **наножидкостей** (Серебрякова).

(30) **Наножидкости** с высокой теплопроводностью и **реологическими свойствами**, по мнению ... , также могут приводить к изменению гидродинамического трения (Терехов и др., 2, с. 175).

Представленные контексты демонстрируют атрибутивную связь между терминами *наножидкость* и *реологические свойства* (изображен на схеме (см. рисунок) как синоним термина *реология*).

### Прототипичные модели с отношением локации

Термин *наножидкость* связан системным отношением *Loc* с термином *процессы переноса*, который относится к категории *Процесс*. Соотнесенность данных терминов репрезентирует модель **Материал←Loc—Процесс**, поскольку процессы переноса протекают в наножидкостях:

(31) Во всех случаях ключевую роль играют **процессы переноса в наножидкостях** и характер их течений. Наряду с прикладным аспектом изучение **процессов переноса в наножидкостях** имеет и важную фундаментальную составляющую (Рудяк, Белкин, с. 157–158).

(32) **Процессы переноса в наножидкостях** описываются набором флуктуационно-диссипационных теорем (Рудяк, Белкин, с. 157–158).

Модель **Материал←Loc—Процесс** выражает также связь терминов *наножидкость* и *броуновское движение наночастиц*:

(33) Следует отметить ряд преимуществ применения **наноплюидов**... – при хорошей агрегативной стабильности **наночастиц** они... находятся в жидкости в состоянии **броуновского движения** (Хлиева и др.).

(34) Интенсификация процесса теплоотдачи с участием **наноплюидов** может объясняться рядом причин: наличием **броуновского движения наночастиц** (Хлиева и др.).

В рассматриваемой терминосети может быть реализовано семантическое отношение результативности *R*, отражающее отношение между процессом и его результатом. Термин *наножидкость* категории *Материал* связан такими отношениями с терминами, относящимися к категории *Процесс* (одноступенчатый метод, двухступенчатый метод):

(35) Существующие методы изготовления наножидкостей подразделяют на **одноступенчатые и двухступенчатые**; **Одноступенчатый метод, получивший название VEROS** (Vacuum Evaporation onto a Running Oil Substrate) состоит в следующем: металл испаряется электронным пучком в вакуумной камере и здесь же оседает на покрытый маслом (базовая жидкость) вращающийся диск (Антонов и др., с. 208).

(36) При **двухступенчатых методах** наночастицы сначала производятся, а затем вносятся в жидкость (Антонов и др., с. 208).

(37) При **одноступенчатых методах наножидкость** получают в течение одного технологического цикла (Терехов и др., 1, с. 3–4).

(38) **Одноступенчатый метод, получивший название VEROS** (Vacuum Evaporation onto a Running Oil Substrate техника), был предложен (Акоп, 1978) (Терехов и др., 1, с. 3–4).

(39) По сравнению с одноступенчатыми методами, хорошо работающими для частиц из металлов, **двухступенчатая техника** предпочтительна для частиц из окислов из-за их меньшей склонности к агломерации (Терехов и др., 1, с. 3–4).

Таким образом, реализуется прототипичная модель **Материал←R—Процесс**.

### Заключение

В рамках настоящего исследования выявлены системные отношения термина *наножидкость* со смежными терминологическими единицами в рамках терминологии нанотехнологий. На основании полученных данных построены прототипичные модели взаимодействия терминов, раскрывающие специфику системной соотнесенности понятий изучаемой области.

Будучи сложными структурными элементами терминологической сети, данные модели демонстрируют, как именно термин *наножидкость* встроено в иерархическую классификацию наноструктурированных материалов, что, несомненно, найдет отражение в процессе создания экспертной системы рассматриваемой области знаний с целью ускорения процесса извлечения данных из системы, достижения интеллектуализации информационного поиска.

### ПРИМЕЧАНИЕ

<sup>1</sup> Публикация выполнена в рамках реализации проекта «Разработка лингвистических принципов

проектирования и создание экспертной системы представления элементов научного знания на основе конструирования терминологических семантических сетей» по проектной части государственного задания Министерства образования и науки РФ на 2017–2019 гг. (№ 34.3234.2017/ПЧ).

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вассерман Л. И., Червинская К. Р., 2010. Извлечение знаний экспертов при проектировании экспертных систем в области медицинской психодиагностики // Биотехносфера. № 2 (8). С. 28–34.
- Гукосьянц О. Ю., Лату М. Н., 2017. Некоторые способы изучения и моделирования организации научного знания // Филология: научные исследования. № 4. С. 32–49.
- Джексон П., 2001. Введение в экспертные системы. М.: Вильямс. 393 с.
- Лату М. Н., 2016. Принципы построения терминологических сетей: типы вершин и отношений // Вопросы когнитивной лингвистики. Вып. 4. С. 142–149.
- Лату М. Н., Левит А. А., 2016. Изучение системности термина при помощи семантической сети // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 2. С. 116–124.
- Левит А. А., 2017. Понятийные категории, выражаемые терминами области астрофизики // Научный диалог. № 6. С. 43–58.
- Мальковский М. Г., Соловьев С. Ю., 2012. Терминологические сети // Открытые семантические технологии проектирования интеллектуальных систем (OSTIS-2012): материалы II Междунар. науч.-техн. конф. (Минск, 16–18 февраля 2012 г.) / редкол.: В. В. Голенков (отв. ред.) [и др.]. Минск: БГУИР. С. 77–82.
- Chernyshenko A. G., Alimuradov O. A., 2013. Linguistic parameters of the mediation discourse // Middle East Journal of Scientific Research. Vol. 15, № 8. P. 1092–1096.
- Faber P., León P., Prieto J. A., 2009. Semantic relations, dynamicity, and terminological knowledge bases // Current Issues in Language Studies. Vol. 1, iss. 1. P. 1–23.
- Gillam L., Tariq M., Ahmad K., 2006. Terminology and the construction of ontology // Terminology. Vol. 11, iss. 1. P. 55–81.
- Latu M. N., 2018. Some productive schemes of academic concepts relations // INTCESS 2018: Abstracts & Proceedings (5<sup>th</sup> International Conference on Education and Social Sciences (Istanbul, 5–7 February 2018). Turkey, Istanbul: OCERINT. P. 97–102.
- Malaise V., Zweigenbaum P., Bachimont B., 2004. Detecting semantic relations between terms in definitions // CompuTerm. 3<sup>d</sup> International Workshop on Computational Terminology (Geneva, 29<sup>th</sup> August 2004) / ed. by S. Ananiadou, P. Zweigenbaum. Switzerland, Geneva: University of Geneva. P. 55–62.
- Razduev A. V., 2018. Anthropocentric features of the scientific-technical term formation (case study of nanotechnology terms) // Espacios. Vol. 39, iss. 2. URL: <http://www.revistaespacios.com/a18v39n02/a18v39n02p21.pdf>.
- Steyvers M., Tenenbaum J., 2005. The large-scale structure of semantic networks: statistical analysis and a model of semantic growth // Cognitive Science. Vol. 29, iss. 1. P. 41–78.

### ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Антонов и др. – Антонов В. Н., Агапитов Е. Б., Байкова Д. А. Перспективы применения жидкостей с наночастицами в теплоэнергетике // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: материалы 74-й междунар. науч.-техн. конф.: в 2 т. Магнитогорск: Магнитог. гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова, 2016. Т. 1. С. 207–210.
- Арсланов – Арсланов В. В. Толковый англо-русский словарь по нанотехнологии. М.: ИФХЭ РАН, 2009. 261 с.
- Белкин – Белкин А. А. Статистическая теория и моделирование процессов переноса в дисперсных жидкостях, включая наножидкости: автореф. дис. ... д-ра физ.-мат. наук. Томск, 2017. 31 с.
- Большая российская энциклопедия – Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/chemistry/text/2247849> (дата обращения: 15.05.2018).
- ГОСТ ISO/TS 80004-4-2016 – ГОСТ ISO/TS 80004-4-2016. Нанотехнологии. Часть 4. Материалы наноструктурированные. Термины и определения. Введ. 2017–07–01. М.: Стандартинформ, 2016. 8 с. URL: [https://standartgost.ru/g/ГОСТ\\_ISO/TS\\_80004-4-2016](https://standartgost.ru/g/ГОСТ_ISO/TS_80004-4-2016) (дата обращения: 27.04.2018).
- Данилова и др. – Данилова Е. А., Гусев А. М., Домкин К. И. Классификация дисперсных систем и влияние размеров частиц на некоторые свойства // Труды международного симпозиума надежность и качество: в 2 т. Пенза: Пензен. гос. ун-т, 2011. Т. 2. С. 376–379.
- Жаров и др. – Жаров А. В., Савинский Н. Г., Павлов А. А., Евдокимов А. Н. Экспериментальный метод измерения теплопроводности наножидкости // Фундаментальные исследо-

- вания. 2014. № 8, ч. 6. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34766> (дата обращения: 18.05.2018).
- Иванов, Ивахнюк* – Иванов А. В., Ивахнюк Г. К. Применение электрофизического метода управления процессами парообразования легко воспламеняющихся жидкостей в условиях модификации углеродными наноконпонентами // Вестник Санкт-Петербургского университета государственной службы МЧС России. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/primenenie-elektrofizicheskogo-metoda-upravleniya-protsessami-paroobrazovaniya-legkovosplamenyayuschihya-zhidkostey-v-usloviyah> (дата обращения: 05.05.2018).
- Минаков и др.* – Минаков А. В., Рудяк В. Я., Гудей Д. В., Лобасов А. С. Измерение коэффициента теплоотдачи наножидкости на основе воды и частиц оксида меди // Теплофизика высоких температур. 2015. Т. 53, № 2. С. 256–263.
- Наножидкости не выдерживают проверки* – Наножидкости не выдерживают проверки. URL: <http://www.nanonewsnet.ru/news/2007/nanozhidkosti-ne-vyderzhivayut-proverki> (дата обращения: 03.05.2018).
- Нанотехнологии могут охлаждать серверные фермы* – Нанотехнологии могут охлаждать серверные фермы. URL: <http://www.nanonewsnet.ru/articles/2010/nanotekhnologii-mogut-okhlazhdatserversernye-fermy> (дата обращения: 05.05.2018).
- Ривчук и др.* – Ривчук А. А., Лобасов А. С., Минаков А. В. Повышение эффективности рекуперативных теплообменников с помощью наножидкости // Молодежь и наука : сб. материалов X Юбилейной Всерос. науч.-техн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых с междунар. участием, посвящ. 80-летию образования Краснояр. края. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. URL: <http://elibr.sfu-kras.ru/handle/2311/17583> (дата обращения: 16.05.2018).
- Рудяк* – Рудяк В. Я. Особенности теплофизических характеристик наножидкостей. URL: <http://studydoc.ru/doc/3863435/osobennosti-teploffizicheskikh-harakteristik-nanozhidkostej> (дата обращения: 20.05.2018).
- Рудяк, Белкин* – Рудяк В. Я., Белкин А. А. Моделирование коэффициентов переноса наножидкостей // Наносистемы: физика, химия, математика. 2010. Т. 1, № 1. С. 156–177.
- Рудяк и др.* – Рудяк В. Я., Минаков А. В., Краснолуцкий С. Л. Физика и механика процессов теплообмена в течениях наножидкостей // Физическая мезомеханика. 2016. Т. 19, № 1. С. 75–83.
- Рютин* – Рютин С. Б. Исследование теплопереноса в перспективных теплоносителях при мощном тепловом воздействии : дис. ... канд. физ.-мат. наук. Екатеринбург, 2014. 118 с.
- Серебрякова* – Серебрякова М. А. Теплопроводность и вязкость наножидкостей на основе 10 % раствора воды в этиленгликоле и наночастиц  $Al_2O_3$ . URL: <http://www.itp.nsc.ru/conferences/avtfg14/files/82.pdf> (дата обращения: 07.05.2018).
- Словарь Роснано* – Словарь Роснано. URL: <http://thesaurus.rusnano.com> (дата обращения: 25.04.2018).
- Терехов и др., 1* – Терехов В. И., Калинина С. В., Леманов В. В. Механизм теплопереноса в наножидкостях: современное состояние проблемы (обзор). Часть 1. Синтез и свойства наножидкостей // Теплофизика и аэромеханика. 2010. № 1. С. 1–15.
- Терехов и др., 2* – Терехов В. И., Калинина С. В., Леманов В. В. Механизм теплопереноса в наножидкостях: современное состояние проблемы (обзор). Часть 2. Конвективный теплообмен // Теплофизика и аэромеханика. 2010. № 2. С. 173–188.
- Хлиева и др.* – Хлиева О. Я., Рябкин С. С., Железный В. П., Гордейчук Т. В. Экспериментальное исследование конвективного коэффициента теплоотдачи хладоносителя с добавками наночастиц  $Al_2O_3$ . URL: <http://www.ie.asm.md/assets/files/16A-64.pdf> (дата обращения: 21.05.2018).
- Черепанов, Попов* – Черепанов И. Н., Попов В. А. Экспериментальное исследование влияния концентрации на параметры наножидкости // Вестник Пермского университета. Физика. 2017. № 2 (36). С. 26–32.
- Шимчук, Геллер* – Шимчук Н. А., Геллер В. З. Влияние различных факторов на теплопроводность наноплюидов // Восточно-европейский журнал передовых технологий. 2014. Т. 6, № 11 (72). С. 35–40.
- RusNanoNet* – Российская национальная нанотехнологическая сеть. Список терминов. URL: <http://www.rusnanonet.ru/thesaurus/ru/17911/> (дата обращения: 25.04.2018).

## REFERENCES

- Vasserman L.I., Chervinskaya K.R., 2010. Extraction of Experts' Knowledge when Designing Expert Systems in the Field of Medical Psychodiagnosics. *Biotechnosfera*, no. 2 (8), pp. 28-34.
- Gukosyants O.Yu., Latu M.N., 2017. Some Ways of Studying and Modeling Scientific Knowledge Representation. *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: Scientific Researches], no. 4, pp. 32-49.

- Jackson P. *Introduction to Expert Systems*. Moscow, Vilyams Publ., 2001. 393 p.
- Latu M.N., 2016. Principles of Terminological Networks Construction: Types of Vertices and Arcs. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], iss. 4, pp. 142-149.
- Latu M.N., Levit A.A., 2016. The Study of Systemacy of Technical Terms by Means of Semantic Network. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities Research], no. 2, pp. 116-124.
- Levit A.A., 2017. Conceptual Categories Expressed by Terms of Astrophysics. *Nauchnyy dialog*, no. 6, pp. 43-58.
- Malkovskiy M.G., Solovyev S.Yu., 2012. Terminological Networks. *Otkrytye semanticheskie tekhnologii proektirovaniya intellektualnykh sistem (OSTIS-2012): materialy II Mezhdunar. nauchn.-tekhn. konf. (Minsk, 16–18 fevralya 2012 g.)* [Open Semantic Technologies for Intelligent Systems (OSTIS-2012)]. Minsk, BGUIR Publ., pp. 77-82.
- Chernyshenko A.G., Alimuradov O.A., 2013. Linguistic Parameters of the Mediation Discourse. *Middle East Journal of Scientific Research*, vol. 15, no. 8, pp. 1092-1096.
- Faber P., León P., Prieto J.A., 2009. Semantic Relations, Dynamicity, and Terminological Knowledge Bases. *Current Issues in Language Studies*, vol. 1, iss. 1, pp. 1-23.
- Gillam L., Tariq M., Ahmad K., 2006. Terminology and the Construction of Ontology. *Terminology*, vol. 11, iss. 1, pp. 55-81.
- Latu M.N., 2018. Some Productive Schemes of Academic Concepts Relations. *INTCESS 2018. Abstracts & Proceedings (5<sup>th</sup> International Conference on Education and Social Sciences (Istanbul, 5–7 February 2018))*. Turkey, Istanbul, OCERINT Publ., pp. 97-102.
- Malaise V., Zweigenbaum P., Bachimont B., 2004. Detecting Semantic Relations Between Terms in Definitions. *CompuTerm. 3<sup>d</sup> International Workshop on Computational Terminology (Geneva, 29<sup>th</sup> August 2004)*. Switzerland, Geneva, University of Geneva Publ., pp. 55-62.
- Razduev A.V., 2018. Anthropocentric Features of the Scientific-Technical Term Formation (Case Study of Nanotechnology Terms). *Espacios*, vol. 39, iss. 2. URL: <http://www.revistaespacios.com/a18v39n02/a18v39n02p21.pdf>
- Steyvers M., Tenenbaum J., 2005. The Large-Scale Structure of Semantic Networks: Statistical Analysis and a Model of Semantic Growth. *Cognitive Science*, vol. 29, iss. 1, pp. 41-78.
- Antonov V.N., Agapitov E.B., Baykova D.A. Perspektivy primeneniya zhidkostey s nanochastitsami v teploenergetike [The Prospects of Using Liquids with Nanoparticles in Heat-power Engineering]. *Aktualnye problemy sovremennoy nauki, tekhniki i obrazovaniya: materialy 74-y mezhdunarodnoy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii* [Current Problems of Modern Science, Equipment and Education: Proceedings of the 74<sup>th</sup> International Scientific and Technical Conference]. In 2 vols. Vol. 1. Magnitogorsk, Nosov Magnitogorsk State Technical University Publ., 2016, pp. 207-210.
- Arslanov V.V. *Tolkoviy anglo-russkiy slovar po nanotekhnologii* [The Explanatory English-Russian Dictionary on Nanotechnology]. Moscow, IFKHE RAN Publ., 2009. 261 p.
- Belkin A.A., *Statisticheskaya teoriya i modelirovanie protsessov perenosa v dispersnykh zhidkostyakh, vklyuchaya nanozhidkosti: avtoref. dis. ... d-ra fiz.-mat. nauk.* [The Statistical Theory and Modeling of Transfer Processes in Disperse Liquids including Nanoliquids. Dr. phys. and math. sci. abs. diss.]. Tomsk, 2017. 31 p.
- Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya* [Big Russian Encyclopedia]. URL: <https://bigenc.ru/chemistry/text/2247849> (Accessed 15 May 2018).
- GOSTISO/TS 80004-4-2016. Nanotekhnologii. Chast 4. Materialy nanostrukturirovannyye. Terminy i opredeleniya. Vved. 2017–07–01.* [GOST ISO / TS 80004-4-2016. Nanotechnologies. Part 4. Nanostructured materials. Terms and definitions. Introduction 01 July 2017]. Moscow, Standartinform Publ., 2016. 8 p. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200141446> (Accessed 27 April 2018).
- Danilova E.A., Gusev A.M., Domkin K.I. Klassifikatsiya dispersnykh sistem i vliyanie razmerov chastits na nekotorye svoystva [Classification of Disperse Systems and Influence of the Particles Size on Some Properties]. *Trudy mezhdunarodnogo simpoziuma nadezhnost i kachestvo. In 2 vols. Vol. 2.* Penza, Penza State University Publ., 2011, pp. 376-379.
- Zharov A.V., Savinskiy N.G., Pavlov A.A., Evdokimov A.N. Eksperimentalnyy metod izmereniya teploprovodnosti nanozhidkosti [Experimental Method of Measurement of Heat Conductivity of Nanoliquid]. *Fundamentalnye issledovaniya* [Fundamental Research], 2014, no. 8, part 6. URL: <https://fundamental-research.ru/r/articla/view?id=34766> (Accessed 18 May 2018).

- Ivanov A.V., Ivakhnyuk G.K. Primenenie elektrofizicheskogo metoda upravleniya protsessami paroobrazovaniya legkovoplamenyayushchikhsya zhidkostey v usloviyakh modifikatsii uglerodnymi nanokomponentami [Electrophysical Control Methods of Vaporization of Flammable Liquids with Carbon Nanoparticles]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta GPS MCHS Rossii*, 2015, no. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/primenenie-elektrofizicheskogo-metoda-upravleniya-protsessami-paroobrazovaniya-legkovoplamenyayushchikhsya-zhidkostey-v-usloviyakh> (Accessed 05 May 2018).
- Minakov A.V., Rudyak V.Ya., Guzey D.V., Lobasov A.S. Izmerenie koeffitsienta teplootdachi nanozhidkosti na osnove vody i chastits oksida medi [Measurement of the Heat Transfer Coefficient of a Nanofluid Based on Water and Copper Oxide Particles in a Cylindrical Channel]. *Teplofizika vysokikh temperatur* [High Temperature], 2015, vol. 53, no. 2, pp. 256-263.
- Nanozhidkosti ne vyderzhivayut proverki* [Nanofluids don't Stand Testing]. URL: <http://www.nanonewsnet.ru/news/2007/nanozhidkosti-ne-vyderzhivayut-proverki> (Accessed 03 May 2018).
- Nanotekhnologii mogut okhlazhdad servernye fermi* [Nanotechnologies can Cool Server Farms]. URL: <http://www.nanonewsnet.ru/articles/2010/nanotekhnologii-mogut-okhlazhdad-servernye-fermi> (Accessed 05 May 2018).
- Rivchuk A.A., Lobasov A.S., Minakov A.V. Povyshenie effektivnosti rekuperativnykh teploobmennikov s pomoshch'yu nanozhidkosti [Increase in Efficiency of Recuperative Heat Exchangers by Means of Nanofluid]. *Molodezh i nauka: sbornik materialov X Yubileynoy Vserossiyskoy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoy 80-letiyu obrazovaniya Krasnoyarskogo kraya*. Krasnoyarsk, Sibirskiy Federalnyy Universitet Publ., 2014. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/17583> (Accessed 16 May 2018).
- Rudyak V.Ya. *Osobennosti teplofizicheskikh kharakteristik nanozhidkostey* [Features of Thermophysical Characteristics of Nanofluids]. URL: <http://studydoc.ru/doc/3863435/osobennosti-teplofizicheskikh-kharakteristik-nanozhidkostey> (Accessed 20 May 2018).
- Rudyak V.Ya., Belkin A.A. Modelirovanie koeffitsientov perenosa nanozhidkostey [Modeling of Nanofluids Transfer Coefficients]. *Nanosistemy: fizika, khimiya, matematika* [Nanosystems: Physics, Chemistry, Mathematics], 2010, vol. 1, no. 1, pp. 156-177.
- Rudyak V.Ya., Minakov A.V., Krasnolutskiy S.L. Fizika i mekhanika protsessov teploobmena v techeniyakh nanozhidkostey [Physics and Mechanics of Heat Exchange Processes in Nanofluid Flows]. *Fizicheskaya mezomekhanika* [Physical Mesomechanics Journal], 2016, vol. 19, no. 1, pp. 75-83.
- Ryutin S.B. *Issledovanie teploperenosa v perspektivnykh teplonositelyakh pri moshchnom teplovom vozdeystvii: dis. ... kand. fiz.-mat. nauk* [The Study of Heat Transfer in Prospective Heat Carriers with a Strong Heat Impact. Cand. phys. and math. sci. abs. diss.]. Ekaterinburg, 2014. 118 p.
- Serebryakova M.A. *Teploprovodnost i vyazkost nanozhidkostey na osnove 10 % rastvora vody v etilenglikole i nanochastits Al<sub>2</sub>O<sub>3</sub>*. [Thermal Conductivity and Viscosity of Nanofluids on the Basis of 10 % Solution of Water in Ethylene Glycol and Al<sub>2</sub>O<sub>3</sub> Nanoparticles]. URL: <http://www.itp.nsc.ru/conferences/avtfg14/files/82.pdf> (Accessed 07 May 2018).
- Slovar Rosnano* [The Dictionary of Russian Corporation of Nanotechnologies]. URL: <http://thesaurus.rusnano.com> (Accessed 25 April 2018).
- Terekhov V.I., Kalinina S.V., Lemanov V.V. Mekhanizm teploperenosa v nanozhidkostyakh: sovremennoe sostoyanie problemy (obzor). Chast 1. Sintez i svoystva nanozhidkostey [The Mechanism of Heat Transfer in Nanofluids: State of the Art (Review). Part 1. Synthesis and Properties of Nanofluids]. *Teplofizika i aeromekhanika* [Thermophysics and Aeromechanics], 2010, no. 1, pp. 1-15.
- Terekhov V.I., Kalinina S.V., Lemanov V.V. Mekhanizm teploperenosa v nanozhidkostyakh: sovremennoe sostoyanie problemy (obzor). Chast 2. Konvektivnyy teploobmen [The Mechanism of Heat Transfer in Nanofluids: State of the Art (Review). Part 2. Convective Heat Transfer]. *Teplofizika i aeromekhanika* [Thermophysics and Aeromechanics], 2010, no. 2, pp. 173-188.
- Khlieva O.Ya., Ryabikin S.S., Zhelezniy V.P., Gordeychuk T.V. *Eksperimentalnoe issledovanie konvektivnogo koeffitsienta teplootdachi khladonositelya s dobavkami nanochastits AL<sub>2</sub>O<sub>3</sub>* [Experimental Investigation of the Convective Heat Transfer Coefficient of Coolants with AL<sub>2</sub>O<sub>3</sub> Nanoparticles Additives]. URL: <http://www.ie.asm.md/assets/files/16A-64.pdf> (Accessed 21 May 2018).
- Cherepanov I.N., Popov V.A. Eksperimentalnoe issledovanie vliyaniya kontsentratsii na parametry nanozhidkosti [Experimental Study of

the Influence of Concentration on the Parameters of a Nanofluid]. *Vestnik Permskogo universiteta. Fizika* [Bulletin of Perm University. Physics], 2017, no. 2 (36), pp. 26-32.

Shimchuk N.A., Geller V.Z. Vliyanie razlichnykh faktorov na teploprovodnost nanoflyuidov [Influence of Various Factors on the Thermal Conductivity of Nanofluids]. *Vostochno-*

*evropeyskiy zhurnal peredovykh tekhnologii* [East European Journal of Enterprise Advanced Technogeis], 2014, vol. 6, no. 11 (72), pp. 35-40.

*Rossiyskaya natsionalnaya nanotekhnologicheskaya set. Spisok terminov* [Russian National Nanotechnological Network. List of Terms]. URL: <http://www.rusnanonet.ru/tesaurus/ru/17911/> (Accessed 25 April 2018).

### Information about the Authors

**Maksim N. Latu**, Candidate of Sciences (Philology), Professor, Department of West European Languages and Cultures, Pyatigorsk State University, Prosp. Kalinina, 9, 357532 Pyatigorsk, Russia, [laatuu@yandex.ru](mailto:laatuu@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-6313-5637>

**Olga Yu. Gukosyants**, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of West European Languages and Cultures, Pyatigorsk State University, Prosp. Kalinina, 9, 357532 Pyatigorsk, Russia, [Gukosjants@mail.ru](mailto:Gukosjants@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-7879-8436>

### Информация об авторах

**Максим Николаевич Лату**, кандидат филологических наук, профессор кафедры западно-европейских языков и культур, Пятигорский государственный университет, просп. Калинина, 9, 357532 г. Пятигорск, Россия, [laatuu@yandex.ru](mailto:laatuu@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-6313-5637>

**Ольга Юрьевна Гукосьянц**, кандидат филологических наук, доцент кафедры западно-европейских языков и культур, Пятигорский государственный университет, просп. Калинина, 9, 357532 г. Пятигорск, Россия, [Gukosjants@mail.ru](mailto:Gukosjants@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-7879-8436>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.9>

UDC 811.161.1'242  
LBC 81.411.2-55

Submitted: 25.07.2018  
Accepted: 18.03.2019

## FEATURES OF THE SEMANTIC-SYNTACTIC PROCESS OF ADVERBIALISATION IN MODERN COLLOQUIAL SPEECH

Anna V. Degaltseva

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia

**Abstract.** The study of semantic-syntactic compression is an urgent linguistic problem. One of the processes that lead to the statement meaning complication is adverbialisation, the essence of which is that the adverb, which is grammatically dependent on the verb, semantically refers to the statement or one of its basic proposition components. This work is carried out in line with semantic syntax and is devoted to studying the adverbial complicator functioning (adverbs that complicate the semantic structure of the sentence) in modern colloquial speech. Native speakers use these language units to add event propositions, logical propositions of characterization or comparison to a statement, to characterize the actants of basic propositions and to express the confidence category or the statement objective content evaluation as well. The adverbial complicators which can be transformed into social actions, emotional or mental states of a subject prevail in colloquial speech. Adverbs-complicators are used most frequently with the verbs of speech and intellectual activity expressing the emotional or mental state of a person. Adverbs that involve logical propositions are usually used to describe a person's behavior or character. Such language units, which are used to evaluate the objective content of a statement, prevail among the adverbs expressing modus categories.

**Key words:** adverbialisation, adverb, semantic syntax, syntactic compression, adverbial complicator, colloquial speech, Russian language.

**Citation.** Degaltseva A. V. Features of the Semantic-Syntactic Process of Adverbialisation in Modern Colloquial Speech. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 1, pp. 113-121. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.9>

УДК 811.161.1'242  
ББК 81.411.2-55

Дата поступления статьи: 25.07.2018  
Дата принятия статьи: 18.03.2019

## СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ АДВЕРБИАЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Анна Владимировна Дегальцева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,  
г. Саратов, Россия

**Аннотация.** В статье рассматривается актуальная лингвистическая проблема выявления способов семантико-синтаксической компрессии. Анализируется один из процессов, приводящих к усложнению смысла высказывания, – адвербиализация, суть которой заключается в том, что наречие, грамматически связанное с глаголом, семантически соотносится со всем высказыванием или одним из компонентов его базовой пропозиции. Работа выполнена в русле семантического синтаксиса и посвящена изучению функционирования адвербиальных компликаторов (наречий, усложняющих семантическую структуру предложения) в современной разговорной речи. Выявлены функции таких единиц: введение в высказывание побочных событийных и логических пропозиций, характеристика актантов базовых пропозиций, оценка диктумного содержания высказывания, выражение модусной категории персуазивности.

Установлено, что среди адвербиальных компликаторов, содержащих в себе в свернутом виде событийные пропозиции, преобладают те, которые называют социальные действия, эмоциональные или ментальные

состояния. Чаще всего наречия-компликаторы употребляются при глаголах речевой и интеллектуальной деятельности, называя эмоциональное или ментальное состояние субъекта. Наречия, которые заключают в себе логические пропозиции, обычно используются для описания поведения или черт характера человека. Среди наречий-компликаторов, выражающих модусные категории, преобладают синтаксемы, которые служат для оценки объективного содержания высказывания.

**Ключевые слова:** адвербиализация, наречие, семантический синтаксис, синтаксическая компрессия, адвербиальный компликатер, разговорная речь, русский язык.

**Цитирование.** Дегальцева А. В. Семантико-синтаксическая адвербиализация в современной разговорной речи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 1. – С. 113–121. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.9>

### Изучение разговорной речи в современной лингвистике

Изучение устной речи получило начало еще в трудах В. фон Гумбольдта, писавшего о необходимости пристального внимания к живой разговорной речи [Гумбольдт, 2013] и Л.П. Якубинского, исследовавшего диалогическую речь [Якубинский, 1986]. Наибольший интерес к разговорной речи (далее – РР) проявился в лингвистической науке во второй половине XX века.

Несмотря на значительное количество работ, посвященных изучению РР, в современной коммуникативистике до сих пор не существует единого взгляда на это понятие. Некоторые лингвисты рассматривают РР как разновидность или тип национального русского языка, другие – как функциональный стиль литературного языка.

В современной лингвистике сформировалось несколько речеведческих концепций, связанных с именами Е.А. Земской, О.А. Лаптевой, О.Б. Сиротининой, В.В. Химика и других. Представители Московской лингвистической школы речеведения – Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев – понимают РР как «особую языковую систему, противопоставленную в пределах литературного языка кодифицированному литературному языку» [Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981, с. 5]. Согласно такому пониманию, РР – это «особый литературный язык». Другой представитель Московской лингвистической школы – О.А. Лаптева – предлагает выделять устно-разговорную разновидность современного русского языка, которая не ограничивается принадлежностью к какому-то определенному функциональному стилю. К этой разновидности языка относятся обиходно-быто-

вое, служебное общение и даже устные публичные выступления [Лаптева, 1976]. Довольно широко понимает РР и белгородский лингвист В.К. Харченко. В рамках РР она рассматривает бытовые разговоры, научные и деловые беседы и т. д. [Харченко, 2010]. Таким образом, в концепциях О.А. Лаптевой и В.К. Харченко одним из ведущих параметров РР является устность.

Понимание РР в рамках Саратовской лингвистической школы сформировалось и наиболее полно отражается в трудах О.Б. Сиротининой. Ученый рассматривает РР в качестве разновидности русского литературного языка: как его отдельную коммуникативную систему со своими нормами. РР чаще всего реализуется в устном неофициальном общении [Сиротинина, 1993].

Согласно концепции В.В. Химика, представителя Санкт-Петербургской филологической школы, РР – устная спонтанная коммуникация, в которой могут использоваться разнообразные лексические средства: от нейтральных до нелитературных и даже обценных [Химик, 2015].

В данной работе мы, вслед за О.Б. Сиротининой, будем понимать под РР обиходную разновидность русского литературного языка, которая реализуется в непубличном неофициальном общении и существует как в устной (преимущественно), так и в письменной формах. Устная форма представлена непосредственным живым общением, а письменная – опосредованной коммуникацией (дневниковыми записями, записками, неофициальными письмами, беседами в социальных сетях, блогами и видеоблогами, смс-сообщениями, чатами и другими речевыми жанрами [Литневская, 2011]).

Основной для РР является функция общения, а доминантой – «минимум заботы о

форме выражения» [Сиротинина, 1993, с. 137]. РР характеризуется устностью, неофициальностью, непосредственностью, спонтанностью, ситуативностью, персональностью и политематичностью общения [Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981]. Эти черты обиходно-бытовой речи влекут за собой нечеткость произношения, неточность или небрежность в выборе слов, а также употребление слов-«губок» (диффузов) с широкой или неопределенной семантикой, использование преимущественно простых предложений, размытость границ высказывания, применение средств экономной передачи информации: прежде всего, лексической и семантико-синтаксической компрессии [Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981, с. 82; Сиротинина, 1993]. Далее рассмотрим особенности функционирования в РР наречий, усложняющих смысл высказывания и приводящих к экономии речевых усилий говорящего или пишущего. Прежде чем обратиться к характеристике методов и материала исследования, определим статус таких единиц в системе русского языка.

### **Статус наречий-компликаторов в синтаксической системе русского языка**

Изучение средств семантико-синтаксической компрессии является одним из актуальных и перспективных направлений современных лингвистических исследований. В роли усложнителей семантической структуры предложения выступают отглагольные существительные, инфинитивы, причастия, деепричастия и т. д. [Кормилицына, 2011]. В русском языке также существуют наречия с пропозициональной семантикой: находясь в грамматической зависимости от глагола, они характеризуют один из компонентов базовой пропозиции или оценивают все диктумное содержание высказывания. Подобные адвербиальные лексемы в англоязычной научной литературе принято называть «sentence adverbials» или «sentence modifiers» [Greenbaum, 1969; Maienborn, Schäfer, 2011], в русской – синтаксическими наречиями [Рудницкая, 1994], атрибутивно-обстоятельными компликаторами [Кормилицына, 2011], наречиями-детерминантами [Рудницкая, 1994], обстоятельства-

ми образа действия с пропозитивной семантикой [Хорук, 2008]. Мы, вслед за Г.А. Золотовой, будем использовать термин «адвербиальные компликаторы» (далее – АК) – усложнители элементарных моделей предложений [Золотова, 1982, с. 167]. Процесс семантического усложнения предложения путем введения в него наречия или деепричастия в трудах Г.А. Золотовой получил название «адвербиализация» [Золотова, 1982]. В современной лингвистической науке не так много работ, посвященных специальному изучению этого семантико-синтаксического процесса [Дегальцева, 2017; Рудницкая, 1994; Хорук, 2008], чем и объясняется актуальность выбранной темы исследования.

### **Материал и методы исследования**

Устная форма РР изучается нами на материале данных, представленных в подкорпусе устной речи Национального корпуса русского языка (НКРЯ), а также на основе авторских расшифровок видеоблогов различной тематики на платформе Youtube (Юв). Письменная форма РР анализируется на материале сетевых дневников, размещенных на сервисе «Живой Журнал» (ЖЖ), записей бесед на форумах (Ф), комментариев под видео разнообразной тематики, представленных на видеохостинге Youtube (Юк). Выбранные жанры отражают разную степень подготовленности высказываний. Так, блоги нередко являются стилистически разнородными: могут сочетать черты РР и публицистики, художественной прозы или делового общения [Интернет-коммуникация..., 2012; Литневская, 2011]. Для исследования мы отобрали частные некоммерческие блоги, в которых отсутствует социально-политическая тематика и ощущается высокая степень спонтанности порождения языковых единиц. В приводимых в статье контекстах авторские орфография и пунктуация сохранены.

Общий объем собранного материала составил 20 000 предикативных единиц, из которых были выделены 257 АК. При сборе и исследовании фактов использовались следующие приемы и методы: сплошной выборки, интерпретативный, логико-синтаксический, контекстуального и компонентного анализа.

### Функции наречий-компликаторов в РР

В обиходно-бытовой речи, согласно нашим данным, лишь 14 из 1 000 предикативных единиц осложнены путем адвербиализации. Это связано с тем, что в РР (особенно в устной ее форме) наречия распространены не так широко, как в некоторых других сферах общения, поскольку «визуально-чувственная ситуация, в которой оказываются участники разговора, резко снижает потребность говорящих в выражении качественной характеристики действия» [Ножкина, 2008, с. 126]. Кроме того, незначительную представленность наречий в РР можно объяснить такими ее особенностями, как спонтанность порождения высказываний, сведение к минимуму заботы о форме выражения мысли, шаблонность фраз, почти полное отсутствие образности, преобладание лексем с конкретной семантикой [Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981].

В устной форме РР в силу ее спонтанности, автоматизма, стремления «к использованию готовых единиц» [Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981, с. 6] стандартизованность преобладает над образностью. Это находит отражение и в функционировании наречий-компликаторов. В устной речи индекс лексического разнообразия АК составляет 0,2, что в два раза ниже, чем в письменной. Здесь обычно встречаются наречия-компликатеры, которые приобретают стереотипность в результате частого употребления в разных ситуациях бытового общения (*бесплатно, вкусно, серьезно, спокойно, честно* и др.):

(1) Варила **вкусно** она// (НКРЯ).

(2) Погорельцам **бесплатно** лес давали// (НКРЯ).

(3) Я провела этот эфир/ но я вам **честно** скажу/ я верю в то/ что он пойдет на пользу// (Юв).

АК, употребляющиеся в письменной форме РР, могут обладать большей образностью и экспрессивностью. Это объясняется тем, что у пишущего, в отличие от говорящего, есть некоторое время на обдумывание текста своего сообщения:

(4) Но здесь **восторженно** аплодирую! (ЖЖ).

(5) Хотя я **показательно** вежлива и внимательна к людям, пусть и закрыта, но со мной никто не связывается, всегда держат дистанцию (Юк).

Несмотря на шаблонность и стандартизованность РР, в ней может реализоваться и творческое отношение к слову [Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981, с. 183–188; Харченко, 2010]. Однако, как отмечает В.К. Харченко, талант носителей языка к повседневному словотворчеству редок и почти уникален [Харченко, 2010]. Приведем некоторые примеры:

(6) Засилье розового – такого розового, **жвачно** розового, искусственного – нездорово (ЖЖ).

(7) «День сурка» **по-геймерски** (Юк).

(8) Топ-модель **по-ютубски!!!** (Юк).

(9) Кто захочет обзавестись в Омске моей литературой, свяжитесь с Аней **интернетно** (ЖЖ).

Окказиональные АК чаще всего образуются от заимствованных слов – примеры (7–9), это легко объясняется тем, что «основу лексики интернет-коммуникации составляют кальки и прямые заимствования из английского языка» [Осетрова, 2018, с. 160].

Согласно проведенному исследованию, наречия-компликатеры в изучаемой сфере коммуникации выполняют 2 основные функции: вводят в высказывание побочные пропозиции (событийные и логические) или выражают модусные категории. Обратимся к рассмотрению каждой из функций данных наречий.

Подавляющее большинство АК в РР (234 употребления АК, 91 %) вводит в высказывание дополнительную пропозицию, отражая объективное содержание положения дел в действительности, то есть диктумный план высказывания. При этом 69 % АК (162 из 234 употреблений) содержат в себе свернутые событийные пропозиции и используются для введения в предложение различных ситуаций. Это помогает говорящему или пишущему наиболее емко выразить мысль, не затрачивая большого количества языковых средств. Например:

(10) Сервис не берет денег, читать **бесплатно** можно абсолютно все (Ф).

В высказывании (10) АК разворачивается в пропозицию социального действия: не нужно платить денег.

Около 40 % из 162 употреблений наречий-компликатеров, заключающих в себе в

свернутом виде событийные пропозиции, называют социальные действия:

(11) Пять способов ездить по выделенке **безнаказанно** (ЖЖ).

(12) Ну как/ платные палаты тоже есть/ но от того/ что ты будешь **платно** рожать/ там.../ ничего...// (НКРЯ).

Использование наречий-компликаторов, называющих такие действия, по-видимому, обусловлено тематикой общения.

Адвербиальные компликатеры часто необходимы для более полной и убедительной передачи эмоционального и эмоционально-ментального состояния субъекта (на них приходится 29 % из 162 употреблений АК). Использование таких синтаксем можно объяснить стремлением адресанта охарактеризовать чувства и эмоции (свои, собеседников или людей, не принимающих участия в разговоре) и передать информацию живо, наглядно, а также придать беседе более открытую, доверительную тональность:

(13) Он так смотрит на нее **удивленно**...// (НКРЯ).

(14) <...> Смотрю/ значит/ **спокойно** на него// (НКРЯ).

Примерно 21 % из 162 употреблений АК служит для характеристики ментального состояния человека. Такие наречия-компликатеры используются говорящими или пишущими для поддержания обратной связи с собеседником. Адресант таким образом выражает свой интерес к теме разговора, проявляет внимание к адресату или подтверждает, что видит его заинтересованность в беседе. Подобные АК обычно отмечаются при глаголах речевого действия или психического восприятия:

(15) Так рассказала ты все **интересно** и по делу! (Юк).

(16) Вы так слушали меня **внимательно**// (НКРЯ).

Около 7 % из 162 употреблений АК используется для характеристики физического состояния человека:

(17) От мала до велика народ толстый, реально **нездорово** толстый, особенно подростки (ЖЖ).

(18) Толпа низкооплачиваемых клерков **вяло** перекладывает пару бумажек из папки в папку (Ф).

Наречия, которые включают в себе другие типы событийных пропозиций, представлены в РР незначительно.

Наречия-компликатеры, которые содержат логические пропозиции, составляют 31 % АК (72 из 234 употреблений), реализуют диктумный план высказывания. Такие наречия могут описывать качества и свойства актантов (субъекта или эксплицитно не выраженного объекта) базовой пропозиции, а также вводить в высказывание дополнительную пропозицию со значением сравнения или подобия. Большинство из них (73 % из 72 АК) используется для передачи особенностей поведения и характера человека, не принимающего участия в разговоре. Такие АК позволяют говорящему или пишущему эмоционально оценить манеры окружающих:

(19) **Нагло** заявили/ говорят/ мы хоть два года у тебя жить будем// (НКРЯ).

(20) Полицейские **нахально** и непрерывно нарушают (Юк).

На АК, которые могут употребляться для оценочной характеристики объекта как имплицитного компонента пропозиции, приходится около 19 % из 72 наречий, заключающих в себе в свернутом виде логические пропозиции. Например:

(21) Кормили на убой/ очень **вкусно**// **Сытно** кормили// (НКРЯ).

АК, содержащие релятивную логическую пропозицию со значением сравнения, уподобления (в концепции Т.В. Шмелевой – пропозицию подобия [Шмелева, 1994]), составляют около 6 %. Они образуются с помощью широко распространенных в РР конфиксов *по-...-ому*, *по-...-ему*, *по-...-и* [Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981]. Например:

(22) У каждой матери своя иконка/ и каждая мать благословляет пару **по-своему**// (НКРЯ).

В этом высказывании наречие выражает значение «так, как свойственно именно ей». Эти

АК могут употребляться присубстантивно, характеризуя особенности приготовления различных блюд или напитков:

(23) «Готовим кофе **по-венски** или Кон Панна».

Видеоблогер, так назвавший свой контент (Юк), сообщает зрителю, что будет делать напиток из эспрессо с добавлением сливок и сахара.

Лишь 2 % из 72 употреблений наречий, которые содержат в себе свернутые логические пропозиции, служат для характеристики внешнего вида человека или животного:

(24) Женщины обладают волшебным даром материализовать прям из воздуха еще пару-тройку каких-то баб, которые **сиясто** над тобой нависнут (ЖЖ).

(25) Представляю топ 5 **пушисто** милых кошачков! (Юв).

Это связано с тем, что наречия, в отличие от прилагательных и причастий, не являются типичными средствами описания внешности субъекта.

Рассмотрим подробнее вторую функцию наречий-компликаторов. АК, выражающие модусные категории, составляют только 9 % (23 контекста) от всех 257 проанализированных контекстов, поскольку употребление наречий не является специализированным способом выражения модусных смыслов. Обычно такие наречия служат для оценки ситуаций или фактов (99 % из 23 контекстов), отраженных в диктуме высказывания, что связано с аксиологическим характером РР, ее субъективностью и экспрессивностью. Например:

(26) За это платят/ что нас когда-то депортировали **несправедливо**// (НКРЯ).

В приведенном высказывании наречие-компликатор помогает говорящему оценить принудительное выселение как несправедливое, неправильное действие. Среди оценок, которые выражаются изучаемыми наречиями, преобладают нормативные. Адресанту, употребляющему такие оценочные АК, важно не просто выразить согласие с собеседником, но и соотнести факты и явления, о которых идет

речь, с собственным представлением о норме и правильности:

(27) Да, есть такое, ты **правильно** подметил))(Ф).

Незначительное количество АК (менее 1 % из 23 контекстов) служит для выражения модусной категории персуазивности, позволяя говорящему высказать уверенность или сомнение в передаваемой им информации:

(28) Блин/ не люблю говорить **уверенно**/ вдруг не получится// (НКРЯ).

(29) В шесть мы уже **точно** будем в метро и доедем до Павелецкой// (НКРЯ).

### Адвербиальные компликатеры и лексическая семантика предиката

Поскольку наречие-компликатор грамматически зависит от глагола-сказуемого, существует зависимость употребления АК от семантики предикатов базовых пропозиций. Наиболее часто они используются при словах, входящих в самое многочисленное в языке лексико-семантическое поле «Действие и деятельность». В большинстве случаев АК употребляются при глаголах речевой, интеллектуальной, социальной и физической деятельности. Данные глаголы составляют 26, 19, 14 и 12 % от всех 257 глаголов-предикатов соответственно. Частое употребление наречий-компликаторов при глаголах речевой и интеллектуальной деятельности, по-видимому, объясняется тем, что в русском языке многие глагольные лексемы не обладают способностью уточнять, детализировать характер такой деятельности. Эта особенность наречий-усложнителей была отмечена и в исследовании М.А. Кормилициной, рассматривавшей атрибутивно-обстоятельственные компликатеры в устной речи [Кормилицына, 2011]. АК при таких глаголах способны называть ментальное или эмоциональное состояние субъекта во время чтения и письма, говорения и слушания, оценочно характеризовать объект восприятия или речевого сообщения. Частое употребление АК при глаголах социальной и физической деятельности, по-видимому, объясняется тематикой исследуемого материала: обсуждением бытовых или социальных явлений и процессов.

## Выводы

Наречия-компликаторы используются коммуникантами в качестве средства экономной передачи информации, реже – в роли способа создания выразительности высказывания.

В большинстве случаев АК в РР употребляются для введения в высказывание побочной событийной пропозиции (социального действия, эмоционального и ментального состояния). Кроме того, наречия используются говорящими или пишущими для характеристики актантов базовых пропозиций, введения в высказывание логической пропозиции уподобления или сравнения, оценки диктумного содержания высказывания или выражения модусной категории персуазивности.

Наречия-компликаторы чаще всего употребляются при глаголах речевой и интеллектуальной деятельности, называя эмоциональное и ментальное состояние субъекта действия или оценочно характеризую объект пропозиции.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гумбольдт В. фон, 2013. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода: Введение во всеобщее языкознание. 2-е изд. М. : URSS. 376 с.
- Дегальцева А. В., 2017. К вопросу о статусе адвербиальных компликативов в синтаксической системе русского языка // Филология и человек. № 2. С. 104–111.
- Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н., 1981. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М. : Наука. 276 с.
- Золотова Г. А., 1982. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М. : Наука. 368 с.
- Интернет-коммуникация как новая речевая формация, 2012 / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. М. : ФЛИНТА : Наука. 328 с.
- Кормилицына М. А., 2011. Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение в устной речи. 3-е изд. М. : ЛИБРОКОМ. 152 с.
- Лаптева О. А., 1976. Русский разговорный синтаксис. М. : Наука. 396 с.
- Литневская Е. И., 2011. Письменные формы русской разговорной речи (к постановке проблемы). М. : МАКС Пресс. 304 с.

- Ножкина Э. М., 2008. Наречие // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика / под ред. О. Б. Сиротининой. М. : ЛИБРОКОМ. С. 124–149.
- Осетрова О. И., 2018. Заимствования в интернет-коммуникации: проблема орфографической вариативности и ее отражение в словарях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 3 (81), ч. 1. С. 160–163.
- Рудницкая Е. Л., 1994. Некоторые классы синтаксических наречий в русском языке. Семантика. Синтаксис. Лексикография. Текст // Вопросы языкознания. № 1. С. 114–125.
- Сиротинина О. Б., 1993. Разговорная речь // Функциональные стили и формы речи / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. С. 137–148.
- Харченко В. К., 2010. Современная повседневная речь. 2-е изд. М. : ЛКИ. 184 с.
- Химик В. В., 2015. Русская разговорная речь: общее понятие, обучение и вопросы терминологии // XLIII Международная филологическая конференция (СПб., 11–16 марта 2014 г.): Избранные труды / под ред. А. В. Бабанова [и др.]. СПб. : Изд-во СПбГУ. С. 460–471.
- Хорук К. М., 2008. Обстоятельства образа действия как средство усложнения семантики предложения // Материалы XLVI Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Языкознание. Новосибирск : НГУ. С. 87–88.
- Шмелева Т. В., 1994. Семантический синтаксис. Текст лекций. Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. ун-та. 43 с.
- Якубинский Л. П., 1986. Избранные работы: Язык и его функционирование. М. : Наука. 206 с.
- Greenbaum S., 1969. Studies in English Adverbial Usage. Coral Gables, Univ. of Miami Press Publ. 262 p.
- Maienborn C., Schäfer M., 2011. Adverbs and adverbials // Semantics: an international handbook of natural language meaning / C. Maienborn [et al.] (eds.). Berlin ; New York : de Gruyter Mouton Publ. Vol. 2. P. 1390–1420. (HSK Handbook series).

## ИСТОЧНИКИ

- ЖЖ – дневники на сайте «Живого Журнала». URL: <https://iar-elterrus.livejournal.com/> (дата обращения: 20.07.2018); URL: <https://a-krotov.livejournal.com/1136276.html> (дата обращения: 20.07.2018); <https://101.livejournal.com/7671388.html> (дата обращения: 20.07.2018).

- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. Устный подкорпус. URL: <http://www.ruscorgora.ru/search-spoken.html>.
- Ф – данные форумов. URL: <https://psycheforum.ru/forum4.html> (дата обращения: 10.06.2018); URL: <http://www.aspirantura.spb.ru/forum/> (дата обращения: 10.06.2018).
- Юв – расшифровки текстов видео на платформе Youtube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Wj892IHhNRk> (дата обращения: 17.06.2018); URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ijEwWjg5Cw> (дата обращения: 10.06.2018).
- Юж – комментарии или текстовые описания к видеоконтенту на платформе Youtube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Wj892IHhNRk> (дата обращения: 17.06.2018); URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mshYY-EKBPQ&t=2s> (дата обращения: 20.07.2018); URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gxwA3YhboZw> (дата обращения: 20.07.2018).

## REFERENCES

- Humboldt W. von, 2013. *On Language: The Diversity of Human Language-Structure and Its Influence on the Mental Development of Mankind: Introduction to General linguistics*. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, URSS Publ. 376 p.
- Degaltseva A.V., 2017. To the Question of the Status of Adverbial Complicators in the Syntactical System of the Russian Language. *Filologiya i chelovek*, no. 2, pp. 104-111.
- Zemskaya E.A., Kitaygorodskaya M.V., Shiryaev E.N., 1981. *Russian Colloquial Speech. General Issue. Word-Formation. Syntax*. Moscow, Nauka Publ. 276 p.
- Zolotova G.A., 1982. *Communicative Aspects of Russian Syntax*. Moscow, Science Publ. 368 p.
- Kolokoltseva T.N., Lutovinova O.V., eds. *Internet-Communication as a New Speech Formation*. Moscow, Flinta Publ, Nauka Publ. 328 p.
- Kormilitsyna M.A., 2011. *Semantically Complicated (Polipropositional) Simple Sentence in Spoken Speech*. 3<sup>rd</sup> ed. Moscow, LIBROKOM Publ. 152 p.
- Lapteva O.A., 1976. *Russian Spoken Syntax*. Moscow, Nauka Publ. 206 p.
- Litnevskaya E.I., 2011. *The Written Forms of Russian Colloquial Speech (Problem Statement)*. Moscow, MAKS Press Publ. 304 p.
- Nozhkina E.M., 2008. Adverb. *Razgovornaya rech v sisteme funktsionalnykh stiley sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Grammatika* [Colloquial Speech in the System of Functional Styles of the Modern Russian Literary Language. Grammar]. Moscow, LIBROKOM Publ, pp. 124-149.
- Osetrova O.I., 2018. Loan Words of Internet Communication: the Problem of Spelling Variability and Its Representation in Dictionaries. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], no. 3 (81), part 1, pp. 160-163.
- Rudnitskaya E.L., 1994. Nekotorye klassy sententsialnykh narechiy v russkom yazyke. *Semantika. Sintaksis. Leksikografiya. Tekst* [Some Classes of Sentential Adverbs in the Russian Language. Semantics. Syntax. Lexicography. Text]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], no. 1, pp. 114-125.
- Sirotinina O.B., 1993. Colloquial Speech. *Funktsionalnye stili i formy rechi* [Functional Styles and Forms of Speech]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo Universiteta, pp. 137-148.
- Kharchenko V.K., 2010. *Modern Everyday Speech*. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, Izd-vo LKI. 184 p.
- Khimik V.V., 2015. Russian Colloquial Speech: Its Concept, Teaching and Terminology. *XLIII Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferentsiya (SPb., 11–16 marta 2014 g.): Izbrannye Trudy*. Saint Petesburg, Izd-vo SPbGU, pp. 460-471.
- Khoruk K.M., 2008. Circumstances of Way of Action as a Means of Complicating the Semantics of the Sentence. *Materialy XLVI Mezhdunarodnoy nauchnoy studencheskoy konferentsii «Student i nauchno-tekhnicheskii progress»: Yazykoznanie* [Materials of the XLVI Intern. Scientific Student Sonference “Student and Scientific and Technological Progress”: Linguistics]. Novosibirsk, NGU Publ., pp. 87-88.
- Shmeleva T.V., 1994. *Semantic Syntax. The Text of the Lectures*. Krasnoyarsk, Izd-vo Krasnoyarskogo gosugarstvennogo universiteta. 43 p.
- Yakubinskiy L.P., 1986. *Selected Works: Language and Its Functioning*. Moscow, Nauka Publ. 206 p.
- Greenbaum S., 1969. *Studies in English Adverbial Usage*. Coral Gables, Univ. of Miami Press Publ. 262 p.
- Maienborn C., Schäfer M., 2011. Adverbs and Adverbials. *Semantics: An International Handbook of Natural Language Meaning*. Berlin. New York, de Gruyter Mouton Publ., vol. 2. pp. 1390-1420. (HSK Handbook series).

## SOURCES

- Live Journal Blogs*. URL: <https://iar-elterrur.livejournal.com/> (Accessed 20 July 2018); <https://a-krotov.livejournal.com/1136276.html> (Accessed 20 July 2018); <https://101.livejournal.com/7671388.html> (Accessed 20 July 2018).

*Data of Spoken Subcorpus of Russian National Corpus.* URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-spoken.html>.

*Data of Forums.* URL: <https://psycheforum.ru/forum4.html> (Accessed 10 June 2018); URL: <http://www.aspirantura.spb.ru/forum/> (Accessed 10 June 2018).

*Verbatim Records of Youtube's Videos.* URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Wj892IHhNRk> (Accessed 17 July 2018); <https://www.youtube.com/watch?v=ijEwWjg5Cw> (Accessed 10 June 2018).

*Youtube's Video Comments and Descriptions.* URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Wj892IHhNRk> (Accessed 17 June 2018); URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mshYY-EKBPQ&t=2s> (Accessed 20 July 2018); URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rxwA3YhboZw> (Accessed 20 July 2018).

*Youtube's Video Comments and Descriptions.* URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Wj892IHhNRk> (Accessed 17 June 2018); URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mshYY-EKBPQ&t=2s> (Accessed 20 July 2018); URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rxwA3YhboZw> (Accessed 20 July 2018).

### Information about the Author

**Anna V. Degaltseva**, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of the Russian Language, Speech Communication and Russian as a Foreign Language, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Astrakhanskaya St., 83, 410012 Saratov, Russia, [deganna@mail.ru](mailto:deganna@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0003-3791-9777>

### Информация об авторе

**Анна Владимировна Дегальцева**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Россия, [deganna@mail.ru](mailto:deganna@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0003-3791-9777>



# МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

---

---

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.10>

UDC 811.111:811.222.1  
LBC 81.2

Submitted: 26.05.2018  
Accepted: 04.02.2019

## STRUCTURAL ANALYSIS OF PERSIAN-ENGLISH REVERSE CODE- SWITCHING AND CODE-MIXING

**Hamzeh Moradi**

Nanfang College of Sun Yat-sen University, Guangzhou, China

**Jianbo Chen**

Sun Yat-sen University, Guangzhou, China

**Abstract.** Code-switching and code-mixing are considered dynamic conversational phenomena in interpersonal interactions, that is an alteration between two or more languages, dialectal variants, language registers, and it is an effective communicative strategy which Persian-English bilinguals consider a genuine thing in their ordinary speech practice. The focus of the present study is on the structural analysis of reverse code-switching between Persian and English that are known to be referred to two typologically different languages. Participants of the present research, all late bilinguals, reported on frequent use of code-switching (CS) and code-mixing (CM) in everyday language practice. CS/CM is quite normal and frequent among Iranian bilinguals, especially in informal settings where bilingual speakers can freely switch between their languages. Furthermore, the results revealed that Iranian bilinguals switch from English to Persian and in verso mostly at the lexical and the phrasal levels (intrasentential switching mode), but less frequently at the clausal or the sentence level (intersentential switching mode). The research states that there are some restrictions on inserting English verbs into the Persian syntactic frame: the Persian language is thought to be the matrix language and the preverbal part comes from English as the embedded language, such incongruity between the morphosyntactic structure and the verbal system of the Persian and English languages impose some constraints on the occurrence of switching codes between the pair of the languages under study.

**Key words:** code switching, intrasentential switching, intersentential switching, reverse switching, code-mixing, the Persian language, the English language.

**Citation.** Moradi H., Chen J. Structural Analysis of Persian-English Reverse Code-Switching and Code-Mixing. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 1, pp. 122-131. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.10>

УДК 811.111:811.222.1  
ББК 81.2

Дата поступления статьи: 26.05.2018  
Дата принятия статьи: 04.02.2019

## СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ РЕВЕРСИВНОГО ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ И СМЕШЕНИЯ КОДОВ ПЕРСИДСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

**Хамзех Моради**

Университет им. Сунь Ятсена, г. Гуанчжоу, Китай

**Жианбо Чен**

Университет им. Сунь Ятсена, г. Гуанчжоу, Китай

**Аннотация.** Переключение и смешение языковых кодов как динамичная стратегия общения рассматривается в статье в качестве коммуникативной категории, представленной в речи билингов, владеющих персидским и английским языками. В центре внимания находятся структурный и функциональный анализ реверсивного переключения языкового кода между персидским и английским языками, которые относятся к разным типам языков. Участниками проведенного эксперимента стали студенты вузов – билингвы, в речи которых наблюдается частое использование двух стратегий реверсивного переключения: переключение кода (CS) и смешение кодов (CM). Доказано, что эти стратегии построения речи воспринимаются иранскими билингвами как нормальные и часто применяемые (свободные переключения встречаются, в частности, в ситуациях неформального общения). При этом отмечается доминирование интрасентенциальной модели переключения на лексическом и фразеологическом уровнях (в том числе смешение именных, наречных, глагольных словоформ), а также незначительные изменения на уровне синтаксического моделирования предложения (интерсентенциальное переключение с доминированием матрицы родного языка). Указанные явления объясняются неконгруэнтностью между грамматическими и синтаксическими системами, а также расхождениями в системе глагольных форм персидского и английского языков.

**Ключевые слова:** переключение кода, интрасентенциальное переключение, интерсентенциальное переключение, обратное переключение, смешение кодов, персидский язык, английский язык.

**Цитирование.** Моради Х., Чен Ж. Структурный анализ реверсивного переключения и смешения кодов персидского и английского языков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 1. – С. 122–131. – (На англ.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.10>

**The phenomenon of code-switching**

As Lewis [Ethnologue..., 2009] asserts, there are about 7 000 recognized living languages spread over more than 200 countries. Therefore, it is not surprising that the number of multilingual speakers in the world is much more than the number of monolingual speakers [Gardner-Chloros, 2009]. To be proficient in more than one language is further encouraged by the growing impact of international new media and global communication through the Internet and new technologies. The number of multilingual speakers in the world, therefore, is growing [The handbook of bilingualism and multilingualism, 2012].

One of the most fascinating aspects of bilinguals' speech is their capability of separating and maintaining division between their two languages. In particular, when it comes to highly proficient bilingual speakers or in other words, bilinguals with a high level of competence in both languages, the two competing languages are in one mind and usually in overlapping brain territories [Kim et al., 1997].

Bilinguals generally are able to easily segregate and limit the interference between their two languages. This becomes more remarkable when it comes to the natural everyday bilingual practices, such as code-switching and code-

mixing. Bilingual or multilingual speakers are not only able to separate or distinguish between their two or more languages while communicating, but also capable of switching back and forth between their languages in a systematic manner in appropriate settings.

The term 'code-switching' is referred to the alternation between two or more languages, dialects, or language registers in the course of discourse between people who have more than one language in common. Typically, one of two languages is dominant; the major language is often called the matrix language, while the minor language is the embedded language. Moradi [2014a] defines CS as "a change by a speaker (or writer) from one language or language variety to another one". According to Moradi [2014b], code-mixing (CM) is "the alternation of two or more languages within a sentence". In another recent study focusing on Persian-English CS and matrix language frame, Moradi [2018] defines CM as an intra-sentential switching that occurs within a clause or sentence boundary.

This research is about one of the most significant linguistic behaviors in multilingual setting, i. e. code-switching. Unfortunately, this communicative linguistic phenomenon has been socially stigmatized by individuals and labeled with derogatory terms such as "Spanglish" or "Tex-Mex".

Code-switching is usually attributed to the lack of proficiency in languages, illiteracy, or the lack of education. Over the last three decades, however, a large number of studies on code-switching (CS) have demonstrated special regularities at the pragmatic level [Code-switching in conversation..., 1998; Gumperz, 1976; Myers-Scotton, 1993] and the syntactic or grammatical level [Deuchar, 2006; Muysken, 2000; Poplack, 1980; 1981].

The study of code-switching has become a significant and intriguing research field in language contact studies and the second language acquisition research during the last few decades. It has attracted the attention of a large and diverse group of researchers throughout the world.

There are various reasons for studying code-switching (CS). First, due to the fact that CS is a pervasive communicative linguistic phenomenon in bilingual speech, it warrants scrutiny and analysis in itself [Gardner-Chloros, 2009]. Second, CS provides a test device to examine the cognitive mechanism of the language production in a bilingual context. That is, one of the main questions regarding cognitive processing in bilinguals or multilinguals is to what extent elements or constituents of the bilinguals' languages are co-activated during the language production and to what extent this co-activation can be examined in terms of cognitive theories and models of the bilingual language production [Costa, 2005; de Bot, 2004; Hartsuiker, Pickering, 2008; Kroll, Bobb, Wodniecka, 2006]. CS is a discourse phenomenon in which this co-activation of languages' constituents is overtly reflected; theories of bilingual language production should be able to describe various processes underlying CS. The third reason to study CS is that it involves various aspects of language using. The production of CS can be affected by various factors, viz: socio-psychological factors, sociolinguistic factors, the properties of the lexical items and sentences that are employed during interaction and the relative proficiency of bilingual speakers in both languages.

Therefore, CS can be regarded as a significant component of bilingual speech in all aspects [Appel, Muysken, 1987], as evidenced by a large number of studies in which CS is examined from the grammatical / syntactical perspective [e.g. Deuchar, 2006; Muysken, 2000;

Myers-Scotton, 2006; Poplack, 1980], the socio-pragmatic perspective [e.g. Blom, Gumperz, 2000; Code-switching in conversation..., 1998; Myers-Scotton, 1993], the neurocognitive perspective [e.g. Chauncey, Grainger, Holcomb, 2008; Fitzpatrick, 2011; Moreno, Federmeier, Kutas, 2002; Van Hell, Witteman, 2009; Verhoef, Roelofs, Chwilla, 2009; 2010] and the cognitive perspective [e.g. Altarriba et al., 1996; Costa, Santesteban, 2004; Gollan, Ferreira, 2009].

These various perspectives on the study of CS vary in terms of research objectives, the methodological and theoretical paradigm (see also [Gullberg, Indefrey, Muysken, 2009; Multidisciplinary approaches to code switching, 2009; Myers-Scotton, 2006]). According to Fricke and Kootstra [2016], "most research on code switching has centered around two types of outcome variables: the tendency to codeswitch proper, and the grammatical patterns internal to codeswitched sentences". The present research will be a structural based analysis of reverse code-switching between the Persian and the English language as two typological distinct languages.

## Methods

As it was mentioned, the present study is aimed at structural analysis of reverse switching between Persian and English as two typologically different languages; i.e. switching to L2 while speaking L1 that is considered to be the dominant language of interaction. To reach this point of evaluation by collecting data, some procedures have been carried out by the researchers, which include recording of speech data of interviews and spontaneous conversations or interactions and group conversations in formal and also informal setting.

The data was collected from Iranian bilingual students, studying in three major universities in India, including Panjab University, English and Foreign Languages University, and Osmania University. Besides the recording of Iranian bilinguals' interactions in formal and informal settings, 36 students were selected for the interview and group conversation; they were the most fluent students among the participants and they had very good knowledge and background in the English language. According to Moradi [2014a]: *When speakers are highly*

*proficient and fluent in both languages, they need less mental effort to talk in both their languages, in other words, the mental effort is lower and relatively more equal and switching between languages is easier and more expected among bilinguals who pose higher proficiency in both languages.*

The participants were divided into six groups, each group participated in the group conversation on a specific day. The students were asked to take part in a two-hour group discussion. As all the informants were compatriots who studied in India as foreign students, the participants in each group knew each other very well and were friends. Gardner-Chloros demonstrates that code-switching and code-mixing occur significantly more when the interlocutors know each other and are not constrained and restricted by the overt norms which govern conversations [Gardner-Chloros, 1991, p. 79]. Since the researcher also knew the participants the discussion was held in a very friendly atmosphere in order to have a more natural talk.

Whenever the participants did not seem to code-switch (CS) or code-mix (CM) for a considerable length of time, either a new topic was initiated or the researcher himself frequently switched codes and carried further conversation initially. This also gives a clue and reveals if the motivation behind CS/CM is context sensitive or it depends on the comfort level developed during the interview or on linguistic factors.

The participants were sometimes asked to talk about their educational experience in India and cultural and social conditions for Iranians in India, similarities and differences between two societies, their difficulties, daily activities, etc. to control the topic. However, they were allowed to talk freely about whatever they liked. The topic was related to the students' everyday life to encourage them to get involved in a more active talk. It was assumed that these kinds of topics provide more opportunities for frequent CS/CM than other topics do; the topics in which the participants, as students, are expected to be familiar with a wide range of academic-related English words or expressions. To access the natural type of CS and CM, the researcher switched between languages for several times to stimulate them if they feel relaxed to switch freely.

As Poplack [1980] asserts, code-switching tends to take place in highly informal settings, it was taken into account that conversations should be carried out in informal gatherings and in a friendly atmosphere. According to Labov [1972], when people are aware that their speech is recorded, they incline to modify or alter their style of speech from casual to formal (*the Observer's Paradox*). Another factor, as Poplack [1980] depicts, is that the interlocutor's ethnicity is very crucial in a data-collecting situation. Therefore, the fact that the researcher and the participants belong to the same community was very helpful to casual recording sessions. The participants' conversations were recorded on a high-quality voice recorder for further analysis. However, the fact that they were being recorded led to some initial hesitations which were later overcome to some cases.

Since this research was aimed at investigating reverse CS/CM in Persian-English context, the recordings which were composed of monolingual Persian conversation were excluded and not used. These cases of merely monolingual utterances are the result of talking about specific topics in particular groups. For instance, it was observed that CS/CM did not occur when participants were telling jokes. It should be also mentioned that some sentences were excluded because they were unintelligible, not clearly expressed or they were only repetitions of other people's words and phrases. Proper names, technical terms, cultural and religious names and street names which were repeatedly used by both Iranian bilinguals and monolinguals were also excluded from CS/CM data, since many linguists and researchers in the field consider these as borrowings but not CS/CM. To make a better representation of Persian speech sounds and switches between the Persian and the English languages, the collected data was carefully transcribed according to International Phonetic Alphabet (IPA).

### The objectives

In the structural perspective of the CS/CM data analysis, the focus is on grammatical or syntactic features of this communicative linguistic phenomenon. Discovering grammatical and syntactic constraints on Persian-English code-switching and code-mixing requires looking at the

linguistic performance of Iranian bilinguals in different social contexts.

In general, the discussion of the syntactic or structural aspects of CS and CM was considered to identify syntactic and morphosyntactic constraints on Persian-English CS/CM. Within this aspect of data analysis, the research looked carefully into the pattern of CS and CM in a Persian-English conversation to see what types of code-switching occurred and at which level the languages can be switched or mixed. The main objectives of the research can be classified into four major categories:

– To investigate Persian-English reverse code-switching and code-mixing and its peculiar characteristics.

– To give a clear description of types and patterns of switching of both languages, i.e. Persian and English in a Persian-English bilingual conversation with its peculiar features.

– To reveal the levels of switching between Persian and English as two typologically different languages.

– To find out the possible syntactic and morphosyntactic constraints of Persian-English CS and CM.

### Research questions

The research questions to be explored in this research are as follows:

1. What are the peculiar features of reverse switching between Persian and English as two typologically different languages?

2. What are the types and patterns of Persian-English CS/CM in a Persian-English bilingual conversation?

3. At which levels do Iranian bilingual students switch Persian and English in their daily interactions?

4. What are the possible syntactic and morphosyntactic constraints of Persian-English CS/CM?

### Persian-English code-switching and code-mixing

There are several types of code-switching (CS) and code-mixing in a Persian-English bilingual conversation, although they may occur with different frequencies. Switching may occur at the

word, phrase, or clause levels and may also occur in different grammatical positions which will be discussed with providing suitable examples from the collected data of Persian-English CS/CM in various social contexts.

### Switching at the lexical level

Switching may occur at the word level (code-mixing). In our data, it was observed that nouns, verbs, adjectives, and adverbs are subject to switch to English, but for functional words such as prepositions code-mixing is not a normal process.

### Code-mixing in nouns

Usually nouns are free to be switched to English, as it is shown in the following examples:

- (1) *zendegi hæmæf je adventure-e.*  
life all a adventure-COP  
“All life is an adventure.”
- (2) *Chairperson emru:z jælæse dør-e.*  
chairperson today meeting has-3Sg  
“Chairperson has a meeting today.”
- (3) *in je challenge-e bærv-m....*  
this a challenge-COP for-1Sg  
“This is a challenge for me....”
- (4) *Lunch! kæsi lunch mi-xore?*  
lunch! anybody lunch PROG-eat  
“Lunch! Is anybody going to have lunch?”
- (5) *bærv interview dævæt-æm kærd-æn.*  
for interview invite-1Sg did-3Pl  
“They invited me for the interview.”
- (6) *ʃoma suggestion be-did...*  
you suggestion Subj-give  
“You give suggestion....”

As it is observed in the above examples, mixing is at the word level with English nouns. Mixing with English nouns is one of the most frequent types of Persian-English code-mixing.

### Code-mixing in adjectives

Code-mixing can occur at the adjective level where Persian native speakers use adjectives of English in their constant speech. The following examples clarify the point:

- (7) *mø vðæm-v-je talented-i hæst-im.*  
we people PL-Ez talented-INDF be- 1Pl  
“We are talented people.”
- (8) *bæzi-v xeili smart-æn.*

- some-PL very smart-3PL  
 “Some (people) are very smart”.
- (9) in emkɒn-ɒt hæme-ɟɒ available ni-st.  
 this facility-PL all-place available NEG-to be  
 “These facilities are not available everywhere.”
- (10) emru:z busy-æm, bebæxʃid.  
 today busy-1Sg, excuse me  
 “Today I am busy, sorry (excuse me).”
- (11) je kæmi nervous hæst-æm emru:z.  
 a little nervous to be-1Sg today.  
 “I am a little nervous today.”

As in the above examples show, mixing is at the word level with English adjectives. In examples (10 & 11) subjects have been omitted, since Persian is a pro-drop language, a subject is optional and can be omitted. Code-mixing in adjectives is restricted in some cases. For example, whenever there is an EZAFE, (Ezafe in Persian is a link between a noun and its modifying element), between a noun and its modifying adjective, mixing between Persian and English does not occur freely. This could be due to the difference in the noun / adjective structure of the two participating languages. In contrast to English with adjectives positioned before nouns, in the Persian language, adjectives come after nouns. Examples 12 and 13 clarify the point:

- (12) [ɒsemɒn-e] N [ɒbi] A  
 Sky- Ez blue  
 “Blue sky”
- (13) [medɒd-e] N [ɟermez] A  
 Pencil-Ez red  
 “Red pencil”

### Code-mixing in adverbs

In a Persian-English bilingual conversation, code-mixing of adverbs is a normal phenomenon. It is shown in the following examples:

- (14) in-o totally motævædʒe ne-mi-ʃ-æm.  
 this-OBJ totally understand NEG-HAB-become-1Sg  
 “I totally don’t understand this.”
- (15) vɒyeʔæn bæzi æz Hindi-ha xeli bɒ mɒ  
 friendly raftar mi-kon-æn.  
 indeed some of Indian-PL very to us  
 friendly behave PROG-do-3PL  
 “Indeed, some of the Indians behave to us in a very friendly manner.”
- (16) mɒ bɒjæd absolutely in ciz-ɒro bedun-im...  
 we should absolutely this thing-PL know-1PL  
 “Absolutely we should know these things....”

### Code-mixing in compound verbs

Code-mixing of compound verbs also occurs in a Persian-English bilingual conversations among Iranian bilinguals in various social contexts. In Persian, compound verbs are one of the most productive structures. Compound verbs are composed of two parts, a noun and a verb. The verb is almost always a form of a limited number of infinitives such as *bu:dæn* (to be), *kærdæn* (to do), *ʃodæn* (to become), and *zædæn* (hit); these types of verbs are known as light verbs. The following examples illustrate Persian-English code-mixing in compound verbs.

- (17) tæmɒm etelɒt ro je ɟɒ save-kærd-æm  
 all data OBJ a place save-do-1Sg  
 “I have saved all the data in one place.”
- (18) mæn ʃomɒro force-ne-mi-kon-æm...  
 I you OBJ force-NEG-PROG-do-1Sg  
 “I am not forcing you ....”
- (19) mæn ævæl bɒjæd topic-æm ro define-kon-æm bæd...  
 I first should topic-1Sg OBJ define-do-1Sg then  
 “I should first define my topic then... ”
- (20) Try ævæl-eʃ ke bɒjæd free-bɒʃ-e.  
 Try first-3Sg that should free-to be-COP  
 “Its first try should be free.”

As it follows from the above examples, with the help of Persian light verbs, code-mixing occurs in a compound verb pattern (*save-kærd-æm*, *force-ne-mi-kon-æm*, *define-kon-æm* and *free-bɒʃ-e*). It also should be mentioned that in examples 19 and 20 code-mixing does not only occur in compound verbs, but can also occur with English nouns (Topic & Try).

On the basis of the analysis of CS/CM data in this research, it should be mentioned that English finite verbs cannot occur in the Persian syntactic structure; or in other words, there are no examples of inserting English finite verbs in the Persian frame as ML. According to Myers-Scotton [2006], congruity or lack of congruity between two participating languages in CS can be one of the reasons for fewer occurrences of verbs compared to nouns. She argues that verbs are more difficult to be inserted from the EL than nouns, as verbs are [+thematic role assigner] and they, thus, carry more “*syntactic baggage*”. She asserts that congruency and lack of congruency across syntactic structures of participating

languages in CS are more significant with inserting verbs than nouns.

However, the only way to insert an English verb into Persian structure during the Persian-English CS is through light verb constructions (LVCs). Light verb constructions, as it was earlier mentioned, are composed of two parts, viz: (i) a verbal part and (ii) a nonverbal part. In Persian-English LVCs, the light verb that carries information on person, tense, agreement and aspect comes from the Persian language as the matrix language and the preverbal part comes from English as the embedded language.

### Switching at the phrasal level

On the basis of the collected data of this research, it was observed that switching also occurred at the phrasal level in a Persian-English bilingual conversation among Iranian bilingual students, as it is illustrated in the following examples:

- (21) *neveʃtæn je mæypɒl xɛli time consuming-e*  
writing a paper very time consuming-COP  
“Writing a paper is very time consuming.”
- (22) *be je cultural program dævæt-ʃod-æm.*  
to a cultural program invite-was-1Sg  
“I was invited to a cultural program.”
- (23) *General knowledge xɛli mohem-e.*  
general knowledge very important-COP  
“General knowledge is very important.”
- (24) *cu:n in do næfær well experienced hæst-ænd...*  
because this two person well experienced  
to be- 3Pl...  
“Because these two persons are well experienced...”
- (25) *mi-du:n-i in movɤʔiæt mitun-e a life*  
*time opportunity bɔʃ-e bæɾɔ-t.*  
HAB-know-2Sg this condition can-COP a  
life time opportunity to be-COP-2Sg  
“You know this condition can be a life time  
opportunity for you.”
- (26) *un-ʃɔ-st be-bin on the floor.*  
that-place-is Subj-see on the floor  
“See it is there on the floor.”

Thus, switching at the phrasal level include the following word groups: 21 (*time consuming*), 22 (*cultural program*), 23 (*general knowledge*), 24 (*well experienced*), 25 (*a life time opportunity*), 26 (*on the floor*). In all these examples the matrix language is Persian and the English phrases were embedded into Persian sentence structure.

### Code-switching at clausal level and sentence level

Switching sometimes occurs at the clausal level and sentence level, but with lower frequency in comparison with switching at the lexical and phrasal levels. In other words, Iranian bilingual students rarely switch Persian and English at the clausal and sentence levels. However, in a few cases, it was observed, even though with less frequency, among the most fluent bilingual students; i.e. in comparison to switching at the lexical level and phrasal level, switching at the clausal level and sentence level occur with a very low frequency among Iranian bilinguals and it occurs only among highly proficient and fluent Persian-English bilingual speakers; while less fluent bilinguals mostly switch at the lexical and phrasal levels.

This finding is the opposite of Poplack’s [1980] “*size of constituent*” constraint, which asserts that major and main constituents such as sentences and clauses are likely to be switched more frequently than smaller constituents, for example, nouns, verbs, adverbs, and adjectives, determiners. Examples 27 and 28 illustrate switching at the clausal level and example 29 depicts switching at the sentence level:

- (27) *ʃɛ dorost-e, con ELT is a branch of linguistics.*  
yes right-COP because ELT is a branch of  
linguistics  
“Yes, that is right, because ELT is a branch  
of linguistics.”
- (28) *Wow what a surprise to see you here! to*  
*in-ʃɔ chi-kɔr mi-kon-i?*  
Wow what a surprise to see you here! you  
this-place what-work PROG-do-2Sg  
“Wow what a surprise to see you here, what  
are you doing here?”
- (29) a: *alman xɛli keʃvæɾ-e xubi-e.*  
Germany very country-Ez good-COP  
“German is a very good country.”  
b: *Yeah, it is one of the most developed  
country.*

### Constraints of reverse Persian-English CS/CM

There are some constraints in the reverse Persian-English language contact which prevents CS/CM to occur freely, these constraints or restrictions are as follows:

- Switching of functional words does not occur as a normal process.
- Switching of finite verbs as a single element is not observed.
- Switching between a NEG and a verb is not observed.
- Switching between a verb stem and its inflection is not evidenced.

Based on the observations of Persian-English CS/CM data, these above-mentioned constraints are the results of typological differences between Persian, on one hand, and English, on the other hand. This idea is in line with the works on code-switching [Mahootian, 1993; Woolford, 1983], which state that any correct approach to code-switching should look to code-switching constraints within the relevant mixed grammars. However, further research is needed to explain how grammatical differences between the two languages lead to code-switching restrictions.

### Conclusion

This research investigated structural or grammatical aspects of code-switching (CS) and code-mixing (CM) observed in Persian-English bilingual speech. The research shows that CS/CM is a normal process in Persian-English bilinguals' conversations; participants of this research, all late bilinguals, reported on using frequent switches in their everyday language use. On the basis of the collected data on Persian-English switching, it was observed that switching occurs at the lexical, phrasal, clausal, and sentence levels but with different frequency. It was observed that switching is usually just for a few words or mostly at the lexical and phrasal level, which is called intra-sentential switching (code-mixing) and less frequently it occurs at the clause or sentence level which is called inter-sentential switching (code-switching); this type of switching was observed only among the most fluent participants. Therefore, both types of switching, i.e. intersentential switching that is also called code-switching and intrasentential switching which is also known as code-mixing were employed by Persian-English bilingual speakers in their daily communication with differing frequency; nouns, verbs, adjectives and adverbs are frequently subject to switch to English.

Furthermore, the results showed that the direction of switching was mostly from Persian

to English that is switching to their second language (L2), while the main language of interaction is their first language (L1), i.e. Persian; a linguistic phenomenon that is known as reverse code-switching. This finding is a supporting evidence for the recent study by Moradi [2018] that examined Persian-English CS/CM and the matrix language frame model in which he asserts that the Persian language is the dominant or the matrix language, since in a Persian-English bilingual clause the syntactic and morphosyntactic frame is provided by the Persian language, while English provides only content morphemes.

However, the incongruity between the morphosyntactic structures and the verbal systems of Persian and English imposes some constraints on the occurrence of switching between this pair of languages, for example: there is a restriction on inserting English verbs into the Persian frame; English verbs can only be inserted in the Persian language frame through the light verb constructions; the light verb that carries information on person, tense, agreement and aspect comes from the Persian language as the matrix language and the preverbal part comes from English as the embedded language. The results of the collected data analysis showed that these constraints are the results of typological differences between Persian and English.

### REFERENCES

- Altarriba J., Kroll J.F., Sholl A., Rayner K., 1996. The Influence of Lexical and Conceptual Constraints on Reading Mixed-Language Sentences: Evidence from Eye Fixations and Naming Times. *Memory & Cognition*, vol. 24, iss. 4, pp. 477-492.
- Appel R., Muysken P., 1987. *Language Contact and Bilingualism*. London, Edward Arnold. 213 p.
- Blom J.P., Gumperz J.J., 2000. Social Meaning in Linguistic Structure: Code-Switching in Norway. *Directions in Sociolinguistics: the Ethnography of Communication*. New York, Basil Blackwell, pp. 407-434.
- Chauncey K., Grainger J., Holcomb P.J., 2008. Code-Switching Effects in Bilingual Word Recognition: A Masked Priming Study with Event-Related Potentials. *Brain and Language*, vol. 105, iss. 3, pp. 161-174.
- Auer P. ed., 1998. *Code-switching in Conversation: Language, Interaction and Identity*. London, Routledge. 355 p.

- Costa A., 2005. Lexical Access in Bilingual Production. *Handbook of Bilingualism: Psycholinguistic Approaches*. New York, Oxford, pp. 308-325.
- Costa A., Santesteban M., 2004. Lexical Access in Bilingual Speech Production: Evidence from Language Switching in Highly Proficient Bilinguals and L2 Learners. *Journal of Memory and Language*, vol. 50, iss. 4, pp. 491-511.
- De Bot K., 2004. The Multilingual Lexicon: Modelling Selection and Control. *International Journal of Multilingualism*, vol. 1, no. 1, pp. 17-32.
- Deuchar M., 2006. Welsh-English Code Switching and the Matrix Language Frame Model. *Lingua*, vol. 116, iss. 11, pp. 1986-2011.
- Lewis M.P., Simons G.F., Fennig C.D. eds., 2009. *Ethnologue: Languages of the World*. 16<sup>th</sup> edition. Dallas, Texas, SIL International. 1248 p.
- Fitzpatrick I., 2011. *Lexical Interactions in Non-Native Speech Comprehension: Evidence from Electro-Encephalography, Eye-Tracking, and Functional Magnetic Resonance Imaging*. Unpublished PhD thesis. Radboud University Nijmegen. 182 p.
- Fricke M., Kootstra G.J., 2016. Primed Codeswitching in Spontaneous Bilingual Dialogue. *Journal of Memory and Language*, vol. 91, pp. 181-201.
- Gardner-Chloros P., 1991. *Language Selection and Switching in Strasbourg*. Oxford, Clarendon Press. 218 p.
- Gardner-Chloros P., 2009. *Code-Switching*. Cambridge, Cambridge University Press. 242 p.
- Gollan T.H., Ferreira V.S., 2009. Should I Stay or Should I Switch? A Cost-Benefit Analysis of Voluntary Language Switching in Young and Aging Bilinguals. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, vol. 35, iss. 3, pp. 640-665.
- Gullberg M., Indefrey P., Muysken P., 2009. *The Cambridge Handbook on Linguistic Code-Switching*. Cambridge University Press, pp. 21-39.
- Gumperz J.J., 1976. The Sociolinguistic Significance of Conversational Code-Switching. *Working Papers of Language Behaviour Research Laboratory*. Berkeley, University of California, no. 46, pp. 1-46.
- Hartsuiker R.J., Pickering M.J., 2008. Language Integration in Bilingual Sentence Production. *Acta Psychologica*, vol. 128, iss. 3, pp. 479-489.
- Kim K.H., Relkin N.R., Lee K.M., Hirsch J., 1997. Distinct Cortical Areas Associated with Native and Second Languages. *Nature*, vol. 388, pp. 171-174.
- Kroll J.F., Bobb S.C., Wodniecka Z., 2006. Language Selectivity is the Exception, Not the Rule: Arguments Against a Fixed Locus of Language Selection in Bilingual Speech. *Bilingualism: Language and Cognition*, vol. 9, iss. 2, pp. 119-135.
- Labov W., 1972. *Sociolinguistic patterns*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press. 344 p.
- Mahootian S., 1993. *A Null Theory of Code-Switching*. Doctoral Dissertation. Chicago. Northwestern University.
- Moradi H., 2014a. Structural Aspects of Persian-English Code-Mixing. *Asian Journal of Research in Social Sciences and Humanities*, vol. 4, no. 6, pp. 119-130.
- Moradi H., 2014b. A Survey on Code-Mixing, Code-Switching, Language Alteration and Interference. *Indian Journal of Applied Research*, vol. 4, iss. 10, pp. 62-64.
- Moradi H., 2018. An Investigation on Persian-English Code-Switching and the Matrix Language Frame (MLF) Model. *International Journal of Educational Sciences*, vol. 21, no. 1, pp. 202-213. DOI: 11.258359/KRE-20
- Moreno E.M., Federmeier K.D., Kutas M., 2002. Switching Languages, Switching Palabras (Words): An Electrophysiological Study of Code Switching. *Brain and Language*, vol. 80, iss. 2, pp. 188-207.
- Isurin L., Winford D., De Bot K. eds., 2009. Multidisciplinary Approaches to Code Switching. *Multidisciplinary Approaches to Code Switching*, vol. 41. 364 p.
- Muysken P., 2000. *Bilingual Speech: A Typology of Code-Mixing*. Cambridge, Cambridge University Press. 306 p.
- Myers-Scotton C., 1993. *Duelling Languages: Grammatical Structure in Code Switching*. Oxford, Clarendon. 263 p.
- Myers-Scotton C., 2006. *Multiple Voices: An Introduction to Bilingualism*. Oxford, Blackwell. 473 p.
- Poplack S., 1980. Sometimes I'll Start a Sentence in Spanish Y TERMINO EN ESPACOL: Toward a Typology of Code Switching. *Linguistics*, vol. 18, iss. 7-8, pp. 581-618.
- Poplack S., 1981. Syntactic Structure and Social Function of Code Switching. *Latino Language and Communication Behaviour*. Norwood, Ablex Publishing Corporation, pp. 169-184.
- Bhatia T.K., Ritchie W.C. eds., 2012. The Handbook of Bilingualism and Multilingualism. *The Handbook of Bilingualism and Multilingualism*. Oxford, UK, Wiley-Blackwell. 964 p.
- Van Hell J.G., Witteman M.J., 2009. The Neurocognition of Switching Between Languages: A Review of Electrophysiological Studies. *Multidisciplinary Approaches to Code Switching*, vol. 41, pp. 53-84.

Verhoef K., Roelofs A., Chwilla D.J., 2009. Role of Inhibition in Language Switching: Evidence from Event-Related Brain Potentials in Overt Picture Naming. *Cognition*, vol. 110, iss. 1, pp. 84-99.

Verhoef K.M., Roelofs A., Chwilla D.J., 2010. Electrophysiological Evidence for

Endogenous Control of Attention in Switching Between Languages in Overt Picture Naming. *Journal of Cognitive Neuroscience*, vol. 22, iss. 8, pp. 1832-1843.

Woolford E., 1983. Bilingual Code Switching and Syntactic Theory. *Linguistic Inquiry*, vol. 14, no. 3, pp. 520-536.

### Information about the Authors

**Hamzeh Moradi**, PhD in Linguistics, Associate Professor, Nanfang College of Sun Yat-sen University, Venquan Avenue, Guangzhou, 510970 Guangdong Province, China, hamzeh.m701@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0003-0612-8286>

**Jianbo Chen**, PhD in Education, Associate Professor, Sun Yat-sen University, Xingang Xi Road, Guangzhou, 510275 Guangdong Province, China, 736.4281.2@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-1328-9953>

### Информация об авторах

**Хамзех Моради**, доктор наук (филология), доцент, колледж Нанфанг, Университет им. Сунь Ятсена, Венгуан Авеню, Гуанчжоу, 510275 Провинция Гуандун, Китай, hamzeh.m701@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0003-0612-8286>

**Жианбо Чен**, доктор наук (педагогика), доцент, Университет им. Сунь Ятсена, Хинганг Хи Роуд, Гуанчжоу, 510275 Провинция Гуандун, Китай, 736.4281.2@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-1328-9953>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.11>

UDC 81'42  
LBC 81.055.1

Submitted: 14.10.2018  
Accepted: 30.01.2019

## ETHNO-CULTURAL INFLUENCES ON MULTIMODAL TEXT PERCEPTION

**Tatiana E. Nikolskaya**

Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Moscow, Russia

**Svetlana Yu. Pavlina**

Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov, Nizhny Novgorod, Russia

**Abstract.** The article investigates inter-cultural artistic communication which occurs through multimodal texts in general and feature films in particular. Artistic communication faces a challenge when its source and target belong to different ethnic and/or generational cohorts. The similarity or difference of communication codes depends on the level of adequacy of the sender's and the recipient's discursive competences. Discursive competences imply the ability to provide an adequate interpretation of situations depicted in the film, it is based on the knowledge and understanding of cultural, social and historical peculiarities of the society to which the creator belongs and which he or she depicts in the film.

If the recipients ignore one of the semiotic systems incorporated in the multimodal text, the complete comprehension of the artistic text message can become unattainable. The authors conduct comparative analysis of how the Russian film "Moscow Does Not Believe in Tears" is perceived by Russian and American college 'Gen Z' students. In case the culture codes of the work of art contradict some rules and codes ingrained in the society to which the recipient belongs, the interpretation of the author's message can be hindered, which entails the artistic communication disruption. The analysis yields factors that determine the interpretation of an artistic message.

The authors find that the differences in ethno-cultural backgrounds present a greater obstacle to the creator's artistic message successful decoding than a generation gap between the creator and the recipients.

**Key words:** inter-cultural communication, artistic communication, sender's code, receiver's code, decoding, multimodal text, artistic text, perception.

**Citation.** Nikolskaya T.E., Pavlina S.Yu. Ethno-Cultural Influences on Multimodal Text Perception. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 1, pp. 132-145. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.11>

УДК 81'42  
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 14.10.2018  
Дата принятия статьи: 30.01.2019

## НАЦИОНАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ ПОЛИКОДОВОГО ТЕКСТА

**Татьяна Евгеньевна Никольская**

Литературный институт им. А.М. Горького, г. Москва, Россия

**Светлана Юрьевна Павлина**

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,  
г. Нижний Новгород, Россия

**Аннотация.** В статье на примере восприятия художественного фильма рассматривается межкультурная коммуникация, осуществляемая посредством поликодового текста. В центре внимания авторов находится ситуация, при которой адресант и адресат художественного сообщения принадлежат к разным нацио-

нальным и/или поколенческим группам, в результате чего межкультурная художественная коммуникация оказывается затрудненной. Совпадение или несовпадение кодов коммуникации обусловлено адекватностью дискурсивных компетенций получателя сообщения и его отправителя. Дискурсивная компетенция отражает умение адекватно интерпретировать увиденные на экране ситуации, зависящее от знания и понимания культурных, социальных и исторических особенностей того общества, к которому принадлежит автор и которое он показал в своем произведении. Игнорирование хотя бы одной из семантических систем, составляющих поликодовый текст, мешает реципиенту постичь смысл художественного высказывания полностью. Проведен сравнительный анализ особенностей восприятия фильма «Москва слезам не верит» американскими и российскими студентами, родившимися на рубеже XX–XXI веков. В ходе анализа установлены факторы, определяющие характер интерпретации художественного сообщения. В случае, когда культурные смыслы произведения противоречат установкам, представлениям, принятым в социуме, к которому принадлежит реципиент, возникает существенное препятствие при интерпретации авторского замысла, что приводит к нарушению художественной коммуникации. Сделан вывод о том, что национально обусловленные фильтры восприятия являются более серьезной помехой на пути адекватного авторскому замыслу декодирования произведения искусства, чем поколенческий разрыв между его автором и реципиентами.

**Ключевые слова:** межкультурная коммуникация, художественная коммуникация, код адресанта, код адресата, декодирование, поликодовый текст, художественный текст, восприятие.

**Цитирование.** Никольская Т. Е., Павлина С. Ю. Национально обусловленные аспекты восприятия поликодового текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 1. – С. 132–145. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.11>

## Введение

Межкультурная художественная коммуникация – это передача и восприятие произведения искусства, создатель и реципиент которого принадлежат к группам с несовпадающими культурными кодами. В рамках такой коммуникации особое место принадлежит ее, на наш взгляд, наиболее сложной разновидности – межнациональной коммуникации с вербальной составляющей, которая осуществляется посредством монокодовых (например, произведений художественной литературы) или поликодовых (например, оперы, песни, театральной постановки или кинофильма) текстов. Для того, чтобы художественная коммуникация состоялась, необходим как минимум перевод произведения искусства с одного языка на другой, интерпретация пара- и экстралингвистических кодов, а также культурно нагруженных кодов иного генезиса.

Межнациональная разновидность межкультурной художественной коммуникации, в частности, такой ее аспект, как восприятие инокультурного поликодового текста, является объектом исследования, представленного в настоящей статье. Предметом анализа выступают особенности понимания и интерпретации советских и российских художественных фильмов американской студенческой аудиторией. Материалом научного наблюде-

ния послужили устные дискуссии о фильмах, проводившиеся нами с 2007 по 2018 г. в ходе преподавания курса «Русская женщина: поиски идентификации в русских фильмах» в Колорадо Колледже (США) (Курс в каталоге колледжа: <https://www.coloradocollege.edu/academics/curriculum/catalog/detail.html?courseid=RS200>), и письменные работы студентов того же колледжа в форме свободных отзывов о просмотренных кинокартинах и эссе на заданные темы. Обычно в рамках курса студентам показывается около двадцати фильмов, о каждом из которых они пишут отзыв в своем так называемом «кинодневнике». Дать подробный анализ отзывов, полученных на все фильмы, в одной статье не представляется возможным, поэтому, хотя мы будем ссылаться на письменные работы по разным фильмам, основное внимание будет сосредоточено на откликах студентов на картину «Москва слезам не верит» (режиссер В. Меньшов, 1979 г.).

## Факторы, определяющие успешность художественной коммуникации

Художественная коммуникация, понимаемая как «процесс взаимодействия автора с реципиентом через посредствующее звено – художественное произведение» [Борев, 1997, с. 394], имеет знаковый характер и, следова-

тельно, может быть проанализирована в рамках семиотической теории. При таком подходе художественное произведение выступает как закодированное сообщение, автор – как отправитель сообщения (адресант), а читатель, зритель, слушатель – как получатель сообщения (адресат). Задача адресата состоит в декодировании произведения как сложного художественного целого. Для успешного решения этой задачи коды адресанта и адресата должны совпадать, однако, как пишет Умберто Эко, «сообщение может порождаться и восприниматься в различных социокультурных обстоятельствах (так что коды адресата могут отличаться от кодов отправителя), адресат может проявлять разного рода “встречные инициативы”, иметь свои собственные исходные предположения (*presupposizioni*, *presuppositions*), строить собственные объяснительные гипотезы (*abduzioni*, *abductions*) – и в силу всего этого сообщение (в той мере, в какой оно воспринимается адресатом и превращается в *содержание* некоего *выражения*) становится не более чем пустой формой, в которую могут быть вложены различные смыслы» [Эко, 2016, с. 16–17]. Следовательно, хотя получатель сообщения оказывается в зависимой позиции от отправителя, его роль для полноценного бытования произведения искусства не менее значима, чем роль автора.

Идеальный адресат, чей горизонт восприятия произведения совпадает с горизонтом авторского замысла, – это продукт взаимодействия многих составляющих: и целого комплекса его собственных знаний, представлений, психологических особенностей, и степени совпадения культурного, исторического, социального и личного опыта адресанта и адресата художественного сообщения, и того, насколько сам автор желает быть понятым (а также как именно он представляет свою целевую аудиторию), и характеристик декодируемого произведения.

В частности, фактором сближения кодов отправителя и получателя сообщения служит линейный текст. Нелинейные тексты, напротив, усложняют задачу адресата. Так называемые монокодовые нелинейные тексты («Монокодовый текст – это гомогенное линейное или нелинейное образование, включающее коды только одной семиотической системы,

прежде всего знаковой системы языка» [Большакова, 2008, с. 21]) предполагают большую самостоятельность адресата, умение считать аллюзии, реминисценции и способность к моментальному переключению с одной темы на другую. В качестве примеров нелинейных монокодовых текстов Л.С. Большакова приводит интертекст и некоторые виды гипертекста (энциклопедия, словарь, художественный текст с комментариями, но без иллюстраций). Еще более сложная задача стоит перед получателем сообщения в том случае, когда он воспринимает поликодовые тексты (они всегда нелинейны). Поликодовый текст – это гетерогенная семиотическая система, взаимодействие субкодов которой ведет к выражению смысла целого произведения. Примерами такого типа текстов служат «газетный текст, сопровождаемый фотоизображением» или видеоклип, который «является сложно организованным текстовым единством, в котором видеоряд, вербальный и мелодический компоненты могут находиться в различных отношениях друг с другом» [Большакова, 2008, с. 21].

Декодирование поликодового текста предполагает операции со всеми его семиотическими составляющими, а в случаях интерпретации особо сложных текстов, например, театральных постановок и в особенности художественных фильмов, декодирование, адекватное творческим интенциям автора, невозможно без глубокой дискурсивной компетенции реципиента. Так, фильм Андрея Звягинцева «Возвращение» может быть понят как «немудреная история про то, как пацаны-безотцовщина и вернувшийся невесть откуда папа не нашли общего языка, что и закончилось нелепой смертью отца» (цит. Бориса Тер-Степоянца по: [Митрофанова, 2004, с. 78]). В соответствии со шкалой В.В. Прозорова, разработанной для характеристики понимания художественных текстов, но вполне применимой и для анализа особенностей восприятия кинофильмов, это пример перцепции на базовом уровне – уровне внимания, когда в процессе просмотра фильма у зрителя возникает «временный или ситуативный интерес» [Прозоров, 1978, с. 12] к увиденному, который теряется после просмотра. На «уровне внимания» зрительская перцепция ограничена кинотекстом,

в то время как для выведения зрителя на более высокие уровни восприятия («уровень соучастия» и «уровень открытия», по В.В. Прозорову, когда адресат воспринимает художественное произведение через призму собственного жизненного опыта или же, на более высоком уровне, декодирует подтекст и проникает в суть замысла автора, в его идею, опираясь на культурно-исторические познания) необходимо обращение к кинодискурсу, «ведь кинодискурс воссоздает целые миры, новые реальности, где даже время подвластно замыслу режиссера, который при помощи специально организованных средств кодирует для зрителя микроподтексты (подтексты отдельных сцен) и макроподтекст кинодискурса в целом» [Зарецкая, 2008, с. 70]. В частности, обращение к кинодискурсу фильма «Возвращение» позволяет увидеть в нем не бытовую историю, в которой к тому же, с точки зрения реципиента, чье восприятие находится на «уровне внимания» или «уровне соучастия», много абсурдных сюжетных нестыковок, а своего рода медитацию на тему отношений Бога и людей, его детей. Именно обращение к визуальному ряду позволило выйти на «уровень открытия» обозревателю журнала «Фома» Алле Митрофановой, которая, анализируя многочисленные евангельские аллюзии в фильме, приходит к выводу, что «режиссер искал способ поговорить метафорически, и прежде всего – не о семейных проблемах, а о взаимоотношениях людей и Бога» [Митрофанова, 2004, с. 79]. Очевидно, что глубокое понимание обозревателем идеи, заложенной в фильме Андрея Звягинцева, или, иначе говоря, успешная художественная коммуникация, опирается на общность культурных фоновых знаний и идеологических установок режиссера и зрителя. Эта общность оказалась благоприятным фактором, позволившим А. Митрофановой воспринять и декодировать фильм во всей его полноте, а именно – как поликодовый текст.

Если же общность кодов у отправителя и получателя полностью или частично отсутствует, то художественная коммуникация затрудняется, что выражается, в частности, или в «непредвиденной интерпретации» [Эко, 2016, с. 24], то есть в искажении авторской идеи, или в отсутствии интерпретации значимого в смысловом отношении кода. И то и другое

приводит к разрыву связи между формой и содержанием, в результате чего происходит выхолащивание художественного произведения. Так, исследователи киноязыка Александра Сокурова обратили внимание на использованные в его картине «Одинокий голос человека» так называемого «черного кадра», который, по мнению М.Е. Тихоновой, можно было бы принять за перебивку, обозначающую определенный временной промежуток [Тихонова, 2011, с. 268]. Такая трактовка этого означающего была бы примером искажения авторской интенции. Только обращение в целом к особой системе кинематографических средств, с помощью которой Сокуров воссоздает собственное понимание бытия, позволяет понять истинный смысл сокуровского «черного кадра». М.Е. Тихонова отмечает пристальный интерес режиссера к метафизическому аспекту бытия, к тому, что «находится за границами видимой материальной действительности», и декодирует «черные кадры» как метафизическую границу между мирами, как указание на существование потусторонней реальности. Черные кадры позволяют «не только символически обозначить ее существование, но и дать ее осязаемо-чувственное воплощение» [Тихонова, 2011, с. 268].

Игнорирование хотя бы одной из семантических систем, составляющих поликодовый текст, мешает реципиенту постичь смысл художественного высказывания полностью. В частности, музыкальный ряд в художественном фильме несет не только эстетическую, но и в значительной степени семантическую нагрузку. В своей фундаментальной теоретической работе «Эстетика киномузыки» польский музыковед Зофья Лисса описала ряд функций звукового ряда в фильмах, среди которых особо выделила роль музыки как авторского эмоционального и/или идеологического комментария. При этом в некоторых фильмах, по наблюдениям музыковеда, семантика музыкального ряда противоречит семантике визуального ряда, и на стыке этих двух кодов рождается новый смысл (в качестве примеров приводятся финальные кадры советских фильмов «Мать», «Молодая гвардия» и «Жажда»). Кроме того, как считает З. Лисса, музыка может выполнять роль иронического или пародийного авторского комментария.

Такая музыка содержит послание, напрямую обращенное к зрителю. «Она помогает зрителю понимать показанные ситуации и судить о них соответственно замыслу авторов. В этой роли музыка функционирует уже не только как средство эстетического переживания, но и как средство идейного формирования сознания зрителя, как средство его воспитания. Выполняя эту функцию, музыка не только сопровождает кадры, но и глубоко проникает в сложные связи между фильмом и публикой» [Лисса, 1970, с. 188]. Если же зритель по какой-либо причине не имеет возможности декодировать музыкальный ряд, то и пафос фильма, и его подтекст с большой вероятностью останутся непонятыми.

Таким образом, уровень восприятия художественного сообщения зависит от того, насколько совпадают коды его отправителя и получателя. Совпадение или несовпадение кодов в свою очередь определяется адекватностью дискурсивных компетенций получателя сообщения и его отправителя. Дискурсивная компетенция предполагает и когнитивную составляющую – фреймовую и скриптовую «грамотность», то есть умение адекватно интерпретировать увиденные на экране ситуации и их компоненты, что в значительной степени зависит от знания и понимания культурных, социальных и исторических особенностей общества, к которому принадлежит автор и которое показанного в его произведении.

#### **Факторы, определяющие успешность межкультурной художественной коммуникации**

Декодирование представляет особую сложность тогда, когда художественная коммуникация носит межкультурный характер. Основания для отнесения коммуникантов к группам с неодинаковым культурным багажом различаются в зависимости от того, по какой оси проходит граница между ними. Так, адресант и адресат могут быть разделены временем и пространством, то есть принадлежать к разным поколениям и национально-этническим и языковым образованиям. В частности, затрудненность точной и достаточно глубокой интерпретации многих советских художественных фильмов для поколения родивших-

ся на рубеже XX и XXI столетий (так называемого «поколения Z») обусловлена не только и не столько возможными энциклопедическими лакунами, а, в первую очередь, иной, по сравнению с современной, системой идеологических и социальных ценностей, отраженных в этих фильмах.

Принадлежность адресанта и адресата художественного высказывания к разным национально-этническим и языковым образованиям с некоторой вероятностью приводит к полному непониманию или недостаточному пониманию как исторического контекста, отраженного в произведении искусства или оказавшего влияние на его создателей, так и ситуаций, мотиваций поступков героев.

Успешная межкультурная (межнациональная) коммуникация определяется набором факторов, связанных с тремя базовыми составляющими коммуникативного акта. Так, О.А. Леонтович считает, что «главным условием успешной МК (межкультурной коммуникации – *Т. Н., С. П.*) является целостность коммуникативной цепочки: от коммуникативной интенции адресанта через закодированное в вербальной или невербальной форме сообщение до содержания, понятого адресатом, и соответствующей обратной связи. При этом под пониманием имеется в виду не столько уяснение отдельных языковых единиц и синтаксических структур, сколько способность уловить суть сообщений – смысл, извлеченный из взаимосвязи пропозиций» [Леонтович, 2003, с. 363]. При этом целостность коммуникативной цепочки не теряет своей значимости и при обеспечении успешности межкультурной (межнациональной) художественной коммуникации, но содержание терминов «интенция адресанта», «закодированное сообщение», «понимание» будет несколько отличаться от наполнения тех же терминов, используемых для описания профессионального или бытового межличностного общения.

На интенции автора художественного произведения влияет тот факт, что он не находится в непосредственном контакте со своим потенциальным адресатом. Адресант не может менять свои коммуникативные стратегии исходя из особенностей реципиента, например, сделать собственное произведение более интересным или понятным, уточнить ка-

кие-либо моменты, так как реципиент художественного произведения, во-первых, удален от автора в пространстве и/или во времени, а во-вторых, носит коллективный характер. В связи с этим ведущей интенцией отправителя художественного сообщения является творческое самовыражение, эстетическое воплощение переживания, идеи, волнующего его вопроса. Если автор и ожидает от своего потенциального адресата какой-либо реакции, то это будет, скорее всего, реакция сопереживания, интеллектуального и эмоционального резонанса, но не ответного действия, кооперации, поступка или уточняющего вопроса, как могло бы быть в ситуации межличностного общения. Интенции адресанта отражаются в кодировании сообщения: план выражения художественного произведения намеренно сложен, что влечет за собой и усложнение процесса восприятия и понимания текста. Очевидно, что при прочих равных условиях успех межкультурной (межнациональной) художественной коммуникации зависит от большего числа факторов, чем успех межличностной межкультурной коммуникации, но в то же время, как ни парадоксально это звучит, адресат более свободен при интерпретации художественного сообщения, чем при интерпретации сообщения профессиональной, научной или бытовой тематики, так как отправитель нехудожественного текста с высокой степенью вероятности не прибегает к гиперкодированию, его высказывания однозначны и не предполагают вариантов декодирования, в то время как автор художественного произведения закладывает в текст несколько уровней интерпретации, создавая тем самым для своего потенциального адресата некоторую дельту понимания. Одним из звеньев «целостной коммуникативной цепочки», по словам О.А. Леонтович, служит «обратная связь» между коммуникантами, в ходе которой получатель сообщения может уточнить информацию, проверить правильность своего понимания. Такого рода обратная связь – скорее исключение, чем правило в межкультурной (межнациональной) коммуникации, поэтому в норме судить о том, насколько успешной была художественная коммуникация, не представляется возможным. Однако именно этот факт повышает роль всевозможных «затекстовых» комментариев,

способствующих росту дискурсивной компетенции получателя инокультурного художественного сообщения. Таким образом, можно считать, что условием успешной межкультурной художественной коммуникации является не возможность осуществления адресатом сообщения обратной связи, а наличие у него опыта эстетической интерпретации и лингво-дискурсивной компетенции.

Опыт эстетической интерпретации (причем совсем необязательно он должен быть национально специфическим) играет важную роль в тех случаях, когда художественная информация выражается на уровне подтекста, ассоциаций, с помощью невербальных кодов. Например, цветовая схема фильма, в которой чередуется черно-белое и цветное изображение с необходимостью несет художественную нагрузку, и, чтобы понять это, зрителю, как правило, не требуется специальных искусствоведческих познаний, достаточно представления о том, что перед ним – произведение искусства, где нет (или, по крайней мере, не должно быть) ничего случайного. Так, американские студенты без малейших затруднений декодируют цветовую схему фильма «...А зори здесь тихие» (режиссер Станислав Ростоцкий, 1972 г.), которая состоит даже не из двух, а из трех цветовых блоков: двух цветных и одного черно-белого. Цветные кадры представлены в двух решениях: реалистическом и условном. Реалистическое используется при показе современной зрителю действительности, а условное, напоминающее минималистическую цветовую стилистику советских агитационных плакатов, – при обращении к воспоминаниям героинь фильма. Черно-белые кадры относят зрителя к событиям военного времени. Приведем пример анализа чередования цветных и черно-белых фрагментов кинокартины, который показывает достаточно глубокое понимание американской студенткой художественной роли этого приема:

(1) The color portions of the movie represent two contrasting types of daydreams: the first are alternate realities, where everything is flawless, white and untouched by war and poverty. It's a glamorized interpretation of what their lives would be like if they weren't soldiers – but this colored daydream isn't realistic whatsoever. The women, as well as the Senior Sergeant, choose to idealize and embellish because

these fantasies serve as both fuel and distraction in an otherwise dark time. The other way color is used in «The Dawns are Quiet Here» is to represent flashbacks and memories. This cinematographic tool is brilliant and well-executed, because most films place memories and past recollection in black and white to show it's outdated and distant quality, whereas Vyacheslav Shumsky and Stanislav Rostotsky choose to put the present in black and white to show the bleakness of reality and the allure and vibrancy of a time before the war (Linnie Cole, 2018).

В то же время недостаточное внимание к визуальным аспектам киноповествования затрудняет понимание содержания фильма; отражение этого можно наблюдать в следующем отрывке из отзыва той же студентки, чей анализ чередования монохромных и полихромных кадров в фильме «...А зори здесь тихие» был весьма удачен. Фильм «Волчок» (режиссер Василий Сигарев, 2009 г.) снят в реалистической манере, но с выраженным доминированием ярко-синего цвета, на что и обратила внимание студентка. Подчеркнутая тема синего цвета создает у зрителя впечатление условности показанной истории, что неслучайно. Этот цвет в различных культурах символизирует божественное, духовное начало, и его использование в фильме преднамеренно: оно дает зрителю понять, что все показанное на экране – это воспоминания героини (Дочери), которые, как принято говорить, пронесли у нее перед глазами в последние секунды жизни. На это указывают соотнесенные друг с другом начальные и конечные эпизоды картины. Кроме того, неправдоподобно яркие краски на уровне подтекста передают идею создателей фильма, по всей видимости исповедующих христианство: Дочь оказалась в лучшем из миров, страшная реальность ее жизни осталась позади. На это указывает еще один момент в финале кинокартины, для интерпретации которого уже необходимы национально специфические знания. Единственная песня (если не считать той, что героиня поет своему «другу» – мальчику, похороненному на кладбище неподалеку от дома) – это традиционная русская колыбельная «Баю-баюшки-баю, / Не ложися на краю, / Придет серенький волчок / И ухватит за бочок». Колыбельная начинает звучать в момент гибели Дочери и исполняется мужским голосом. Сопос-

тавление музыкального и визуального ряда позволяет интерпретировать фильм в религиозном ключе: Дочь, не знавшая материнской любви в своей земной жизни, наконец-то обретает покой (синий цвет) и любовь Отца (мужской голос, поющий колыбельную) в жизни Небесной. Таким образом, доминирование синего цвета играет важную роль в выражении авторской позиции. Рассмотрение цвета как изолированного семантического средства, вне системы других кодов фильма, приводит к тому, что У. Эко называет «непредвиденной интерпретацией», и, хотя не мешает зрителю понять фильм в целом, все же препятствует перцепции на «уровне открытия»:

(2) «Woolfy» is shamelessly deceptive in giving us such vibrancy when the story line is so very bleak and cruel... The clothing of Daughter is consistently bright and characterized by blue – the color featured most in the film. We see blue in the structure of the cemetery, in the walls of households, in the inside of the ambulance, in the blue tank top of Mother, in the dresses and sweaters of Daughter. Blue is inescapable, but it is important to note that it is not a faded blue or a navy but a true, bright, obtrusive blue. Sigarev's use of color is ironic above all else, for these are the last two women in the world who should be dressed in cheery clothing. It alienates the viewer even more, for the color is dissociative and doesn't fit with everything else being communicated. Sigarev is creating discomfort in an incredibly unexpected way (Linnie Cole, 2018).

Очевидно, что интерпретации отдельных субкодов фильмов, подобные представленным выше, могли быть сделаны и русскими зрителями. В основном они строятся на общекультурной, не опирающейся на национальную специфику компетенции (пример углубления понимания роли цвета за счет привлечения музыкального ряда был приведен в качестве доказательства справедливости нашей интерпретации, с одной стороны, но с другой – если зритель-иностранец будет проинформирован о том, что за кадром исполняется колыбельная, то, вероятно, ему не потребуются подсказки для того, чтобы обратить внимание на нарушение традиционного для многих, если не всех, культур канона, когда колыбельную поет женщина, а не мужчина).

Неполное или неадекватное авторскому замыслу понимание фильма в целом или от-

дельных его фрагментов может быть спровоцировано недостаточной лингво-дискурсивной компетенцией студента-американца. При этом мы не имеем в виду знание русского языка, так как фильмы дублированы или снабжены субтитрами. Однако языковая составляющая остается доминирующим средством обрисовки характеров, ситуаций, сюжетного развития и требует основного внимания зрителя. Казалось бы, можно говорить о том, что зритель обладает достаточной лингвистической компетенцией, если он понимает сказанное и верно интерпретирует пара- и экстралингвистические средства, сопутствующие словам, звучащим с экрана. С одной стороны, это действительно так. С другой – в фильмах, как и в литературных произведениях, нередко остаются художественно значимые лексические единицы или высказывания, которые невозможно перевести на иностранный язык без потери смысла. Во-первых, это такие текстообразующие единицы, как личные имена людей, коннотативный потенциал которых в русском языке традиционно очень высок и активно используется в художественных произведениях, но без особого комментария вряд ли может быть «прочитан» иностранцем-реципиентом художественного сообщения. Во-вторых, это сами названия произведений, которые выполняют функции проспекции или ретроспекции и играют существенную роль в выражении идеи, заложенной в текст его создателем. В-третьих, это выбор фатических средств, отражающий об отношении между участниками коммуникации. Например, в фильме «Комбинат “Надежда”» (режиссер Наталья Мещанинова, 2014 г.) значимыми для понимания авторского замысла на уровне подтекста являются имена двух главных героинь – Света и Надя, а в фильме «Маленькая Вера» омонимия имени главной героини и апеллятива служит для создателей киноленты средством выражения оценки. Требуют лингвистического комментария в иноязычной аудитории такие названия, как «Третья Мещанская», «Интердевочка», «Волчок», «Москва слезам не верит». Выбор средств адресованности (в частности, чередование обращения на «вы» и «ты») играет важную роль в понимании образа Гали в фильме «Глянец» (режиссер Андрей Кончаловский, 2007 г.), поэто-

му тоже не должен остаться без внимания в ходе просмотра фильма.

Сложнее бывает предусмотреть возможность непредвиденной интерпретации в тех случаях, когда она вызвана несовпадением культурных кодов создателей художественного фильма и зрителей-иностранцев. Например, мы рискуем предположить, что для любого российского зрителя картина «...А зори здесь тихие» – это прежде всего фильм о героизме советских женщин в годы Великой Отечественной войны. Вряд ли зрители-россияне стали бы искать в нем проявления мужского шовинизма или свидетельства непрофессионализма Красной армии в целом и конкретных ее представителей, показанных в кинокартине, в частности. Между тем американские студенты как носители иной, по сравнению с российской и тем более советской, идеологии, отдавая дань смелости и патриотизму героинь фильма и, более того, нередко называя эту картину в числе самых любимых из всех просмотренных в рамках курса, обращают внимание на сексистский взгляд на роль женщины в войне, нашедший свое отражение в фильме:

(3) The first and most astonishing form of sexism in the depiction of the female soldiers is their lack of military professionalism. The women of the regiment often refer to the Sargent in mocking terms not only behind his back, as some backtalk and gossip is natural even among men in the military, but not directly to the officer. A group of soldiers being so openly disrespectful to their commanding officer wouldn't have happened in real life nor would it have been depicted that way if this detachment of soldiers were men... The scenes of colored imagery in the film were beautifully done, but they also existed as a source of rampant sexism in this film. The colored scenes were shot to take the audience into the minds of our leading characters. The subject matter of these introspective moments however, has only one topic, men. Though these women are at war and surrounded by many of comrades their only and constant thoughts are for their men, dead or otherwise gone. This particular sexism is so horrific in that it seems to tell the audience that no women went to war to fight for their country, but rather for their men (Johnathon Williams, 2018).

Очевидно, что ни Борис Васильев, автор повести, положенной в основу фильма, ни режиссер Станислав Ростоцкий не имели намерения показать непрофессионализм женщин-зе-

нитчиц и сделать его центральной темой. Однако, следуя своей идее, согласно которой война – жесточайшее из зол, если молодым женщинам, предназначение которых состоит в том, чтобы давать жизнь, приходится гибнуть под вражескими пулями, Ростоцкий все же показал в киноленте, что женщины не перестают заботиться о своей внешности даже в боевых условиях, что они не приспособлены для ведения боевых действий и подвержены романтическим порывам. Для российского зрителя эти детали – сентиментальные ноты, позволяющие увидеть в героинях фильма живых людей, а для молодого американского зрителя, воспитанного в духе феминизма и гендерного равноправия, – знаки мужского шовинизма.

Все вышесказанное позволяет считать, что постижение авторского замысла в значительной степени зависит от расшифровки культурных кодов фильма как поликодового художественного текста. В том случае, когда культурные смыслы произведения противоречат установкам, представлениям, принятым в социуме, к которому принадлежит реципиент, возникает существенное препятствие при интерпретации авторского замысла, что приводит к нарушению художественной коммуникации.

**Опыт сравнительного анализа особенностей восприятия художественного фильма «Москва слезам не верит» американскими и российскими зрителями поколения рубежа XX–XXI веков**

Для того, чтобы оценить особенности межкультурной коммуникации, осуществляемой при помощи поликодового текста, обратимся к художественному фильму «Москва слезам не верит». Это одна из самых любимых зрителем кинолент советского времени, лидер годового проката, который и сейчас вызывает интерес, особенно у старшего поколения, помнящего времена, показанные в фильме. Кроме того, картина «Москва слезам не верит» была удостоена премии Американской академии кинематографических искусств и наук и потому сравнительно хорошо извест-

на на западе. Причиной получения фильмом В. Меньшова «Оскара» нередко называют его идеологическую близость представлениям американцев об успешной карьере, реализации «американской мечты», в связи с чем нам показалось особенно интересным детально рассмотреть, как молодые американцы воспринимают и понимают этот фильм. В качестве контрольного материала, который позволил бы обнаружить особенности восприятия, обусловленные принадлежностью студентов именно к американской социокультурной среде, а не к возрастной группе, использовались отзывы на фильмы студентов 5 курса отделения английского языка переводческого факультета НГЛУ им. Добролюбова. В выборку вошли 20 эссе американских студентов 2007–2017 гг.) и 20 эссе, написанных на английском языке российскими студентами (2017 г.)

Как и предполагалось, мнения, содержащиеся в каждом из блоков эссе, демонстрируют определенную степень вариативности, поскольку фильм как поликодовый художественный текст подразумевает многообразие интерпретаций. В то же время анализ главных персонажей в рамках каждого из блоков обнаруживает сходство аксиологического характера, когда данные студентами морально-этические оценки поступков героев примерно совпадают.

Обращает на себя внимание практически единодушное негативное отношение американской аудитории к Гоше, главному мужскому персонажу фильма, который воспринимается студентами как воплощение мужского шовинизма. Абсолютное неприятие вызывают взгляды Гоши на роль мужчины в семье, которые характеризуются студентами как сексистские:

(4) The fact that Katia herself still thinks he is perfect, even with his **sexist mindset**, means that Katia herself accepts a lower subordinate role for herself in the name of love (Javier Corona, 2016).

Сексизм героя проявляется, по мнению американских студентов, в стремлении контролировать ситуацию, доминировать над женщиной:

(5) Gosha continues to emphasize his masculinity and his status as a man **to gain dominance** over Katia (Ingrid Sundstrom, 2014).

Американская аудитория видит в Гоше типичного мужчину с традиционными, патриархальными, взглядами, пренебрежительно относящегося к мнению женщин, которые не рассматриваются как равноправные партнеры в браке, а значит, не заслуживают того, чтобы с ними советовались:

(6) Men, just like Gosha, believed that they had to be making more money than the women and just automatically **make the decisions without consulting their women**, refusing to address them as equal partners in a marriage (Yuliya Muratov, 2010).

Описывая действия героя, студенты подчеркивают свое неприятие идеи мужского доминирования, власти над женщиной, что воплощается в анализируемых эссе при помощи таких языковых единиц как *to rule, to be in control, to command, to threaten, to be in charge*, приобретающих негативную контекстуальную оценочность. Студентов возмущает мужское высокомерие, грубость, бесцеремонность, которые они видят в Гоше:

(7) In his opinion the man should **be in charge**, earn more money and have a hire position than the wife, and generally is a bit of a **misogynist** (Frank Wiczorek, 2007).

Само появление героя в жизни Кати характеризуется американскими студентами как «bulling», своего рода насилие (*to bull – to act on with violence*):

(8) He **bullied** himself into the lives of Katya and Alexandra and left just as quickly as he had came (Frank Wiczorek, 2007).

Гоша воспринимается как захватчик, применяющий силу, и в ряде других работ, где утверждается, что решение героя жениться на Катерине и переехать к ней является своего рода «захватом», покушением на ее частную жизнь, лишением права самостоятельно принимать решение:

(9) She allows him to walk into her life and within a few hours, she has Gosha **taking over** her life and her decisions, saying things like they will marry and he will move in with them (Yuliya Muratov, 2010).

С точки зрения американских студентов, мужской шовинизм является настолько неприемлемым, что негативная оценка проециру-

ется и на другие личностные характеристики персонажа. Едва ли можно отнести к недостаткам умение искусно выполнять сложную работу, однако Гоша – мастер на все руки – получает ироничную оценку в эссе и в этом аспекте:

(10) The fact that she has to hide the truth from Gosha a **proletariat medal worker** demonstrates the women's issue (Charlie Noel, 2010).

Иные характеристики обнаруживаются в работах российских студентов. Гоша воспринимается как положительный персонаж, поскольку его появление в жизни главной героини расставляет все по своим местам, делает ее жизнь более гармоничной:

(11) She eventually finds these in Gosha (played by another great Soviet actor Aleksei Batalov), the simple work man who puts everything in her life in order (Ксения Зуева).

То, что характеризуется американской аудиторией как проявление агрессии, воспринимается российскими молодыми зрителями как действия «настоящего мужчины», который берет ответственность за свои поступки, чем, собственно, и привлекает главную героиню фильма. При этом в качестве несомненных достоинств выделяются доброта, ум, обаяние, надежность и «золотые руки» персонажа:

(12) He is kind, charming and intelligent, a reliable friend with «golden hands» (Светлана Пшеничная).

К сильным сторонам личности Гоши относят также его трудолюбие, любовь к профессии и принципиальность:

(13) We can see **all his strong points** that make him attractive to Catherine. He is a hardworking man in love with his occupation. We see that he is a man of principle when he stands up for Alexandra's boyfriend (Вероника Владимирова).

Очевидно, что эволюция взглядов на роль мужчины и женщины в семье, произошедшая с момента создания фильма, не могла не найти своего отражения в восприятии мужского персонажа фильма российскими студентами. Стремление Гоши играть доминирующую роль в ряде эссе подвергается критике, однако подобная оценка не является резко нега-

тивной. То, что характеризуется американцами как агрессия и насилие, описывается российскими студентами как решительность:

(14) Still he uses tough methods so typical of men. He is a simple man who thinks that a husband always **takes decisive steps** and the mere thought of being inferior to his wife makes him feel **uneasy** (Вероника Владимировна).

Критические высказывания носят некатегоричный характер, в значительной степени и за счет использования различных языковых средств митигации:

(15) For Gosha it is essential that he should have the role of the family provider; **he is more than reluctant to have his wife order him around**, as he noted without going into detail, he had already been in that sort of a relationship and it had not work out (Светлана Пшеничная).

Различия между взглядами российской и американской аудиторий становятся очевидными при анализе причин ухода Гоши, после того, как он случайно узнал о более высоком социальном положении Катерины. По мнению американских студентов, причиной служат его гордыня (*immensepride*) и высокомерие (*arrogance*). Более тонкий анализ проводится в одном из российских эссе, где в качестве мотива ухода рассматривается боль, которую испытывает герой, узнав об обмане Катерины, ее стремлении скрыть правду о своей должности, а не сам факт ее более высокого социального положения:

(16) His shock at the revelation about Katya's job is **understandable**; he certainly felt **betrayed** at the time, but to my mind it was the **deception** that stung the most and not the discrepancy in their salaries or statuses. If it was the other way around, Gosha would have never returned, no matter how hard Katya's friends tried to convince or persuade him (Светлана Пшеничная).

Существенные расхождения в оценке обнаруживаются и в характеристиках главной героини фильма, предлагаемых американскими и российскими студентами. Обращает на себя внимание единодушие американской аудитории в оценке стремления Катерины самостоятельно строить свою жизнь, рассчитывать только на свои силы, быть независимой,

женщиной-лидером, при этом к несомненным достоинствам реципиенты относят «стальной характер»:

(17) She is portrayed as this **woman of steel** every other place in the film, but when she is with Gosha, she is completely submissive (Yulia Muratov, 2010), порицается ее конформизм, возврат к традиционной патриархальной модели отношений в семье, что трактуется как отход от идей эмансипации. Абсолютное неприятие вызывает последняя сцена фильма, символизирующая воссоединение героев, в которой американская аудитория видит готовность героини пожертвовать независимостью ради стабильности. Именно стремление к стабильности, а не любовь рассматривается большинством американских студентов в качестве мотивационной основы ее отношений с Гошей:

(18) Nothing about their relationship **even implied love**, either; their interactions were friendly but formulaic, **lacking the passion** we have witnessed in other films. While Gosha offered stability, which could certainly **improve her quality of life**, this could come at the cost of her independence (Arina Abbot, 2014).

Рациональный, или прагматический, подход обнаруживается в утверждениях о том, что героиню привлекала стабильность отношений с Гошей, стабильность, позволяющая улучшить качество ее жизни. В приведенной цитате подчеркивается холодный, формальный характер отношений героев, при этом реципиент отрицает даже намек на любовь. В то же время важность эмоциональной составляющей подчеркивается в эссе российских студентов, что, несомненно, более точно отражает позицию автора фильма:

(19) It accentuates how our true nature and feelings are important when compared to our standing in a society (Светлана Пшеничная).

Интерпретация мотивов главных героев, их базовых характеристик, идейного содержания произведения основывается на культурном опыте адресатов поликодового художественного текста. Культурные смыслы, свойственные современному американскому социуму, служат фильтром при восприятии культурных кодов, заложенных в произведении, что часто приводит к искаженной интерпретации

авторского замысла. Едва ли В. Меньшов предвидел, что Гоша будет рассматриваться как женоненавистник, вызывающий чувство презрения:

(20) I **despise** Gosha's character. He is arrogant, opinionated and completely rude (Yuliya Muratov, 2010).

В замысел автора не входило и то, что зритель будет с сожалением, а не с сопереживанием воспринимать сцену плачущей в минуту слабости героини, называющей Гошу идеальным мужчиной, поскольку такой человек, по мнению адресата, ей абсолютно не нужен, а эмоциональный порыв героини вызывает только разочарование:

(21) She is too strong willed and mindful of where she wants to be in life to have such a man come into play; it genuinely irked and saddened me when she was crying over Gosha because to me she simply didn't need such a fellow and the fact that she wanted one **brought my esteem for her down a level or two**. I wanted better for her (Frank Wiczorek, 2007).

Анализ проблематики фильма, проведенный американскими студентами, содержит прямые указания на то, что мотивы героев воспринимаются как не вполне логичные, вызывающие скептицизм:

(22) While it is unclear how Gosha and Katia resolve their differences, the viewer should be **skeptical** that he instantly changes his ways to be with Katia, considering his demeanor and immense pride (Arina Abbot, 2014).

Возникает явное противоречие между картиной мира американцев, их представлениями о модели поведения независимой, эмансипированной женщины и действиями героини в финальной сцене фильма:

(23) The part that **bothers** me the most is the end when he comes and they look at each other and everything is now fine and dandy and he says he is hungry and if there is any dinner (Yuliya Muratov, 2010).

Прагматичный подход, подразумевающий главенство материального над духовным, обнаруживается и в ситуации, когда зритель не может поверить в то, что героиня, приложившая столько усилий для достижения материально-

го благополучия и высокого социального положения, выпускает в свою жизнь Гошу и позволяет ему забрать все, что она создала:

(24) And it is that fact, that Katya would allow Gosha to take over everything she has created herself that **I just don't understand** (Frank Wiczorek, 2007).

В целом ряде работ содержится указания на то, что режиссер, изображая героиню сильной, независимой женщиной, которая готова принять подчиненную роль во имя любви, посылает аудитории смешанные сигналы (mixed messages); это затрудняет понимание и даже приводит в замешательство:

(25) This causes a rather **disturbing** point to arise. Gosha is seen as the perfect man by Katia and all her friends. This is **troublesome** because Gosha has a very patriarchal mindset. The fact that Katia herself still thinks he is perfect, even with his sexist mindset, means that Katia herself accepts a lower subordinate role for herself in the name of love. This is **incredibly weird** as Katia exerts her agency throughout the second part of the film (Javier Corona, 2016).

В подавляющем же большинстве работ российских студентов содержатся утверждения о том, что фильм, созданный несколько десятилетий назад, является реалистичным и сохраняет свою актуальность, поскольку в нем идет речь о непреходящих ценностях, созвучных каждому из зрителей:

(26) All in all, this film is about life, a real one. It describes all its aspects such feelings as joy, happiness, disappointment. One cannot forget the jokes which are still cited and well-known to anyone not to mention the brilliant play of the actors. Many important issues are raised and the viewers cannot but compare them with their own lives. That is why it is undoubtedly relevant today and will always be so. It appeals to all people regardless of age and position as there are many such characters as these three girls (Дина Билялова, 2017).

Таким образом, можно заключить, что молодые российские зрители, несмотря на поколенческие и социокультурные различия, существующие между ними и создателями фильма, постигают замысел кинокартины на уровне сопереживания, соучастия, успешно декодируя заложенные в нем смыслы. Как представляется, у американских зрителей ког-

нитивный диссонанс при восприятии фильма возникает в силу того, что культурные коды, заложенные в художественном поликодовом тексте, и коды культуры, к которой принадлежит адресат, находятся в контрадикторных отношениях.

### Выводы

Принадлежность зрителей и создателей художественного фильма к различным лингво-национально-культурным средам позволяет квалифицировать просмотр кинокартины как межкультурную художественную коммуникацию. Успешность декодирования инокультурного высказывания определяется взаимосвязанными факторами: совпадением культурно-эстетических кодов и адекватностью дискурсивной компетенции адресанта и адресата. Культурно и социально обусловленные установки реципиента могут препятствовать адекватной интерпретации авторской интенции, в результате чего происходит коммуникативный сбой. На эмоциональном уровне, на уровне сопереживания ожидаемый автором эффект не достигается в силу того, что фильтр культурных смыслов адресата не пропускает коды иной культуры, которые содержатся в произведении.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Большакова Л. С., 2008. О содержании понятия «поликодовый текст» // Вестник Самарского университета. История. Педагогика. Филология. № 4 (63). С. 19–24.
- Борев Ю. Б., 1997. Эстетика. В 2 т. Т. 1. 5-е изд., доп. Смоленск : Русич. 576 с.
- Зарецкая А. Н., 2008. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. № 16 (117), вып. 21. С. 70–74.
- Леонтович О. А., 2003. Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию. Волгоград : Перемена. 399 с.
- Лисса З., 1970. Эстетика киномузыки. М. : Музыка. 445 с.
- Митрофанова А. С., 2004. Вечное возвращение // Фома. № 5 (22). С. 78–81.
- Прозоров В. В. 1978. Художественный текст и читательское восприятие (К теории вопроса) // Филологические науки. № 1. С. 11–17.
- Тихонова М. Е., 2011. Особенности мировоззрения и художественная картина мира в кинематографе А. Сокурова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. № 3 (17). С. 266–270.
- Эко У., 2016. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / пер. С. Серебряного. М. : АСТ : CORPUS. 640 с.
- Bolshakova L.S., 2008. On “Polycode Texts”. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya. Pedagogika. Filologiya* [Vestnik of Samara University. History. Pedagogics. Philology], no. 4 (63), pp. 19-24.
- Borev Yu.D., 1997. *Estetika* [Aesthetics]. In 2 vols. Vol. 1. 5<sup>th</sup> ed., revised. Smolensk. 576 p.
- Zaretskaya A.N., 2008. Subtext Actualization Peculiarities in Film Discourse. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], no. 16 (117), iss. 21, pp. 70-74.
- Leontovich O.A., 2003. *Rossiya i SSHA: Vvedenie v mezhkulturnuyu kommunikatsiyu* [Russia and the U.S.A.: Introduction to Intercultural Communication]. Volgograd, Peremena Publ. 399 p.
- Lissa Z., 1970. *Estetika kinomuzyki* [Aesthetics of Cinema Music]. Moscow, Muzyka Publ. 445 p.
- Mitrofanova A.S., 2004. Eternal Return. *Foma*, no. 5 (22), pp. 78-81.
- Prozorov V.V., 1978. Literary Text and Readers' Perception. *Filologicheskie nauki*, no. 1, pp. 11-17.
- Tikhonova M.E., 2011. The World View Features and the Art Picture in the Cinematography of A. Sokurov. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vector Nauki of Togliatti State University], no. 3 (17), pp. 266-270.
- Eco U., 2016. *Rol chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta* [The Theory of Signs and the Role of the Reader]. Moscow, АСТ; CORPUS Publ. 640 p.

### REFERENCES

### Information about the Authors

**Tatiana E. Nikolskaya**, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of the Russian Language and Stylistics, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Tverskoy Bulvar, 25, 123104 Moscow, Russia, t.e.nikolskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9571-5417>

**Svetlana Yu. Pavlina**, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of the English Language and Translation Theory and Practice, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov, Minina St., 31-A, 603155 Nizhny Novgorod, Russia, Pavlina.Svetlana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8304-795X>

### Информация об авторах

**Татьяна Евгеньевна Никольская**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики, Литературный институт им. А.М. Горького, Тверской бульвар, 25, 123104 г. Москва, Россия, t.e.nikolskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9571-5417>

**Светлана Юрьевна Павлина**, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, ул. Минина, 31-А, 603155 г. Нижний Новгород, Россия, Pavlina.Svetlana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8304-795X>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.12>

UDC 811.111'42  
LBC 81.432.1-51

Submitted: 21.12.2018  
Accepted: 01.03.2019

## PRAGMATICS OF COMMUNICATIVE TONALITY IN THE STYLISTICS OF ENGLISH EDUCATIVE CONVERSE

**Elena Yu. Ilyinova**

Volgograd State University, Volgograd, Russia

**Tamara N. Tsinkerman**

Volgograd State University, Volgograd, Russia

**Abstract.** The article is devoted to the study of communicative tonality that is considered a dynamic linguistic-and-pragmatic characteristic of the communication style, which is actualized by the choice of language means and speech techniques, correlated with the strata-tactical and genre-stylistic features of a particular kind of discourse. The corpus of educative parent-child dialogue examples allowed to identify the main goal of this discourse type, that is the child's socialization in the course of communication based on adult status dominance, to determine four styles of educative communication that differ in patterns of functional and syntactic speech models and in language means which are a part of the communicative competence of English-speaking culture. The linguistic-and-pragmatic analysis of adults' speech utterances revealed the specificity of stratagem-tactical intentions in choosing each style of educative communication, made it possible to designate the character of illocution, aimed at explicating the intent to socialize a child through explaining, persuading, reasoning, suggesting, compelling and criticizing behavior. The analysis of pragmatic markers of the communication tonality revealed its hybrid and modulated character, that is shown in a meaningful choice of functional-syntactic models of speech, in direct or indirect forms of empathy types - from democratic, consolidating to moralizing and adversarial. According to the study, the tonality of educative communication varies from strong and soft shades of benevolent, trustful, playful, serious, and indulgent to instructive, mentor, contemptuous, ironically mocking tones, which can be expressed in different combinations of lexical, stylistic and functional-pragmatic means of English.

**Key words:** discourse, educative discourse, linguistic-and-pragmatic analysis, communicative tonality, educative communicative style, intention, converse tactics, converse strategy.

**Citation.** Ilyinova E. Yu., Tsinkerman T.N. Pragmatics of Communicative Tonality in the Stylistics of English Educative Converse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 1, pp. 146-158. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.12>

УДК 811.111'42  
ББК 81.432.1-51

Дата поступления статьи: 21.12.2018  
Дата принятия статьи: 01.03.2019

## ПРАГМАТИКА КОММУНИКАТИВНОЙ ТОНАЛЬНОСТИ В СТИЛИСТИКЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ВОСПИТЫВАЮЩЕГО ДИАЛОГА

**Елена Юрьевна Ильинова**

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

**Тамара Николаевна Цинкерман**

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

**Аннотация.** Статья посвящена изучению категории коммуникативной тональности, которая рассматривается как динамичная лингвопрагматическая характеристика стиля общения, реализуемая выбором языковых средств, речевых приемов, соотносящихся со стратегическими и жанрово-стилистическими особенностями.

ностями отдельной разновидности дискурса. На корпусе англоязычных примеров воспитывающего диалога родителя с ребенком выделена основная задача и охарактеризована прагматика данной разновидности дискурса – социализация ребенка в ходе общения, основанного на статусном доминировании взрослого; установлены четыре стиля воспитывающего общения, различающиеся набором функционально-синтаксических моделей речи и языковых средств, входящих в общий фонд коммуникативной компетенции носителей англоязычной культуры. Лингвопрагматический анализ речевых высказываний взрослых позволил уточнить специфику реализации стратагемно-тактических интенций при выборе каждого стиля и тональности воспитывающего общения, отметить особенности иллокуции, нацеленной на социализацию ребенка с помощью объяснения, убеждения, уговора, внушения, принуждения, критики поведения ребенка. Выявленные коммуникативно-прагматические маркеры тональности указывают на гибридный характер использования стилей воспитывающего общения, который описан как механизм лингвопрагматической модуляции, отраженный в осмысленном выборе функционально-синтаксических моделей речи, что позволяет в открытой или непрямой форме оказывать разные по степени эмпатии виды воздействия на ребенка – от демократического, консолидирующего до морализаторского и агонального. По данным исследования, тональность воспитывающего общения варьируется от сильных и мягких оттенков доброжелательного, доверительного, шуточного до серьезного, снисходительного, поучающего, менторского, презрительного, иронично-насмешливого тона, что получает выражение в разных сочетаниях лексико-стилистических и функционально-прагматических средств английского языка.

**Ключевые слова:** дискурс, воспитательный дискурс, лингвопрагматический анализ, коммуникативная тональность, стиль воспитывающего общения, интенция, речевая тактика, речевая стратегия.

**Цитирование.** Ильинова Е. Ю., Цинкерман Т. Н. Прагматика коммуникативной тональности в стилистике англоязычного воспитывающего диалога // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 1. – С. 146–158. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.12>

## Введение

Термин *тональность* представляется значимым для описания особенностей речевой практики человека, однако его использование в рамках теории дискурса требует научного обоснования.

В работах, посвященных изучению устной речи, тональность считают значимой характеристикой, отражающей такие тональные составляющие, как интонация, паузы, диапазон голоса [Алексеева, 2013, с. 124]. Длительное время феномен тональности ассоциировался в лингвистике в первую очередь с представлением о содержательной организации литературного текста. Так, по мнению Т.В. Матвеевой, тональностью (текстовой экспрессивностью) следует называть текстовую категорию, в которой находит выражение «эмоционально-волевая установка автора текста при достижении конкретной коммуникативной цели» [Матвеева, 2003, с. 549]. Она входит в состав категории субъектности речевого произведения, поскольку отражает личностную (психологическую) позицию автора по отношению к излагаемому [Матвеева, 2003, с. 549].

В связи с активизацией исследований в области теории дискурса проявляется интерес к функциональному аспекту категории то-

нальности как субъектно-личностной позиции человека в практике речевого общения. На особую роль экспрессивности в разных формах речевого общения указывал М.М. Бахтин. В работе «Проблема речевых жанров» ученый отмечал, что «в разных сферах речевого общения экспрессивный момент имеет разное значение и разную степень силы, но есть он повсюду: абсолютно нейтральное высказывание невозможно» [Бахтин, 1997, с. 188]. Под экспрессивным моментом известный теоретик литературы, очевидно, понимал «оценивающее отношение говорящего к предмету речи» [Бахтин, 1997, с. 188]; оно возникает лишь тогда, когда происходит «контакт языка с действительностью» [Бахтин, 1997, с. 191]. Представляется, что М.М. Бахтин дал этому явлению логичное объяснение – экспрессия чужда слову, она возникает лишь в процессе живого общения и составляет тот конструктивный элемент, который делает текст индивидуальным, определяет его стиль и композицию. В исследованиях отечественных авторов экспрессивность высказывания мыслится как фактор психологического самораскрытия, обладающего в устной речи эффектом усиления воздействия на адресата [Матвеева, 2003, с. 549], то есть с помощью разных вербальных средств передаются модаль-

ности волеизъявления, эмоциональной оценки, интенсивности и прочие оттенки прагматики общения. В публикациях зарубежных авторов также подчеркивается коммуникативно-прагматическая функция тональности речи, позволяющая влиять на отношения между коммуникантами: «Tonality is all about how you sound when you speak <...> When you are talking with an audience, you are going to want to use a voice that both commands attention and conveys authority...» [The Accidental Communicator]. В зависимости от типа или формы речевого воздействия отдельные авторы выделяют некоторые разновидности тональности, напр., мажорную, отражающую общий оптимистический настрой, положительные эмоции и оценки; минорную, передающую пессимистический настрой, отрицательные эмоциональные оценки; нейтральную, с эмоциональной оценочностью равной нулю, что приближает общение к объективному, затемняющему личностную позицию говорящего [Матвеева, 2003, с. 549]. Известны и иные критерии типологизации тональности, основанные на оценке эмоционально-стилевого формата общения, в рамках которого проявляются маркеры градуальности субъективности в отдельном типе коммуникации. Так, В.И. Карасик предложил выделять перформативные разновидности серьезного и несерьезного типа общения [Карасик, 2013, с. 149], отражающие статусные и индивидуальные характеристики дискурсивной личности [Карасик, 2013, с. 150].

Приведенные сведения указывают на возможность использования термина *тональность* для описания коммуникативной компетенции, варьировать приемы выражения смысла и мнения в устном общении с помощью выбора стиля общения как намеренного набора номинативных приемов, синтаксических моделей построения высказывания, указывающих на субъектно доминирующую позицию человека, участвующего в коммуникации. В работах отечественных специалистов по функциональной стилистике неоднократно указывалось на энтропию текста, тональное содержание функционального стиля [Гальперин, 2005], в теории дискурса – на наличие текстовой константы, объединяющей разные эмотивные и волюнтаривные характеристики речи, позволяющие определить по тональнос-

ти стиль общения или состояние отношений между коммуникантами [Эффективное речевое общение, 2012, с. 719–721]. Как коммуникативная категория тональность соотносится с выражением позиции субъекта в высказывании или целом тексте (напр., «эмоциональная окраска речи» [Грановская, 2007, с. 28], «вид субъективной модальности как средство выражения оценочности» [Тупикова, 2011, с. 68]). Таким образом, представляется значимым уточнение содержания термина *тональность* по отношению к коммуникативным стратегиям и тактикам дискурса и единицам языка, реализующим функции оформления речи в определенном стилевом регистре.

В данной статье *коммуникативную тональность* предлагается рассматривать как категорию дискурса, объединяющую фоностилистические и прагмалингвистические характеристики речевой практики, погруженной в те или иные социальные условия общения. Важным для нашего исследования считаем такое определение функции тональности: с помощью намеренного выбора коммуникативных действий регулировать межличностные отношения в ходе общения, оформляя речь в том или ином стилевом регистре, отражая таким образом субъективно-оценочное отношение к ситуации. Предлагаемое понимание категории *коммуникативная тональность* согласуется с современным представлением о формате общения и приемах его воплощения в речи. В работах В.И. Карасика под коммуникативной тональностью предлагается понимать «эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» [Карасик, 2007, с. 384]. Развивая идею о прагматической значимости категории коммуникативной тональности, ученый приходит к выводу о ее дискурсивно-вариативной природе. Эмоционально-стилевое разнообразие речевого поведения представляется отражением способности дискурсивной личности выбирать личностно маркированные приемы общения, позволяющие указывать на такие признаки общения, как градация дистанцирования и границ приватности человека, настроенность на особые приемы выражения мыслей, обусловленные личностными интенциями [Карасик, 2013, с. 159–160].

Принимая приведенные характеристики коммуникативной тональности как специфической категории дискурса, точно указывающей на функцию рассматриваемого дискурсивного феномена – быть средством управления тактическими конвенциями в общении, подчеркнем, что коммуникативная тональность, кроме дискурсивной универсальности, отличается этнокультурной обусловленностью и вариативностью приемов реализации в разных коммуникативных условиях (подробно об этом см.: [Карасик, 2008]). «Конвенция заданности или закодированности информации со стороны отправителя» определяет то, что тональность в зависимости от коммуникативной цели и личностных мотивов говорящего, а также под влиянием изменившихся условий коммуникативной ситуации может преобразовываться и в лично-ориентированном (бытовом и бытийном), и в статусно-ориентированном дискурсах [Карасик, 2008, с. 20]. Таким образом, категория коммуникативной тональности является важной характеристикой любого стиля общения, поскольку отвечает не только за выражение отношения говорящего к обсуждаемой теме или партнеру по коммуникации, но и за управление ходом общения, поскольку проектирует его эмоционально-оценочный фон. Тональность как модусная категория, сопровождая манеру общения, стиль речи в каждой отдельной ситуации, позволяет адресанту передать свои намерения, а адресату распознать эти намерения и выбрать соответствующий личной субъективной позиции стиль продолжения общения.

Приведенные мнения лингвистов позволяют выдвинуть предположение, что терминологическое сочетание *коммуникативная тональность* точно указывает на важную коммуникативную функцию языка – при реализации в тексте / дискурсе быть средством воплощения тактических конвенций общения, допускающих дискурсивную вариативность, зависящую от социальных и этнокультурных условий и личностных целей общения. Для раскрытия содержания данной категории дискурса и уточнения приемов ее реализации в речевой практике в статье обосновывается концепция модуляционного характера коммуникативной тональности, отражае-

мого в вариативности коммуникативных тактик и лингвистических приемов реализации личностных интенций на основе лингвопрагматической интерпретации англоязычных высказываний в типовых ситуациях воспитывающего дискурса.

### Принципы и методика изучения коммуникативной тональности в стилистике воспитывающего общения

Изучение языковых и текстовых проявлений коммуникативной тональности следует начать с уточнения представлений о коммуникативном стиле в теории дискурса и методиках извлечения прагматических интенций говорящего с помощью анализа языковых средств.

Коммуникативный стиль рассматривают в теории дискурса как многоплановый конструкт, отражающий своим составом сложность и неоднозначность условий реального общения [Карасик, 2008; 2013; Куликова, 2011; Тупикова, 2011; Hunter, 1994 и др.]. Отдельные исследователи предлагают при изучении коммуникативного стиля учитывать тип культуры и индивидуальную привлекательность коммуниканта с позиций его поведения по отношению к партнеру по коммуникации. Р. Нортон и Л. Петегрю определяют коммуникативный стиль как способ или манеру вербального, невербального и паравербального поведения человека, требующего интерпретации («the way one verbally, nonverbally, and paraverbally interacts to signal how literal meaning should be taken, interpreted, filtered, or understood» [Norton, Pettegrew, 1977, p. 260]). На основании возможных форм коммуникативного поведения человека и имеющихся данных о постоянных и переменных характеристиках речи указанные авторы выделили систему из десяти стилей коммуникации: *dominant* (доминирующий), *friendly* (дружелюбный), *attentive* (внимательный), *relaxed* (мягкий), *contentious* (агрессивный), *dramatic* (драматичный), *animated* (динамичный), *open* (открытый), *impression-leaving* (не/оставляющий впечатление), *communicator image* (положительный / отрицательный коммуникатор) [Norton, Pettegrew, 1977, с. 260–261]. В зависимости от психотипа личности и интенций рассматриваются

группы активного и пассивного стилей общения, в частности, *assertive* (настойчивый убеждающий), *aggressive* (настойчивый инициативный), *manipulative* (манипулятивный), а также *passive-submissive* (уступчивый), *passive-aggressive* (настроенный на защиту). В этих системах коммуникативная тональность рассматривается как вариативность речевого поведения, призванная выразить с помощью выбора коммуникативных действий личные мотивы коммуникантов.

В проводимом нами исследовании система коммуникативных действий, характерная для отдельного типа дискурса и транслирующая информацию об эмоционально-оценочных признаках коммуникации, рассматривается как «стиль общения» – модусная категория, представляющая один из возможных типов общения, который отличается специфической манерой речевого поведения, намеренно избираемой говорящим для реализации стратегической задачи, основной и дополнительных интенций, соотносимых с избранными тактиками и способами их речевого воплощения. Посредством речевых действий, построенных по типовым синтаксическим моделям национального языка в сопровождении определенной коммуникативной тональности, говорящие пытаются управлять коммуникативным поведением, воплощать личные интенции. В ходе динамичной и ситуативно изменчивой коммуникации они вынуждены постоянно корректировать ход и стиль общения. При этом возможности выбора языковых средств из устойчивых систем коммуникативных действий, реализуемых в типовых условиях взаимодействия, несколько ограничены сценарными нормами поведения на отдельном национальном языке.

Именно это наблюдение позволило нам сформулировать гипотезу о прагматическом характере коммуникативной тональности, обусловленном механизмом модуляции манеры общения. Для обоснования научной значимости данной категории и выявления приемов ее реализации в границах отдельной разновидности дискурса – англоязычного воспитывающего диалога родителя с ребенком – были проанализированы скрипты 29 эпизодов образовательной программы

для обучения родителей адекватным формам общения с детьми (общей продолжительностью 230 мин.) и скрипты 2 художественных фильмов (общей продолжительностью 220 мин.) (см. Источники).

Воспитательный дискурс представляет собой особую форму педагогического воздействия, нацеленного на социализацию ребенка, его характеризует статусная асимметрия участников (взрослый – ребенок), жанровое и стилевое своеобразие общения, которое иницируется и направляется воспитателем. Для уточнения специфики лингвистической прагматики в речи взрослого было проведено параметрическое моделирование англоязычного воспитательного дискурса с учетом общих норм индивидуалистической культуры: *privacy, individualism, autonomy, freedom from imposition*, а также объектных (*compliance, awareness, responsibility*) и субъектных (*self-awareness, self-esteem, self-responsibility*) мотивов воздействий взрослого на ребенка [Ларина, 2013; Леонтович, 2002; Hunter, 1994; Pearson et al., 2012 и др.]. Речевое поведение взрослого отличается этнокультурно маркированной совокупностью коммуникативных действий, с помощью которых реализуются макро- и микроинтенции воспитывающего воздействия при соблюдении принципов коммуникативной неимпозитивности и неприкосновенности личности, доминирующих в англосаксонской культуре межличностного общения [Цинкерман, 2015].

Стиль общения в своем исследовании мы соотносим с представлением о типичной манере коммуникативной деятельности, маркированной системой коммуникативных единиц, реализующих интенции, стратегии, тактики общающихся, субъективность их межличностных отношений и эмоций с поправкой на меняющиеся условия коммуникации. В реальном общении коммуникативные стили не носят строго ограничивающий поведение коммуниканта характер. Из потенциально возможных стилей общения, составляющих основу дискурсивной компетенции личности, представляется возможным избирать разные варианты коммуникативных действий и воплощать с их помощью индивидуально-личностные интенции, в том числе в ситуациях воспитывающего воздействия.

Для проведения лингвопрагматического анализа тональности общения в качестве основной единицы наблюдения было избрано высказывание, реализующее вариативность коммуникативного поведения в границах избранной формы дискурса – воспитывающего диалога, предполагающего владение взрослыми некоторым набором коммуникативных действий, объединенных общей стратегической задачей воспитывающего общения – социализацией ребенка (формированием нормативных моделей поведения и развитием личности), но обладающих потенциалом лингвопрагматической модуляции приемов речевого воздействия, связанным с динамикой ситуации и психологическими особенностями личности взрослого, вступающей в общение с ребенком.

В основу лингвопрагматического анализа была положена процедура интерпретации иллокутивной силы высказываний, представленных в типовых синтаксических моделях английского предложения (утверждение, вопрос, императив, восклицание), с последующей систематизацией коммуникативных действий, позволяющих реализовать основную цель воспитательного дискурса посредством четырех стратегий: *кооперативной, покровительственной, директивной, разъяснительной*, которые определяют наличие *демократического, патерналистского, авторитарного, интерпретативного* стилей воспитывающего дискурса [Ильинова, Цинкерман, 2015]. В дальнейшем проводился поиск лексико-стилистических знаков, указывавших на тональности общения в воспитывающих диалогах (напр., присутствие хвалебной, критичной, сниженной, инвективной лексики), устанавливались прагмасинтаксические признаки коммуникативной тональности высказывания как специфические проявления стилистики англоязычного воспитывающего общения. В следующем разделе статьи обосновывается положение о том, что в сознании взрослого человека складывается особая когнитивно-дискурсивная модель речевого поведения, с помощью которой представляется возможным не только передавать основную информацию, но и выражать отношение к содержанию речи, а также воздействовать на личность ребенка.

## Результаты и обсуждение

Коммуникативная тональность представляется значимой характеристикой каждого из выделенных нами стилей воспитывающего общения. В процессе воспитательного взаимодействия взрослый решает разные задачи социализации и, меняя типы коммуникативных действий в сопровождении модуляции коммуникативных тональностей, склоняет ребенка к согласию, послушанию, логичным действиям, эмпатии.

Лингвопрагматическая интерпретация иллокутивной силы речевых актов с интенцией воспитывающего воздействия на ребенка позволила выявить набор повторяющихся приемов передачи коммуникативной тональности, характерный для каждого стиля воспитывающего общения, при этом был отмечен гибридный характер их использования в реальном общении. Гибридность предполагает чередование и сочетание признаков разных стилей и коммуникативных тональностей в границах речевых партий взрослых. В таблице представлены закономерные соответствия между разновидностями коммуникативной тональности, иллокутивной силой высказываний, синтаксическими и лексическими предпочтениями при их реализации.

Выявленные дискурсивные и языковые признаки свидетельствуют о совмещении в трех англоязычных стилях воспитывающего воздействия таких тональностей, как *дружелюбная, доброжелательная, доверительная, морализаторская*, однако при совпадении иллокутивных целей высказываний было отмечено своеобразие их прагматики и реализаций в языковых знаках. В частности, модуляции проявляются при смене коммуникативной тональности в рамках одного стиля общения, гибридность наблюдается в модуляциях между демократическим, интерпретативным и патерналистским стилями, нацеленными на усиление эффекта воспитывающего воздействия, авторитарный стиль характеризуется доминированием языковых средств давления и унижения ребенка. Для подтверждения приведем примеры, демонстрирующие чередование тактик и стилей в речи взрослого, когда он пытается с помощью тонально-стилевой модуляции своих высказываний регулировать поведение ребенка в пространстве англоязычного воспитательного дискурса.

Сопоставление признаков коммуникативной тональности  
для стилей воспитывающего диалога

Коммуникативный стиль общения	Разновидность коммуникативной тональности	Иллокутивная цель	Дискурсивные признаки тональности	Синтаксические средства передачи тональности	Лексические средства передачи тональности
Демократический / интерпретативный	доброжелательная, дружелюбная, доверительная, серьезная	демонстрация уважения, готовности к сотрудничеству; разделение ответственности; предоставление права выбора	вежливость, неимпозитивность, сдержанная эмоциональность, четкая мена ролей, условная симметричность речевых ролей, коммуникативная толерантность, тематические повторы	неимперативные формы утверждений и обращений; условные и гипотетические модальные предикаты; условные предложения; вежливые побудительные предложения переспросы-уточнения	стилистически нейтральная лексика, перформативные глаголы деятельности в сочетании с <i>ты</i> -обращением к ребенку; модальные глаголы <i>can / could / would</i>
Патерналистский / интерпретативный	снисходительное дружелюбие; покровительственная, снисходительная, морализаторская	демонстрация воли и доминирования взрослого	импозитивность / неимпозитивность; асимметрия объема высказываний взрослого; мотивированные запреты	сослагательное наклонение, директивы, модальные фразы предсказания в сочетании с местоимением <i>you</i> , советы	стилистически нейтральная лексика, оценочные наречия <i>too / enough</i> в сочетании с прилагательными <i>young / old</i> ; доминирование личного местоимения <i>I</i> или притяжательного местоимения <i>my</i> в речи взрослого; единицы воли модальности
Авторитарный	самоуверенно-снисходительная, менторская, пренебрежительная, презрительная, насмешливая, иронично-саркастическая	демонстрация власти взрослого; перенос ответственности на ребенка; подчеркивание подчинительного положения ребенка	импозитивность (негатив, критика); значительная по объему речевая партия взрослого; немотивированные запреты; вербальная агрессия	императивы, условные предложения, угрозы, отсутствие этикетных форм общения	модальные формы предсказания будущего с наречем <i>never</i> , сниженная / грубая / вульгарная лексика, оскорбления, метафорически-обидные именованья

Как отмечалось выше, воспитывающий стиль коммуникации в рамках англосаксонской культуры непременно опирается на такие ценности, как *privacy, autonomy, individualism, freedom from imposition*, что объясняет стремление взрослых придерживаться сдержанных манер и форм тональности, внушающих правила и нормы жизни с помощью обращения к разуму ребенка, демонстрации интереса и позитивного настроения взрослого, к формам, смягчающим критику поведения ребенка, и для этого прежде всего избираются стратегии и тактики демократического и интерпретативного стилей общения.

Для демократического стиля характерно использование стилистически нейтральных, неимперативных утверждений, уважительные обращения к ребенку, доминирование приемов

преувеличения в хвалебных отзывах. Прагматика укора и критики выражается с помощью условных и гипотетических модальных предикативных конструкций, позволяющих смягчить негативное и оказать неимпозитивное воздействие на ребенка, напр.:

(1) **If you don't show good manners at other people's houses, they are less likely to invite you back** (VI, p. 67).

(2) **When you yell during your brother's study time, you tell me you've decided to play in your room** (III, p. 30).

Наблюдается активное использование языковых средств для реализации интенции желательности совершения ребенком действия, основанного на осознании значимости просьбы взрослого:

(3) Mother: Dear, **would** you **please** turn the TV off? Son: Ok, Mom (IV, min. 12).

Побуждая ребенка к действию, условные предложения позволяют избегать прямого давления, служат сигналом, что взрослый ведет диалог в серьезной тональности, но готов к компромиссам, давая ребенку право на принятие решения, напр.:

(4) **If you** clean the table, **I'll let you** watch the film late tonight (IV, min. 56).

Для реализации интенции кооперативного взаимодействия и сотрудничества, характерной для демократического стиля общения, взрослый обычно избирает доброжелательную, дружелюбную, доверительную, серьезную коммуникативную тональности, позволяющие добиваться социализирующей цели путем апелляции к разуму ребенка:

(5) Can I watch television? – **If you can do it so it doesn't disturb others.** You decide (IV, p. 9).

(6) **Would you rather** stay at home or go with us? (IV, min. 116).

В реальной речевой практике наблюдается гибридное использование форм коммуникативной тональности, характерных для демократического стиля общения. Здесь проявляется стремление взрослого склонить ребенка к послушанию с помощью чередования высказываний, маркированных иллокутивными силами информирования, убеждения, косвенной критики. В следующем примере взрослый эксплицитно демонстрирует свою непреклонность:

(7) Child: What's for breakfast? – Adult: French toast. – Child: But I hate French toast. – Adult: I thought you liked it. – Child: Well, I don't. I hate it. – Adult: When did you start hating French toast? – Child: I don't know. I've always hated it. You just don't pay attention (VI, p. 89).

С помощью подчеркнуто-вежливой тональности взрослый может поставить условие, предлагая ребенку самостоятельно принять решение:

(8) Well, **that's what's for breakfast. If you want** something else, **you have** two perfectly good hands and **know** where the food is (VI, p. 89).

(9) Well, **that's what's for breakfast. If you don't** like it **you don't have to** eat it (VI, p. 89).

Воспитывающая роль взрослого предполагает, в первую очередь, оценивание действий ребенка с целью моделирования общественно и социально одобряемого поведения. При этом неизбежно возникает потребность вмешательства в его личное пространство. В случае демократического стиля общения последнее осуществляется с помощью высказываний с кооперативно-дружелюбными тональностями, реализуемыми посредством лексических и стилистических средств смягчения критики и выражения нежесткого по форме волеизъявления взрослого. Например, выбор синтаксически сложных конструкций предложений с описанием чувств, эмоций, а также вопросов и переспросов, побудительных предложений отражает интенцию приглашения ребенка к совместным действиям и самостоятельным выводам:

(10) **I feel frustrated** when I find empty milk cartons in the fridge and **I wish you'd put them in the trash next time** (III, p. 258).

(11) **That sounds depressing. You are choosing** to go out of turn (IV, min. 78).

(12) **Please, make a decision** to follow the rule or to choose a different activity (III, p. 30).

В приводимом далее диалоге отмечается доверительная тональность при общении матери с сыном, о чем свидетельствуют междометия (*Oh*), лексические и синтаксические повторы (*I don't know*), а многократное использование глагола *to miss* указывает на эмоциональную вовлеченность и эмпатию взрослого, стремление показать, что мать понимает сына и сопереживает:

(13) Son: What do you **miss** about him? – Mother: **Oh, I miss** so many things about him. – Son: I **miss** how he could tell the weather just by touching the window. – Mother: When he would come in the house and yell: "What's everybody doing?" – Son: I **miss** how he would stick his entire arm into the coffee beans at Fairway...because he liked how it felt. – Mother: That would make me so angry because everyone in the store was watching him. – Son: Were they? – Mother: **Oh, I don't know. I don't know. I miss** his voice. I **miss** his voice telling me he loves me. – Son: Me too. Mom? It's okay if you fall in love again.

If you want to. – Mother: I'll never fall in love for the first time again. Nobody can be him. – Son: He told me. He said: "I really love your mother. She's such a good girl." **Mom, I don't tell you I love you enough times, do I?** – Mother: Yes, you do. **Oh**, baby. You do (I, min. 1.51–1.53).

Как следует из примера, доверительная тональность может быть вербализована сопоставимым объемом высказываний партнеров по коммуникации, краткими ответами (*You do*), указывающими на правильность поведения ребенка. Выбор доверительной тональности позволяет смягчить контролируемую роль взрослого. В этом случае она реализуется перформативами речемыслительной деятельности *to want, to prefer, to choose, to pick, to decide* в сочетании с *ты*-обращением к ребенку (*You decide / it is up to you / it is your decision / you can choose*).

Коммуникативная неудача воспитывающего воздействия может подтолкнуть взрослого к смене демократического стиля на патерналистский, при этом появляются явные знаки указания на статусное неравенство коммуникантов по возрасту и социальному положению. В этом случае взрослый, не нарушая конвенции вежливости, избирает манеру общения с тональностями покровительства, открытого морализаторства, снисходительного дружелюбия, указывающие на интенцию волевитивности и доминирования. Типичными становятся сочетания наречий *too / enough* с прилагательными *young / old*, указывающие на несостоятельность ребенка при принятии решения (*You are not old enough to understand / I feel you are too young to be out at such a late hour*), доминирование личного местоимения *I* или притяжательного местоимения *my* напоминает о статусном превосходстве взрослого (*That is what I have decided / It's my decision / I will decide what is good for my son*). Мотивированные запреты (*it is not okay for you to talk to me in that manner*), выбор взрослым сослагательного наклонения демонстрируют доминирующий статус и превосходство (*You'd better / If I were you / You can make better friends*).

Анализ материала показал, что, несмотря на стремление взрослого следовать принятым в англосаксонском обществе манерам, для достижения главной задачи воспитыва-

ющей коммуникации – социализации ребенка – взрослый может нарушать конвенции вежливости, сдержанности, уважения личности и обращаться к авторитарному стилю общения с его специфическими формами коммуникативной тональности. В таких ситуациях воспитывающий прибегает к императивным формам и синтаксическим конструкциям условия для передачи менторской тональности принуждения:

(14) Mother: Blake, **you stay right there**. – Boy: I want Nickolas. – Mother: **Listen to me. Listen to me. I told you to stop. You do not stay on the road. You do not run in the road. And you do not tell me No. Come on**. – Boy: But I want ... – Mother: You can not run in the road. Why? Because it's dangerous and a car could come and hurt you. Roads are for cars. They are not for people (IV, min. 12).

Обращение к модальному предикативу в сопровождении наречия *never* передает отсутствие веры взрослого в успешность развития ребенка (*You will never amount to anything good, anybody can do it*). Императивы и метафорические перифразы при именовании ребенка выражают саркастическую тональность (*Well, look who's here. It's Mr. Cheerful*). На презрение в речевых партиях взрослого указывает использование сниженной лексики (*You cocky, self-centered little shit! Don't be more of a fool that God made you, girl! How dare you talk to me like that?*), прилагательных со значением неприятных, отрицательных ощущений (*I'm disgusted by you, do you hear me?*), модальных предикатов, выражающих негативное отношение к ребенку как личности (*I can't stand you*). Авторитарность передается и с помощью знаков агрессивной коммуникативной тональности – общих вопросов, задаваемых для переспроса с интенцией принуждения к послушанию (*Do you understand? / Is that clear?*), существительных, призванных вызвать печальные, фатальные эмоции у ребенка (*You are going to be the death of me; I am glad your dead grandmother isn't here to see this*). Признаком пренебрежительной, презрительной, ироничной, саркастической коммуникативных тональностей является выбор взрослым инвективной, вульгарной лексики, напр.:

(15) Don't be a **sissy**. There's nothing wrong with the Park, **kid**. It's **just** a school. They're all **the bloody same**. (II, p. 16).

В реальной коммуникации наблюдаются нарушения конвенций по признаку коммуникативной тональности, что может быть вызвано разными естественными причинами, например, социально-ролевым статусом взрослого, его эмоциональным настроением, эмоциональной атмосферой общения, непослушанием ребенка. В следующем примере отец изначально выбрал для общения с сыном патерналистский стиль с интенцией убедить его, что быть эгоистичным нехорошо (то есть он пытается навязать ребенку готовое решение):

(16) Father: Actually... I think it's a much better idea **that you** stay here with your mom and Neal. – Son: But Dad! – Father: **No buts**, Charlie. **I can't** be selfish. **I can't** be with you all the time. We're a family. You, me, your mom, and Neal. And they need to be with you too. (The boy starts crying). – Father: **Listen to me. Come here, listen, listen**. There is a lot of kids out there, **OK?** Millions of kids. And they all believe in me. They are counting on me, Charlie. I'm not gonna let them down. I got a lot of work to do. So **I can't** be selfish, either? (V, min. 1.24–1.25).

В начале диалога его речевое поведение отличает снисходительно-дружелюбная тональность. Осознав, что не достиг желаемой цели (подчинения), он меняет тональность на серьезную и переходит к интерпретативному стилю (уговаривает, информирует), побуждая ребенка самостоятельно выбрать правильное решение. О серьезной тональности разговора свидетельствуют краткие отрицательные предложения, в которых повторяется модальный глагол *can't*. Продолжая уговаривать плачущего ребенка, отец чередует доброжелательную тональность с доверительной.

Общение взрослых с подростками часто бывает конфликтным из-за их нежелания подчиняться власти взрослого. Нацеленность на решение задач социализации приводит к необходимости манипуляций, связанных с модуляциями коммуникативных тональностей речи взрослых. В следующем примере непослушание ребенка вынуждает родителя использовать разные тактики авторитарного и патерналистского стилей, переходить от иронично-

насмешливой к агрессивной и далее менторской тональности:

(17) **Don't you dare talk to me that way, young lady** (VI, p. 20) (авторитарный стиль, тактика принуждения через запрет, агрессивная тональность с элементами насмешки).

(18) I'll talk to you any way I want. **You just better watch it** (VI, p. 20) (авторитарный стиль, тактика принуждения через угрозу, агрессивная тональность).

(19) What are you going to do, hit me? You would like that. **You're just going to have to control your mouth before somebody does smack you** (VI, p. 20) (авторитарный стиль, тактика принуждения через угрозу, агрессивная тональность).

(20) You're just mad because you can't control me anymore. **You're going to have to learn to respect adults** (VI, p. 20) (переход от авторитарного к патерналистскому стилю, менторская тональность).

Итак, проведенный лингвопрагматический анализ стилей воспитывающего общения показал, что в англосаксонской традиции воспитательного дискурса наиболее востребованными являются неимпозитивные стили демократического и патерналистского диалога, в них объединяются коммуникативные тональности с иллюкутивной силой оказания поддержки, стремления к кооперации, разделению ответственности, предоставлению ребенку права выбора. Однако в случае коммуникативной неудачи взрослый меняет тактику и прямо апеллирует к своему доминирующему статусу, меняет тональность общения, избирая патерналистские или авторитарные приемы речи, что отражается в сочетании импозитивных и неимпозитивных приемов воспитывающей коммуникации.

## Заключение

Изучение коммуникативных практик в ситуациях воспитывающего воздействия, нацеленных на передачу взрослыми информации о морально-нравственных устоях общества, этикете поведения, нормах бытового поведения, представляется актуальным как в плане развития теории воспитательного дискурса, так и в прикладном аспекте, поскольку успех воспитательного процесса требует от взрослых (профессионалов и родителей) владения разными стилями воспитывающего воздей-

ствия. Как свидетельствуют результаты проведенного исследования, воспитатель-профессионал или родитель с целью социализации ребенка, ориентируясь на его возраст и интеллектуальный уровень, избирает ту тональность и стилистику общения, которая в большей степени соответствует интенциям и социокультурным условиям интеракции с ребенком (в частности, его психотипу, уровню доверия взрослым, степени принятого дистанцирования по социально-ролевым различиям между взрослым и ребенком, уровнем усвоения норм морали и этики своего социума, норм культуры поведения дома и в публичном месте). Воспитывающие коммуникативные действия отличаются гибридность, связанной с выбором одного из допустимых стилей общения (демократического, патерналистского, авторитарного, интерпретативного). В реальном общении они ранжируются по степени импозитивности / неимпозитивности, имплицитности / эксплицитности демонстрации статусной асимметрии взрослого и ребенка, что получает отражение в модуляциях коммуникативной тональности общения от дружелюбной, склоняющей к кооперативности, к серьезной, призывающей к логичным действиям и решениям, и далее к снисходительно-патерналистской или агрессивно-оскорбительной. В случае коммуникативной неудачи взрослый, сохраняя мотив воспитывающей коммуникации, применяет механизм тематической и прагматической модуляции, подбирая более подходящий ситуации стиль воспитывающего общения и чередуя тактики и тональности разговора, что находит выражение в специфическом наборе речевых приемов и синтаксических моделей английского языка.

**СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**

- Алексеева Т. А., 2013. Криминалистическая характеристика тональности как структурного элемента устной речи // Вестник Томского государственного университета. № 376. С. 124–125. DOI: 10.17223/15617793/376/23.
- Бахтин М. М., 1997. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров» // Собрание сочинений. В 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М. : Русские словари : Языки славянских культур. С. 159–286.
- Гальперин И. Р., 2005. Избранные труды. М. : Высшая школа. 255 с.
- Грановская Р. М., 2007. Элементы практической психологии. СПб. : Речь. 655 с.
- Ильинова Е. Ю., Цинкерман Т. Н., 2015. Стратегические трансформации и прагматические модуляции стилей воспитывающего общения в англоязычном воспитательном дискурсе // Грани познания. № 1 (35). С. 1–5. URL: <http://grani.vspu.ru/jurnal/40>.
- Карасик В. И., 2007. Языковые ключи. Волгоград : Парадигма. 520 с.
- Карасик В. И., 2008. Коммуникативная тональность // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. № 4. С. 20–29.
- Карасик В. И., 2013. Языковая матрица культуры. М. : Гнозис. 320 с.
- Куликова Л. В., 2011. Стилиевой формат межкультурного дискурса // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. № 1. С. 76–82.
- Ларина Т. В., 2013. Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация. М. : Языки славянских культур. 360 с.
- Леонтович О. А., 2002. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. Волгоград : Перемена. 434 с.
- Матвеева Т. В., 2003. Тональность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М. : Флинта : Наука. С. 549–552. URL: <https://stylistics.academic.ru/222/> (дата обращения: 20.11.2018).
- Тупикова С. Е., 2011. Категория тональности и уровни ее репрезентации в жанре светской хроники // Вопросы когнитивной лингвистики. Вып. 4. С. 68–73.
- Цинкерман Т. Н., 2015. Об опыте диахронического подхода к установлению динамики ценностей англоязычного воспитательного дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 5 (29). С. 101–107. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.5.11>.
- Эффективное речевое общение (базовые компетенции), 2012. Словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск : Изд-во Сиб. гос. ун-та. 882 с.
- Hunter A., 1994. Etiquette: A guide to modern manners. Glasgow : Harper Collins Publishers. 256 p.
- Norton R. W., Pettegrew L. S., 1977. Communicator style as an effect determinant of attraction // Communication Research. Vol. 4, № 3. P. 257–282.
- Pearson J., Nelson P., Titsworth S., Harter L., 2012. Human communication. 5<sup>th</sup> edition. New York : McGraw-Hill. 448 p.

The Accidental Communicator. URL: <http://theaccidentalcommunicator.com/present/it-turns-out-that-tonality-is-what-really-matters> (date of access: 28.10.2018).

### ИСТОЧНИКИ

- I* – Extremely Loud and Incredibly Close. Scott Rudin Productions, 2012.
- II* – Harris J. Gentlemen&Players. London : Black Swan, 2006. 512 p.
- III* – Moorman Ch. Parent Talk: How to talk to your Children in language that builds self-esteem and encourages responsibility. New York : Fireside, 2003. 320 p.
- IV* – Supernanny: When Little Kids Cause Big Headaches. Acorn Media UK Ltd, 2010.
- V* – The Santa Claus. Walt Disney Pictures, 1994.
- VI* – Wolf Anthony E. I'd listen to my parents if they'd just shut up. What to Say and Not Say When Parenting Teens. Harper ; New York ; London ; Toronto ; Sydney : HarperCollins Publishers, 2011. 289 p.

### REFERENCES

- Alekseeva T.A., 2013. The Criminalistic Description of Vocalicity as a Structural Element of Oral Speech. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no. 376, pp. 124-125. DOI: 10.17223/15617793/376/23
- Bakhtin M.M., 1997. Problema rechevykh zhanrov. Iz arkhivnykh zapisey k rabote "Problema rechevykh zhanrov" [The Problem with Speech Genres. From Archive Records to Work "The Problem with Speech Genres"]. *Sobranie sochineniy. V 7 t. T. 5. Raboty 1940-h – nachala 1960-h godov* [Coll. works of 7 vols. Works of the 1940s – early 1960s.]. Moscow, Russkie slovari Publ., Yazyki slavyanskikh kultur Publ., pp. 159-286.
- Galperin I.R., 2005. *Izbranniye trudy* [Selected Works]. Moscow, Visshaya shkola Publ. 255 p.
- Granovskaya R.M., 2007. *Elementy prakticheskoy psikhologii* [Constituent Elements of Practical Psychology]. Saint Petersburg, Rech Publ. 655 p.
- Ilyinova E.Yu., Tsinkerman T.N., 2015. Strategic Transformations and Pragmatic Modulations of Educative Communicative Styles in English Educational Discourse. *Grani poznaniya*, no. 1 (35), pp. 1-5. URL: <http://grani.vspu.ru/jurnal/40>.
- Karasik V.I., 2007. *Yazykovyye klyuchi* [Language Keys]. Volgograd, Paradigma Publ. 520 p.
- Karasik V.I., 2008. Communicative Tonality. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Hetagurova* [Vestnik of North Ossetian State University after K.L. Khetagurov], no. 4, pp. 20-29.
- Karasik V.I., 2013. *Yazykovaya matritsa kultury* [Language Matrix of Culture]. Moscow, Gnozis Publ. 320 p.
- Kulikova L.V., 2011. The "Style" Dimension of Intercultural Discourse. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, no. 1, pp. 76-82.
- Larina T.V., 2013. *Anglichane i russkie: Yazyk, kultura, kommunikatsiya* [The English and The Russians: Language, Culture, Communication]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ. 360 p.
- Leontovich O.A., 2002. *Russkie i amerikantsy: paradoksy mezhkulturnogo obshcheniya* [Russians and Americans: Problems of Cross-cultural Communication]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 434 p.
- Matveeva T.V., 2003. Tonality. *Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language*. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., pp. 549-552. URL: <https://stylistics.academic.ru/222/> (Accessed 20 November 2018).
- Tupikova S.E., 2011. The Category of Tonality and Its Levels of Representation in Society Column Genre. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], iss. 4, pp. 68-73.
- Tsinkerman T.N., 2015. Dynamics of Values in English Educative Discourse via Diachronic Approach. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 5 (29), pp. 101-107. DOI: <http://dx.doi.org/10/15688/jvolsu2.2015.5.11>.
- Skovorodnikov A.P., ed., 2012. *Efficient Conversation (Basic Competences)*. Slovar-spravochnik [Reference Dictionary]. Krasnoyarsk, Izd-vo Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta. 882 p.
- Hunter A., 1994. *Etiquette: A Guide to Modern Manners*. Glasgow, Harper Collins Publishers. 256 p.
- Norton R.W., Pettegrew L.S., 1977. Communicator Style as an Effect Determinant of Attraction. *Communication Research*, no. 4 (3). pp. 257-282.
- Pearson J., Nelson P., Titsworth S., Harter L., 2012. *Human communication*. 5<sup>th</sup> ed. New York, McGraw-Hill. 448 p.
- The Accidental Communicator*. URL: <http://theaccidentalcommunicator.com/present/it->

turns-out-that-tonality-is-what-really-matters  
(Accessed 28 October 2018).

#### **SOURCES**

*Extremely Loud and Incredibly Close*. Scott Rudin Productions, 2012.

Harris J. *Gentlemen & Players*. London, Black Swan, 2006. 512 p.

Moorman Ch. *Parent Talk: How to Talk to Your Children in Language That Builds Self-Esteem*

*and Encourages Responsibility*. New York, Fireside, 2003. 320 p.

*Supernanny: When Little Kids Cause Big Headaches*. Acorn Media UK Ltd, 2010.

*The Santa Claus*. Walt Disney Pictures, 1994.

Wolf Anthony E. *I'd Listen to My Parents If They'd Just Shut Up. What to Say and Not Say When Parenting Teens*. Harper, New York, London, Toronto, Sydney, Harper Collins Publishers, 2011. 289 p.

#### **Information about the Authors**

**Elena Yu. Ilyinova**, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of English Philology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, [ilynov@volsu.ru](mailto:ilynov@volsu.ru), [english\\_philolog@mail.ru](mailto:english_philolog@mail.ru), <http://orcid.org/0000-0002-3310-4020>

**Tamara N. Tsinkerman**, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of English Philology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, [tsinkerman@volsu.ru](mailto:tsinkerman@volsu.ru), [english\\_philolog@mail.ru](mailto:english_philolog@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-0258-974X>

#### **Информация об авторах**

**Елена Юрьевна Ильинова**, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, [ilynov@volsu.ru](mailto:ilynov@volsu.ru), [english\\_philolog@mail.ru](mailto:english_philolog@mail.ru), <http://orcid.org/0000-0002-3310-4020>

**Тамара Николаевна Цинкерман**, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, [tsinkerman@volsu.ru](mailto:tsinkerman@volsu.ru), [english\\_philolog@mail.ru](mailto:english_philolog@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-0258-974X>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.13>

UDC 811.131.1'01  
LBC 81.473.1-03

Submitted: 02.04.2018  
Accepted: 01.02.2019

## DISCOURSE MARKER *DICO* IN THE 16<sup>TH</sup> CENTURY ITALIAN LANGUAGE

Lyubov I. Zholudeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

**Abstract.** The article is devoted to the functional and semantic analysis of the form *dico* in the 16<sup>th</sup>-century Italian language, the main aim being to show how it gradually begins to function as a discourse marker. The study is performed on the basis of texts belonging to different genres (mainly comedies and treatises in the dialogue form) where certain peculiarities of spoken language are imitated. We come to the conclusion that the invariant pragmatic meaning of this unit is “second attempt to establish successful communication”. We also claim that the promotion of *dico* to the role of a discourse marker is the result of the secondary metaphorization of *dire*. We point out to the parallelism between the metaphoric uses of *dire*, namely, the epistemic one (“to say” = “to claim, to consider”) and the volitional one (“to say” = “to order, to command”), on the one hand, and the use of *dico* in its two main functions, on the other hand. The functions in question are a) adducing a comment to the previous statement, and b) urging the addressee to act in a certain way. In both cases one can speak of a partial desemantization of *dico* and its metaphorization that allows it to function as a pragmatic signal rather than a regular verbal form. On the formal level it is manifested by the absence of complements, syntactic freedom of *dico* and its tendency to occupy a certain position within a sentence depending exclusively on its pragmatic (and not grammatical-syntactic) function.

**Key words:** Italian language, history of the Italian language, discourse markers, pragmatics, Italian syntax, metaphorization, secondary metaphorization.

**Citation.** Zholudeva L.I. Discourse Marker *Dico* in the 16<sup>th</sup> Century Italian Language. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 1, pp. 159-169. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.13>

УДК 811.131.1'01  
ББК 81.473.1-03

Дата поступления статьи: 02.04.2018  
Дата принятия статьи: 01.02.2019

## ДИСКУРСИВНЫЙ МАРКЕР *DICO* В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ XVI ВЕКА

Любовь Ивановна Жолудева

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

© Жолудева Л.И., 2019

**Аннотация.** В статье на основе функционального и семантического анализа формы *dico* в итальянском языке XVI в. описан механизм формирования у этого слова прагматического статуса дискурсивного маркера. Материалом для исследования послужили прозаические тексты различных жанров: преимущественно комедий и трактатов-диалогов, где имитируется устная речь. Инвариантное прагматическое значение данного маркера определено как повторная попытка успешной коммуникации. Установлено, что превращение формы *dico* в дискурсивный маркер – результат вторичной метафоризации глагола речи: выявлен параллелизм между переносными употреблениями глагола *dire* – эпистемическим («сказать, говорить» = «считать, полагать, заявлять») и волитивным («сказать, говорить» = «велеть, приказывать»), с одной стороны,

и двояким (в уточняющей и побудительной функции) употреблением как дискурсивного маркера – с другой. Показано, что при использовании как в уточняющей, так и в побудительной функциях *dico* подвергается частичной десемантизации и переосмыслению, превращаясь из полнозначной лексемы в прагматический сигнал. В качестве формальных признаков статуса дискурсивного маркера рассматриваются отсутствие у *dico* зависимых слов, синтаксическая незакрепленность данного элемента, зависимость позиции маркера в реплике от прагматических, а не синтаксических параметров.

**Ключевые слова:** итальянский язык, история итальянского языка, дискурсивный маркер, прагматика, синтаксис итальянского языка, метафоризация, вторичная метафоризация.

**Цитирование.** Жолудева Л. И. Дискурсивный маркер *dico* в итальянском языке XVI века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 1. – С. 159–169. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.13>

### Введение

В последние десятилетия в поле зрения исследователей все чаще оказываются дискурсивные феномены, в частности, речевые (дискурсивные) слова, называемые также дискурсивными маркерами (итал. *segnali discorsivi*). Это во многом определяется доминирующим в современной лингвистике функциональным подходом к изучению фактов языка. В отличие от структурного подхода, в рамках которого характеризуется преимущественно устройство языковой системы и ее составляющих, функциональный подход предполагает выявление закономерностей использования языковых структур в реальной речевой практике для достижения определенных коммуникативных целей. Сформировавшаяся на предыдущем этапе развития лингвистической мысли частеречная модель описания языка не может быть применена к анализу дискурсивных слов, поскольку это обособленный класс единиц, объединенных не формальными, а прежде всего функциональными особенностями.

Дискурсивные слова выполняют фатическую функцию (их использование способствует успешному речевому взаимодействию, помогая выстраивать общее коммуникативное пространство), функции структурирования и поддержания связности дискурса – как устного, так и письменного. Критерии их выделения в разных научных школах не вполне совпадают. Базовыми признаками дискурсивных слов в большинстве работ называются их частичная десемантизация, внепропозиционный статус и полифункциональность, связанная с зависимостью значения таких слов от контекста (см., например: [Дискурсивные сло-

ва..., 1998; Bazzanella, 2001; 2010]). Однако некоторые исследователи расширяют объем понятия «дискурсивное слово», относя к данной категории разнообразные единицы, передающие отношение говорящего к сказанному [Хачатурян, 2000, с. 11]. В число дискурсивных слов при таком подходе попадают не только элементы, традиционно относимые к частицам (рус. *же, ведь, -то*), но и так называемые модальные слова [Виноградов, 1950] – рус. *вероятно, пожалуй, только*.

Для выделения дискурсивных слов в современных языках используются специальные формальные тесты, позволяющие убедиться в том, что данный элемент действительно обладает внепропозиционным статусом, выполняет прагматические функции и подвергся частичной десемантизации [Хачатурян, 2000, с. 13; Bazzanella, 2010, р. 1341; Molinelli, 2017, р. 124–126]. Так, дискурсивные слова образуют скопления, не входят в ответную реплику-эхо, не передаются при переводе высказывания в косвенную речь, не закреплены синтаксически и до определенной степени взаимозаменяемы [Bazzanella, 2001]. Кроме того, дискурсивные маркеры не могут присоединять зависимые слова и являются неизменяемыми единицами [Zorraquino, Lázaro, 2000, р. 4060].

Описание процесса формирования дискурсивных маркеров на основе разнообразных элементов высказывания (словоформ, синтагм) – процесс, называемый «прагматикализацией» [Molinelli, 2017, р. 127] или грамматикализацией [Zorraquino, Lázaro, 2000], – актуальная задача диахронической лингвистики, однако изучение этих маркеров в диахронии сопряжено с определенными сложностями [Школьников, 2015, с. 90; Bazzanella, 2010, р. 1341]. Во-первых, историк языка располагает лишь

письменными свидетельствами, тогда как «естественная среда» для бытования дискурсивных слов – спонтанная устная речь, и значительная часть таких единиц не фиксируется в письменных памятниках (или фиксируется несистемно). Во-вторых, письменный дискурс обладает собственными, отличными от устной речи закономерностями строения [Bazzanella, 2001, p. 85]. Существует точка зрения, что сферой действия речевых слов является «дискурс, противопоставленный нарративу» [Гуревич, 1998, с. 5]. Это противопоставление, предполагающее более узкое понимание дискурсивных маркеров, основано на системных отличиях между непосредственным речевым взаимодействием и нарративным произведением. Например, отсутствие непосредственного контакта между участниками коммуникации обуславливает отсутствие в письменном тексте многих дискурсивных средств с фатической функцией, а также некоторых средств, отсылающих к общей presupпозиции. Тем не менее анализ ранних памятников, хотя и с определенными оговорками, все же позволяет проследить эволюцию многих дискурсивных слов, функционирующих на современном этапе в устной речи; успешный опыт подобного анализа представлен в [Dardano, 2012].

Цель нашего исследования – выявить механизм формирования дискурсивного маркера *dico* в истории итальянского языка на материале прозаических произведений XVI века.

#### ***Dico* как прагматический маркер: критерии определения**

В ряде исследований, посвященных дискурсивным словам, в особую категорию выделяются маркеры, производные от глаголов речи; в терминологии, используемой Д. Пайаром и Е.В. Хачатурян, это *i segnali del dire* [Khachaturyan, 2011, p. 104–105]. К таким словам относится, в частности, маркер *dico*. Как отмечает К. Бадзанелла, это дискурсивное слово может выполнять функцию усилителя и маркера возврата к ранее развивавшейся теме. В данной функции *dico* встречается в протокольных записях спонтанной речи, датированных XVII веком [Bazzanella, 2001, p. 90]. П. Джулиано и Р. Руссо относят *dico* к группе

дискурсивных слов-фокализаторов [Giuliano, Russo, 2014, p. 243].

В написанном К. Бадзанеллой разделе «Грамматики староитальянского языка», посвященном дискурсивным маркерам, *dico* упоминается только как катафорическое средство; в качестве примера приводится цитата из «Новеллино»: «*ma cotanto vi dico: che 'l cavallo è nutricato a latte d'asina*» [Bazzanella, 2010, p. 1352]. На наш взгляд, данное употребление *dico* может рассматриваться как пример дискурсивного маркера только при достаточно широкой трактовке этого термина. В приведенном примере глагол *dire* не вполне десемантизирован, кроме того, встроено в структуру предложения и выполняет одну из своих типичных синтаксических функций: присоединяет изъяснительное придаточное (*subordinata dichiarativa*). Таким образом, из базовых для дискурсивных слов признаков *dico* обладает здесь только метатекстовой функцией. Представляется, что этого вполне достаточно для отнесения элемента к модальной рамке высказывания, но недостаточно для установления функции дискурсивного маркера.

В работе П. Молинелли изложен следующий взгляд на проблему дискурсивных слов: предлагается противопоставлять дискурсивные (ориентированные на текст, то есть выполняющие метатекстовую функцию) и прагматические (ориентированные на собеседника и процесс коммуникации, то есть выполняющие прежде всего фатическую функцию) маркеры в рамках общей категории «функциональных маркеров» (*segnali funzionali*) [Molinelli, 2017, p. 121]. Для дискурсивных слов глагольного происхождения выделяются дополнительные формальные признаки, свидетельствующие об их прагматическом статусе: отсутствие у глагольной формы, выступающей в роли дискурсивного маркера, дополнений, невозможность ее использования в отрицательной форме (за редким исключением), предпочтение определенных форм лица (чаще всего первого и второго), времени (в основном презенс) и склонения (часто это императив или презенс индикатива, реже конъюнктив или кондиционал) [Molinelli, 2017, p. 126]. Дискурсивный маркер *dico* соответствует этим формальным требованиям: он представляет собой форму первого лица единственного числа индикатива *dire*, его

синтаксическая изолированность предопределяет отсутствие аргументной структуры.

Д.Л. Гуревич в работе, посвященном дискурсивным словам в португальском языке, предлагает противопоставлять речевые слова и модальные частицы. Речевые слова «не являются членами предложения в традиционном понимании и не могут исследоваться как носители определенных морфологических категорий» [Гуревич, 1998, с. 8], а также отличаются метафорической природой, тогда как модальные частицы «реализуют свое основное словарно-грамматическое значение» [Гуревич, 1998, с. 8], то есть употребляются не метафорически и, наряду с прагматическими функциями, обладают синтаксическими и морфологическими свойствами [Гуревич, 1998, с. 8].

Далее проанализируем функционирование *dico* в итальянской прозе XVI в., руководствуясь в первую очередь критериями, предложенными Д.Л. Гуревичем и группой исследователей под руководством П. Молинели. С функциональной точки зрения нас будет интересовать *dico* как прагматический маркер, то есть дискурсивное слово, выполняющее функцию обеспечения успешной коммуникации. Обязательными признаками, позволяющими говорить о статусе *dico* как дискурсивного маркера в анализируемых контекстах, для нас будут синтаксическая изолированность и метафоризация, о чем речь пойдет ниже.

Материалом для исследования послужили произведения, одна часть из которых относится к жанру трактата-диалога или проповеди-монолога (Б. Варки «Эрколано», П. Бембо «Беседы о народном языке», А. Пикколомини «Диалог о хорошем женском воспитании», анонимный «Трактат о благодеяниях Иисуса Христа»), вторая – к жанру комедии (Академия Интронати (Оглушенных) «Обманутые», Ф. Бело «Педант», А. Кальмо «Травалья», Ф. Д'Амбра «Два Бернарда», Л. Де'Медичи «Аридосия», Б. Довици «Каландрия», Н. Макиавелли «Клиция», А. Пикколомини «Постоянство в любви», А. Рикки «Три тирана») и может рассматриваться как *parlato recitato* – имитация устной речи на письме (подробно о *parlato recitato* см.: [Nencioni, 1983, p. 126–180]); третья часть (Б. Челлини «Жизнь» и

Н. Макиавелли «История Флоренции») представляет собой нарратив.

Определяя механизм превращения *dico* в дискурсивный маркер, мы учитываем ограничения, накладываемые историческим материалом. Рабочая гипотеза, которую мы проверим, анализируя образцы *parlato recitato* и нарративные тексты, состоит в следующем: *dico* в функции дискурсивного маркера является результатом вторичной метафоризации.

Первичной метафоризацией мы называем использование глагола *dire* не в составе диктума, в значении «произносить слова», «обращаться к адресату с репликой», «сообщать информацию» (актантная структура глагола в этом случае обычно предполагает заполнение валентности косвенного объекта: *dico qualcosa a qualcuno – Ti dico la verità. Dimmelo; dico qualcosa – Dice sempre stupidaggini. Diciamo una preghiera*), а в качестве глагола модуса. *Dire* может употребляться в значении «высказывать мнение», выполняя эпистемическую функцию. Валентность косвенного объекта при таком употреблении заполняется факультативно, а в позиции прямого дополнения находится придаточное дополнительное предложение: *dico che... – Dico che se ciascuno di noi fa la sua parte, le cose possono finalmente andare meglio* (это цитата из интервью Маттео Ренци: <http://www.lagazzettadelmezzogiorno.it/news/italia/786727/renzi-io-non-dico-che-tutto-va-bene.html>; остальные взяты из словарной статьи «Dire» (П. Sabatini Coletti) и итальянского сегмента Интернета). Глагол *dire* также способен реализовывать волитивную модальность («говорю=даю указание»). Формальным маркером его волитивного употребления может быть синтагма с предлогом *di* в случае имплицитной предикации: *Digli di telefonare più tardi. Il dottore gli ha detto di smettere con le sigarette*.

Вторичная метафоризация наблюдается при превращении *dico* из глагола мнения или волеизъявления, входящего в модальную рамку высказывания, но не являющегося синтаксически изолированным, в собственно дискурсивный маркер. О его прагматической роли (или ролях) речь пойдет ниже. Е.В. Хачатурян пишет о дискурсивных маркерах глагольного происхождения как о лек-

семах, которые «могут служить наиболее наглядной иллюстрацией процесса частичной десемантизации», подразумевая сохранение ими особого рода семантической связи с производящей глагольной основой [Хачатурян, 2000, с. 13]. По нашему мнению, функционирование дискурсивного маркера *dico* отражает двойственность употребления *dire* в качестве глагола модуса.

Используя метод сплошной выборки с применением автоматизированного поиска по оцифрованным версиям и электронным изданиям памятников XVI в., мы обнаружили 68 контекстов, где *dico* отвечает описанным выше формальным и функциональным критериям. Охарактеризуем далее признаки дискурсивного маркера *dico*, реализуемые в разножанровых произведениях итальянской литературы.

#### Функции дискурсивного маркера *dico* в итальянском языке XVI века

Рассмотрим функции дискурсивного маркера *dico* в комедиях.

(1) ARPAGO: Tutte le città del mondo, le grandi **dico**, sono di piombo, ma Vinegia è d'oro, è veramente Città de Dio (Calmò. II, 1).

(2) ARIDOSIO: Che volete far di quel lume?

SER IACOPO: Oh! Egli è buono a mille cose.

ARIDOSIO: Dite a che.

SER IACOPO: A far lume, accendere il fuoco e altre faccende.

ARIDOSIO: Eh! Voi non m'intendete. **Dico**, a quel che gli è buon per gli spiriti.

SER IACOPO: Per li spiriti è egli pessimo e doloroso (De' Medici. III, 2).

(3) POLINICO: Come questo vostro amore fia più noto, oltre che in gran pericolo starai, tu sarai da tutti tenuto una bestia.

FESSENIO: Pedagogo poltrone!

POLINICO: Perché, chi non dilleggia e non odia li vani e li leggeri? Come diventato sei tu che, forestiero, ti sei posto ad amare. E chi? Una delle più nobil donne di questa città. Fuggi, **dico**, e' pericoli di questo amore

<...>

POLINICO: Ogni mal fresco agevolmente si leva; ma poi, invecchiato, non mai. Levati, **dico**, da questo tuo amore (Dovizi. I, 2).

(4) LUZIO: Oimè! oimè! oimè!

PRUDENZIO: Malfatto, non odi, no? Vien qui.

MALFATTO: Oh ! parlate, parlate, che non ve adormirete.

PRUDENZIO: Camina, **dico**.

LUZIO: Oh mamma mia! (Belo. III, 2).

Как видно из приведенных примеров, дискурсивное слово *dico* может быть отнесено к категории прагматических маркеров (*segali pragmatici*) в терминологии П. Молинели. В примере (1) *dico* сопровождает пояснение (= *cioè*): начав говорить о «всех городах мира», персонаж спохватывается и сужает сферу действия своего суждения – он имеет в виду только большие города. В примере (2) *dico* позволяет герою преодолеть коммуникативные затруднения. Видя, что собеседник неправильно понял его вопрос, Аридосио уточняет, что интересуется не тем, как применять светильник вообще, а как использовать его в магическом ритуале. В примерах (1) и (2), таким образом, действие маркера направлено на содержательную сторону коммуникации: он сигнализирует о повторной попытке донести мысль до адресата.

В примере (3) наставник Полинико предупреждает пылкого юношу Лидио об опасностях любви к знатной замужней даме; его монолог перемежается насмешливыми комментариями слуги Фессенио. Задача персонажа – быть услышанным, хотя его перебивает слуга и не хочет слушать воспитанник. Маркер *dico* в этой небольшой сцене встречается дважды, оба раза сопровождая настойчивую рекомендацию не ввязываться в опасную авантюру. В примере (4) педант Пруденцио собирается наказать школяра Луцио и приказывает слуге подвергнуть его телесному наказанию. Слуга медлит, явно не желая подчиняться, и Пруденцио подгоняет его. В данном контексте *dico* выполняет функцию повторного и настойчивого побуждения к действию. Итак, в примерах (3) и (4) действие маркера направлено на собеседника, реакцией которого говорящий не удовлетворен; *dico* используется при повторной попытке добиться желаемого поведения адресата.

Теперь обратимся к примерам функционирования дискурсивного слова *dico* в трактатах и нарративных произведениях:

(5) Voglio dire che il fine è quello che giuoca, e che in tutte l'operazioni umane attendere, e considerare si debbe; perciocché siccome molte cose non buone, solo che siano fatte a buon fine, lodare si deono, così molte buone fatte con non buono animo, sono da essere biasimate. Non accadeva al Castelvetro né favellare tanto dispettosamente, né così risolutamente le sue sentenze, (quasi fossero oracoli) pronunziare, **dico**, quando bene avesse avuto e cagioni, e ragioni da riprendere il Caro (Varchi).

(6) Forse gli è morto il padre? **dico** quel padre di Castello. – Ascanio disse a questo: – Lui è vivo, ma tu sarai or morto (Cellini).

(7) Ma, ritornando al nostro proposito, consideri il peccatore arrogante, il quale, facendo alcune opere nel conspetto del mondo laudevole, pretende di giustificarsi al cospetto di Dio; consideri, **dico**, che tutte le opere, che vengono da impuro cuore e immondo, sono anco esse immonde e impure (Trattato ... . Cap. IV).

В примере (5) приведен фрагмент рассуждения Б. Варки об одном из эпизодов в спорах о языке, развернувшихся в Италии в XVI веке. Солидаризируясь с Л. Кастельветро, Б. Варки в то же время порицает резкую и безапелляционную форму его суждений в полемике с А. Каро. Сначала он высказывается довольно туманно, рассуждая о цели и средствах, а затем, используя дискурсивный маркер *dico*, уточняет, к какому эпизоду относятся эти рассуждения. Пример (6), отрывок из автобиографии Б. Челлини, также иллюстрирует уточняющую функцию *dico*: говорящий поясняет для собеседника то, что, с его точки зрения, могло остаться непонятным в его реплике, а именно – о каком отце (*il padre*) может идти речь. В примере (7), отрывке из анонимного религиозного трактата, *dico* реализует фатическую функцию, подобно тому, как это представлено в примерах (3) и (4). Автор призывает грешников задуматься о нечистоте своего сердца и своих дел. Глагол *considerare* в повелительном наклонении повторяется дважды; во второй раз он сопровождается словом *dico*, возвращающим читателя к мысли, которая в противном случае могла бы потеряться из-за тяжеловесности синтаксической конструкции, и одновременно служащим дополнительным средством эмфазы.

Отметим, что реплика с *dico* (пояснение или просьба) может быть не только эмоционально нейтральной, как в примерах (1), (2),

(5) и (6), но и сопровождаться эмфазой, что чаще обнаруживается в контекстах, где *dico* вводит реплику, не столько уточняющую, сколько еще раз повторяющую или эмоционально подтверждающую сказанное выше:

(8) MARCHETTO: Eh! Dimmelo, che son Marchetto che gli vo' dire una cosa che importa.

CORNACCHIA: Deh! Lassami stare un poco, Marchetto, di grazia.

MARCHETTO: Oh!... che importa assaissimo, **dico**.

CORNACCHIA: Or, or, ora: aspetta un poco (Piccolomini. III, 10).

(9) LELIA: Digli che, se non si leva dinanzi Flamminio, che perde il tempo: ché la sa ben ch'io mi rovinarei.

PASQUELLA: Viene a dirgliel tu.

LELIA: Io dico che ho altro da fare. Non odi?

PASQUELLA: E che hai da fare? Dacci una corsa; e tornarai subito.

LELIA: Oh! Tu mi rompi il capo, ora. Vatti con Dio.

PASQUELLA: Non vuoi venire?

LELIA: Non, **dico**: non m'intendi? (Accademia ... . II, 2).

При выражении приказа эмфазой может сопровождаться повторная попытка воздействия на адресата, явно не желающего повиноваться:

(10) CAMBIO: I' mi trasecolo. O chi t'ha aperto?

GIULIO: Che «aperto»?

CAMBIO: L'uscio di casa mia.

GIULIO: Oh! oh! Questa fia simile a quella di Fazio. Che dite d'uscio di casa vostra?

CAMBIO: Sì, tristo malvagio! L'uscio. Lo vo' saper, se non ch'un occhio ti caverò colle mie man. Sii! Dimelo, **dico**. Di' su! (D'Ambr. V, 3).

(11) MALFATTO: Be'; rendime li mei quatrini, adunque.

CECA: Non te lli voglio rendere. Non me lli hai dati?

MALFATTO: Misser no, che non te li ho dati.

Rendime li mei quatrini; rendime li mei quatrini.

CECA: Vedi come piange el gaglioffo!

MALFATTO: Rendime li mei quatrini, **dico**.

CECA: To', vatti con Dio (Belo. II, 3).

Дополнительными признаками эмфазы в высказываниях с *dico*, наряду с самим дискурсивным словом, подчеркивающим повторный характер запроса / попытки объясниться (ср. рус. *еще раз тебе говорю, еще раз тебя спрашиваю*), могут выступать междометия

(*Eh! Oh! Oimè!*), вопросительные и восклицательные предложения (*Sii! Di' su! non m'intendi?*), экспрессивная лексика (*sciagurato, tristo* и т. п.).

Итак, все отмеченные нами примеры употребления *dico* (независимо от жанра произведения) тяготеют к одному из функциональных полюсов: данный дискурсивный маркер либо вводит реплику, уточняющую сказанное, либо сопровождает настойчивую просьбу или приказ. При этом в комедиях он встречается чаще. Кроме того, в трактатах и нарративе подавляющее большинство обнаруженных нами примеров (11 из 13) иллюстрируют уточняющую функцию *dico*, когда маркер модифицирует содержание высказывания. В комедиях функции *dico*, напротив, представлены максимально разнообразно: маркер также может сопровождать уточнение, указывать на повторный запрос информации, повторную настойчивую просьбу, подчеркивать согласие или отказ.

Таким образом, инвариантным прагматическим значением *dico* в комедиях можно назвать попытку преодоления коммуникативных затруднений (речь идет о реализации фатической функции языка), тогда как в нарративной прозе и трактатах *dico* сигнализирует о попытке автора более точно и последовательно выразить мысль (пример реализации метатекстовой функции). В обоих случаях можно говорить о повторной попытке добиться успешной коммуникации – либо через более интенсивное воздействие на собеседника, либо путем переформулирования ранее сказанного.

### Позиция дискурсивного маркера *dico* в высказывании

В уточняющей функции *dico* встречается как в препозиции (12), так и в постпозиции (13):

(12) *Potrebbe a queste tre parti, messer Ercole, che io trascorse v'ho, più tosto che raccontate, al suono, al numero, alla variazione, generanti le due, dico la gravità e la piacevolezza, che empiono il bene scrivere, aggiugnerne ancora dell'altre acconcie a questo medesimo fine, sí come sono il decoro e la persuasione* (Bembo. II, 19);

(13) *RABBIOSO SOLDATO: Questo è il fine di buoni, e valorosi soldati.*

*CORTESE GRECA: Chie consa? lo speali, à grammo vui.*

*RABBIOSO SOLDATO: Lo esser povero dico, e non per altro, se non perché non tengono conto alcuno di robba* (Calmo. I, 4).

*Dico* в побудительной функции также обладает свободой во фразе, что показывают примеры с маркером внутри реплики (14), однако в подавляющем большинстве случаев он занимает позицию в конце фразы, как в (15) и (16), что, по-видимому, призвано усилить прагматический эффект:

(14) *POLINICO: Levati, dico, da questo tuo amore* (Dovizi. I, 2).

(15) *NICOMACO: Sta' un poco meco!*

*SOFRONIA: Lasciami ire!*

*NICOMACO: Fermati, dico!*

*NICOMACO: Io non voglio: tu mi par cotto!* (Machiavelli. III, 4).

(16) *CRISAULO: Ben l'avev'io pensato: che la cognosco per la più crudele, la più ingrata e scortese che nascesse mai sotto il cielo. Ahi lasso sfortunato! Questo è 'l buon guidardon di tanta fede? Deh non foss'io mai nato!*

*ARTEMONA: Taci, dico. Ascolta.*

*CRISAULO: Sì, s'io posso: ch'io mi sento mancar l'anima dentro* (Ricchi. II, 5).

Таким образом, положение дискурсивного маркера *dico* относительно слов, составляющих сферу его действия, жестко не закреплено, что может рассматриваться как один из признаков его прагматической функции и внепропозиционального статуса.

### Контекстная семантика дискурсивного маркера *dico*

Если на основе всех контекстов, рассмотренных нами в ходе исследования, вывести инвариант прагматической роли *dico*, мы получим один из вариантов реализации фатической функции – повторная попытка успешной коммуникации. Употребление маркера призвано способствовать успешной коммуникации, причем в большинстве примеров *dico* сигнализирует о том, что это уже не первая попытка добиться понимания или желаемой реакции. С точки зрения контекстной семантики *dico* можно, как уже говорилось, выде-

лить два типа употребления данного дискурсивного маркера. В одних контекстах он указывает на то, что его сфера действия (реплика в диалоге или отрывок текста в нарративе) содержит уточнение ранее сказанного, тогда как в других случаях сферой действия *dico* является не содержание коммуникации, а сам адресат и его поведение. На наш взгляд, такое двоякое употребление *dico* в качестве дискурсивного маркера может рассматриваться как результат его развития на основе двух переносных значений глагола *dire*, о которых шла речь в начале данной работы, – эпистемического и волитивного.

Помимо очевидного параллелизма между переносными значениями *dire* и двумя типами употребления *dico* в качестве дискурсивного маркера, в пользу данной гипотезы свидетельствуют некоторые примеры употребления формы *dico* с заполненными валентностями. В таких случаях мы не можем говорить о *dico* как о дискурсивном маркере, поскольку одним из обязательных критериев отнесения слова глагольного происхождения к данной категории прагматических средств мы, вслед за некоторыми исследователями, считаем отсутствие у него зависимых словоформ. В то же время подобные примеры иллюстрируют механизм возникновения дискурсивного маркера, когда форма *dico* с зависимым словом уже выполняет прагматические функции (это может быть уточнение содержания сообщения или попытка повлиять на поведение адресата), но еще не утратила способности вступать в синтаксическую связь, а значит, процесс прагматикализации не завершен. Наряду с контекстами, где *dico* функционирует уже как полноценный дискурсивный маркер, в нашем корпусе примеров встречаются и такие контексты:

(17) RUFFO: Non temer. Di' sii.

FANNIO: Sappi che Lidio mio padrone è ermafrodito.

RUFFO: E che importa questo merdafiorito?

FANNIO: Ermafrodito, *dico io*. Diavoli tu se' grosso! (Dovizi. III, 17).

(18) MALFATTO: Me par sentir... Oh! è lo mastro. A fé, site lo

ben venuto.

PRUDENZIO: Et tu quoque.

MALFATTO: E dove è lo coco, patrone? Io non lo vego.

PRUDENZIO: *Io dico*, tu ancora (Belo. IV, 2).

(19) LELIA: Lasciatela andar, *vi dico*. È possibil che, in tutta questa città, non sia un'altra che meriti l'amor vostro quanto lei? (Accademia ... II, 7).

(20) ZANAIUOLO: Non me ne voglio annar. Dammi la lettera qua, ed andronne.

FAZIO: Deh! Pon' mente storia che è questa!

CAMBIO: Non te la vo' dar.

FAZIO: Deh! Vattene. Levatici dinanzi.

ZANAIUOLO: Vo' la lettera, *ti dico*; che non te l'ho a dar (D'Ambra. II, 7).

В приведенных примерах «полудискурсивного» употребления *dico* при попытке воздействия на адресата в (19) и (20) заполняется именно валентность косвенного дополнения (как происходит при волитивном употреблении *dire*), а у *dico* в уточняющей функции – примеры (17) и (18) – эта валентность, напротив, остается незаполненной (ср. эпистемическое употребление *dire*).

### Заключение

Проведенное нами исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в текстах XVI в., представляющих собой образцы *parlato recitato* (имитации диалогической речи с рядом характерных для нее дискурсивных особенностей), встречается немало примеров использования *dico* в качестве дискурсивного маркера. При этом в ряде случаев *dico* в прагматически маркированном употреблении отмечается с заполненными валентностями, что позволяет говорить о еще не вполне завершившемся процессе прагматикализации данного элемента.

Во-вторых, прослеживается параллелизм между переносными употреблениями глагола *dire* – эпистемическим («сказать, говорить» = «считать, полагать, заявлять») и волитивным («сказать, говорить» = «велеть, приказывать»), с одной стороны, и двояким (в уточняющей и побудительной функциях) употреблением как дискурсивного маркера – с другой. Эта закономерность может свидетельствовать о том, что дискурсивный маркер *dico* развился в результате вторичной метафоризации глагола речи. Инвариантным прагмати-

ческим значением *dico* становится повторная попытка успешной коммуникации. В одних случаях неуспех первой попытки связан с неправильной (или потенциально неправильной), на взгляд говорящего, интерпретацией сообщения адресатом. В других случаях неудовлетворение говорящего связано с поведением адресата, на которое он настойчиво пытается повлиять. В обоих случаях *dico* подвергается частичной десемантизации и переосмыслению, превращаясь из полнозначной лексемы в прагматический сигнал.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Виноградов В. В., 1950. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды института русского языка АН СССР. М. ; Л. : Наука. Т. 2. 105 с.
- Гуревич Д. Л., 1998. Речевые слова в португальском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 20 с.
- Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания, 1998 / под ред. К. Киселевой, Д. Пайара. М. : Метатекст. 447 с.
- Хачатурян Е. В., 2000. Семантика и синтактика дискурсивных слов глагольного происхождения в современном итальянском языке : дис. ... канд. филол. наук. М. 172 с.
- Школьникова О. Ю., 2015. Дискурсивное слово *donc/dunque* как функциональный преемник латинских дискурсивов (на примере французских и итальянских средневековых переводов «Солилокий бл. Августина») // *Stephanos*. № 6 (14). С. 89–96.
- Bazzanella C., 2001. Segnali discorsivi nel parlato e nello scritto // *Scritto e parlato. Metodi, testi e contesti* / M. Dardano [et al.] (eds.). Roma : Casa editrice Aracne. P. 79–97.
- Bazzanella C., 2010. I segnali discorsivi // *Grammatica dell'italiano antico* / G. Salvi, L. Renzi (eds.). Bologna : Mulino. P. 1339–1359.
- Dardano M., 2012. Segnali discorsivi della prima poesia italiana // *Pragmatique historique et syntaxe. Historische Pragmatik und Syntax. Actes de la section du meme nom du XXXI e Romanistentag allemande. Akten der gleichnamigen Sektion des XXXI. Deutschen Romanistentags (Bonn, 27.9.–1.10. 2009)* / B. Wehr, F. Nicolosi (eds.). Frankfurt am Main : Peter Lang. S. 47–68.
- Giuliano P., Russo R., 2014. L'uso dei marcatori discorsivi come segnale di integrazione linguistica e sociale // *Uno come Te. Europei e nuovi europei nei percorsi di integrazione* / P. Donadio [et al.] (eds.). Milano : Franco Angeli. P. 237–247.
- Khachaturyan E., 2011. Una classificazione dei segnali discorsivi in italiano // *Discourse markers in Romance languages. Oslo Studies in Language*. № 3 (1). P. 95–116.
- Molinelli P., 2017. Segnali discorsivi e segnali pragmatici: sensibilità al mutamento e alla variazione sociolinguistica // *Linguistica e Filologia*. Vol. 37. P. 121–155.
- Nencioni G., 1983. Di scritto e di parlato. Discorsi linguistici. Bologna : Zanichelli. 290 p.
- Zorraquino A. M., Lázaro J. P., 2000. Los marcadores del discurso // *Gramática descriptiva de la lengua española* / I. Bosque, V. Demonte (eds.). Madrid : Espasa. P. 4051–4215.

### ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Accademia ... – Accademia degli Intronati Gl'Ingannati // Commedie del Cinquecento* / A cura di I. Sanesi. Vol. I. Bari : Laterza, 1912. P. 311–399.
- Belo – Belo F. IL Pedante // Commedie del Cinquecento* / A cura di I. Sanesi. Vol. I. Bari : Laterza, 1912. P. 83–163.
- Bembo – Bembo P. Prose della volgar lingua // Bembo P. Prose della volgar lingua. Gli Asolani. Rime* / A cura di C. Dionisotti. Torino : UTET, 1966. 731 p.
- Calmo – Calmo A. IL Travaglia. Vinegia : Appresso Domenico de Farri, 1561.*
- Cellini – Cellini B. La vita* / A cura di G.D. Bonino. Torino : Einaudi, 1973. 512 p.
- D'Ambra – D'Ambra F. I Bernardi // Commedie del Cinquecento* / A cura di I. Sanesi. Vol. II. Bari : Laterza, 1912. P. 295–443.
- De' Medici – De' Medici L. L'Aridosia // Commedie del Cinquecento* / A cura di I. Sanesi. Vol. II. Bari : Laterza, 1912. P. 125–205.
- Dovizi – Dovizi B. (Bibbiena). La Calandria // Commedie del Cinquecento* / A cura di I. Sanesi. Vol. I. Bari : Laterza, 1912. P. 1–83.
- Il Sabatini Coletti – Il Sabatini Coletti. Dizionario della lingua italiana. Milano : RCS Libri SpA, 2008. [CD-rom]*
- Machiavelli – Machiavelli N. Clizia // Machiavelli N. Tutte le opere* / A cura di M. Martelli. Firenze : Sansoni, 1971. URL: <http://bepi1949.altervista.org/ercolano/ercolano.html> (date of access: 02.04.2018).
- Piccolomini – Piccolomini A. L'Amor costante // Commedie del Cinquecento* / A cura di I. Sanesi. Vol. II. Bari : Laterza, 1912. P. 1–125.
- Ricchi – Ricchi A. I tre tiranni // Commedie del Cinquecento* / A cura di I. Sanesi. Vol. I. Bari : Laterza, 1912. P. 163–311.

*Trattato ...* – Trattato utilissimo del beneficio di Gesù Cristo // Opuscoli e lettere di riformatori italiani / A cura di G. Paladino. Bari: Laterza, 1913. P. 1–61.  
*Varchi* – Varchi B. L'Ercolano. URL: <http://bepi1949.altervista.org/ercolano/ercolano.html> (date of access: 02.04.2018).

#### REFERENCES

- Vinogradov V.V., 1950. O kategorii modalnosti i modalnykh slovakh v russkom yazyke [On the Category of Modality and Modal Words in the Russian Language]. *Trudy instituta russkogo yazyka AN SSSR*. Moscow, Leningrad, Nauka Publ. Vol. 2. 105 p.
- Gurevich D.L., 1998. *Rechevye slova v portugalskom yazyke: avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk* [Discourse Markers in the Portuguese Language. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 20 p.
- Kiseleva K., Paillard D. eds., 1998. *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticeskogo opisaniya* [Discourse Markers in the Russian Language: a Contextual-Semantic Description]. Moscow, Metatekst Publ. 447 p.
- Khachatryan E.V., 2000. *Semantika i sintaktika diskursivnykh slov glagolnogo proiskhozhdeniya v sovremennom italyanskom yazyke: diss. ... cand. filol. nauk* [Semantics and Syntax of Verb-Based Discourse Markers in Modern Italian. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow. 172 p.
- Shkolnikova O.Yu., 2015. Discursive Word *donc/dunque* as a Functional Successor to the Latin Discourse (for Example, French and Italian Translations of Medieval Soliloquy Bl. Augustine). *Stephanos*, no. 6 (14), pp. 89-96.
- Bazzanella C., 2001. Segnali Discorsivi Nel Parlato e Nello Scritto. *Scritto e Parlato. Metodi, Testi e Contesti*. Rome, Casa editrice Aracne, pp. 79-97.
- Bazzanella C., 2010. I Segnali Discorsivi. *Grammatica Dell'italiano Antico*. Bologna, Mulino, pp. 1339-1359.
- Dardano M., 2012. Segnali Discorsivi Della Prima Poesia Italiana. *Pragmatique Historique et Syntaxe- Historische Pragmatik und Syntax: Actes de la Section du Meme Nom du XXXI e Romanistentag Allemand. Akten der Gleichnamigen Sektion des XXXI. Deutschen Romanistentags (Bonn, 27.9.–1.10.2009)*. Frankfurt am Main, Peter Lang, pp. 47-68.
- Giuliano P., Russo R., 2014. L'uso dei Marcatore Discorsivi Come Segnale di Integrazione Linguistica e Sociale. Donadio P. et al. eds. *Uno Come Te. Europei e Nuovi Europei Nei Percorsi di Integrazione*. Milano, FrancoAngeli, pp. 237-247.
- Khachatryan E., 2011. Una Classificazione dei Segnali Discorsivi in Italiano. *Discourse Markers in Romance Languages. Oslo Studies in Language*, no. 3 (1), pp. 95-116.
- Molinelli P., 2017. Segnali Discorsivi e Segnali Pragmatici: Sensibilità al Mutamento e Alla Variazione Sociolinguistica. *Linguistica e Filologia*, vol. 37, pp. 121-155.
- Nencioni G., 1983. *Di Scritto e di Parlato. Discorsi Linguistici*. Bologna, Zanichelli. 290 p.
- Zorraquino A.M., Lázaro J.P., 2000. Los Marcadores del Discurso. *Gramática Descriptiva de la Lengua Española*. Madrid, Espasa, pp. 4051-4215.

#### SOURCES AND DICTIONARIES

- Sanesi I., ed. Accademia Degli Intronati. *Gl'Ingannati. Commedie del Cinquecento*. Bari, Laterza, 1912, vol. 1., pp. 311-399.
- Belo F. *IL Pedante. Commedie del Cinquecento*. Bari, Laterza, 1912, vol. 1, pp. 83-163.
- Embo P. *Prose Della Volgar Lingua. Prose della volgar lingua. Gli Asolani. Rime*. Torino, UTET, 1966. 731 p.
- Calmo A. *Il Travaglia*. Vinegia, Appresso Domenico de Farri, 1561.
- Cellini B. *La Vita*. Torino, Einaudi, 1973. 512 p.
- D'Ambra F. I Bernardi. *Commedie del Cinquecento*. Bari, Laterza, 1912, vol. 2, pp. 295-443.
- De' Medici L. *L'Aridosia. Commedie del Cinquecento*. Bari, Laterza, 1912, vol. 2, pp. 125-205.
- Dovizi B. (Bibbiena). *La Calandria. Commedie del Cinquecento*. Bari, Laterza, 1912, vol. 1, pp. 1-83.
- Il Sabatini Coletti. *Dizionario Della Lingua Italiana*. Milano, RCS Libri SpA, 2008, [CD-rom].
- Machiavelli N. *Clizia. Tutte le Opere*. Firenze, Sansoni, 1971. URL: <http://bepi1949.altervista.org/ercolano/ercolano.html> (Accessed 2 April 2018).
- Piccolomini A. *L'Amor Costante. Commedie del Cinquecento*. Bari, Laterza, 1912, vol. 2, pp. 1-125.
- Ricchi A. *ITre Tiranni. Commedie del Cinquecento*. Bari, Laterza, 1912, vol. 1, pp. 163-311.
- Paladino G., ed. *Trattato Utilissimo del Beneficio di Gesù Cristo. Opuscoli e Lettere di Riformatori Italiani*. Bari, Laterza, 1913, pp. 1-61.
- Varchi B. *L'Ercolano*. URL: <http://bepi1949.altervista.org/ercolano/ercolano.html> (Accessed 2 April 2018).

### **Information about the Author**

**Lyubov I. Zholudeva**, Candidate of Sciences (Philology), Senior Lecturer, Department of Romance Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1/51, 119991 Moscow, Russia, l.zholudeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1797-785X>

### **Информация об авторе**

**Любовь Ивановна Жолудева**, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры романского языкознания, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 51, 119991 г. Москва, Россия, l.zholudeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1797-785X>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.14>

UDC 811.111'373.611  
LBC 81.432.1-20

Submitted: 17.09.2018  
Accepted: 20.02.2019

## THE MECHANISMS OF PROVERSION AND REVERSION IN PRODUCING THE COMPOUNDS OF THE ENGLISH LANGUAGE

**Igor V. Chekulay**

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

**Olga N. Prokhorova**

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

**Vladislav A. Kuchmistyy**

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

**Abstract.** The subject-matter of this paper is the structural mechanism of the proverse and reverse word-compounding as a word-building process in modern English while having the model of word-combination as a starting basis for such transformations. The mechanism of proversion represents the process transforming a word-combination into a compound word while preserving the initial order of components coinciding with that of a word-combination ( $A + B \rightarrow AB$ ). When the reverse process of compounding takes place, the components of a resulting compound word change their places as to each other in comparison with a component-order in an initial word-combination ( $A + B \rightarrow BA$ ). The hypothesis of the investigation is that the compounding by proversion occurs if words of an initial word-combination are tied with the syntactic relation of agreement, while the reverse compounding usually tends to provide compounding on the basis of the syntactic relation of control. The proversive model is mostly the basis for creating nominative parts of speech, and the result of the reverse intergration of a word-combination into a compound word is manifested mainly by a verb or a verbal. The article describes the general and certain specific models of proverse and reverse compounding with the indication of their functional and stylistic peculiar features. The conclusion indicates the perspectives of working out the problem on the basis of other languages and on the comparative ground.

**Key words:** word-combination, compound word, integration, proversion, reversion, agreement, control.

**Citation.** Chekulay I.V., Prokhorova O.N., Kuchmistyy V.A. The Mechanisms of Proversion and Reversion in Producing the Compounds of the English Language. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 1, pp. 170-179. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.14>

УДК 811.111'373.611  
ББК 81.432.1-20

Дата поступления статьи: 17.09.2018  
Дата принятия статьи: 20.02.2019

## МЕХАНИЗМЫ ПРОВЕРСИИ И РЕВЕРСИИ В ОБРАЗОВАНИИ СЛОЖНЫХ СЛОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

**Игорь Владимирович Чекулай**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

**Ольга Николаевна Прохорова**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

**Владислав Анатольевич Кучмистый**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

**Аннотация.** Предмет исследования в данной статье – структурные механизмы проверсивного и реверсивного образования сложных слов из исходных моделей словосочетаний в английском языке. Проверсия понимается как механизм трансформации словосочетания в сложное слово с соблюдением порядка следования компонентов в исходном словосочетании ( $A + B \rightarrow AB$ ), реверсия – как механизм трансформации словосочетания в сложное слово с изменением порядка следования компонентов результирующего сложного слова по сравнению с порядком следования компонентов в исходном словосочетании ( $A + B \rightarrow BA$ ). Доказана гипотеза, согласно которой проверсивное словосложение происходит в случае, если связь слов в исходном словосочетании организована как синтаксическое отношение согласования, а реверсивное словосложение – если связь слов организована как управление. Установлено, что по проверсивной модели чаще образуются именные части речи, а по реверсивной – глагол. Описаны некоторые модели и субмодели проверсивного и реверсивного словосложения в английском языке с указанием их функциональных и стилистических особенностей. Определены перспективы исследования проверсивных и реверсивных трансформаций на материале других языков и в сопоставительном аспекте.

**Ключевые слова:** словосочетание, сложное слово, интеграция, проверка, реверсия, согласование, управление.

**Цитирование.** Чекулай И. В., Прохорова О. Н., Кучмистый В. А. Механизмы проверсии и реверсии в образовании сложных слов английского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 1. – С. 170–179. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.14>

## Введение

Лингвистика XX в., казалось бы, сняла все основные вопросы, возникающие в связи с изучением той или иной единицы языка в русле структурного подхода. Тем не менее ученые, описывающие лингвистические факты на современном этапе, в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы, обнаруживают их новые частные аспекты, заставляющие тот или иной раздел языкознания «заблестеть» новыми исследовательскими гранями. В этом плане не является исключением и словообразование.

Качественное преобразование традиционных аспектов лингвистических исследований обусловлено, как справедливо в конце уходящего тысячелетия заметил А.Е. Кибрик, сменой этапов «что-» и «как-лингвистики» этапом «почему-лингвистики» [Кибрик, 1995, с. 91]. В целом большинство языковых явлений уже охарактеризовано, и теперь остается самое трудное и в то же время самое интересное – выяснить причины, обусловившие динамику того или иного явления, с использованием исследовательской модели, определенной еще в рамках структурного описания языка.

## Основные понятия и термины исследования

1. Указанные в названии статьи механизмы деривации, составляющие предмет дан-

ного исследования, изучаются нами уже достаточно продолжительное время. Первой была установлена и описана реверсия, прежде всего как явление синтаксического плана. Она, в частности, лежит в основе такого яркого стилистического приема, как хиазм (см., напр.: [Чекулай, Прохорова, 2009]). В дальнейших исследованиях [Прохорова, Чекулай, 2011; Чекулай, Прохорова, 2014; 2016] было показано, что релевантность этого механизма распространяется и на другие уровни языковой иерархии, в том числе на лексический, а точнее, словообразовательный (промежуточный) уровень, когда специфика морфемного строя отражается в реальных единицах лексического уровня. В частности, были обнаружены так называемые «слова-перевертыши» китайского языка типа *fengmi* («пчела») и *mifeng* («мед»), близкие тезаурусно, но различные по внутренней форме, поскольку построены в соответствии с обратным по отношению друг к другу порядком следования компонентов двусложного слова.

Наблюдения за словообразованием в английском языке показывают, что в нем существует словообразовательный механизм, по своим «техническим характеристикам» близкий к китайскому, с той лишь разницей, что в результате его действия обязательно образуется слово иной по сравнению с производящими словами части речи. Имеется в виду образование новых слов путем изменения порядка составляющих его компонентов на об-

ратный (то есть путем реверса и, соответственно, основанного на явлении реверсивности). Так от глаголов с послелогом образованы имена существительные: *let in* → *inlet*, *come out* → *outcome* и др., формирующие репрезентативную словообразовательную парадигму современного английского языка.

2. В англистике известно такое явление, как «интеграция словосочетания в сложное слово»; термин введен Д.И. Квеселевичем в [Квеселевич, 1983] для обозначения процесса образования сложного слова посредством трансформации свободного или связанного словосочетания с целью речевой экономии, когда данное словосочетание становится избыточным и объективно возникает необходимость заменить его более краткой по форме лексической единицей. В результате действия рассматриваемого механизма порядок расположения компонентов в производном слове остается таким же, каким он был в исходной фразовой модели. Важным является то, что такие сложные слова образуются по общей словообразовательной модели с участием прилагательного и существительного. На наш взгляд, это не случайно. Анализ сложных слов, образованных по этой модели в различных языках, в том числе в английском, показывает, что если исходное словосочетание имеет адъективно-именной характер, то и образованное из него сложное слово сохранит данный порядок следования компонентов. Таковы, в частности, сложные слова английского языка *greenhouse* – «теплица», *lazybone* – «лентяй», *bigwig* – «важная шишка», *mainstream* (в первичном значении) – «основное русло реки», *light-headed* – «легкомысленный» (дословно «легкоголовый», то есть «с легкой головой») и другие, как правило, относящиеся к нейтральным или разговорным словам.

Такой механизм трансформации является общим, по крайней мере, для языков германской и славянской групп и в определенной мере схож с аббревиацией, а в некоторых случаях они синтезируются. Например, при образовании русского слова *профсоюз* (из *профессиональный союз*) происходит сокращение первого компонента в соответствии с механизмом аббревиации, а второй компонент остается неизменным. Следует отметить, что в русском языке такие слова стилистически окрашены: они представляют собой термино-

логические или специальные номинации (*профнастил*, *шлифмашина*, *вещдоки* и т. п.).

Это наблюдение, на первый взгляд, расходится с положением о том, что сложные слова, образованные по адъективно-именной модели, являются стилистически нейтральными или тяготеют к разговорным. Тем не менее противоречия здесь нет, поскольку, во-первых, в данном случае реализуется субмодель, включающая усеченный компонент, тогда как в общей модели оба компонента фразового сочетания сохраняются полностью, без какой-либо редукции частей слова; во-вторых, в общей модели адъективный компонент – исконное слово, которое в составе производного сложного слова выражает характеристику некоторого обыденного явления в противоположность терминологическим словам, образованным в подавляющем большинстве случаев от заимствованных или интернациональных адъективных компонентов, которые действительно представлены усеченными основами, такими как *bio-*, *photo-*, *tele-*, *meteo-* и т. п. Мы противопоставили исконные прилагательные английского языка заимствованным в качестве первого компонента трансформируемого в сложное слово словосочетания, однако данное противопоставление имеет сугубо констатирующий характер, поскольку при интеграции в сложное слово заимствованные адъективные компоненты отличаются от исконных лишь тем, что их основа подвергается усечению, а проверсивный порядок следования компонентов остается как и в случае с исконными прилагательными. Подобные слова, как правило, являются интернационализмами и в английский язык заимствуются уже сложными словами (таковы, например, научные термины *biochemistry*, *photocell*, *troposphere* и многие другие), поэтому в данном случае говорить о собственно англоязычном словообразовании едва ли корректно. В то же время этот факт представляется важным с точки зрения не англистики, а общего и сопоставительного языкознания, поскольку он дает предварительные основания предполагать, что интеграция адъективного словосочетания в сложное слово с сохранением порядка следования компонентов является универсальной, по крайней мере, в основных европейских языках. Впро-

чем, данное положение требует дополнительной верификации.

3. Для нашей работы порядок следования компонентов исходной модели словосочетания и результирующей модели сложного слова имеет существенное значение, поскольку именно данный параметр представлен в плане выражения, а прочие выводы могут быть сделаны лишь эмпирически и в результате умозаключений. Сохранение порядка следования в исходной и результирующей модели мы определяем термином «проверсия», противоположным термину «реверсия». Если исходная модель состоит из компонентов А и В, следующих в таком порядке, а результирующая модель словосочетания имеет вид АВ, то в данном случае действовал механизм проверсивной интеграции словосочетания в слово, если же результирующая модель имеет вид ВА, – механизм реверсии.

### Результаты и обсуждение

Наблюдения показали, что проверсивной является интеграция как адъективных, так и большинства атрибутивных словосочетаний английского языка. В частности, словосочетания исходной части модели «Num + N» интегрируются в прилагательные, второй компонент которых, имея субстантивный корень, присоединяет флексию регулярной формы *Participle II + -ed*, на письме компоненты обычно соединены дефисом (*one-legged, two-storeyed, three-sided* и т. п.). Здесь также следует отметить идентичность проверсивных моделей английского и русского языков, хотя в русском языке конечные элементы корня числительного отличаются от своего алломорфа в свободном «исполнении» и основы числительного и существительного в сложном слове соединяются без дефиса (*однорукий, двуглавый, треугольный, десятизначный* и др.).

По-видимому, гибридом моделей «Adj + N» и «Num + N» при интеграции адъективноименного словосочетания в сложное слово является упомянутое выше *light-headed*, у которого первый компонент – прилагательное, а второй – существительное с флексией *-ed*. Как представляется, исходная модель «Adj + N» в данном случае либо варьируется, либо же это

иная модель, поскольку интегрироваться в сложное слово могло только трехкомпонентное словосочетание *with light head / having a light head*. Однозначно установить механизм образования существительного *light-headed* пока невозможно, так же как ответить на вопросы о том, необходимо ли дифференцировать эти модели и почему. При более детальной разработке глубинных механизмов образования сложных слов ответы на них обязательно будут найдены.

Невозможна пока и однозначная интерпретация механизма образования фиксируемой в различных толковых и переводных словарях немногочисленной субмодели сложных слов, где первым компонентом является такое полифункциональное английское прилагательное, как *many* (*many-armed, many-coloured, many-headed, many-sided, many-valued, many-voiced*). Мы называем это слово полифункциональным, поскольку оно сочетает в себе характеристики таких частей речи, как числительное и прилагательное, и, кроме того, часто, особенно в разговорной речи, актуализируется как существительное. Можно было бы утверждать, что данная субмодель представляет нумеративные характеристики этого слова, однако следует обратить внимание на такое производное, как *many-valued*. С точки зрения категориальной семантики оно является парадоксальной комбинацией компонентов: лексема *many* в соответствии со своими категориально-семантическими характеристиками может сочетаться лишь с исчисляемыми существительными, а лексема *value* по базовым семантическим характеристикам относится к неисчисляемым существительным. В то же время отмечаются многочисленные случаи употребления причастия *valued* (в функциях атрибутива и предиката) в сочетании с детерминативом *much* (в поисковой системе Google выдает более 160 миллионов вхождений). По-видимому, комбинацию *much valued* едва ли можно считать словосочетанием хотя бы потому, что эти два слова репрезентируют единый член предложения. Более того, в различных интернет-чатах, посвященных английской грамматике, квалифицированные пользователи предлагают в таких словосочетаниях заменять просторечное *much* на вполне нормативное *highly*. Сле-

дует, однако, отметить, что поисковые системы фиксируют не меньшее количество случаев встречаемости формы *many-valued*, чем случаев совместного употребления слов *much valued*, но при этом сложное слово *many-valued* в значении «многозначный» обычно входит в составной термин и выступает в качестве синонима другого сложного слова – *multiple-valued*.

Рассматривая проверсивную интеграцию словосочетания в сложное слово в английском языке, нельзя не прокомментировать и традиционную для английского языкознания проблему интерпретации атрибутивных словосочетаний двух существительных, одно из которых является определением к другому, то есть проблему, известную под неформальным названием «stone-wall problem». Это комплексная проблема, и один из важнейших ее аспектов – словообразовательный. Центральный вопрос здесь следует сформулировать так: «Если в слове наличествуют два именных компонента, первый из которых привносит дополнительную конкретику в значение второго, “опорного”, компонента, является ли данное слово результатом интеграции словосочетания, состоящего из двух компонентов-существительных?».

Сложные слова, реализующие модель «N + N», возникли еще на ранних этапах развития английского языка. Так, в известном произведении древнеанглийской литературы «Беовульф» сложные слова, созданные по этой модели, являются довольно многочисленными. Уже в «Прологе» данного произведения встречаются сложные слова *feohgiftum* (*feoh* – «скот; имущество» + *gift* – «подарок»), *lofdædum* (*lof* – «высокий, возвышенный» + *dæd* – «деяние, поступок»), *landfruma* (*land* – «страна, земля» + *fruma* – «правитель») и многие другие.

Приведенные факты и сформулированные вопросы свидетельствуют о многогранности «stone-wall problem» и о том, что ключ к решению этой проблемы дадут исследования специфики проверсивной интеграции словосочетания в сложное слово.

Таким образом, можно сделать предварительный вывод, что проверсивная интеграция словосочетания в сложное слово происходит обычно в случае наличия двух ком-

понентов, второй из которых обязательно представлен существительным и в словосочетании является главным, а первый компонент может быть представлен прилагательным, числительным или существительным в атрибутивном значении и является определением к главному компоненту.

Проводя исследование сложных слов в английском языке, мы определили следующую особенность их образования. Общеизвестно, что компоненты исходной модели словосочетания, как правило, семантически неравнозначны: один из них является главным компонентом словосочетания независимо от того, какой тип синтаксической связи – согласование, управление или примыкание – его организует. В результирующем сложном слове отношения доминированности или подчиненности сохраняются за теми же компонентами. Однако зависимый компонент становится своего рода триггером процесса интеграции, поскольку он «направляет» главный компонент в то русло реализации семантических характеристик обоих компонентов, которое наиболее точно и полно реализует содержание данного сложного слова как цельной единицы. Особенно это заметно в тех случаях, когда зависимый компонент выражен местоимением.

В английском языке, как и в других (например, в русском, украинском и чешском), крайне мало местоимений, которые, будучи первым компонентом сложного слова, могли бы создавать словообразовательные модели. Таковыми являются местоимения *all* и *self* (то, что морфема *-self* образует парадигму возвратных местоимений, во внимание не принимается, поскольку в данном случае мы имеем дело не со словообразованием, а с формообразованием). В этой связи комментария требуют сложные слова, образованные от словосочетаний с местоименными компонентами типа N + *-some* (например, *cumbersome*, *fearsome* и др.). Поскольку в ряде лексикографических изданий данная морфема в такой модели квалифицируется как аффикс, а не корень, слова, содержащие *-some*, мы не включаем в анализ до более или менее обоснованного определения морфолого-словообразовательного статуса этого компонента.

Если в рассмотренных выше сложных словах, созданных по проверсивным моделям, сочетаются только именные компоненты (номинативные, адъективные, нумеративные), то с компонентом *all-* в составе сложного слова могут сочетаться не только именные компоненты.

В целях системной подачи материала обратимся сначала к моделям, образующимся в результате проверсии. Такими, как было бы логично предположить, являются сочетания с компонентами, репрезентирующими корень имени существительного. Поскольку местоимение *all* функционально сближается с прилагательными, возникает возможность связать субмодель «*all* + N» с моделью «Adj + N», детально описанной выше. Однако в результате комплексного анализа мы установили, что при интеграции словосочетания, состоящего из прилагательного и существительного, возникает существительное, а производные с *all* представляют собой прилагательные. Например, сочетание *all-day nurse* означает «сиделка, (нанятая) на весь день»; *all-expence* является вариантом *all-expences-paid*, что означает «полностью оплаченный, покрывающий все расходы», в частности, ~ *trip* – «полностью оплаченная поездка; комплексная путевка»; ~ *scholarship* – «стипендия, включающая полное содержание» (<https://www.multitran.ru/c/m.exe?CL=1&s=all- t&l1=1>). По данной модели образованы и такие рекуррентные прилагательные английского языка, как *all-metal* – «цельнометаллический», *all-night* – «продолжающийся всю ночь, всенощный», *all-purpose* – «универсальный, многоцелевой», *all-wheel* – «полноприводный (например, об автомобиле)». Многие из них могут выполнять функцию терминологического описания в текстах научно-технического характера.

Следует отметить, что некоторые сложные слова с *all-* выходят за рамки субмодели «*all* + N → Adj», поскольку не ей, а модели «Adj + N → N» соответствуют такие сложные слова, как *All-father* со значением «Бог» (в христианской или иной монотеистической религиозной традиции) или «верховное божество» (при описании языческих верований), *all-might* – «всемогущество». Так как другие сложные существительные с компонентом *all-*, не были обнаружены, можно с известной долей индук-

тивности полагать, что субмодель «*all* + N → Adj» имеет стилистические ограничения, поскольку служит для образования слов с ярко выраженной книжной окраской.

Компонент *all-* содержит и сложное слово *all-mesh* – «комбикорм». Словосочетание, интеграция которого дала данное сложное слово, реализует модель «V + Adj → N», и слово *all* является в ней местоимением, поскольку выполняет не адъективную, а дейктическую функцию: *mesh* + *all* – «смешать + все».

Как нетрудно заметить, вместе с частеречными характеристиками одного из компонентов исходного словосочетания, что при распространенности такого словообразовательного процесса, как конверсия, не удивительно, что сменился и порядок следования компонентов результирующей модели на обратный (реверсивный) по сравнению с исходной моделью словосочетания. Следовательно, сложное слово *all-mesh* образовалось в результате реверсивной, а не проверсивной интеграции словосочетания в сложное слово.

Завершая обзор субмоделей образования сложных слов с начальным компонентом *all-*, следует охарактеризовать субмодель со вторым компонентом-причастием или прилагательным; несмотря на то, что вторым компонентом выступают слова разных частей речи, сложное слово является прилагательным.

Рассмотрим сначала слова со вторыми компонентами-причастиями. Является ли причастие действительным или страдательным, для интеграции в сложное слово не имеет значения, поскольку результат их интеграции совпадает полностью: по этой субмодели образуются только прилагательные, например: *all-absorbing* – «всепоглощающий, захватывающий, страстный», *all-cast* – «цельнолитой», *all-pervading* – «всепроникающий, пронизывающий», *all-seeing* – «всевидящий», *all-welded* – «цельносварной».

Заметим, что между сложными словами, образованными на основе действительных и страдательных причастий, существует различие стилистического характера: если действительные причастия – это слова с ярко выраженными оценочными характеристиками, приближающиеся по своим функционально-стилистическим свойствам к эпитетам, то

страдательные являются терминологически определенными, характерными для профессионально-технического дискурса. Все производные образованы по реверсивной модели, например, *all-seeing* ← *see(ing) all*, *all-welded* ← *weld all*.

Что касается субмодели «*all* + Adj», то соответствующие ей сложные слова являются прилагательными, то есть частеречный статус местоимения *all* не влияет на категориальный статус сложного слова. Это происходит и с содержанием, поскольку компонент *all-*, как правило, только усиливает значение исходного прилагательного. Перечислим наиболее рекуррентные лексемы в составе этой субмодели: *all-important* – «имеющий первостепенное значение, крайне важный»; *~ question* – «решающий вопрос»; *all-inclusive* – «включающий всех или все, учитывающий все; комплексный»; *~ price* – «цена, включающая все виды обслуживания»; *all-powerful* – «всемогущий, всесильный»; *all-sufficient* – «1) вполне, совершенно достаточный; самодовлеющий, самодостаточный 2) эк. не нуждающийся в помощи извне» (<https://www.multitran.ru/c/m.exe?CL=1&s=all-sufficient&l1=1>). Они также образованы на основе реверсии, где исходная модель словосочетания может сопровождаться предложным управлением: *all-important* ← *important above all*; *all-inclusive* ← *including all*; *all-powerful* ← *powerful above / in all*; *all-sufficient* ← *sufficient in all (respects)*.

Описывая результаты трансформационного и словообразовательного анализа сложных слов с первым местоименным компонентом *self-*, можно утверждать, что все содержащие его сложные слова независимо от того, какой частью речи выражен второй компонент (имя или глагол), образуются по реверсивной схеме интеграции словосочетания в сложное слово. Парадигма сложных слов, образованных по модели *self-AW* (another word), достаточно объемна (около 350 единиц), поэтому мы выделим в ней наиболее представленные субмодели интеграции словосочетаний. К ним можно отнести три, различающиеся по частеречной принадлежности второго элемента таких сложных слов. Соответственно, выделяются субстантивные, адъективные и причастные общие модели.

В результате интеграции *self* и существительного образуются сложные существительные, большей частью передающие направленность какой-либо деятельности или какого-либо действия на себя или от себя. Это наиболее многочисленная по реализации модель из рассмотренных:

*self-discipline* – «самодисциплина»; *self + discipline* ← *discipline of oneself*;

*self-government* – «самоуправление»; *self + government* ← *government by oneself / -ves*;

*self-injury* – «членовредительство»; *self + injury* ← *injury to oneself*.

Второй по количеству реализаций является адъективная модель, имеющая прилагательное в качестве второго компонента, и выступающая основой для образования сложных слов-прилагательных:

*self-apparent* – «самоочевидный»; *self + apparent* ← *apparent by itself*;

*self-explanatory* – «ясный, не требующий разъяснений»; *self + explanatory* ← *explanatory by itself*;

*self-reliant* – «полагающийся на самого себя»; *self + reliant* ← *reliant on oneself*.

Третья по количеству реализаций модель – со вторым компонентом причастием – представлена сложными словами, которые являются существительными, прилагательными или причастиями:

*self-imposed* – «возложенный на самого себя»; *self + imposed* ← *imposed on oneself*;

*self-perfecting* – «самоусовершенствование»; *self + perfecting* ← *perfecting oneself*;

*self-reproducing* – «самовоспроизводящийся»; *self + reproducing* ← *reproducing oneself / itself*.

Показательно то, что все члены общего словообразовательного гнезда «*self* + Verbal» интегрируются из словосочетаний по единой реверсивной модели. Здесь возникает ключевой вопрос современной лингвистической науки применительно к феномену словосложения – почему? Что обуславливает единую модель трансформации сочетания одной морфемы с разными компонентами? Неужели слово, которое задает репрезентативное словообразовательное гнездо, выполняя лишь дейктическую функцию, создает общую модель интеграции словосочетания в сложное слово?

Поиск ответов на эти вопросы требует дальнейших исследований. Мы можем только высказать мысль, нуждающуюся в системном доказательстве, подкрепленном результатами изучения лексем, относящихся к различным частям речи, в английском языке. Как представляется, отношения реверсивной интеграции словосочетания в сложное слово наблюдаются там, где в исходной модели словосочетания в качестве организующей выступает такая форма синтаксической связи, как управление, при этом управляющим является главный компонент словосочетания независимо от его частеречной принадлежности, а управляемый компонент представляет своего рода уточнитель семантики деятельности или действия, которая заложена в интенционал управляющего компонента.

Наиболее общей моделью реверсивной трансформации словосочетания в сложное слово представляется сочетание именной части речи в качестве первого компонента словосочетания с глагольной формой, управляющей этим именным компонентом. В свою очередь, распространенной, хотя и далеко не самой рекуррентной реализацией данной общей модели, является субмодель «N + V → V-(prep)-N». По этой субмодели образуются сложные глагольные лексемы, обладающие специфическими коннотативно-семантическими характеристиками. В частности, глагольная лексема *queue-jump* – «пройти / влезть куда-л. без очереди» образовалась от соответствующего словосочетания *to jump the queue*. При этом денотативные характеристики словосочетания и интегрированного от него сложного слова полностью совпадают, но интегрированный вариант приобретает разговорный стилистический оттенок.

По реверсивной субмодели «V + Adj → Adj-V», но также со специфическим коннотативным значением, образован сложный глагол *whitewash*. Процесс его образования показывает, как в результате трансформации словосочетания попутно создается и полисемичная структура нового слова, поскольку из исходного словосочетания *wash white* – дословно «(вы)мыть набело / добела» образуется сразу три новых значения – денотативное значение «белить», терминологическое «восстанавливать в правах» и разговорное «выигрывать всу-

хую» (<https://www.multitran.ru/c/m.exe?l1=1&l2=2&s=whitewash>).

Наиболее рекуррентными реверсивными субмоделями интеграции словосочетания в сложное слово являются номинативно-причастные, в которых исходная модель словосочетания состоит из причастия и имени существительного в функции прямого или косвенного дополнения с результирующей структурой N-Part с общим категориальным значением причастия (если опорный компонент – Причастие II) или существительного (если опорный компонент – Причастие I). Это, например, такие сложные слова, как *gas-lit* – «освещенный газом», *iron-laden* – «груженный железом», *glass-painting* – «роспись стекла» и многие другие. Очень часто при подобных словах можно встретить помету «термин» или «спец.».

### Заключение

Мы представили некоторые модели реализации механизмов проверсии и реверсии. За рамками статьи остались предположительные модели сложных слов типа *withdraw*, глагольно-глагольные, в результате которых образуются сложные существительные типа *striptease*, и глагольно-именные модели с существительным как опорным компонентом и общим категориальным значением существительного типа *plaything* и многие другие модели. Это показывает, что проблемы онтологии, структуры, функций, значения сложных слов еще весьма далеки от своего решения, и в данном отношении адаптация понятий проверсии и реверсии как основных механизмов интеграции словосочетания в сложное слово, а также, возможно, и других общих механизмов, представляется не просто инструментальным действием, а онтологическим основанием такого словообразовательного механизма, как словосложение. Поэтому являются перспективными дальнейшие исследования проверсивного и реверсивного словообразования как на материале английского языка, так и на материале других языков. Более того, представляется перспективным сравнительно-сопоставительное исследование словосложения в разных языках, что может дать существенные результаты как для изучения словообразования в определенном языке, так и для понимания

этого процесса в фокусе общелингвистических знаний.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Квеселевич Д. И., 1983. Интеграция словосочетания в современном английском языке. Киев : Вища школа. 84 с.
- Кибрик А. Е., 1995. Современная лингвистика: откуда и куда? // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. № 5. С. 84–92.
- Прохорова О. Н., Чекулай И. В. 2011. Реверсивность как универсальная модель представления знаний // Сучасна англїстика: Традиції. Сьогодні. Перспективи : Четвертий Міжнародний науковий форум. : тези доповідей. Харків : Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна. С. 98–100.
- Чекулай И. В., Прохорова О. Н., 2009. Реверсивность как способ реализации языковой картины мира // НІ'аданіє еквівалентності ІV : Zborník príspevkov z Medzinárodnej vedeckej konferencie rusistov (Prešov, 11–13.09.2008). Prešov : Prešovská univ. v Prešove. С. 261–271.
- Чекулай И. В., Прохорова О. Н., 2014. Проверсия и реверсия как когнитивные модели словосложения в русском языке // Основные тенденции развития русского и других славянских языков в современном мире : сб. науч. тр. по материалам междунар. науч. конф. (г. Трнава, 15–16 мая 2014 г.). Брно : Tribun EU. С. 223–229.
- Чекулай И. В., Прохорова О. Н., 2016. Проверсия и реверсия как основные механизмы структурирования языковых знаний о словосложении в разных языках // Современные проблемы языкознания, литературоведения, межкультурной коммуникации и лингводидактики : материалы II междунар. науч. конф. (Белгород, 20–21 апреля 2016 г.) / редкол. : В. А. Виноградов [и др.]. Белгород : Белгород. С. 47–51.

## REFERENCES

- Kveselevich D.I., 1983. *Integratsiya slovosochetaniya v sovremennom angliyskom yazyke* [The Integration of a Word-Combination in Modern English]. Kiev, Vishcha shkola Publ. 84 p.
- Kibrik A.E., 1995. The Modern Linguistics: Where from and Where to? *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Moscow

State University Bulletin. Series 9. Philology], no. 5, pp. 84-92.

- Prokhorova O.N., Chekulay I.V., 2011. Reversivnost kak universalnaya model predstavleniya znaniy [Reversity as a Universal Model of Knowledge Representation]. *Suchasna anglistika: Traditsii. Syogodennya. Perspektivi: Chetvertiy Mizhnarodnij naukovij forum: Tezi dopovidey*. [The Modern English Studies: Traditions. Present State. Perspectives. 4<sup>th</sup> Int. Forum. Abstr. of reports]. Kharkiv, Kharkivskiy natsionalniy universitet im. V.N. Karazina Publ., pp. 98-100.
- Chekulay I.V., Prokhorova O.N., 2009. Reversivnost kak sposob realizatsii yazykovoy kartiny mira [Reversity as a Way of Realization of the Language Picture of the World]. *НІ'аданіє еквівалентності ІV : Zborník príspevkov z Medzinárodnej vedeckej konferencie rusistov (Prešov, 11–13.09.2008)* [In the Search of Equivalency. Proc. Of the International Conference in Prešov, Slovac Republic. Sept. 11-13, 2008]. Prešov, Prešovská univ. v Prešove Publ., pp. 261-271.
- Chekulay I.V., Prokhorova O.N., 2014. Proversiya i reversiya kak kognitivnye modeli slovoslozheniya v russkom yazyke [Proversion and Reversion as Cognitive Models of Compounding in Russian]. *Osnovnye tendentsii razvitiya russkogo i drugikh slavyanskikh yazykov v sovremennom mire : sbornik nauchnykh trudov po materialam mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (g. Trnava, 15–16 maya 2014 g.)* [The Main Tendencies of Development of Russian and Other Slavonic Languages in the Modern World. Proc. Int. Scientific Conference (May 15-16 2014, Trnava)]. Brno, Tribun EU Publ., pp. 223-229.
- Chekulay I.V., Prokhorova O.N., 2016. Proversiya i reversiya kak osnovnye mekhanizmy strukturirovaniya yazykovykh znaniy o slovoslozhenii v raznykh yazykakh [Proversion and Reversion as the Main Mechanisms of Structuring the Language Knowledge of Compounding in Different Languages]. *Sovremennye problemy yazykoznanija, literaturovedeniya, mezhkulturnoy kommunikatsii i lingvodidaktiki: materialy II mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Belgorod, 20–21 aprelya 2016 g.)* [The Modern Problems of Linguistics, Literature-Study, Cross-Cultural Communication and Linguistic Didactics. Proc. 2<sup>nd</sup> Int. Scient. Conf. (Belgorod, April 20-21 2016)]. Belgorod, Belgorod Publ., pp. 47-51.

### **Information about the Authors**

**Igor V. Chekulay**, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of English Philology and Cross-Cultural Communication, Belgorod State National Research University, Pobedy St., 85, 308015 Belgorod, Russia, chekulai@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8599-1699>

**Olga N. Prokhorova**, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Director of the Institute of Cross-cultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University, Pobedy St., 85, 308015 Belgorod, Russia, prokhorova@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9441-819X>

**Vladislav A. Kuchmistyy**, Candidate of Sciences (Philology), Vice-rector of the International Cooperation, Belgorod State National Research University, Pobedy St., 85, 308015 Belgorod, Russia, kuchmistyy@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7976-6337>.

### **Информация об авторах**

**Игорь Владимирович Чекулай**, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, 308015 г. Белгород, Россия, chekulai@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8599-1699>

**Ольга Николаевна Прохорова**, доктор филологических наук, профессор, директор института межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, 308015 г. Белгород, Россия, prokhorova@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9441-819X>

**Владислав Анатольевич Кучмистый**, кандидат филологических наук, проректор по международному сотрудничеству, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, 308015 г. Белгород, Россия, kuchmistyy@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7976-6337>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.15>

UDC 81'42:82-1  
LBC 81.055.52

Submitted: 03.06.2018  
Accepted: 18.02.2019

## BUDDHISM IN THE POETIC WORKS OF INNOKENTY ANNENSKY

**Aleksandr A. Shuneyko**

Komsomolsk-on-Amur State University, Komsomolsk-on-Amur, Russia

**Olga V. Chibisova**

Komsomolsk-on-Amur State University, Komsomolsk-on-Amur, Russia

**Abstract.** The importance of the work is determined by the place which I. Annensky occupies in Russian poetry and his unrelenting influence on generations of readers. The purpose of the work is to reveal the presence and linguistic ways of implementing the semantics of the Buddhist understanding of the world in the poetic heritage of I. Annensky. The material for the study is all original poems of the poet. The main methods are semantic, comparative and intertextual analysis. From the days of his study at the university, the poet was well acquainted with the basics of Buddhism and demonstrated obsession with it throughout his life. Several poems undoubtedly present semantic complexes that are directly referred to Buddhism, refurbishing its major provisions. The ways of translating Buddhist semantics are diverse and they are always organically interwoven into an artistic whole. The language of the poet is consistently focused on ambiguity, uncertainty and ambivalence, which is manifested at various text levels. The work lists the main language transformations used by the poet. It is illustrated on the example of the poem “∞”, which mysteriousness steadily draws the attention of readers and researchers. The author shows that the poem realizes the Buddhist conception of the ratio of extremely small and infinitely large quantities, implying their identity. The authors draw a parallel between the lines of I. Annensky and W. Blake which implement identical Buddhist ideas. The conclusion outlines the prospects for a detailed analysis of other texts.

**Key words:** poetic text, linguistics, Innokenty Annensky, Buddhism, semantics of Buddhism, semantics of infinity and instant, language transformations.

**Citation.** Shuneyko A.A., Chibisova O.V. Buddhism in the Poetic Works of Innokenty Annensky. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 1, pp. 180-186. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.15>

УДК 81'42:82-1  
ББК 81.055.52

Дата поступления статьи: 03.06.2018  
Дата принятия статьи: 18.02.2019

## БУДДИЗМ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ ИННОКЕНТИЯ АННЕНСКОГО

**Александр Альфредович Шунейко**

Комсомольский-на-Амуре государственный университет, г. Комсомольск-на-Амуре, Россия

**Ольга Владимировна Чибисова**

Комсомольский-на-Амуре государственный университет, г. Комсомольск-на-Амуре, Россия

**Аннотация.** Актуальность исследования обусловлена значимостью творчества Иннокентия Анненского для русской поэзии и его неослабевающим влиянием на поколения читателей. Показано, что отличительной чертой поэтического наследия И. Анненского является его связь с семантикой буддизма. Цель работы – выявить способы воплощения в языке поэта особенностей буддийского понимания мира. Материалом для изучения послужили все оригинальные стихотворения И. Анненского. Исследование проведено с применением методов семантического, сопоставительного и интертекстуального анализа. Выявлены стихотворные произведения, содержащие семантические комплексы, прямо отсылающие к философии и ритуалам буддизма.

ма. Охарактеризованы разнообразные способы трансляции буддийской семантики и показана их обусловленность последовательной ориентированностью И. Анненского на неоднозначность, неопределенность и амбивалентность, которые проявляются на различных текстовых уровнях. Описаны основные языковые преобразования, осуществленные поэтом для выражения семантики буддизма. Проведена параллель между строчками И. Анненского и английского поэта У. Блейка, в которых нашли отражение одни и те же буддийские представления. Намечены перспективы исследования семантики буддизма и способов ее выражения в других оригинальных текстах И. Анненского – критических статьях и драматических произведениях.

**Ключевые слова:** поэтический текст, лингвопоэтика, Иннокентий Анненский, буддизм, семантика буддизма, семантика бесконечности и мгновенности, языковые трансформации.

**Цитирование.** Шунейко А. А., Чибисова О. В. Буддизм в поэтическом творчестве Иннокентия Анненского // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 1. – С. 180–186. – (На англ.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.15>

## Introduction

The Russian tradition of studies on a poetic language and style is burdened with a strange rule: in the creative works of domestic poets it is almost obligatory to look for lexemes and whole semantic complexes directly related to Christianity. Now they are being hunted with the same effort and found with the same success as the features of outspoken atheism were discovered twenty years ago. At that, it is tacitly assumed that the bigger a poet is, the more he is concentrated on Christianity, the more of its motives he displays.

Meanwhile, the opposite is obvious: the bigger a poet is, the more universally he accumulates the world experience, the more units referring to all sorts of traditions he includes in his language.

It seems particularly helpless to limit to Christian ideas those artists who openly declared their ideological attitudes which were far from being Christian. These included I. Annensky, who, with the character of his linguistic, exploratory and aesthetic quest, was clearly oriented towards pre-Christian value systems and language pictures of the world. His artistic discoveries were determined by the pursuit of ancient ideals and comprehension of the constants of the Buddhist worldview.

The assimilation of Buddhism through literary forms periodically falls into the researchers' field of view. Examples include the researches of A. Di Ruocco [Ruocco, 2011], A.A. Shuneyko [Shuneyko, 2016] and R.F. Bekmetov [Bekmetov, 2015]. They discuss the historical and literary aspects of the Buddhist theme and emphasize the value of the era, the atmosphere of which was filled with interest in the East because of the crisis of official Orthodoxy.

## Extralinguistic factors of confirmation

The close and nonrandom connection between I. Annensky and Buddhism has a number of direct and indirect confirmations. They need to be listed, because they are the extralinguistic factors that confirm the authors' observations.

According to B.V. Varneke, I. Annensky used to call I.P. Minaev, a university professor, his teacher, of whom "he constantly responded with special reverence" [Varneke, 1910, p. 38]. I.P. Minaev was a Sanskritologist, an Indologist and one of the lead researchers of Buddhism in Russia. He translated and published Buddhist manuscripts, issued several works that laid the foundation for national Buddhist studies. It was from this person that I. Annensky received deep knowledge about Buddhism, got interested in it, and judging by the peculiarities of poet's creative realizations it stayed active throughout his life.

The poem of I. Annensky "Buddhist Mass in Paris" has repeatedly attracted the attention of researchers [Dugarov, 2016; Ruocco, 2011]. It is a direct evidence that both eight years after the death of the teacher (that is, in 1898, when the poet was present at the divine service at the Guimet Museum), and sixteen years after it (that is, in 1906, when he published his first text in the collection "Northern Speech") Annensky's interest in Buddhism was not dispelled, and its perception remained full of reverential admiration, bordering on exalted veneration. That is, throughout his life, beginning with the university bench, I. Annensky remained an enthusiastic partaker of Buddhist doctrines, a man who correlated them with his own destiny, the nature of his worldview and creativity is embodied in his language one way or another.

Annensky's character of self-consciousness was far from the Christian but close to the Buddhist one, which is clearly seen in his poetry. S. Makovsky pointed to the motives of 'egotism' and 'hypnotism', that are revealed with contemplation of the inner world, desire to stay in a personal shell and contemplate the beauty of the word, inspire personal images that arise of the truth of moral demands [Makovsky, 1955, p. 249].

In his critical texts I. Annensky repeatedly formulates the settings that duplicate the Buddhist maxims and that are their actual paraphrases. For example, a constant that assumes the identity of the personal principle and the world (everything in me and I am in everything) is formulated as follows: "... I, which eagerly seek to absorb this world and become it, making it myself ..." [Annensky, 1979, p. 206]; "... I, which would like to become an entire world, dissolve, spread in it ..." [Annensky, 1979, p. 102].

#### Linguistic features of the embodiment

The semantic analysis shows that many poems by I. Annensky are directly associated with Buddhism. On the language level, the semantic complexes associated with Buddhism find their embodiment in a number of aesthetically justified language transformations and a specific selection of linguistic means. Below the main ones are listed.

The combination of different tropes results in saturating a particular segment of the text with various mutually intercompatible meanings. For example, in the poem "∞" the following tropes are used: *Its promises come true in dials / In circles of enamel minutes (V krugu emalevykh minut / Yeyo svershayutsya obety)*. "Circles of minutes" (*Krug minut*) is a metonymy, "enamel minutes" (*emalevyye minuty*) is a metaphor, "promises come true" (*svershayutsya obety*) is a personification. Thus, a single detailed periphrastic description, itself being a transformation, may include three more independent transformations (metaphor, metonymy and personification) that are merged into a single complex, dispersing meanings and collecting them at one point.

A word might have several simultaneously updated meanings. In the poem "Impossible" (*Nevozmozhno*) the word placed in the title is

characterized both as sad and tender: "*But among them there's nothing more dismal / Or gentle than you <...>*" (*No mezh nikh ni pechal'neye net, / Ni nezhdnye tebya <...>*). That is, various lexical and connotative meanings are actualized, their combinations generate the effect of uncertainty. Similar transformations are carried out at the grammatical level. For example, in the poem "Moonlit Night at the End of Winter" (*Lunnaya noch' na iskhode zimy*) the second line implies two equal concepts concurrently: "*We are forgotten at night <...> and We are forgotten by the night <...>*".

The ambivalence of lexical, associative and text semantics manifests itself repeatedly. For example, in the poem "The old barrel organ" (*Staraya sharmanka*) the old barrel organ itself and the shaft rotating inside it are a designation of poetic creativity, of the poet himself. At the same time creativity is perceived simultaneously as torment, necessity, inevitability and joy. Such a wide range of associative and nominative meanings generates a special effect of the depth in the poetic text. Ambivalence is based on the real or potential enantiosemym of the linguistic units used by the author.

The ambiguity of the author's assessment is often conjugated with weak semantic positions of lexical and some other text units. For example, in the poem "Drowsiness" (*Dremotnost'*) the general context of the description does not help in determining within the text the kind of cold (environment or relations) injures of the poet. Parallelism between personal experiences and the state of nature, their amalgamation into a single whole creates a high level of poetic uncertainty.

The diffusion of the boundaries between synonyms and contextual synonymy lead, in principle, to the result of marking the depicted world as mixed. For example, in the poem "Moonlit Night at the End of Winter" (*Lunnaya noch' na iskhode zimy*) the space is defined simultaneously as a flag station and a forest glade.

#### Realization of the semantic complexes of Buddhism

With due account taken of these linguistic features, further is considered the realization of the semantic complexes of Buddhism in I. Annensky's poem for the name of which the poet chose the sign of infinity "∞". This poem, undated in the author's autograph, was published

second in “The Quiet songs” (Tikhiye pesni) collection of 1904. It should be noted that there are very few translations of Annensky into English. One explanation can be the idea of H.M. Catriona [Catriona, 1985, p. 308]: “*At first sight his poetry appears as a series of fragmentary, disconnected or even contradictory utterances, which, though they contain few obscure or even unusual words, are yet stylistically baffling*”. The other is expressed by D.W. McDuff, who considers that I. Annensky felt “*a desire to imbue the poetic word with as many meanings as possible*” [McDuff, 1970, p. 39]. However, those translations that exist often do not preserve the rhythmic and prosodic structure of the text, thus depriving the reader of opportunities to touch its formal features. That is why the authors take the liberty to suggest their variant of translation.

Девиз Таинственной похож  
На опрокинутое 8:  
Она – отраднейшая ложь  
Из всех, что мы в сознание носим.  
Device of Mystery is like  
The number eight resupinated.  
It is a highly welcome lie  
Persisting in the minds of mankind.

В кругу эмалевых минут  
Ее свершаются обеты,  
А в сумрак звездами блеснут  
Иль ветром полночи пропеты.  
Its promises come true in dials  
In circles of enamel minutes,  
At twilight they effulge as stars  
Or else are sung by wind of midnight.

Но где светил погасших лик  
Остановил для нас теченье,  
Там Бесконечность – только миг,  
Дробимый молнией мученья.  
But where the extinguished suns  
Prevented us from moving forward,  
Infinity becomes a blink  
Split by the lightning of a torment.

The conceptual composition of this text is structured with two statements, which are contradictory on the logical level: Infinity is a lie and Infinity is a moment. If Infinity is a lie that is it does not exist, there is no point in talking about its substantive, essential or any other characteristics. The author not only does it, but affirms the

properties with temperament and power of the prophet who has grasped the truth and who is expending a huge amount of emotional energy in order to make his knowledge the property of all.

This contradiction is potentially gently resolved by three methods or assumptions. 1. The lie is not Infinity itself, but only its widespread external designation in the form of a mathematical sign. 2. The lie is not Infinity itself, but only a concept of it, fixed in human consciousness. 3. Infinity is a lie only on the material plane. If it is perceived outside the tangible world, leaving its boundaries one way or another, it immediately acquires its true full multidimensional existence. The poem contains explicit impulses and confirmations for every of three versions. “Device of Mystery” is a name, a sign of Infinity. “*Persisting in the minds of mankind*” states that one of the places where Infinity exists is our consciousness. “*In circles of enamel minutes*” means within the boundaries of the clock that is within the material plan. And at the same time, the components of the text do not exactly allow any of them to be preferred. In their integrity they become even more convincing.

This dynamic alogism, throbbing on the verge of resolution but never receiving it, attracts the reader’s attention and actualizes perceptive mechanisms, creates a cognitive dissonance. Regardless of the way to neutralize the contradiction, its second part “Infinity is a moment” remains always veritable. This, in its turn, strengthens the weight of its emotional impact: among the vaguely flickering assumptions, there is one truth.

What does this line mean? How can it be meaningfully interpreted? What spiritual or world-view maxim stands up for it? The authors attempt to outline the answers to these questions.

The statement can be understood as the sum of the experience received by the poet on the material plane. A rather curious generalization, it states that, when being alone, the poet might condemn himself to the torture of the theomachy denial and the ghost of death, which he expected every minute without believing in the other world and tormented by his unbelief” [Makovsky, 1955, p. 225]. Unchanged in the obsessive horror of everyday life, the state of the poet’s soul could well be projected in his mind into such a generalization that summarizes the sorrowful outcome of the current life.

The maxim of spiritual experience is always included in a worldview model, thus representing more general ideas. There is an attempt to interpret the poem through the coordinate system of V. Solovyov [Borovskaya, 2009]. There is an attempt to ascribe Christian mysticism to I. Annensky [Nalagach, 2003]. Nevertheless, these attempts are contrary, firstly, to the above considerations. Secondly, they do not correlate with the opinion of S. Makovsky, who had claimed having a conversation on a religious topic with Vyacheslav Ivanov and Innokenty Annensky in 1909, the latest one calling himself “an unbeliever who does not recognize religious mysticism” [Makovsky, 1955, p. 283]. At last, they run counter to the lines from Annensky’s poem “Whether a star dims...” (V nebe li merknet zvezda): “*I never pray since / I cannot pray, alas*” [Four Centuries, 2014, p. 15]. Neither do they coincide with the opinion of B. Paramonov who attributes I. Annensky to “the Western, un- (or anti-, or super-) Christian type of Russian writer” [Paramonov, 2012, p. 28].

Identification of Infinity and a moment, complicated by giving duration to a blink, is an oxymoron from the European point of view. But in the format of Buddhist dogmas, this is a literal statement reflecting the essence of things and the nature of the world order, which does not contain any artistic embellishments. It is exactly what is translated by Annensky. He almost word for word repeats one of the constants of Buddhism, repeatedly voiced in a variety of options.

In the concept of Buddhism, axiological opposites converge at the point of emptiness (shunyata), infinitely small and infinitely great are identical, the opposition between the absolute and the phenomenal, which is usual for the European, does not exist. This basic position of Buddhism is directly formulated in many texts, for example, in the Avatamsaka Sutra (The Flower Ornament Scripture):

“One world system enters all,  
And all completely enter one;

Their substances and characteristics remain  
as before, no different” [Cleary, 1993, p. 215];

“... realizing that past, present, and future  
are ultimately one instant” [Cleary, 1993, p. 1222].

It is important that this very collection of Mahayana sutras is one of the most revered texts of Far Eastern Buddhism. And the sacred action described in the poem “The Buddhist Mass in Paris”, involving Annensky, was carried out by

Agvan Dorzhiev, a significant figure in Far Eastern Buddhism [Dugarov, 2016, p. 246]. “*Among the colors here, the yellow prevails. Yellow is the color of the Tibetan lamas, known as the Yellow hats (Gelugpa school), to which Dorzhiev belonged*” [Ruocco, 2011, p. 279]. That is, Annensky literally heard and deeply experienced the text, which content-based dominants were based on the above citations, reflecting them in one or another interpretation.

It is curious that both the “Buddhist Mass in Paris”, which contains the explicit apologetics of Buddhism, or at least a deeply sympathetic attitude towards it, and “Whether a star dims...” which includes the rejection of the church Christianity, contain a single semantic complex with “∞”: “*Infinity becomes a blink / Split by the lightning of a torment*”; “*While in the air there lived an unpronounced phrase, / Aroused from the soul in a torment of ecstasy*” [Ruocco, 2011, p. 283]; “*Whether a star dims / Or an earthly torment lasts*” [Four Centuries, 2014, p. 15].

Torment accompanies, in equal measure, both the joyful acquisition of a new and parting with the habitual system of world perception. This is also a manifestation of the above-mentioned Buddhist dogma, but already on a different intertextual level:

Sentient beings are oppressed in all states of  
existence,

Whirled about by habitual delusion, with no one  
to rescue them [Cleary, 1993, p. 90].

Indulgence is an enemy, a torment and a pain –  
It’s not the immortal way, but the path of birth  
and death [Cleary, 1993, p. 362].

The lines of William Blake from “Auguries of Innocence” are another possible source of identification of Infinity and a momentum. Annensky’s poem turns out to be identical with Blake’s one, conceptually and meaningfully being at the level of the basic statement.

To see a World in a Grain of Sand  
And a Heaven in a Wild Flower,  
Hold Infinity in the palm of your hand  
And Eternity in an hour.

Did Annensky know the work of Blake? None of the indexes to the most nicely commented collections of Annensky’s texts contains Blake’s name. But a positive answer to this question is not so important. The fact is that researchers and

interpreters of Blake repeatedly noted the fact that these lines of Blake directly translate important Buddhist maxims and he himself is close to the “Eastern Renaissance” [David, 2003]. Annensky and Blake, separated by time and cultural tradition, both almost unrecognized during life, both versatily translating their creative potencies, are united by more ancient concepts. Both of them, regardless of the presence or absence of a direct roll call, transmit Buddhist ideas about the world.

The Buddhist blurring of differences or affirming the identity between the small, interval, localized and global, all-encompassing; unlimited is presented in other Annensky’s works. The view of the world and its personal perception, refracted in the actions and products of creativity, suggests that only the present time or a segment of space in which a person stays at the moment is relevant for perception. It can be traced in “Sorrow for fleetingness” (Toska mimolotnosti) as well. N.M. Alyokhina reflects closely on poetic semantics, twilight as a special time period with dusk changes of the light, when each thing and every person briefly stops in this transition from one reality to another [Alyokhina, 2013, p. 9]:

I grudge the final seconds of the passing evening  
In which all that is gone are anguishes and wants,  
In which all that’s to come – dejection and oblivion.

Here the instant includes everything that has been and will be. This allows saying that the implementation of Buddhist representations is not an exotic episode for the poet, but a stable model that reveals the nature of his worldview.

### Conclusion and perspectives

At the same time, there are some texts in which a profound disclosure of the doctrinal problems of Buddhism is closely linked not only with the personal perception of the world, but also with external representativeness, which establishes parallels between the dogma, the world and the poet, thus joining them in a single substantive complex.

A list of such texts, that are based on the constant of the Buddhist world view, the perception of oneself and the world as indivisible, is long and includes: “Butterfly of Gas” (Babochka gaza), “Alarm clock” (Budilnik), “Drowsiness” (Dremotnost), “Winter train” (Zimniy poyezd), “Impossible” (Nevozmozhno), “My life’s burden’s

for me light and shone” (Nosha zhizni svetla i legka mne...), “Oh No, It is not your Figure” (O net, ne stan), “Oreanda” (Oreanda), “To my companion” (Sputnitse), “The current of mignonette in a dark car” (Struya rezedy v tomnom vagone), “The old barrel organ” (Staraya sharmanka), “The melancholy of the pendulum (Toska mayatnika), “The melancholy of slow drops” (Toska medlennykh kapel), “The melancholy of the time” (Toska mimolotnosti), “Moonlit Night at the End of Winter” (Lunnaya noch na iskhode zimy), “You are again with me” (Ty opyat so mnoy), “A human being” (Chelovek), “I love” (Ya lyublyu), “January fairy tale” (Yanvarskaya skazka).

In these texts the selection of linguistic means is subordinated to the hidden semantics of ambiguity, uncertainty and ambivalence. It is created through combining various tropes, simultaneously updating several meanings of the same word, using syntactic constructions with two different misleads, diffusing the boundaries between synonyms and contextual synonymy, resorting to real or potential enantiosemy and weak semantic positions of the linguistic units. It directly resonates with the general semantics of Buddhist texts and embodies the essential parts of the Buddhist language picture of the world.

A purposeful search for combining the above-listed linguistic devices and Buddhist semantics in the critical and dramatic texts of I. Annensky in the future will result in expanding the notion of multidimensionality of his language and the worldview model implemented with its help. In carrying out this analysis, one should avoid unambiguous perception of the language element of the poet.

### REFERENCES

- Alyokhina N.M., 2013. Translations of Innokenty Annensky in Context of His Collection “Quiet Songs”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no. 367, pp. 7-11.
- Annensky I.F., 1979. *Books of Reflections*. Moscow, Nauka Publ. 691 p.
- Bekmetov R.F., 2015. About the “Buddhist View” on Russian Literature. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, vol. 6, no. 3, s. 3, pp. 9-18. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n3s3p9
- Borovskaya A.A., 2009. *Evolution of Genre Forms in Russian Poetry of the First Third of the Twentieth Century*. Astrakhan, Astrahanskiy universitet Publ. 259 p.

- Catriona H.M., 1985. *Innokenty Fedorovich Annensky and the classical ideal: poetry, translations, drama and literary essays*. A Thesis Submitted to the Faculty of Medieval and Modern Languages in Partial Fulfilment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. 405 p. URL: <https://ora.ox.ac.uk/objects/uuid:402cf752-742c-4447-ae0c-ffeace85f95c> (Accessed 17.04.2018).
- Cleary T., 1993. *The Flower Ornament Scripture*. A Translation of the Avatamsaka Sutra. Boston & London, Shambhala Publications, Inc. 1643 p.
- David W., 2003. *Brahma in the West: William Blake and the Oriental Renaissance*. State University of New York Press. 170 p.
- Dugarov B.C., 2016. Who is “a Basaltic Mongol”? (to the History of Writing I. Annensky’s Poem “Buddhist Mass in Paris”). *Innokenty Annensky (1855–1909): zhizn – tvorchestvo – epokha: Materialy Vserossiiskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Sankt-Peterburg, 12–14 oktyabrya 2015 goda)*. Moscow, Azbukovnik Publ., pp. 246-254.
- Four Centuries, 2014. *Russian Poetry in Translation*. Essen, Perelmuter Verlag, no. 8, p. 15.
- Makovsky S.K., 1955. *Portraits of contemporaries*. New York, Izd-vo im. Chehova. 413 p.
- McDuff D.W., 1970. *Poetry and Aesthetics of Innokenty Annensky*. Thesis Presented for the Degree of Doctor of Philosophy of the University of Edinburgh in the Faculty of Arts. Edinburgh. 388 p. URL: <https://www.era.lib.ed.ac.uk/handle/1842/17392> (Accessed 17 April 2018).
- Nalagach N.V., 2003. Christian Motives in I. Annensky’s Poem “Quiet Songs”. *Religioznost v Rossii: sotsialno-gumanitarnye aspekty issledovaniya: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. (Kemerovo, 24–25 noyab. 2003 g.)*. Kemerovo, Polygraph Publ., pp. 263-268.
- Paramonov B., 2012. Russian Literature in the Christian Context // *University Libraries*. University of Nevada, Las Vegas, pp. 1-29. URL: [https://digitalscholarship.unlv.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1019&context=russian\\_culture](https://digitalscholarship.unlv.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1019&context=russian_culture) (Accessed 17 April 2018).
- Ruocco A.D., 2011. *The Buddhist World in Modern Russian Culture (1873-1919): Literature and Visual Arts*. URL: <http://digitalibrary.usc.edu/cdm/ref/collection/p15799coll127/id/475242> (Accessed 17 April 2018).
- Shuneyko A.A., 2016. Buddhism in the work of Maximilian Voloshin. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii “Yazyk khudozhestvennoy literatury: traditsionnye i sovremennye metody issledovaniya” pamyati N.A. Kozhevnikovoy (19–21 noyabrya 2016 g.)* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute. Materials of International Scientific Conference “The language of Literature: Traditional and Current Research Methods” (November 19-21, 2016)], iss. 10, pp. 344-353.
- Varneke B.V., 1910. I.F. Annensky // *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Part 26, pp. 37-48. URL: <http://annensky.lib.ru/names/varneke/necrolog.pdf> (Accessed 17 April 2018).

### Information about the Authors

**Aleksandr A. Shuneyko**, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State University, Prosp. Lenina, 27, 681013 Komsomolsk-on-Amur, Russia, [a-shuneyko@yandex.ru](mailto:a-shuneyko@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0001-5467-2214>

**Olga V. Chibisova**, Candidate of Sciences (Cultural Studies), Associate Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State University, Prosp. Lenina, 27, 681013 Komsomolsk-on-Amur, Russia, [olgachibisova@yandex.ru](mailto:olgachibisova@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-2709-2465>

### Информация об авторах

**Александр Альфредович Шунейко**, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Комсомольский-на-Амуре государственный университет, просп. Ленина, 27, 681013 г. Комсомольск-на-Амуре, Россия, [a-shuneyko@yandex.ru](mailto:a-shuneyko@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0001-5467-2214>

**Ольга Владимировна Чибисова**, кандидат культурологии, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Комсомольский-на-Амуре государственный университет, просп. Ленина, 27, 681013 г. Комсомольск-на-Амуре, Россия, [olgachibisova@yandex.ru](mailto:olgachibisova@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-2709-2465>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.16>

UDC 811:37  
LBC 81.2-9

Submitted: 07.11.2018  
Accepted: 12.02.2019

## THE METHOD OF THE PROPOSITIONAL FRAME MODELING IN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE <sup>1</sup>

**Lyudmila A. Araeva**

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

**Stanislav I. Li**

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

**Abstract.** The article describes the method of the propositional frame modeling and its application in teaching a foreign language, including the languages of the indigenous minorities of Russia. The material of the frame “berry” offers guidelines for its use in the classroom for studying foreign languages. The use of this method in teaching foreign languages helps pupils to more accurately and more deeply understand the structural, substantive and functional patterns that dominate them, helps students develop language guessing based on word formation, which is a universal way of expanding their potential vocabulary. Derived and non-derivative words are built according to the same deep structural-logical schemes – propositional structures, on the basis of which propositions are created. Propositional structures have a universal nature for all natural languages, but they are implemented quite specifically in sentences in a given language under the influence of territory, climate, life experience, and established cultural traditions of a people. Recognition of propositional structures and propositions within the frames in the semantics of derivatives of the native language and a foreign language makes it possible to see what is common in the knowledge of the world of all nations and to reveal the unique “world” of the language.

**Key words:** propositional structure, proposition, frame, method of propositional-frame modeling, foreign language, languages of indigenous peoples, Teleut language, linguistic view of the world.

**Citation.** Araeva L.A., Li S.I. The Method of the Propositional Frame Modeling in Teaching a Foreign Language. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 1, pp. 187-195. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.16>

УДК 811:37  
ББК 81.2-9

Дата поступления статьи: 07.11.2018  
Дата принятия статьи: 12.02.2019

## МЕТОД ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНО-ФРЕЙМОВОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ <sup>1</sup>

**Людмила Алексеевна Араева**

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия

**Станислав Игоревич Ли**

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия

**Аннотация.** В статье описывается метод пропозиционально-фреймового моделирования в обучении иностранным языкам, в том числе языкам коренных малочисленных народов России. Универсальность этого метода обусловлена тем, что производные и непроизводные слова строятся по одинаковым глубинным структурно-логическим схемам – пропозициональным структурам и созданным на их основе пропозициям. На материале фрейма «ягода» показаны возможности применения метода в двух направлениях: «реализация одной пропозициональной структуры в названиях разных объектов в разных языках» и «реализация разных

пропозициональных структур в названиях одного объекта в разных языках». Предложены методические рекомендации по применению данного метода на занятиях по изучению иностранных языков, нацеленные на формирование у обучающихся знаний о доминирующих в разных языках структурно-содержательных и функциональных закономерностях, на развитие у обучающихся навыка языковой догадки на основе знаний о словообразовательной структуре слова, что составляет универсальный способ расширения их потенциального словаря. Распознавание пропозициональных структур и пропозиций в границах фреймов в семантике дериватов родного и иностранного языков дает обучающимся возможность увидеть общее в познании мира всех народов и выявить уникальный этнический мир того или иного языка.

**Ключевые слова:** пропозициональная структура, пропозиция, фрейм, метод пропозиционально-фреймового моделирования, иностранный язык, языки коренных малочисленных народов, телеутский язык, языковая картина мира.

**Цитирование.** Араева Л. А., Ли С. И. Метод пропозиционально-фреймового моделирования в обучении иностранным языкам // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 1. – С. 187–195. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.16>

### Введение

Глобализация – явление неоднозначное. Результатом ее становится, с одной стороны, унификация этнокультур, а с другой – возрастание интереса социума к ним. Современный мир переживает своеобразное этническое возрождение. Это находит отражение, в частности, в государственных программах по сохранению языка и культуры коренных малочисленных народов России. В утвержденной Правительством РФ «Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года» среди приоритетов предусмотрено сохранение языка и культуры народов Севера. При полномочном представителе президента в Сибирском федеральном округе работает консультативно-экспертный совет по делам малых народов. Заинтересованность в сохранении и развитии таких культур со стороны их носителей и мирового сообщества в целом обусловлена тем, что этнокультурное разнообразие – одно из важных условий жизнеспособности современной земной цивилизации. Всеобщая декларация о культурном разнообразии, принятая ЮНЕСКО в 2001 г., является правовым документом, в котором культурное разнообразие признается «общим достоянием человечества», его охрана – конкретным этическим обязательством, не отделимым от уважения человеческого достоинства.

Одно из условий сохранения традиций коренных малочисленных народов России – изучение их языков и обучение им. Как правило, языки малочисленных народов используются только в быту представителями стар-

шего и отчасти среднего поколения. К таким языкам относится телеутский язык. В настоящее время насчитывается примерно 2 600 телеутов, основная часть которых проживает в России на территории Кузбасса. Телеуты (примерно 1 500 человек) компактно проживают в с. Беково Беловского района Кемеровской области. Они занимаются огородничеством и животноводством, разведением овец, кур, уток, лошадей. Сохранились национальные свадебные обряды, обряд погребения, лечение аласом. Телеуты помнят свои роды (сеоки), существует алфавит телеутского языка, но большая часть представителей этой народности не умеет писать на родном языке. В общеобразовательной школе с. Беково телеутский язык преподается в виде спецкурса. Однако учебники, по которым он изучается, составлены без учета современных методик и ориентированы преимущественно на механическое запоминание.

Как писал В. фон Гумбольдт, на самом абстрактном уровне все языки устроены одинаково, и поэтому можно говорить о едином человеческом языке. «Формы нескольких языков могут совпадать в какой-то еще более общей форме, и к одной форме восходят, по существу, формы всех языков, если только идет речь о самых общих чертах: о связях и отношениях представлений, необходимых для обозначения понятий и для построения речи» [Гумбольдт, 1984, с. 74]. Любой человек, изучая другой язык, сравнивает его с родным языком, поэтому появляются различные мнемонические методики, позволяющие достаточно легко запоминать те или иные иностранные слова.

ранные слова по ассоциации со словами родного языка. Несомненно, применение мнемонической методики имеет положительные результаты. Однако данная методика достаточно субъективна. «Образы-ассоциации обычно носят индивидуальный характер, каждый может придумать свои, главное, чтобы они были интересные и яркие. Например, число 32 легко запомнить, ведь это 3 веселых гуся» [Голубева, 2019].

Наша задача – представить один из объективных универсальных методов изучения языков применительно к языкам коренных малочисленных народов России.

### **Лингвистические и психологические основы пропозиционально-фреймового моделирования**

Словообразование в методике преподавания иностранных языков играет ведущую роль прежде всего потому, что в любом развитом языке значительная часть словарного состава представлена производными единицами либо устойчивыми словосочетаниями, построенными по однотипным деривационным моделям. Серийное образование производных единиц и устойчивых словосочетаний проявляет работу мысли по аналогии. Благодаря принципу аналогии человек категоризирует и интерпретирует окружающую действительность, нередко прибегая к использованию языковой догадки. Развитие у обучающихся иностранному языку навыка языковой догадки на основе словообразования – универсальный способ расширения их потенциального словаря. Вслед за Л.Г. Ворониным и И.И. Богдановой, под языковой догадкой мы подразумеваем непосредственное понимание семантики слов, которые не встречались в речевой практике обучающихся или встречались в других комбинациях [Воронин, Богданова, 1971]. Основной причиной непонимания и неуверения нового производного слова является неумение распознать в нем словообразовательную модель и ее компоненты, отсутствие знаний деривационных закономерностей в изучаемом языке.

Овладение инструментами и законами продуктивного словообразования, знание основных категоризаторов в иностранном языке

«дает в руки учащихся средство не простого механизма накопления словарных единиц, а возможность систематизации и творческого использования уже накопленного словаря, позволяет глубже понять семантику знакомых слов и дает возможность семантизации значительной части новой лексики, понимание не отдельных единиц, а целых классов слов» [Хидекель, 1975, с. 18].

Для того, чтобы обучающиеся запомнили новые слова, преподаватель семантизирует их, как правило, двумя способами – беспереводным и переводным. Беспереводной способ заключается в демонстрации картинок, рисунков, действий, жестов или предметов, в использовании дефиниции слова, его синонимов, актуализации внутренней формы слова, а также ассоциативной памяти обучающихся. При переводном способе подбирается слово-эквивалент в родном языке, используются механизмы ассоциации: на основе контраста (*красивый – урод*), сходства (*ясный день – солнечный день*), соподчиненности (*учитель – ученик*), гипо-гиперонимии (*овощ – огурец, цвет – красный*), переноса по признакам ‘причина – следствие’ (*болезнь – смерть*), ‘предмет – материал’ (*блюде – стекло*), ‘действие – объект’ (*пить – кофе*), ‘действие – место’ (*учиться – школа*), ‘целое – часть’ (*университет – студент*).

Таким образом, при изучении иностранного языка используется механизм познания мира человеком, в основе которого находится метафорическая либо метонимическая связь лексических единиц в высказывании. Этот механизм актуализируется при соотношении семантики производного слова с семантикой производящего.

В основе пропозиционально-фреймового метода обучения иностранному языку лежит апперцепция – одно из фундаментальных свойств психики человека, благодаря которому поступающая новая информация соотносится и взаимодействует с ранее полученными знаниями, с уже созданной понятийной системой. Соотношение называемого предмета либо явления с уже созданными в языке хорошо представлено через предикативную связанность функциональной семантики производного слова с производящим. Производная лексика позволяет «увидеть, как была воспринята

определенная реалья в мире “как он есть” – через отсылки к каким (исходным, мотивирующим) сущностям (объектам, действиям, качествам и т. д.) они были осмыслены и затем поименованы» [Кубрякова, 2006, с. 6].

Производные слова, равно как и типизированные устойчивые словосочетания, сформированы по универсальным для всех языков структурно-логическим схемам – пропозициональным структурам (далее – ПрС), которые выражены в языке вербализованными суждениями – пропозициями. Пропозициональные структуры – наиболее абстрактные, предикативно связанные субъектно-объектные отношения, проявляющие дискурсивность мыслительной деятельности человека, – едины для всех представителей современной цивилизации.

По словам Е.С. Кубряковой, словообразовательные модели разного типа можно рассматривать как формулы регулярной свертки пропозициональной структуры при ее актуализации не в пределах конкретного предложения, а отдельным ПС (производным словом), универбом. ПС – это по существу краткая дескрипция обозначаемого, за которой стоят более полные и более развернутые знания о нем, – они-то и должны быть «восстановлены» или, по крайней мере, уточнены в акте понимания ПС. Извлечение информации из ПС обязательно требует инференции, то есть некоторого домысливания реального содержания словообразовательной конструкции. Понимание производного слова может быть уподоблено пониманию метонимии или синекдохи в лексике: по целому мы догадываемся о частях, по частям – о целом [Кубрякова, 2004, с. 412].

Семантическое наполнение одной и той же пропозициональной структуры и, соответственно, предикативная связанность актантов могут быть как различными, так и идентичными в разных языках.

#### **Возможности применения пропозиционально-фреймового моделирования в практике обучения телеутскому языку**

Возможности метода рассмотрим на примере наименований ягод в телеутском языке на фоне именовании ягод в разных языках<sup>2</sup>.

Слова, эксплицирующие фрейм «ягода», оформляются с помощью специализированных формантов: в русском – чаще суффиксом *-ик/a/*, реже суффиксами *-ин/a/*, *-ниц/a/*, *-ник*, в китайском – суффиксоидом 莓 [méi] [Араева, Ли, 2014], в хакасском – суффиксоидом *чистек*, в английском – суффиксоидом *berry*. В телеутском языке для значительного числа наименований ягод используется суффиксоид *жулеги*. В отличие от суффиксов суффиксоиды могут выступать в высказывании в качестве самостоятельных слов, но при этом выполняют функцию суффиксов, которая заключается в создании типизированных устойчивых словосочетаний либо производных слов. В контексте нашего исследования важно не то, что оформляют суффиксоиды (производные слова либо устойчивые словосочетания), а то, что с их помощью создаются серийные производные слова либо устойчивые словосочетания.

Использование метода возможно в двух направлениях: «одна пропозициональная структура – название разных ягод в разных языках» и «разные пропозициональные структуры – название одной ягоды в разных языках».

1. Использование пропозиционально-фреймового метода целесообразно начать с характеристики отдельных пропозициональных структур, в направлении «одна пропозициональная структура – название разных ягод в разных языках».

**ПрС «объект – признак»** может реализоваться по-разному: в качестве признака может актуализироваться цвет, вкус, форма плода.

ПрС «объект – признак», где признак представлен как цвет, реализуется в названии ягоды голубики в русском, китайском, алтайском<sup>3</sup>, телеутском, английском языках: русский – *голубика*, китайский – 蓝莓 [lánméi] (蓝 [lán] – ‘голубой, синий’), алтайский – *кок кат* (кок – ‘голубой, синий’), английский – *blueberry* (*blue* – ‘голубой’), телеутский – *чанкыр жулеги* (чанкыр – ‘голубой’). Один и тот же цвет в разных языках может характеризовать как одни и те же, так и различные ягоды. Например, в китайском и английском языках ежевику называют черной ягодой: китайский – 黑莓 [hēiméi] (黑 [hēi] – ‘черный’, 莓 [méi] – ‘ягода’), английский – *blackberry*

(*black* – ‘черный’). Пример цветового расхождения в именовании ягоды по цвету обнаруживают именовании черники, ср.: английский – *blueberry* (*blue* – ‘голубой’), русский – *черника*, алтайский – *карагат* (*кара* – ‘черный’).

ПрС «объект – признак», где признак представлен как вкус, реализуется в названии крыжовника, например, китайский – 醋莓 [*cù méi*] (醋 [*cù*] – ‘уксус’, ‘ягода, по вкусу напоминающая уксус, кислая ягода’), или смородины, например, русский – *кислица*.

ПрС «объект – признак», где признак представлен как структура плода, реализуется в названии ягоды костяники, например, английский – *stoneberry* (*stone* – ‘камень’), то есть ‘каменная ягода’, в именовании актуализируется твердость косточки, находящейся в ягоде. Интересно отметить, что в тверских говорах русского языка костянику называют *каменницей*. В китайском языке в основе наименования этой ягоды находится метафорическая пропозиция ‘малина, рожденная камнем’: 石生悬钩子 [*shí shēng xuángōuzǐ*] (石 [*shí*] – ‘камень’, 生 [*shēng*] – ‘рождаться’, 悬钩子 [*xuángōuzǐ*] – ‘малина пальчатая’).

ПрС «объект – предикат – место», также может реализовываться по-разному. Например, земляника в русском, хакасском, шорском, алтайском языках – ягода, которая растет на земле, близко к земле, ср.: русский – *земляника*, хакасский – *чир чистегі* (*чир* – ‘земля’), шорский – *чер честегі* (*чер* – ‘земля’), алтайский – *жер жулек* (*жер* – земля). Земляной ягодой телеуты называют клубнику: *жер жулеги* (*жер* – ‘земля’). В китайском и английском языках *клубника* и *земляника* – это ягоды, которые растут в соломе, траве: английский – *strawberry* (*straw* – ‘солома’), китайский – 草莓 [*cǎo méi*] (草 [*cǎo*] – ‘трава, солома’).

В телеутском языке при именовании земляники ПрС «объект – предикат – место» актуализируется как ‘ягода, которая растет там, где пасутся бараны’: *кой жулеги* (*кой* – ‘баран’).

ПрС «объект – предикат – место» может конкретизироваться как ‘ягода, которая растет на кустарнике’, ср.: китайский – 树莓 [*shù méi*] (树 [*shù*] – ‘дерево, куст’); телеутский – *агаш жулеги* (*агаш* – ‘куст’), хакасский – *агас чистегі* (*агас* – ‘дерево, кустарник’). В процессе именовании ягод возможно

совмещение ПрС «объект – признак» и ПрС «объект – предикат – место», например, в телеутском языке костяника названа по месту и цвету – *жер кыз ланат* (*жер* – ‘земля’, *кыз* – ‘красный’).

ПрС «объект – предикат – объект» также имеет различные реализации. При именовании ежевики в русском языке ПрС актуализирована как ‘объект, характеризующийся по признаку другого объекта’: *ежевика* – ‘ягода колючая, как еж’; в английском – как ‘объект, характеризующийся через соположение с другим объектом’: *dewberry* (*dew* – ‘роса’), аналогичная этой реализации представлена и в русском именовании *росяника*, то есть в производных словах выражается связь растения с росой, которая покрывает по утрам стелющиеся ягодные плети.

ПрС «объект – предикат – объект» реализуется в именовании ягод на основе номинаций животных, которые ею питаются, например, в хакасском языке так образованы названия земляники: *түлгү чистегі* (‘ягода, которой питается лиса’, *түлгү* – ‘лиса’), костяники – *хусхацах чистегі* (‘ягода, которой питаются птички’, *хусхацах* – ‘птичка’) и ежевики – *көрүк жулек* (‘ягода барсука’, *көрүк* – ‘барсук’).

ПрС «объект – предикат – время» служит основой для наименования ягод, отражая знания этноса о времени их созревания. Эта пропозициональная структура реализуется, например, в английском именовании ягоды ирги: *juneberry* (‘ягода, которая созревает в июне’, *june* – ‘июнь’).

ПрС «объект – воздействие на человека» представлена в названии голубики в русском языке – *пьяника*, *пьяница* (‘ягода, которая опьяняет’), малины в английском языке – *wineberry* (*wine* – ‘вино’). Сравнение по средству воздействия обусловлено, по-видимому, культурой употребления спиртных напитков в Европе.

ПрС «объект – предикат – средство» реализуется в именовании крыжовника в английском языке – *gooseberry* (‘гусиная ягода’). Эту номинацию можно объяснить тем, что в Англии из крыжовника готовили соус для блюд из гуся.

**Методические рекомендации:** (1) учитель предлагает учащимся (самостоятельно

или совместно с ним) проанализировать словообразовательную структуру производных именований ягод и определить, какой признак положен в основу номинации; выявить представленные в семантике мотивирующих слов признаки, отраженные в именовании ягод: цвет, форма, запах, место произрастания, размер плода, вкусовые качества, производимый эффект, животное, питающееся ягодой, болезнь, излечиваемая с помощью ягоды, и др. (например, используя метафорические выражения (загадки), в которых один объект охарактеризован через другой, имеющий с ним какое-либо сходство, учитель предлагает учащимся записать номинации, обозначающие ягоды); установить пропозициональные структуры, реализуемые в именовании ягод в том или ином языке (языках); (2) сопоставив названия ягод в нескольких языках, определить общие и различные признаки; (3) ответить на вопрос о том, почему данный признак оказался значимым для того или иного этноса. Такая работа со словами одной тематической группы, организованная учителем с учетом фреймового характера процесса образования производного слова (подробно об этом см. также [Араева, Логунов, 2011]), позволит обучающимся не только усвоить лексический материал, но и понять, что в основе номинаций лежат знания носителей языка об объектах окружающего мира, а выбор мотивирующего признака имеет субъективный характер.

**2.** Возможности использования пропозиционально-фреймового метода в направлении «разные пропозициональные структуры – название одной ягоды в разных языках» проиллюстрируем на примере названий клюквы.

В номинациях ягоды клюквы в разных языках находят реализацию разные пропозициональные структуры. Так, ПрС «объект – предикат – место» конкретизируется в семантике производного, называющего клюкву, в телеутском языке: *sac jiiilegi* (*sac* – ‘болото’, *jiiilegi* – ‘ягода’), то есть для телеутов клюква – это ягода, которая растет на болоте. Для носителей английского языка клюква – это тоже ягода, которая растет на болоте: *bogberry* (*bog* – ‘болото’, *berry* – ‘ягода’). Для носителей хакасского и шорского языков клюква – ягода, растущая во мху: в хакасском *хайдынхады* (*хайдын* – ‘мох’, *хады* – ‘яго-

да’), в шорском – *торбас честеги* (*торбас* – ‘мох’, *честеги* – ‘ягода’). В этих языках место произрастания клюквы конкретизируется – во мху. В русских говорах клюкву называют *подснежницей*, поскольку зимой эта ягода находится под снегом.

ПрС «объект – предикат – время» реализуется в русских говорах, где клюкву называют *веснянкой* (ее собирают, когда снег еще окончательно не растаял).

ПрС «объект – предикат – объект» реализуется в русских народных говорах: *журавлина*, *журавлиха*, и в английском языке: *cranberry* (*cran* – ‘журавль’, *berry* – ‘ягода’), *mooseberry* (*moos* – ‘лось’, *berry* – ‘ягода’), где клюква может быть названа на основе номинации животных, которые ею питаются. Следует отметить, что выбор ПрС, отражаемой в процессе номинации, обусловлен особенностями территорий, на которых проживают те или иные народности, и климатическими условиями (например, в местах проживания телеутов есть болота, но не водятся журавли).

ПрС «объект – признак» реализуется в китайском языке, где клюква названа по признакам цвета и размера (полипропозициональная структура): 小红莓 [xiǎohóngméi] – ‘клюква’, 小 [xiǎo] – ‘маленький’, 红 [hóng] – ‘красный’ (‘маленькая ягода красного цвета’).

ПрС «объект – действие» реализуется также в китайском языке, где клюква называется не только по размеру и цвету, но и по способу роста: 蔓越莓 [mànyuèméi] – 蔓越 [mànyuè] – ‘ползти’ (‘ягода, которая ползет’).

Итак, при именовании клюквы реализуется жизненный опыт носителей того или иного языка, в результате эта ягода называется по разным основаниям. В некоторых языках наблюдается словообразовательно-пропозициональная синонимия (СПС). Язык стремится к многоаспектному представлению одного и того же предмета действительности разными производными единицами. Мотивирующие единицы в случае СПС служат для демонстрации именуемого предмета (явления) с разных сторон. Носитель языка активизирует мотивирующий признак в зависимости от ситуации и цели коммуникации [Араева, 2015, с. 155]. В рамках пропозиционально-фреймового моделирования синонимия рассматривается как

ситуативно-обусловленное явление. Отношения между слотами внутри фрейма порождают новые смыслы одного и того же предмета действительности через ассоциативные связи. «Фактически все, что имеется имплицитного в языке, становится эксплицитным при помощи ассоциаций. Одни из этих ассоциаций подсказываются самим языком, другие образуются в процессе функционирования, в речи» [Балли, 1955, с. 206]. При номинации в зависимости от условий реальной действительности происходит активизация определенного слота, который становится актуальным в каждом конкретном контексте. Таким образом, клюква именуется по месту произрастания (мох, болото) и нахождения (под снегом), времени сбора (весна), цвету (красная), представителю животного мира, поедающего эту ягоду (журавль, лось), размеру (маленькая), способу роста (ползет).

**Методические рекомендации:** учитель на основе проделанного анализа предлагает учащимся выявить, какие характерные для клюквы признаки реализуются в различных языках (значимость этих признаков можно подтвердить картинками с изображением клюквы), составить на изучаемом языке диалоги с использованием разных названий клюквы. Анализ номинаций одного объекта посредством актуализации разных пропозициональных структур, изучение семантики производных единиц в границах разных языков позволят учащемуся убедиться в том, что механизм познания мира человеком един.

### Выводы

При использовании пропозиционально-фреймового метода в обучении иностранному языку рекомендуем придерживаться следующих шагов:

- формирование мотивирующей базы – признаков, положенных в основу номинации того или иного объекта;
- представление связи объектов действительности через актуализацию семантической и формальной связи мотивирующих и мотивированных (производящих и производных) слов;
- демонстрация разных типов пропозициональных структур, которые лежат в основе наименований, входящих в один фрейм;

- демонстрация связи номинаций с другими номинациями за пределами фрейма;
- включение наименования в коммуникативную практику.

Использование пропозиционально-фреймового метода как универсального объективного метода преподавания языков позволяет включить языки малых народов в общелингвистический контекст, дает возможность учащимся, проникая в семантику производного слова, осмыслить, во-первых, этапы номинации, которые прошел какой-либо объект действительности в сознании носителя языка, а именно: этап классификации и категоризации, этап связывания одного предмета с другим посредством ассоциаций, что ведет к появлению новых смыслов и значений, этап создания новых слов по аналогии и т. д., а во-вторых, понять общие закономерности познания мира представителями разных наций.

Преподавателю в процессе обучения любому языку необходимо обращать внимание учащихся на различия на уровне пропозициональных структур, наполнение которых зависит от специфики конкретных культур, климата, географического положения, и на то, что компактные пропозиционально-семантические объединения в одних языках могут иметь индивидуальную оформленность, в других такая оформленность размыта: есть прототипичные и периферийные для языкового сознания формальные средства. В результате применения метода пропозиционально-фреймового моделирования преподаватель формирует у обучающегося представление о том, что в каждом языке пропозициональные структуры отражают лишь некоторые признаки, свойства и т. д. объектов реального мира, поэтому картина мира, отраженная в отдельном языке, отличается от мира действительного и от картин мира, отраженных в других языках, то есть в каждом языке создается оригинальная пропозиционально организованная этническая языковая картина мира.

### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект №17-04-00253\ОГН «Язык и культура телеутов».

<sup>2</sup> Языковой материал для анализа извлечен из следующих лексикографических источников: Баранова З. И., Котов А. В. Большой русско-китайский словарь. М. : Живой язык, 2010. 568 с.; Китайско-русский словарь / под ред. Ся Чжунъи. Пекин : Шаньшу ишугуань, 2008. 1280 с.; Мюллер В. К. Полный англо-русский русско-английский словарь: 300 000 слов и выражений. М. : Эксмо, 2013. 1328 с.; Русско-алтайский словарь / под ред. Н. А. Баскакова. М. : Сов. энцикл., 1964. 875 с.; Русско-телеутский словарь / под ред. Л. Т. Рюминой-Сыркашевой, Н. М. Рюмина. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2002. 192 с.; Русско-хакасский словарь / под ред. Д. И. Чанкова. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1961. 968 с.; Телеутско-русский словарь / под ред. Л. Т. Рюминой-Сыркашевой. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1995. 118 с.; Хакасско-русский словарь: 14 000 слов; с приложением очерка «Хакасский язык» / сост. Н. А. Баскаков, А. И. Инкижекова-Грекул ; под ред. Н. А. Баскакова. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1953. 487 с.; Шорско-русский и русско-шорский словарь / сост. Н. Н. Курпешко-Таннагашева, Ф. Я. Апонькин. Кемерово : Кемер. кн. изд-во, 1993. 149 с.; Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «В», «Г» и «Д» / АН СССР. Ин-т языкознания ; ред. Н. З. Гаджиева. М. : Наука, 1980. 395 с.

<sup>3</sup> В статье не разграничиваются южно-алтайский и северо-алтайский языки, поскольку критерии такого разграничения противоречиво представлены в лингвистике.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Араева Л. А., 2015. Одна из самых загадочных сфер языка (к вопросу о словообразовательно-пропозициональной синонимии) // Язык в пространстве речевых культур: К 80-летию В. Е. Гольдина / отв. ред. О. Ю. Крючкова, Л. П. Крысин. М. ; Саратов : Амirit. С. 154–164.
- Араева Л. А., Ли С. И., 2014. Пропозиционально-фреймовый анализ производного слова (на материале наименований ягод в китайском и русском языках) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. № 27. С. 124–126.
- Араева Л. А., Логунов Т. А., 2011. Пропозиционально-фреймовый анализ производного слова как источник информации (на материале наименований ягод в английском и русском языках) // Актуальные проблемы современного словообразования : сб. науч. ст. / под общ. ред. проф. Л. А. Араевой. Вып. 4. Кемерово : Офсет. С. 96–99.
- Балли Ш., 1955. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М. : Изд-во иностр. лит. 416 с.

- Воронин Л. Г., Богданова И. И., 1971. Догадка и ее физиологические механизмы // Новые исследования в психологии и возрастной физиологии. № 2. С. 128–130.
- Голубева М. В., 2019. Техника запоминания информации, или что такое мнемоника // Советы психолога. URL: <https://psychologist.tips/2262-tehnika-zapominaniya-informatsii-ili-chto-takoe-mnemonika.html> (дата обращения: 12.03.2019).
- Гумбольдт В. фон, 1984. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества: Форма языка // Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс. С. 69–74.
- Кубрякова Е. С., 2004. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. Академия наук. Ин-т языкознания. М. : Языки славянской культуры. 560 с.
- Кубрякова Е. С., 2006. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 65, № 2. С. 3–13.
- Хидекель С. С., 1975. Некоторые спорные вопросы строения словообразовательных моделей и практика преподавания иностранного языка // Словообразование и его место в курсе обучения иностранному языку. Владивосток : ДВГУ. Вып. 3. С. 18–26.

### REFERENCES

- Araeva L.A., 2015. Odnа iz samykh zagadochnykh sfer yazyka (k voprosu o slovoobrazovatelno-propozitsionalnoy sinonimii) [One of the Most Mysterious Spheres of the Language (to the Issue of Word-Formation-Propositional Synonymy)]. *Yazyk v prostranstve rechevykh kultur: K 80-letiyu V.E.Goldina*. Moscow, Saratov, Amirit Publ., pp. 154-164.
- Araeva L.A., Li S.I., 2014. Propositional Frame Analysis of Derived Words (Based on the Names of Berries in Chinese and Russian). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], no. 27, pp. 124-126.
- Araeva L.A., Logunov T.A., 2011. Propozitsionalno-freymovy analiz proizvodnogo slova kak istochnik informatsii (na materiale naimenovaniy yagod v angliyskom i russkom yazykakh) [Proposal-Frame Analysis of the Derived Word as a Source of Information (Based on the Names of Berries in English and Russian)]. *Aktualnye problemy sovremennogo slovoobrazovaniya*:

- sbornik nauchnykh statey*. Kemerovo, Ofset Publ., iss. 4, pp. 91-94.
- Balli Sh., 1995. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General Linguistics and Questions of the French Language]. Moscow, Izd-vo Inostrannoy literatury. 416 p.
- Voronin L.G., Bogdanova I.I., 1971. Dogadka i ee fiziologicheskie mekhanizmy [Guessing and Its Physiological Mechanisms]. *Novye issledovaniya v psikhologii i vozrastnoy fiziologii*, no. 2, pp. 128-130.
- Golubeva M.V., 2019. Tekhnika zapominaniya informatsii, ili chto takoye mnemonika [Technique of Memorizing Information, or What is Mnemonics]. *Sovety psikhologa*. URL: <https://psychologist.tips/2262-tehnika-zapominaniya-informatsii-ili-chto-takoe-mnemonika.html> (Accessed 12 March 2019).
- Humboldt W. von., 1984. O razlichii stroeniya chelovecheskikh yazykov i ego vliyaniya na dukhovnoe razvitie chelovechestva: Forma yazyka. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected Works on Linguistics]. Moscow, Progress Publ., pp. 69–74.
- Kubryakova E.S., 2004. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol yazyka v poznanii mira*. [Language and Knowledge: Towards Knowledge of the Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in the Knowledge of the World]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 560 p.
- Kubryakova E.S., 2006. World Representations in the Human Mind and Categories of Word-Formation as Their Constituents. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], vol. 65, no. 2, pp. 3-13.
- Hidekel S.S., 1975. Nekotorye spornye voprosy stroeniya slovoobrazovatelnykh modeley i praktika prepodavaniya inostrannogo yazyka. [Some Controversial Issues of the Structure of Word-Formation Models and the Practice of Teaching a Foreign Language]. *Slovoobrazovanie i ego mesto v kurse obucheniya inostrannomu yazyku*. Vladivostok, DVGU Publ., iss. 3, pp. 18-26.

### Information about the Authors

**Lyudmila A. Araeva**, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University, Krasnaya St., 6, 650000 Kemerovo, Russia, [araeva@list.ru](mailto:araeva@list.ru), <https://orcid.org/0000-0002-7907-3186>

**Stanislav I. Li**, Postgraduate Student, Assistant of Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University, Krasnaya St., 6, 650000 Kemerovo, Russia, [li.stanislav999@yandex.ru](mailto:li.stanislav999@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0003-0576-0511>

### Информация об авторах

**Людмила Алексеевна Араева**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой стилистики и риторики, Кемеровский государственный университет, ул. Красная, 6, 650000 г. Кемерово, Россия, [araeva@list.ru](mailto:araeva@list.ru), <https://orcid.org/0000-0002-7907-3186>

**Станислав Игоревич Ли**, аспирант, ассистент кафедры стилистики и риторики, Кемеровский государственный университет, ул. Красная, 6, 650000 г. Кемерово, Россия, [li.stanislav999@yandex.ru](mailto:li.stanislav999@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0003-0576-0511>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.17>

UDC 811.161.1:398.91  
LBC 81.411.2-51

Submitted: 27.08.2018  
Accepted: 07.02.2019

## METHODS OF THE DIACHRONIC ANALYSIS OF AUTHOR'S PROVERBS OF THE RUSSIAN LANGUAGE: THE POSSIBILITY OF APPLICATION

Artur V. Zagrebelnyy

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia

**Abstract.** The purpose of the article is to present the author's method of the diachronic analysis of author's proverbs of the Russian language and the possibilities of its practical application on the example of the analysis of the author's proverb *Don't get in the someone's arsenal with your own machine gun*.

The principal novelty of the research is that a complex method of the historically distant author's proverb analysis was developed, tested and presented for the first time. The method is based on the achievements of modern scientists in the field of synchronous study of author's proverbs and their system prototypes, structural paremiology, research of the Russian language of the revolutionary era, facts of the national history of the beginning of the 20<sup>th</sup> century.

The developed method is presented in the form of a sequence of 7 stages of the analysis, allowing to describe the structural and semantic transformation of a proverb; to scientifically justify the recognition in a new proverbial unit of the source proverb by establishing the commonality of their reference to one of the 4 higher logical and semiotic invariant groups; to interpret the facts of a wide extralinguistic context, which led to the emergence of a new proverb; to formulate the opinion expressed by the author's proverb and to establish its type.

The paper demonstrates the possibilities of the technique practical application by the example of analysis of the author's proverb mentioned above.

**Key words:** author's proverb, paremiology, structural paremiology, analysis methods, diachronic analysis, source proverb, anti-proverbs.

**Citation.** Zagrebelnyy A. V. Methods of the Diachronic Analysis of Author's Proverbs of the Russian Language: the Possibility of Application. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 1, pp. 196-208. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.17>

УДК 811.161.1:398.91  
ББК 81.411.2-51

Дата поступления статьи: 27.08.2018  
Дата принятия статьи: 07.02.2019

## МЕТОДИКА ДИАХРОНИЧЕСКОГО АНАЛИЗА АВТОРСКИХ ПАРЕМИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА: ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ

Артур Владимирович Загребельный

Вологодский научный центр Российской академии наук, г. Вологда, Россия

**Аннотация.** Новизна исследования, представленного в статье, состоит в разработке и апробировании комплексной методики анализа исторически дистанцированных авторских паремий. Предлагаемая методика базируется на достижениях современной лингвистики в области синхронного изучения авторских паремий и их системных прототипов, структурной паремиологии, опирается на работы, посвященные изучению рус-

ского языка в разные периоды его развития, и на труды в области отечественной истории. Методика предполагает последовательную реализацию семи этапов анализа. В совокупности его результаты позволяют описать структурно-смысловые трансформации, которые происходят в процессе создания авторской паремии; научно обосновать узнаваемость в новой паремиологической единице паремии-источника путем установления их общности в образном выражении прототипической ситуации, что проявляется в их принадлежности к одной из четырех высших логико-семиотических инвариантных групп; интерпретировать факты широкого экстралингвистического контекста, обусловившие возникновение новой паремии; сформулировать выражаемое авторской паремией суждение и определить ее тип. Возможности применения методики продемонстрированы на примере анализа авторской паремии *В чужой арсенал со своим пулеметом не суйся*, которая возникла в период первой русской революции.

**Ключевые слова:** авторская паремия, паремиология, структурная паремиология, методика анализа, диахронический анализ, паремия-источник, антипословицы.

**Цитирование.** Загребельный А. В. Методика диахронического анализа авторских паремий русского языка: возможности применения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 1. – С. 196–208. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.17>

## Введение

Специализированное лингвистическое изучение авторских пословиц, поговорок и пословично-поговорочных выражений, образованных на базе структурно-смысловых моделей, существующих в языке паремий, началось относительно недавно – в середине 1990-х годов [Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 9]. В качестве источниковой базы учеными преимущественно использовались материалы современной прессы, а позднее – интернет-ресурсов и современной публицистики, что на долгие годы определило синхронный характер проводимых исследований [Антонова, 2011; Бегун, 2010; Вальтер, Мокиенко, 2005; Гнедаш, 2005; 2010; Кирсанова, 2014; Константинова, 2009; Савенкова, 2014 и др.].

Изучение авторских паремий сводится, как правило, к выявлению имевших место структурно-смысловых трансформаций паремий-прототипов (нередко в лингвокогнитивном, социолингвистическом аспектах либо в рамках гендерной лингвистики) [Антонова, 2011; Демидкина, 2017; Кирсанова, 2014; Константинова, 2009; Мелерович, Мокиенко, 1997; Проскурякова, 2015; Соловьева, 2011 и др.], к описанию новых паремий как продуктов языковой игры [Бутько, 2008; Савченко, 2014; Санников, 2002], их логико-семиотическому анализу и классификации [Швыдка, 2011].

Превалирование научных исследований авторской паремиологии (данное терминологическое наименование используется нами как синоним термина «антипословицы») с акцентированием внимания на типологии структур-

но-смысловых трансформаций паремий-прототипов представляется вполне закономерным, так как именно формальная, логико-структурная организация «признается главным типологическим признаком паремий» [Дидковская, Петрова, 2014, с. 70].

При всем многообразии синхронных исследований авторских паремий русского языка диахронические изыскания в этой области (с выявлением и введением в научный оборот нового языкового материала) единичны (см., например: [Загребельный, 2015а; 2015б; 2015в; 2016; 2017]), и если методика анализа как современных авторских паремий, так и паремий-прототипов достаточно хорошо отработана, то «отточенной методики лингвистического анализа славянских пословиц в диахроническом аспекте... нам очень не хватает и, судя по всему, она еще не скоро появится» [Мокиенко, 2010, с. 17]. Приведенное утверждение В.М. Мокиенко, на наш взгляд, в равной степени справедливо и для собственно функционирующих в языке паремий, и для образованных на их основе авторских паремий.

Все вышеуказанное определяет научную новизну предпринятого исследования, цель которого состоит в представлении разработанной автором методики диахронического анализа авторских паремий русского языка в лингвистическом, логико-семиотическом и культурно-историческом аспектах; возможности ее применения демонстрируются на примере анализа авторской паремии *В чужой арсенал со своим пулеметом не суйся*, возникшей в период первой русской революции.

**Методика исследования**

Не углубляясь в детальное рассмотрение вопроса о соотношении понятий «методология», «метод» и «методика» в языкознании, которому посвящено немалое количество научных работ [Комарова, 2012; Попова, Стернин, 1984; Распопов, 1976; Рождественский, 2000; Степанов, 2007; Фейерабенд, 1986; и др.], отметим, что под методом мы будем понимать совокупность исследовательских приемов и операций, используемых для достижения цели и решения конкретных задач в соответствии с лингвистической теорией и методологией познания языковой действительности. За основу приведенного выше определения термина «метод» нами была взята дефиниция, данная З.И. Комаровой [Комарова, 2012, с. 32]. Учитывая теорию и практику современного лингвистического анализа, его методика рассматривается нами как алгоритм, совокупность действий, направленных на решение конкретных задач посредством применения метода, соответствующего цели исследования.

Методика диахронического анализа авторских паремий русского языка в лингвистическом, логико-семиотическом и культурно-историческом аспектах обусловлена задачами исследования, в числе которых: определение паремий-источников и высших логико-семиотических инвариантных групп, объективировавших типические ситуации, выраженные паремиями-источниками и анализируемыми авторскими паремиями; определение логико-тематических групп, включающих в свои составы сходные по структуре и близкие по характеру объектов авторские паремии и паремии-источники; определение языковых значений слов-компонентов изучаемых авторских паремий; анализ фактов широкого экстралингвистического контекста, которые обусловили появление исследуемых авторских паремий; формулировка выражаемых авторскими паремиями суждений; определение типов авторских паремий.

Лингвистический аспект анализа реализуется в выявлении посредством использования методов компонентного, контекстуального анализа, а также анализа словарных дефиниций слов – компонентов авторских паремий – как единиц языка.

Мы, вслед за многими исследователями, относим авторские паремии к единицам языка, а не речи [Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 8; Зайкина, 2018, с. 111; Сташкова, 2015, с. 9].

Логико-семиотический аспект анализа реализуется в выявлении принадлежности авторских паремий и паремий-прототипов к тем или иным высшим логико-семиотическим инвариантным и логико-тематическим группам. Определение типической ситуации, образно представленной в выражаемом авторской паремией и ее прототипом суждении, позволяет идентифицировать один из четырех высших логико-семиотических инвариантов, к которому относятся и паремия-источник, и образованная на ее основе авторская паремия [Пермяков, 1979, с. 20]. Метод логико-семиотического анализа подробно описан в работах Г.Л. Пермякова [Пермяков, 1970; 1979; 1988]. Важность проведения данного анализа обусловлена необходимостью научного обоснования неразрывной связи паремии-прототипа с образованной на ее основе авторской паремией, поскольку именно наличие данной связи, а также структурного сходства лежит в основе узнавания новой языковой единицы [Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 12; Швыдка, 2011, с. 238].

Культурно-исторический аспект анализа реализуется в выявлении экстралингвистических фактов, которые обусловили (либо могли обусловить) возникновение новых единиц языка. Все авторские паремии периода первой русской революции обнаружены нами в общественно-политических сатирических журналах, где они даны в рубриках «Новые пословицы» вне контекстного окружения. В рамках данной статьи мы не будем отдельно останавливаться на вопросах специфики анализа авторской паремиологии русского языка начала XX в., так как они неоднократно рассматривались в наших работах [Загребельный, 2015а; 2015б; 2015в; 2016; 2017]. Приведем лишь значимое для нашего исследования мнение С.И. Гнедаш о том, что корректное восприятие содержания авторских паремий носителями языка возможно при условии наличия общих у адресата и адресанта знаний [Гнедаш, 2010, с. 159]. Временная дистанционность периода создания исследуемых авторских паремий (начало XX в.), равно как и от-

сутствие их лингвистического контекстного окружения определяют необходимость и целесообразность подробного анализа обусловивших их появление фактов социально-политической жизни Российской империи. Исключение культурно-исторической составляющей из методики анализа авторских паремий привело бы к «дисбалансу знаний» адресанта и адресата, утрате авторской паремией «ассоциативности, экспрессивности и коммуникативно-прагматической нагрузки» [Гнедаш, 2010, с. 159]. Важно также отметить, что широкий экстралингвистический контекст при отсутствии непосредственного контекстного окружения паремии позволяет воспринимать смысл, не заложенный в семантике образующих ее слов; как справедливо отмечает Е.В. Падучева, «некоторые компоненты содержания не заложены собственно в смысле предложения, а восстанавливаются слушателем, притом достаточно однозначно исходя из контекста (в том числе и широкого экстралингвистического. – А. З.) и коммуникативных постулатов» [Падучева, 2001, с. 43].

В методике анализа авторских паремий русского языка важен алгоритм действий, так как именно корректная последовательность блоков анализа определяет общую логику рассмотрения материала, позволяет в полной мере достичь поставленных целей исследования, является одной из основ научности и достоверности полученных результатов.

В итоге методика диахронического анализа авторских паремий может быть представлена в виде последовательности действий:

1) установить паремию-источник, сформулировать выражаемое ей суждение, определить тип (поговорка, пословице-поговорочное выражение, поговорка);

2) выявить принадлежность авторской паремии и паремии-источника к определенной высшей логико-семиотической инвариантной и логико-тематической группам;

3) установить механизм образования новой единицы языка (расширение компонентного состава исходной паремиологической структуры; использование генерализованной структурной модели ряда структурно и семантически схожих паремий; замена одного слова-компонента паремии-источника, сопровождающаяся утратой переносного смысла и актуализацией

политически детерминированного смысла и пр.);

4) определить значение слов-компонентов авторской паремии, по возможности привести механическую сумму значений слов-компонентов;

5) провести анализ социально-политических факторов, которые могли обусловить появление новой единицы языка;

6) сформулировать суждение, выражаемое авторской паремией;

7) сопоставить выражаемое ей суждение со значениями образующих ее слов-компонентов, определить наличие первично и вторично маркированных слов-компонентов, а также тип авторской паремии.

В описанной методике анализа авторских паремий русского языка начала XX в., как и в любой другой, могут быть отступления, определяемые спецификой конкретных единиц. Например, в случаях, когда авторская паремия образована на базе генерализованной структурно-смысловой модели целого ряда структурно и содержательно схожих паремий, установить конкретную паремию-источник по понятным причинам невозможно. В таких ситуациях в качестве паремии-источника может приводиться сама генерализованная структурно-смысловая модель паремий-прототипов и выражаемый ими обобщенный смысл.

### Результаты исследования

Рассмотрим возможности применения методики диахронического анализа авторских паремий русского языка в лингвистическом, логико-семиотическом и культурно-историческом аспектах на примере анализа возникшей в период первой русской революции авторской паремии *В чужой арсенал со своим пулеметом не суйся* (Зарницы, с. 2).

Эта паремия образована на базе паремии-источника *В чужой монастырь со своим уставом не ходят*, выражающей следующее суждение: ‘В чужом месте подчиняются заведенным там правилам, порядкам, обычаям и т. п.’ (Жуков, с. 63). В основе образования новой языковой единицы – структурно-содержательная трансформация паремии-источника, состоящая в замене слов-компонентов *монастырь* на *арсенал*, *устав* на *пуле-*

*мет* и *не ходят на не суйся*. Наличие в составе паремии-источника слова, реализующего свое языковое значение (*чужой*), позволяет идентифицировать данную единицу как пословично-поговорочное выражение.

Анализируемая авторская паремия представляет собой образный вариант типической ситуации, при которой моделируются отношения между вещами в зависимости от наличия у них определенных свойств: «если вещь Р обладает каким-нибудь (положительным) свойством (x), а вещь Q не обладает этим свойством ( $\bar{x}$ ), то вещь Р лучше, чем Q» [Пермяков, 1970, с. 21]. В нашем случае под «вещью Р» и «вещью Q» понимается арсенал, под свойством ( $\bar{x}$ ) – принадлежность к «чужим» вещам, под свойством (x) – принадлежность к «своим» вещам, то есть «свой» арсенал, лучше, чем «не свой». Отсутствие второго члена противопоставляемой пары нередко встречается паремиологии: «...иногда в паремии эксплицитно представлен только один член пары. Однако в таком случае второй подразумевается» [Пермяков, 1979, с. 32]. Паремии, являющиеся образными вариантами указанной выше типической ситуации, образуют высшую логико-семиотическую инвариантную группу II (2) [Пермяков, 1970, с. 21].

Схема данного логико-семиотического инварианта может быть представлена в следующем виде:  $[(P \rightarrow x) \wedge (Q \rightarrow \bar{x})] \rightarrow (P > Q)$ , где знаком  $\rightarrow$  обозначена импликация, знаком  $\wedge$  – конъюнкция, знаком  $>$  – преференция [Пермяков, 1970, с. 21].

Паремия-источник *В чужой монастырь со своим уставом не ходят* объективирует описанную типическую ситуацию и входит в высшую логико-семиотическую инвариантную группу II (2). Объединяет паремии-источник и образованную на ее основе авторскую паремию также отнесенность к одной логико-тематической группе «Свое – чужое» (о выделении этой группы см.: [Пермяков, 1979, с. 396]).

Для того, чтобы сформулировать выражаемое рассматриваемой авторской паремией суждение, обратимся к ее компонентному составу.

Предлог *в* употреблен в своей основной функции: вместе с существительным *монастырь*, использованным в форме вин. п. ед. ч., ‘указывает на предмет или пространство,

внутри которого направлено движение’ (БАС, т. 2, с. 6). Слово *чужой* имеет значение ‘1. Принадлежащий другому (другим), не собственный, не свой’ (БАС, т. 17, с. 1189). Существительное *арсенал* определяется как ‘2. Склад оружия, боеприпасов и военного снаряжения’ (НБАС, т. 1, с. 266). Предлог *со* используется для выражения объектных отношений: ‘24. С твор. пад. Употребляется при обозначении предмета, наличествующего у кого-либо в момент совершения действия’ (БАС, т. 13, с. 21–22). Притяжательное местоимение *свой*, употребленное в форме тв. п. ед. ч., имеет значение ‘1. Принадлежащий себе, находящийся у себя в пользовании’ (БАС, т. 13, с. 433). Слово *пулемет* называется ‘автоматическое скорострельное оружие для стрельбы пулями’ (НБАС, т. 21, с. 498). Отрицательная частица *не* ‘вносит значение полного отрицания того, что обозначает слово или словосочетание, перед которым она стоит’ (НБАС, т. 11, с. 498). Глагол *соваться*, употребленный в форме 2-го л. ед. ч. повелит. накл., имеет следующее значение: ‘1. Разг. Устремляться, бросаться куда-либо, к кому-либо’ (БАС, т. 14, с. 58).

Выражаемое анализируемой авторской паремией суждение, сформулированное на основе суммы исходных (не переосмысленных) значений составляющих ее слов, может быть представлено следующим образом: ‘На чужой склад оружия, боеприпасов и военного снаряжения не следует ходить с собственным автоматическим скорострельным оружием для стрельбы пулями’. Как видим, прямое значение предложения, образующего авторскую паремию, никак не соотносится с выражаемым ею суждением. Отсутствие у рассматриваемой единицы аналитического значения позволяет утверждать, что перед нами не поговорка.

В России вплоть до октябрьской революции 1917 г. монастыри имели собственные уставы «ведать и судить своих людей сами и во всем, опричь душегубства и разбоя с личным» (Жуков, с. 64; Михельсон, т. 1, с. 163). По всей видимости, в процессе употребления в речи предложения *В чужой монастырь со своим уставом не ходят* произошла неравномерная деактуализация его слов-компонентов, образовались первично и вторично семан-

тически маркированные компоненты, изменилось выражаемое им суждение. Существенное отличие толкования паремии-источника от ее формальной организации обусловило высокую степень ее идиоматичности.

Фиксация авторской паремии *В чужой арсенал со своим пулеметом не суйся* относится к первому полугодю 1906 г. – времени реакции, ослабления революционного движения и небывалого подъема крайне правых политических партий. Так, современник тех событий, депутат Государственной думы первого созыва от Пензенской губернии Н.Ф. Езерский отмечал, что «приблизительно в середине февраля (1906 года. – А. З.) страх перед всеобщей революцией значительно ослабел, красный призрак побледнел от времени и от собственных неудач» (Езерский, с. 14).

Выбор именно паремии *В чужой монастырь со своим уставом не ходят* в качестве базы для создания новой единицы функционирующего языка представляется неслучайным. При буквальном прочтении все образующие ее слова сохраняют языковые значения. Лексика же религиозной сферы использовалась преимущественно ультраправыми политическими силами, апеллировавшими к историческому единству монархии, русской православной церкви и русского народа: «Собрания правых всегда начинались общей молитвой, служились панихиды, молебны, устраивались крестные ходы, с иконами и хоругвями. В деятельности правых обществ большую роль играли священники» (Острецов, с. 35). Проправительственные силы активно противостояли леворадикальным политическим партиям: патриотическим манифестациям крайне правых сил левые партии противопоставляли революционные демонстрации (Степанов, с. 51).

Таким образом, слова *монастырь* и *устав*, изъятые из контекста, могли выступать в качестве своеобразных языковых маркеров принадлежности к конкретным политическим силам.

Рассмотрим более подробно механизм создания анализируемой авторской паремии. Существительное *монастырь* толкуется как '1. Религиозная община монахов или монахинь, представляющая собой церковно-хозяйственную организацию, владеющую землями и ка-

питалами' (БАС, т. 6, с. 1220). Слово *устав* имеет следующее значение: 'Свод правил, определяющих организацию чего-либо, порядок осуществления, исполнения, применения чего-нибудь' (БАС, т. 16, с. 946). Наличие в составе денотативного макрокомпонента значения слова *монастырь* сем 'религиозная', 'община', 'монахи', 'церковно-хозяйственная', 'организация' обуславливает наличие семы 'положительная оценка', которая, отражая рациональную оценку, также локализуется в денотативном макрокомпоненте значения. Эта сема, в свою очередь, актуализирует сему 'одобрение' коннотативного макрокомпонента значения (мирная религиозная деятельность монахов не может не вызывать чувства одобрения), которая отражает положительную эмоциональную оценку. Слово *устав* характеризуется наличием семы 'нейтральная оценка', входящей в денотативный макрокомпонент значения, и отсутствием при его употреблении вне контекста дополнительных созначений. Наличие в составе денотативного макрокомпонента значения слова *арсенал* сем 'оружие', 'боеприпасы', 'военный' обуславливает наличие семы 'отрицательная оценка' (оружие и боеприпасы используются исключительно для разрушения, что и определяет отношение к ним человека в ценностной картине мира), которая отражает рациональную оценку, локализуется в денотативном макрокомпоненте значения и оказывает воздействие на коннотативный макрокомпонент значения, актуализируя в его составе семы 'неодобрение' и 'порицание', выражающие отрицательную эмоциональную оценку. Логическое суждение о ценности предмета, номинируемого лексемой *пулемет*, отражается в денотативном макрокомпоненте значения (семы 'автоматическое' 'скорострельное' 'оружие'). Пулемет, как и любое другое оружие, создано с целью уничтожения живых существ, в связи с чем может вызывать лишь резко негативное отношение. Этим и объясняется наличие семы 'отрицательная оценка', отражающей рациональную оценку, в денотативном макрокомпоненте значения. Она оказывает воздействие на состав коннотативного макрокомпонента, приводя к актуализации семы 'неодобрение', отражающей отрицательную эмоциональную оценку.

Как видим, слова *монастырь* и *устав*, с одной стороны, *арсенал* и *пулемет* – с другой, обладают полярной по отношению друг к другу семантикой: по сути, мир и добро противопоставлены войне и разрушению. Выбор неизвестным автором именно лексем *арсенал* и *пулемет* представляется неслучайным. Единицы подсистемы общественно-политической лексики русского языка начала XX в. нередко характеризовались экстралингвистической маркированностью, базирующейся на ассоциативной связи номинируемых предметов и явлений с деятельностью конкретных политических сил [Загребельный, 2013]. Саморепрезентация политических партий, осуществленная в речи их представителей, была связана с использованием характерных для них стилей как совокупности определенных языковых средств. Лексика религиозной сферы ассоциировалась в сознании носителей языка с ультраправыми проправительственными партиями, а лексические единицы, образующие тематическую группу «Насильственная смена политического и государственного строя», – с деятельностью революционных левых партий.

Следовательно, можно предположить, что в основе создания новой паремии *В чужой арсенал со своим пулеметом не суйся* – языковая игра, состоявшая в замене компонентов, ассоциированных с монархическими партиями, на компоненты, ассоциированные с революционными силами. Осуществив данную замену (а также заменив слова *не ходят* на *не суйся*), неизвестный автор добился значительного усиления образности паремии. Образность же паремий, как отмечает А.В. Батулина, основывается на присущей им способности иметь одновременно буквальное и переносное «прочтение», создавать наглядно-чувственные представления о предметах и явлениях окружающего мира [Батулина, 2003, с. 32]. Восприятие новой паремии носителем языка, по всей видимости, должно было сопровождаться несколькими одновременно происходившими мыслительными процессами: восстановлением в памяти паремии-источника, идентификацией политически маркированных компонентов, соотносением данных компонентов с ассоциированными с ними политическими силами, восприятием содер-

жания паремии в контексте текущей общественно-политической обстановки, пониманием вариативности выражаемого новой паремией суждения.

Для уточнения типа рассматриваемой единицы и формулировки выражаемого ей суждения обратимся к анализу экстралингвистических факторов, обусловивших ее возникновение.

Как было отмечено выше, в 1906 г. в полную силу проявилась реакция, царская власть старалась всеми силами свести на нет сделанные в октябре – ноябре 1905 г. уступки центристским и левым политическим силам. Так, современник и участник тех далеких событий, член РСДРП И.В. Шауров писал следующее: «В Петербург я приехал в первых числах сентября 1906 года. <...> Реакция свирепствовала повсюду. Из 87 губерний России 64 находились на военном положении. В них неистовствовали военные и военно-полевые суды, вынося смертные приговоры за революционные действия. Каждый день газеты сообщали о расстрелах, смертных приговорах, массовых арестах» (Шауров, с. 154–155). По мнению Н.Ф. Езерского, «январь 1906 г. был эпохой наибольшей реакции за все время революции» (Езерский, с. 5).

В борьбе с многочисленными выступлениями представителей центристских и леворадикальных политических организаций помимо армейских частей и казаков активное участие принимали боевые структуры ультраправых монархических партий, которые, как отмечали общественные деятели начала XX в. и современные историки, были созданы по инициативе государства, им же финансировались и управлялись. Так, в 1917 г. в ходе допроса следственной комиссией Временного правительства бывшего директора Департамента полиции С.П. Белецкого выяснилось, что «в период пребывания Дурново на посту министра внутренних дел (занимал указанную должность с 23.10.1905 по 22.04.1906 г. – А. З.), “в разгар борьбы” “союзы русского народа” принимали самое энергичное и активное участие в содействии... полиции путем учреждения... боевых дружин, имевших задачей как активное выступление против революционеров, так и пропагандистскую деятельность... эмиссаров... причем они снабжались члена-

ми администрации оружием» (Политические партии, с. 198). Историки отмечают, что «по некоторым свидетельствам Дурново (а в его лице правительство и царская власть. – А. З.) имел отношение к выделению “союзникам” денежных средств» (Политические партии, с. 198).

Выдающийся русский ученый Н.К. Кольцов, говоря о событиях, предшествовавших реакции, отмечал следующее: «Прямое участие московской администрации в устройстве так называемых патриотических манифестаций, уголовный характер деятельности которых был ясен с самого начала, не подлежит никакому сомнению» (Кольцов, с. 16).

Появление рассматриваемой авторской паремии могло быть обусловлено также борьбой правительства с незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывных устройств. Так, И.В. Шауров отмечал, что в 1906–1907 гг. «транспортом оружия было занято большое количество людей. Склады его создавались почти во всех городах России. Провалы транспортов оружия и складов были весьма часты. Бывало... развернешь газету и видишь в хронике массу сообщений об арестах при перевозке оружия на вокзалах, в вагонах, в портах, на пароходах, о раскрытии тайных складов» (Шауров, с. 72). Суждение, выражаемое предложением-прототипом паремии *В чужой арсенал со своим пулеметом не суйся*, имело реальную историческую основу: нередко при попытках представителей царской власти осуществить вооруженный захват созданных революционерами складов (арсеналов) с оружием последние оказывали ожесточенное сопротивление, что неминуемо вело к жертвам. По воспоминаниям И.В. Шаурова, «в Ростове была организована мастерская бомб. В апреле 1906 г. эта мастерская была обнаружена при попытке ареста находившихся в ней товарищей. При захвате мастерской в жандармов были брошены бомбы» (Шауров, с. 74).

Анализ исторических свидетельств позволяет заключить, что рассматриваемая авторская паремия могла характеризоваться «полисемантической», основанной на ее яркой образности, возможности единовременного восприятия двух планов ее выражения (прямого и переносного), вариативностью восста-

навливаемых из широкого экстралингвистического контекста смыслов. Таким образом, данная языковая единица могла выражать следующие суждения: 1) ‘в чужом месте подчиняются заведенным там правилам, порядкам, обычаям и т. п.’ (выражаемое суждение остается неизменным при усилении образности авторской паремии, обусловленной привнесенными новыми словами-компонентами политическим подтекстом); 2) ‘находясь в среде представителей революционной партии, следует воздержаться от высказывания идей ультраправых партий’; 3) ‘вооруженным представителям царской власти не следует заходить на склады оружия левых революционных политических организаций’. Свойство же паремий характеризоваться многозначностью не раз отмечалось лингвистами, например, Г.Л. Пермяков писал: «Пословицы же как синтетические тексты принципиально многозначны, то есть имеют ряд смыслов (пусть во многом и близких друг другу), и в разных контекстах могут означать разное» [Пермяков, 1979, с. 60].

Каждое из выражаемых анализируемой авторской паремией суждений обуславливает ее тип. Так, в первом и третьем случаях перед нами пословично-поговорочные выражения, во втором – пословица (все слова-компоненты характеризуются наличием вторичной семантической маркированности).

## Выводы

Разработанная нами методика диахронического анализа авторских паремий русского языка представляется действенным инструментом для диахронических исследований в области авторской паремиологии, так как позволяет вскрыть механизм образования новой паремиологической единицы, получить ответы на вопросы о факторах, обусловивших ее появление в языке, установить паремию-источник имевшей место трансформации, научно обосновать связь между системным прототипом и ее трансформом, достаточно точно сформулировать выражаемое авторской паремией суждение и определить ее тип.

Данная методика обладает, на наш взгляд, двумя основными особенностями. Во-первых, она включает подробный анализ фак-

торов внешней среды, обусловивших создание новой паремиологической единицы. Необходимость детального анализа определяется одной из целей исследования авторских паремий – точной формулировкой выражаемого ею суждения. Чем дальше во времени находится период появления авторской паремии, тем сложнее (а зачастую и вовсе невозможно) современному носителю языка, не имеющему специального исторического образования, понять, какой смысл заложен в новой языковой единице. Например, неподготовленный читатель, встретив на страницах журнала «Зарницы» 1906 г. издания авторскую паремию *В чуждой арсенал со своим пулеметом не суйся*, вероятно, не сможет точно сформулировать все ситуативно выражаемые ею суждения, а тем более понять искусно обыгранное ее автором противостояние ультраправых монархических и левых революционных политических организаций Российской империи периода первой русской революции.

Во-вторых, предлагаемая методика включает определение значений всех слов-компонентов авторской паремии. Носитель языка представляет, что означает то или иное слово (тем более если это слово входит в его активный словарный запас), однако именно подробный семантический анализ позволяет на завершающей стадии изучения авторской паремии точно и на научной основе установить ее тип путем сопоставления выражаемого ей суждения и значений образующих ее слов-компонентов (при данном сопоставлении легко выявляются первично и вторично маркированные слова-компоненты).

Таким образом, применение данной методики в практике паремиологического анализа позволит обеспечить зарождающемуся в настоящее время направлению диахронических исследований авторской паремиологии системную основу, что должно положительно отразиться на качественном уровне данных исследований.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонова О. Н., 2011. Изменение компонентного состава как вид трансформации паремий (на материале англоязычных массмедиа) // Вестник Бурятского государственного университета. № 11. С. 3–5.
- Батулина А. В., 2003. Пословично-поговорочные выражения в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород. 211 с.
- Бегун В. В., 2010. Рекламный слоган как трансформация культурных стереотипов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 1 (7). С. 31–37.
- Бутько Ю. В., 2008. Ассоциативный контекст и его реализация в новых паремиях // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. № 6. С. 142–153.
- Вальтер Х., Мокиенко В. М., 2005. Антипословицы русского народа. СПб. : Нева. 576 с.
- Гнедаш С. И., 2005. Провербиальные трансформанты в функциональном стиле прессы и публицистики (на материале немецкоязычной печати ФРГ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 24 с.
- Гнедаш С. И., 2010. Провербиальные единицы и возможности их трансформации в современном немецком языке // Вестник Чувашиянского университета. № 2. С. 155–159.
- Демидкина Е. А., 2017. Репрезентация интеллектуальных качеств человека в немецких паремиях и антипословицах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 1 (67), ч. 1. С. 91–94.
- Дидковская В. Г., Петрова Л. А., 2014. Пословицы и поговорки как объект «наивной лингвистики» // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. № 77. С. 68–70.
- Загребельный А. В., 2013. Лексика общественно-политической сферы русского языка начала XX века в семасиологическом и функциональном аспектах. Вологда : ИСЭРТ РАН. 248 с.
- Загребельный А. В., 2015а. Авторская паремиология в русском языке начала XX века // И.А. Бодуэн де Куртэнэ и мировая лингвистика : междунар. конф. : V Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 12–15 окт. 2015 г.) : тр. и матер. В 2 т. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Г. А. Николаева. Казань : Изд-во Казан. ун-та. Т. 1. С. 120–123.
- Загребельный А. В., 2015б. Авторские паремии в русском языке начала XX века // Вопросы филологии. № 3. С. 39–47.
- Загребельный А. В., 2015в. Квазипаремия «Гусь свинье не товарищ, а товарищ графу не “братец”» в русском языке 1905–1906 гг.» // Научное обозрение: гуманитарные исследования. № 8. С. 121–128.
- Загребельный А. В., 2016. Паремии-новации в русском языке 1905–1907 гг. // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор

- исследований Казанской лингвистической школы : тр. и матер. междунар. конф. (Казань, 31 окт. – 3 нояб. 2016 г.). В 2 т. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Г. А. Николаева. Казань : Изд-во Казан. ун-та. Т. 2. С. 82–92.
- Загребельный А. В., 2017. Революция 1905–1907 гг. в зеркале авторской паремиологии русского языка // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 3. С. 221–230.
- Зайкина З. М., 2018. Понятийная и структурно-типологическая специфика паремиологических единиц // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 1 (79), ч. 1. С. 108–112.
- Кирсанова М. А., 2014. Антипословицы с гендерным компонентом в современном английском языке // Наука и школа. № 1. С. 91–95.
- Комарова З. И., 2012. Методология, метод, методика и технологии научных исследований в лингвистике. Екатеринбург : Изд-во УрФУ. 818 с.
- Константинова А. А., 2009. Пословицы и поговорки в современной англо-американской прессе: авторское использование традиционных паремий // Вестник Томского государственного университета. № 322. С. 22–25.
- Мелерович А. М., Мокиенко В. М., 1997. Введение. Как пользоваться словарем // Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М. : Русские словари. С. 3–44.
- Мокиенко В. М., 2010. Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. № 3. С. 6–19.
- Падучева Е. В., 2001. К структуре семантического поля «восприятие»: На материале глаголов восприятия в русском языке // Вопросы языкознания. № 4. С. 23–44.
- Пермяков Г. Л., 1970. От поговорки до сказки. М. : Наука. 240 с.
- Пермяков Г. Л., 1979. Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов. М. : Наука. 671 с.
- Пермяков Г. Л., 1988. Основы структурной паремиологии / сост., вступ. ст. Г. Л. Капчица. М. : Наука. 235 с.
- Попова З. Д., Стернин И. А., 1984. Лексическая система языка. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та. 148 с.
- Проскуракова Е. В., 2015. Использование пословиц в заголовках газетных статей и их анализ по когнитивно-дискурсивной модели актуализации смысла пословицы в дискурсе // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 6 (69). С. 206–209.
- Распопов И. П., 1976. Методология и методика лингвистических исследований (методы синхронного изучения языка). Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та. 107 с.
- Рождественский Ю. В., 2000. Лекции по общему языкознанию : в 2 ч. М. : Добросвет. Ч. 2. 343 с.
- Савенкова Л. Б., 2014. Представление о коллективном субъекте в пространстве современных русских антипословиц // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. № 77. С. 35–37.
- Савченко А. В., 2014. Фразеология сферы спорта как пример языковой игры // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. Вып. 1. С. 221–227.
- Санников В. З., 2002. Русский язык в зеркале языковой игры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Языки славянской культуры. 552 с.
- Соловьева Н. С., 2011. Социолингвистический портрет американцев и русских по материалам словарей антипословиц (сопоставительный анализ) // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3. С. 231–235.
- Сташкова М. А., 2015. Функционирование пословиц и антипословиц с гендерным компонентом в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 23 с.
- Степанов Ю. С., 2007. Методы и принципы современной лингвистики. Изд. 6-е. М. : ЛКИ. 312 с.
- Фейерабенд П., 1986. Избранные труды по методологии науки. М. : Прогресс. 542 с.
- Швыдка Я. И., 2011. Лингвистический статус традиционных паремий и антипословиц (на материале русских и английских фразеографических источников) // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3. С. 236–239.

#### **ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ**

- БАС* – Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1950–1965.
- Езерский* – Езерский Н. Ф. Государственная Дума первого созыва. Пенза : Типо-Литография Е.М. Грушецкой, 1907. 214 с.
- Жуков* – Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд., стереотип. М. : Русский язык, 2000. 544 с.
- Зарницы* – Зарницы. 1906. № 3. 19 с.
- Кольцов* – Кольцов Н. К. Памяти павших. Жертвы из среды московского студенчества в октябрьские и декабрьские дни. М. : Тип. Ф.Я. Бурче, 1906. 90 с.
- Михельсон* – Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии : сборник образных слов и иносказаний : в 2 т. СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1902. Т. 1. VIII, 779 с.

НБАС – Большой академический словарь русского языка / РАН. Ин-т лингвист. исслед. ; гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. М. ; СПб. : Наука, 2004. Т. 1. 661 с.

Острецов – Острецов В. Черная сотня и красная сотня. М. : Воениздат, 1991. 48 с.

Политические партии – Политические партии России, конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия / Ассоц. «Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), Рос. независимый ин-т соц. и нац. пробл. (РНИСиНП). М. : РОССПЭН, 1996. 800 с.

Степанов – Степанов С. А. Черная сотня в России. 1905–1914 гг. М. : ВЗПИ : Росвузнаука, 1992. 330 с.

Шауров – Шауров И. В. Воспоминания участника первой русской революции. Изд. 2-е. М. : Мысль, 1974. 264 с.

### REFERENCES

Antonova O.N., 2011. Changes in Component Composition as a Way of Paremias Transformations in the English Language Massmedia. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], no. 11, pp. 3-5.

Batulina A.V., 2003. *Poslovichno-pogovorochnye vyrazheniya v sovremennom russkom yazyke: diss. ... kand. filol. nauk* [Cand. philol. sci. diss.]. Velikiy Novgorod. 211 p.

Begun V.V., 2010. Advertisings Slogans as Cultural Stereotypes Transformation. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], iss. 1 (7), pp. 31-37.

Butko Yu.V., 2008. Associative Context and Its Realization in New Paremias. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University], no. 6, pp. 142-153.

Valter H., Mokienco V.M., 2005. *Anti-Proverbs of the Russian People*. Saint-Petersburg, Neva Publ. 576 p.

Gnedash S.I., 2005. *Proverbialny Transformants in Functional Style of the Press and Journalism (on Material of the German-Speaking Press of Germany)*. *Cand. philol. sci. abs. diss.* Moscow. 24 p.

Gnedash S.I., 2010. Proverbial Units and the Ways of Their Transformation in the Modern German Language. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], no. 2, pp. 155-159.

Demidkina E.A., 2017. Representation of Person's Intelligent Qualities in the German Proverbs and Antiproverbs. *Filologicheskie nauki. Voprosy*

*teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], no. 1 (67), part 1, pp. 91-94.

Didkovskaya V.G., Petrova, L.A., 2014. Proverbs and Sayings as an Object of “Naive Linguistics”. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo* [Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University], no. 77, pp. 68-70.

Zagrebelnyy A.V., 2013. *Lexicon of the Social and Political Sphere of the Russian Language of the Beginning of the 20<sup>th</sup> Century in Semasiological and Functional Aspects*. Vologda, ISEDT RAS Publ. 248 p.

Zagrebelnyy A.V., 2015a. Author's Paremiology in the Russian Language of the Beginning of the 20<sup>th</sup> Century. *I.A. Boduen de Kurtene i mirovaya lingvistika: mezhdunar. konf.: V Boduenovskie chteniya (Kazan. feder. un-t, 12–15 oktyabrya 2015 g.): tr. i mater. V 2 t.* [I.A. Baudouin de Courtene and world linguistics: Intern. conf.: Proc. V Boduenovsky readings (Kazan state un., 12-15 Oct. 2015). In 2 vols.]. Kazan, Kazan State University Publ., vol. 1, pp. 120-123.

Zagrebelnyy A.V., 2015b. Author's Proverbs in the Russian Language of the Beginning of the 20<sup>th</sup> Century. *Voprosy filologii*, no. 3, pp. 39-47.

Zagrebelnyy A.V., 2015v. Quasiparomia “A Goose is no Pal to a Pig and the Pal is no “Brother” to a Count” in the Russian Language in 1905-1906. *Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovaniya* [Science Review: Humanities Research], no. 8, pp. 121-128.

Zagrebelnyy A.V., 2016. Paremias Innovations in the Russian Language of 1905-1907. *Nauchnoe nasledie V.A. Bogoroditskogo i sovremennyy vektor issledovaniy Kazanskoy lingvisticheskoy shkoly: trudy i materialy mezhdunarodoy konferentsii (Kazan, 31 okt. – 3 noyab. 2016 g.) V 2 t.* [Scientific Heritage of V.A. Bogoroditsky and a Modern Vector of Researches of the Kazan Linguistic School. Proc. Intern. conf. (Kazan, 31 Oct.-3 Nov. 2016). In 2 vols.]. Kazan, Kazan State University Publ., vol. 2, pp. 82-92.

Zagrebelnyy A.V., 2017. The Revolution of 1905-1907 in the Mirror of an Author's Paremiology of the Russian Language. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod], no. 3, pp. 221-230.

Zaykina Z.M., 2018. Conceptual and Structural-Typological Peculiarities of Paremiological Units. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], no. 1 (79), part 1, pp. 108-112.

Kirsanova M.A., 2014. Anti-Proverbs with Gender Component in the Modern English Language. *Nauka i shkola* [Science and School], no. 1, pp. 91-95.

- Komarova Z.I., 2012. Methodology, Method, Technique and Technology of Scientific Research in Linguistics. Yekaterinburg, URFU Publ. 818 p.
- Konstantinova A.A., 2009. Proverbs and Sayings in the Modern England and American Press: Author's Use of Traditional Paremiias. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no. 322, pp. 22-25.
- Melerovich A.M., Mokienko V.M., 1997. Vvedenie. Kak Polzovatsa Slovarem [How to Use a Dictionary]. *Phraseological Units in the Russian Speech. Dictionary*. Moscow, Russkie slovari Publ., pp. 3-44.
- Mokienko V.M., 2010. The Modern Paremiology (Linguistic Aspects). *Mir russkogo slova* [The World of the Russian Word], no. 3, pp. 6-19.
- Paducheva E.V., 2001. On the Structure of the Semantic Field "Perception": On Material of Verbs of Perception in Russian. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], no. 4, pp. 23-44.
- Permyakov G.L., 1970. *From a Saying to the Fairy Tale*. Moscow, Nauka Publ. 240 p.
- Permyakov G.L., 1979. *Proverbs and Sayings of the People of the East. The Systematized Meeting of Sayings of Two Hundred People*. Moscow, Nauka Publ. 671 p.
- Permyakov G.L., 1988. *Fundamentals of Structural Paremiology*. Moscow, Nauka Publ. 235 p.
- Popova Z.D., Sternin I.A., 1984. *Lexical System of Language*. Voronezh, Voronezh University Publ. 148 p.
- Proskuryakova E.V., 2015. Proverbs Usage in the Headings of Newspaper Articles and Their Analysis Based on the Cognitive-Discursive Model of Proverb Maiming Actualization in Discourse. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki* [Scientific Notes of Orel State University. Series: Humanities and social sciences], vol. 6, no. 69, pp. 206-209.
- Raspopov I.P., 1976. *Methodology and Methods of Linguistic Research (Methods of Synchronous Learning of Language)*. Voronezh, Voronezh University Publ. 107 p.
- Rozhdestvenskiy Yu.V., 2000. *Lectures on General Linguistics*. In 2 parts. Part 2. Moscow, Dobrosvet Publ., pp. 95-192.
- Savenkova L.B., 2014. Representation of Collective Subject in the Russian Anti-Proverbs. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo* [Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University], no. 77, pp. 35-37.
- Savchenko A.V., 2014. Sport Sphere Phraseology as an Example of Language Game. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], iss. 1, pp. 221-227.
- Sannikov V.Z., 2002. *Russian Language in a Mirror of a Language Game*. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 552 p.
- Solovyeva N.S., 2011. Sociolinguistic Portrait of Americans and Russians in Through Anti-proverbs (Comparative Analysis). *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], no. 3, pp. 231-235.
- Stashkova M.A., 2015. *Functioning of Proverbs and Anti-proverbs with a Gender Component in Modern English. Cand. philol. sci. abs. diss.* Moscow. 23 p.
- Stepanov Yu.S., 2007. *Methods and Principles of Modern Linguistics*. Moscow, LKI Publ. 312 p.
- Feyerabend P., 1996. *The Chosen Works on Science Methodology*. Moscow, Progress Publ. 542 p.
- Shvydkaya L.I., 2011. Linguistic Status of Proverbs and anti-Proverbs (Based on Russian and English Phraseographic Sources). *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], no. 3, pp. 236-239.

#### SOURCES AND DICTIONARY

- Dictionary of the Modern Russian Literary Language*. Vol. 1-17. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1950-1965.
- Ezerskiy N.F. *State Duma of the First Convocation*. Penza, Tipo-Litografiya E.M. Grushevskoy, 1907. 214 p.
- Zhukov V.P. *Dictionary of the Russian Proverbs and Sayings*. Moscow, Russian Language Publ., 2000. 544 p.
- Zarnitsy* [Summer Lightnings], 1906, no. 3. 19 p.
- Koltsov N.K. *Memories of Fallen. The Victims from the Environment of the Moscow Students in October and December Days*. Moscow, F.Ya. Burche Publ., 1906. 90 p.
- Mikhelson M.I. *Russian Thought and Speech: His and Other's: Experience of the Russian Phraseology*. Saint-Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1903, vol. 1, xii. 779 p.
- Gorbachevich K.S., Gerd A.C., eds. *Large Academy Dictionary of Russian*. Moscow, Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2004, vol. 1. 661 p.
- Ostretsov V. *Black Hundred and Red Hundred*. Moscow, Voenizdat Publ., 1991. 48 p.
- Politicheskie partii Rossii, konets XIX – pervaya tret' XX veka: Entsiklopediya* [Political Parties of Russia, the End of 19<sup>th</sup> - the First Third of the 20<sup>th</sup> Century: Encyclopedia]. Moscow, ROSSPEHN Publ., 1996. 800 p.
- Stepanov S.A. *Chernaya sotnya v Rossii. 1905–1914 gg.* [Black Hundred in Russia. 1905-1914]. Moscow, VZPI Publ.; Rosvuznauka Publ., 1992. 330 p.
- Shaurov I.V. *Memoirs of the Participant of the First Russian Revolution*. Moscow, Mysl Publ., 1974. 264 p.

### **Information about the Author**

**Artur V. Zagrebelnyy**, Candidate of Sciences (Philology), Research Associate, Department of Editorial-and-Publishing Activity and Science-Information Support, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences, Gorky St., 56A, 160014 Vologda, Russia, [pechorin2106@mail.ru](mailto:pechorin2106@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-4573-4222>

### **Информация об авторе**

**Артур Владимирович Загребельный**, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела редакционно-издательской деятельности и научно-информационного обеспечения Вологодского научного центра Российской академии наук, ул. Горького, 56А, 160014 г. Вологда, Россия, [pechorin2106@mail.ru](mailto:pechorin2106@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-4573-4222>

---

---

Журнал «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» издается для широкого ознакомления научного сообщества с новыми исследованиями отечественных и зарубежных авторов, связанными с приоритетными лингвистическими направлениями, что способствует развитию современного гуманитарного знания и международного научного взаимодействия, а также созданию творческой дискуссионной площадки для реализации комплексного подхода в решении проблем языкознания на основе соединения традиций российской университетской и академической филологической науки с достижениями современной лингвистики.



Редакционная политика журнала направлена на распространение достижений российской и мировой лингвистики, опирающихся на современную научную методологию и широкий круг лингвистических источников, чему способствует:

– обеспечение доступности опубликованных статей независимо от географического положения и языковой принадлежности их авторов и читателей: развитие журнала по типу научного издания «открытого доступа» (Open Access), расширение присутствия журнала в международных базах данных и открытых электронных ресурсах, публикация статей на английском и немецком языках, увеличение объема аннотации (Abstract) и дублирование списка литературы в латинском алфавите (References);

– поддержание высоких стандартов публикаций благодаря их экспертной оценке и профессиональной редакционно-издательской обработке;

– публикация научно-теоретических, научно-практических и экспериментальных работ по актуальным проблемам развития и функционирования русского и других языков, межкультурной коммуникации и сопоставительному изучению языков, теории языка, научных дискуссий по проблемам приоритетных направлений лингвистики, междисциплинарных исследований.

---

---

### **Уважаемые читатели!**

Подписка на II полугодие 2019 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20986.

Стоимость подписки на II полугодие 2019 года 928 руб. 00 коп. Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

---

---

*Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* is published to introduce high priority linguistic topics and current innovative results of Russian and foreign researchers to scientific community, which contributes to developing humanitarian issues and international science communications, enhancing debates and discussions, offering solutions on linguistic issues based on Russian scholarly and academic traditions in Philology in a pair with modern advance in Linguistics.



Editorial policy of the journal is intended to promote the Russian and world linguistics achievements that are gained with relevance to modern research methods and broad scale of linguistics sources.

It is facilitated with:

- ensuring accessibility to the published articles irrespective of geographic location or language of authors and readers;
  - introducing an open access journal policy;
  - extending inclusion of the journal into international data bases and open digital resources;
  - publishing articles in English and German, duplicating References in Latin, enlarging Abstracts;
  - maintaining high publishing standards due to expertise, professional editorial and technological processes;
  - publishing scholarly and theoretical, practical works and experimental results in current issues on functional linguistics of the Russian and other languages, intercultural communication, comparative language studies, linguistic theory, handling scientific discussions on prioritized trends in linguistics, cross-disciplinary researches.
- 
- 

### **Dear readers!**

Subscription for the 2<sup>nd</sup> half of 2019 is carried out through  
“The united catalog. Russian press. Newspapers and journals”. Vol. 1.  
The subscription index is 20986.

The cost of subscription for the 2<sup>nd</sup> half of 2019 is 928,00 rubles.  
Distribution of the journal is carried out through the address system.

---

---

**УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ  
В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВолГУ.  
Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ»**

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все, кто внес значительный вклад, должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить или исправить статью.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

**Отправка автором рукописи статьи** и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редакционная коллегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

**Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://l.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».**

---

---

---

---

**CONDITIONS OF PUBLICATION  
IN THE SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY.  
LINGUISTICS**

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include tasks (issues) statement, the description of main research results and conclusions. Submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. When an author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of financial support for the article.

8. A submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles are submitted in electronic format only via e-mail [vestnik2@volsu.ru](mailto:vestnik2@volsu.ru). The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, keywords, information about author(s) in Russian and English) are available in **open access (Open Access)** on the Internet.

**Submitting an article** and cover documents via the indicated e-mail [vestnik2@volsu.ru](mailto:vestnik2@volsu.ru), the author **accepts an offer** of granting rights (public offer) to use an article in the print periodical *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*.

The Editorial Staff start the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 2 months.

**For more detailed information about submission, reviewing and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com> (section "For Author").**

---

---